

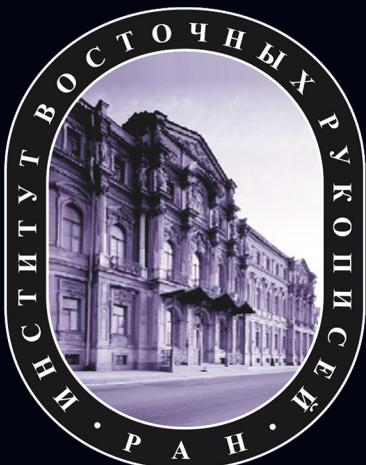
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

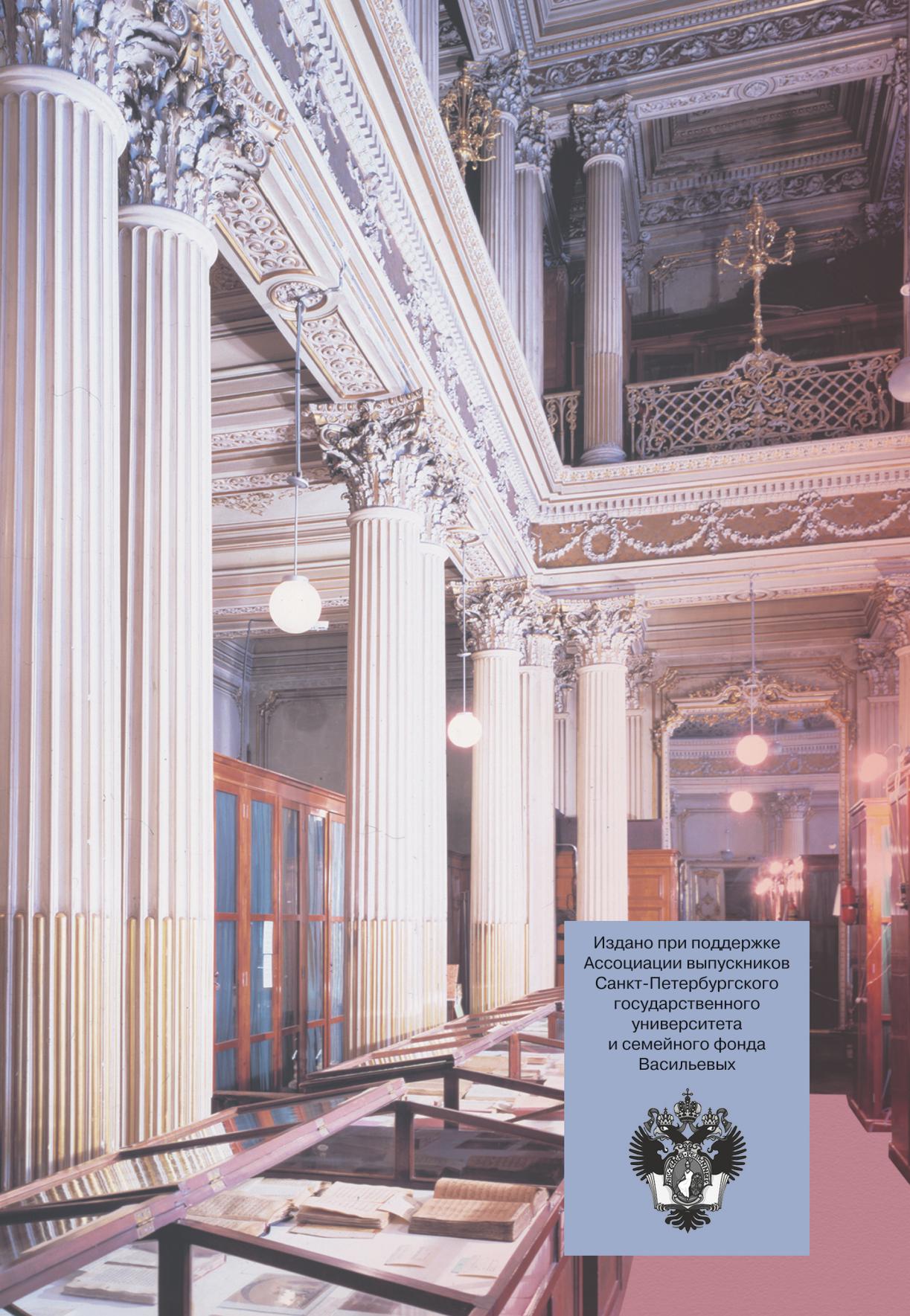
Том 22

№ 4

2025

- ПУБЛИКАЦИИ
- ИССЛЕДОВАНИЯ
- ИСТОРИОГРАФИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
- КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

Издано при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного
университета
и семейного фонда
Васильевых

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА «ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА»
ПОСВЯЩЕН ЮБИЛЕЮ
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА, КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ТАТЬЯНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПАН

SPECIAL ISSUE OF THE JOURNAL “PIS’MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA”
IS DEDICATED TO THE JUBILEE
OF THE DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF OF THE JOURNAL, PH.D. SCI. (HIST.)
TATIANA ALEKSANDROVNA PANG

Уважаемая Татьяна Александровна!

Редколлегия журнала «Письменные памятники Востока» сердечно поздравляет Вас с юбилейной датой. Этот день — прекрасный повод выразить Вам нашу глубокую признательность за многолетнее служение науке и нашему изданию.

Мы ценим Вашу исключительную роль в жизни нашего журнала. На протяжении многих лет Вы являетесь его мощной движущей силой и научной совестью. Во многом благодаря Вашим усилиям «Письменные памятники Востока» сохраняют и укрепляют свою репутацию авторитетного академического востоковедного издания. Ваша безупречная научная интуиция, глубокая эрудиция и принципиальность задают высокие стандарты отбора и подготовки материалов. Вы обладаете редким даром сочетать строгую научную требовательность с доброжелательным и конструктивным подходом к авторам, умея направлять и вдохновлять их на творческий рост, что создает вокруг журнала атмосферу настоящей научной школы.

Ваша энергия и инициативность, проявленные в организации конференций, семинаров и в педагогической работе, вселяют уверенность в сохранении преемственности научных традиций. Мы благодарны Вам за интеллектуальную строгость и человеческую теплоту, которые Вы ежедневно вносите в нашу общую работу.

Дорогая Татьяна Александровна, в Ваш юбилей мы желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии, благополучия и реализации всех Ваших замыслов. Пусть Ваша деятельность и впредь служит ориентиром для коллег и молодых ученых!

С глубочайшим уважением и признательностью,
Редколлегия журнала «Письменные памятники Востока»

In the Pursuit of Eurasian Heritage
Tatiana Pang
龐曉梅

If everything on earth were rational, nothing would happen.
Если бы всё на земле было разумно, ничего бы не случалось.
Fyodor M. Dostoevsky

Not all scholars can be said to have devoted themselves to a field of knowledge which few contemporaries know of, but which has a significance for the recent past that surpasses many other aspects of human knowledge. Those of us who are lucky enough to know Tatiana Pang personally or professionally will be able to ascertain her indefatigable drive aimed at preserving the knowledge of the language and the history of the Manchu people, with whom she had formed a bond ever since the beginning of her academic life. The following lines will sketch out Tatiana Pang's contribution to scholarship in all brevity.

Encompassing more than thirty journal articles and contributions to books and catalogues, Dr. Pang's academic journey started with her years of studies in Chinese literature at the Oriental Faculty of Leningrad State University during the 1970s. Her interest in Manchu literature and historical sources started during this period, so it is not surprising that she was drawn to the collections of the Institute of Oriental Manuscripts, at the Leningrad/Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences — the venerable institution where she obtained her doctoral degree and where she now serves as vice director. Many of the sources which she described, translated and analysed in her academic output can be located in the vaults of the IOM. Readers familiar with the Institute will have noted her growing enthusiasm when introducing visitors to the 'hidden gems' of the IOM collections. Some of these, Dr. Pang would reveal in international publications. Two recent articles, published in the very journal co-edited by herself and based at the Institute, namely the *Written Monuments of the Orient/Письменные памятники Востока* are "Two Manchu-Chinese Gaoming Diplomas from the Collection of Nikolay Petrovich Likhachev" and "The

Content and Concordance of the Chapters from the Manchu-Chinese Manuscript *Emu Tanggû Orin Sakda-i Gisun Sarkiyan*".

Her academic interest in the Manchu language combined the 'serious' aspects of the diplomatic relations between Tsarist Russia and Qing China, or of the Orthodox Church fathers' linguistic pursuits during the eighteenth and nineteenth centuries, with the lightness of the Manchu elites' youth, who played with words in both Manchu and Chinese. The ethereal joyfulness of the banner youth was the recent topic of her article "Manchu-Chinese *Zidi Shu* 'Eating the Crab'. Translation from Manchu and Chinese, Introduction and Commentaries", published in *Письменные памятники Востока* (2022). What were the young men of the later Qing era thinking about, in between their rhyming Manchu-Chinese 'macaroni poetry', too many glasses of Chinese vodka (*arki*/白酒) and the concerns of having to perform both as the educated Sons of the Empire (國子) and as the militarily valient Youth of the Eight Banners (*jakûn gûsa-i juse deote*)? So why would an intelligent woman such as Tatiana Pang decide to devote herself to slightly nonsensical studies of how to cook and eat crabs, in a language which ceased to be spoken as a primary tongue more than one hundred years ago in most of what is now China?

There may be some rationality in Tatiana Pang's decision after all. Since the (re-)discovery in China since the 1980s of Manchu language archival sources, the learning of Manchu has received a significant boost. Primarily intended as a complement to the historical research of Chinese-language sources, studying Manchu for the sake of accessing the copious quantities of archival documents is fast becoming a desideratum for any serious Qing historian. These sources allow us to gain insight into historical approaches to less 'political' aspects of Manchu history, for instance the religious universe, economic pursuits, the position of women in Manchu society and attitudes towards education. From the Yongzheng period (1723–1736) onwards, and culminating in the Qianlong reign period (1736–1796), imperial policy changed from promoting a universal, and thus inevitably Han-Chinese dominated, Qing society to encouraging the Manchu communities to retain their original identity in matters religious (shamanism/Lamaism), social (marriage laws) and educational (emphasis on the martial arts of the steppe, Manchu language).

Language and culture — two key identity markers of any ethnic entity, and even more so when minority populations are concerned. Already

during her undergraduate years at the Leningrad State University, Tatiana Pang would have come across the phenomenon of ethnic assimilation into the Han-Chinese majority. Rather than ‘becoming Chinese’, many ethnic groups became ‘Sinicised’, i.e. adopted Confucian morality, agrarian livelihoods and, importantly, the use of Chinese characters. By the time of the Tang 唐 dynasty (618–907), their use had spread over the entire East Asian hemisphere, and along with Chinese writing followed statecraft and philosophy, in particular Buddhism and Confucianism. But already then, the ‘trans-Sinic’ central and north-eastern Asian regions showed their specific characteristics as far as writing was concerned. The script systems of the Tangut and Khitan were inspired by Chinese characters, but entirely unintelligible without specific training — as specialists trained at the IOM will be able to confirm. The same applied to the Jürchen, the direct predecessors of the Manchus, who during the twelfth century founded an empire to rival the Chinese Song 宋 (960–1279), ruled over by the ‘golden’ Jin 金 dynasty (1115–1234). Despite the brevity of its cultural encounter, the Jin elite experienced an undeniable degree of assimilation — Sinicisation.

The period between Mongolian suzerainty and the early 17th c. confirmed this orientation for the Jürchen, who increasingly gravitated towards the civilisational pattern of the Ming 明 empire and its Chinese majority. While spoken Jürchen differed markedly depending on the specific tribal area, any written application was lacking. Instead Jürchens would communicate by means of written Mongolian, not least to convey the message of Tibetan Buddhism (Lamaism), which the Mongols had converted to in the wake of the disintegration of their world empire. The Mongolian paradigm would stay in place until the Jürchen unifier and conceptual inventor of the Manchu nation, Nurhaci (1559–1626), derived a Manchu writing system, largely identical with the Mongolian script, which all Manchu loyalists were urged to learn. The oldest sources which Tatiana Pang would have read during her studies would have been derived from these ‘Old Manchu archives’. Whether or not standard Manchu ever managed to establish itself as a commonly accepted lingua franca within the former Jürchen territories, by the time of the Qing 清 dynasty’s conquest of China in 1644, Manchu had become the conjoint official language of imperial China and all members of the aristocratic clans and Manchu banner families were encouraged to use Manchu in public and in private.

The dispersal of the Manchu banner soldiers and their families into the garrison cities of the Qing empire immediately put the language devised by Nurhaci into a defensive position, requiring regular tuition and guidance in terms of the cultural traditions of the Manchus as an ethnic community. Whilst Manchu documents were being produced on all matters of imperial policy until the end of the Qing dynasty, knowledge of the language for colloquial use depended on domestic story-telling and tuition by local teachers well-versed in the grammar and textual customs of written Manchu. Importantly, language tuition was meant to enable the student to navigate within the vast and immensely appealing ocean of Chinese tradition in its various forms, both by means of translation (privately but also commissioned by imperial decree) and also by interweaving Manchu themes with Chinese cultural messages (e.g. in the *Nisan Saman* epos). From the mid-Qing period onwards, the collective experience of Manchu language teaching started to distil itself in conversational books purposely written for Manchu tuition. Amongst the best-known Manchu language school books feature the *Manju gisun i oyonggo jorin i bithe/Qingwen zhizhao* 清文指要 (“Important instructions for the Qing [=Manchu] language”), *Justan bithe* (“Small notes”), *Manjurame fonjire jabure gisun dehi meyen*/清語問答四十條 (“Questions and answers on the Manchu language in forty chapters”) of 1758 and the synthetic *Tanggū meyen* (“One hundred chapters”), updated throughout the Qing period and presented to a Western audience in 1924 *Tanggu Meyen and other Manchu reading lessons* by M.F.A. Fraser. Furthermore, the Qing administration itself did its best to propagate the importance of minority languages. As part of imperially commissioned translation œuvres, a not unimportant secondary aim was to keep the interethnic intelligentsia of the Qing empire gainfully employed — and thus out of any potential political involvements. Dostoevsky would agree that this discovery would not have been made without the ‘irrational’ decision to study Manchu — and thus gain the historical overview over the whole of Eurasia. The Qing dynasty placed great emphasis on the state-sponsored translation effort, both of official documents and of the Confucian textual body. Representative examples of the latter category are the *Manju monggu ni-kan hergen-i ilan hacin-i mudan araha bulaku bithe/Yuzhi Manzhu Menggu Hanzi sanhe qiezi qingwenjian* 禦制滿珠蒙古漢子三合切音清文鑒 (‘Imperially commissioned mirror of three Qing languages with pronunciation guide for Manchu, Mongolian and Chinese’), as well as the ‘Qing Penta-

glot', namely the *Han-i araha sunja hacin-i hergen kamciha manju gisun-i buleku bithe / Yuzhi wuti Qingwenjian* 御製五體清文鑑 ('Imperially commissioned mirror of Qing languages in five scripts'). Most Manchu teachers would have been aware of these momentous works, which would have percolated the Manchuphone reaches of Qing society at least in part. Undoubtedly, the coursebooks used by Dr. Pang were also derived from this fertile period of Manchu language tuition.

This statement is also true for the translation efforts of the Qing empire's Europeans, whose work started immediately with the transition to Qing rule in 1644. The Jesuits represented, as so often, the intellectual vanguard, at first translating manuals for their own usage within the imperial palace, usually in the shape of glossaries with parallel renditions in Manchu, Chinese and Latin. The next stage was reached when the missionaries relayed their insight to the educated public of the West. Jean-François Gerbillon's *Grammaire Tartare-Mandchou* (c. 1800) is perhaps the first comprehensive attempt of introducing Manchu to the wider world. The nineteenth century saw the emergence of Manchu studies at Western state academies and universities. Here, the efforts of Julius Klaproth (e.g. *Lettres sur la littérature mandchou, traduites du russe de M. Afanasi Larionowitch Leontiew*) and by Abel Rémusat (*Recherches sur les langues tartares: ou Mémoires sur différens points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibétains*) should be emphasised. European translation efforts belatedly also embraced the Biblical, with missionaries Louis de Poirot (1735–1813 賀清泰) selective Bible translation and S.V. Lipovtsov's *Musei Ejen Isus Heristos-i tutubuha ice hese* (a translation of the Gospel according to Matthew and Mark, 1859) as perhaps the last comprehensive translation effort. But these Europeans were neither the first nor the most systematic students of the Manchu language, since China's immediate neighbours to the east, the Koreans, were first off the mark. Of immense value for our understanding of changing pronunciation patterns in Manchu but also in (northern) Chinese and Mongolian are the Korean primers of the early Qing period, with the earliest editions stretching back to the 14th c. The most valuable text is the Qianlong revision of the *Nogeoldae/Lao qida* 老乞大 ('Old Cathayan').

Citing Dostoevsky, the most 'rational' thing for a young person to pursue is probably dentistry or architecture, but in the world of academic passion astounding connections appear, invisible to those who have never focused

on languages verging on extinction. The entirely rational outcome which emerges from Tatiana Pang's dedication to Manchu studies is that the connections between north-eastern Asia, the Qing empire, the khanates of central Asia and the Russian empire become transparent. In other words, Tatiana Pang upholds the virtuous study of Eurasia as a historical and cultural entity. As a colleague at university level and as a member of the editorial board of the *Central Asiatic Journal* I have the immense pleasure and honour to partake in the academic knowledge which Tatiana Pang has accumulated over her years of study. May she continue to share this insight with her peers and with the academic youth for many years to come!

Lars Peter Laamann
(SOAS University of London)

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Журнал основан в 2004 году

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 22, № 4

ЗИМД
2025

Выпуск 63

Учредитель:

ФГБУН «Институт восточных
рукописей РАН»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ
№ ФС77-78987 от 14 августа
2020 г.

Подписной индекс
АО «Почта России» ПП114

Периодичность издания
4 раза в год

ISSN 1811-8062

Языки издания:
русский, английский

12+

Санкт-Петербург
ИВР РАН
2025

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР
РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВ РАН)
акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)
к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Изд-во «Наука»)
акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)
д.филос.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)
д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)
проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)
О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)
акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)
к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)
акад. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)
акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)
д.филос.н. **И.В. Кульганек** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИВ РАН)
проф. **Не Хунъинь** (КНР, Академия тангутоведения, ун-т
Нинся)
д.филос.н. **Е.П. Островская** (ИВР РАН)
к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)
проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский
ун-т)
акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)
проф. **Таката Токио** (Япония, Токио, Тоё Бунко)
член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)
д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)
к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

У Цзин. Танский Тай-цзун (627–649). «Основы управления периода Чжэнь-гуань».

Глава 6.18. О бережливости и сдержанности. Перевод и комментарии И.Ф. Поповой

7

И.А. АЛИМОВ. Две новеллы Ван Мин-цина

15

В.Л. УСПЕНСКИЙ. Буддийские стихи императора Шуньчжи в тибетском переводе

23

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

В.М. РЫБАКОВ. Институт полномочных посланцев в Китае периода Тан (618–907)

30

Е.П. ОСТРОВСКАЯ. По страницам «Энциклопедии Абхидхармы»:

44

практика очистительного поста

Е.Н. ЕМЕЛЬЧЕНКОВА. Традиции и новаторство в языке:

53

на примере истории формирования химической терминологии в Китае в XIX веке

ЛЮ Жомай. О значении исследований грамматики китайского языка

67

западными синологами

Н.Н. ДЬЯКОВ. Женщина Туниса от исламизации к колонизации

74

в сочинении Тахара аль-Хаддада (1899–1935)

П.А. КОМАРОВСКАЯ. Культурный символизм темы процветания, плодородия

81

и богатства в народной песне провинции Шэнъси

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

Hartmut WALRAVENS. The History of Manchu Studies from the German Language Area
(Part II: To the Middle of the 20th Century)

89

В.Г. ДАЦЫШЕН. Маньчжуроведение и изучение истории Китая в России в XVIII–XIX вв.

101

В.В. ЩЕПКИН, А.А. ИЛЮХОВ. Документы на маньчжурском языке об отношениях
 сахалинских айнов с империей Цин в XVIII–XIX вв. из коллекции Университета Хоккайдо

114

Н.Г. ПЧЕЛИН. М. Руджиери: жизнеописание иезуита-миссионера

124

А.Э. ТЕРЕХОВ. Источники жизнеописания Куан Юя в рукописи «Ле сянь чжуань»
из собрания ИВР РАН

132

Tokio TAKATA. A Note on the Chinese Fragment in Tibetan Script PT1249

146

М.Е. КРАВЦОВА. О собраниях чуских строф эпохи Сун (960–1279)

156

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

NIE Hongyin. Tangut Manuscripts Recently Collected in the Hangzhou Branch
of National Archives

168

Д.А. НОСОВ. Маньчжурская коллекция монголоведа В.А. Казакевича (1896–1937),
поступившая в Азиатский Музей в 1927 году

189

ЛЮ Лицю, Р.М. ВАЛЕЕВ, Р.З. ВАЛЕЕВА, А.Н. САМИГУЛЛИН, Г.Р. ШАРАФУТДИНОВ.
«Я начинаю подумывать покинуть родную Казань» (1922): С.Е. Малов в Казани,
Санкт-Петербурге и экспедициях в Китайский Туркестан (1880–1922)
(к 145-летию со дня рождения)

200

<i>BAH</i> Дин. Further Discoveries Concerning the Chinese Imperial Ziguangge Portrait of Emin Khöja	223
<i>И.В. ЗАЙЦЕВ.</i> «Дестан» Хабибуллы Керема о бахчисарайской бане и медресе Зынджирлы (по рукописи «Гунча-и эфкар» ИВР РАН D 316)	234
<i>Т.С. МАТЕХИНА, М.А. КОЗИНЦЕВ.</i> Османская подорожная «наставнику в гимнастике»: к истории путешествия А.Л. Липовского по Ближнему Востоку в 1893 году	243
<i>И.В. ГЕРАСИМОВ.</i> Египетский публицист Мухаммад Хусайн Хайкал о светском празднике в Хартуме (январь 1926 г.) (перевод и комментарий фрагмента из книги Мухаммада Хусайна Хайкала «Десять дней в Судане»)	252
<i>Т.В. ЕРМАКОВА.</i> Предпосылки сотрудничества британского востоковеда Сесила Бендалла с российской научно-издательской серией “Bibliotheca Buddhica”	263

На четвертой стороне обложки:

«Переводы собрания имен на четырех языках, составленного по высочайшему повелению».
Шифр С 184 xyl. Маньчжурский фонд ИВР РАН

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Founded in 2004
Issued quarterly

Volume 22, No. 4
Winter
2025
Issue 63

Editorial Board

Editor-in-Chief Irina F. Popova, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Deputy Editor-in-Chief Tatiana A. Pang, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Secretary Elena V. Tanonova, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Alikber K. Alikberov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow

Vladimir M. Alpatov, Member of RAS (Phil.), Institute of Linguistics RAS, Moscow

Svetlana M. Anikeeva, Ph.D. Sci. (Phil.), Nauka Publishers, Moscow

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Hist.), Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude

Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Anatoly P. Derevyanko, Member of RAS (Hist.), Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Dmitrii V. Frolov, Corresponding Member of RAS, Moscow State University

Youli A. Ioannesyan, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Nikolay N. Kradin, Member of RAS (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok

Alexander B. Kudelin, Member of RAS, Institute of World Literature RAS, Moscow

Alexander N. Meshcheryakov, Dr. Sci. (Hist.), Higher School of Economics, Moscow

Nie Hongyin, Prof., Academy of Xixia Studies, Ningxia University, China

Stanislav M. Prozorov, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Nicholas Sims-Williams, Dr. Sci. (Phil.), University of London

Andrey V. Smirnov, Member of RAS (Philosophy), Institute of Philosophy RAS, Moscow

Takata Tokio, Dr. Sci. (Phil.), Toyo Bunko, Tokyo, Japan

Irina V. Tunkina, Corresponding Member of RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Olga V. Vasilyeva, National Library of Russia, St. Petersburg

Hartmut Walravens, Prof., Berlin State Library, Germany

Nataliya S. Yakhontova, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- WU Jing.* Tang Taizong (627–649). The Essentials of Government of Zhen-guan Period. Chapter 6.18. On Prudence and Modesty / *Translation and comments by Irina F. POPOVA* 7
Igor A. ALIMOV. Two Novels by Wang Ming-qing 15
Vladimir L. USPENSKY. A Buddhist Poem by the Shunzhi Emperor in Tibetan Translation 23

RESEARCH WORKS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- Viacheslav M. RYBAKOV.* The System of Plenipotentiary Envoys in the Tang China (618–907) 30
Helena P. OSTROVSKAIA. Through the Pages of the *Abhidharma Encyclopedia*: A Description of Buddhist Fasting 44
Elena N. EMELCHENKOVA. Tradition and Innovation in Language: A Case Study of the Development of Chemical Terminology in the 19th-Century China 53
LIU Ruomei. The Study of Chinese Grammar by Western Sinologists 67
Nikolay N. DYAKOV. Woman in Tunis from Islamization to Colonialism in the Work of Tahar al-Haddad (1899–1935) 74
Polina A. KOMAROVSKAIA. The Cultural Symbolism of Prosperity, Fertility and Wealth in Shaanxi Folk Songs 81

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TEXTOLOGY, CODICOLOGY, PALEOGRAPHY, ARCHEOGRAPHY

- Hartmut WALRAVEN.* The History of Manchu Studies from the German Language Area (Part II: To the Middle of the 20th Century) 89
Vladimir G. DATSYSHEN. Manchu Studies and the Study of Chinese History in Russia in the 18th–19th Centuries 101
Vasilii V. SHCHEPKIN, Aleksandr A. ILIUKHOV. Documents in Manchu on the Relations of the Sakhalin Ainu with the Qing Empire in the 18th–19th Centuries from the Hokkaido University Collection 114
Nicolas G. PCHELIN. M. Ruggieri: A Jesuit Missionary's Biography 124
Anthony E. TEREKHOV. Sources of Kuang Yu's Biography in the *Lixianzhuan* Manuscript from the Collection of IOM RAS 132
Tokio TAKATA. A Note on the Chinese Fragment in Tibetan Script PT1249 146
Marina Ye. KRAVTSOVA. On Collections of the Chu Verses (*chuci*) of the Song Epoch (960–1279) 156

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- NIE Hongyin.* Tangut Manuscripts Recently Collected in the Hangzhou Branch of National Archives 168
Dmitry A. NOSOV. The Manchu Collection Donated by the Mongolist Vladimir A. Kazakevich (1896–1937) to the Asiatic Museum in 1927 189
LIU Liqiu, Ramil M. VALEEV, Roza Z. VALEEVA, Airat N. SAMIGULLIN, Gennady R. SHARAFUT-DINOV. "I am Beginning to Think of Leaving My Native Kazan" (1922): S.E. Malov in Kazan, St. Petersburg and in Expeditions to Chinese Turkestan (1880–1922) (on the 145th Anniversary of His Birth) 200

<i>WANG Ding</i> . Further Discoveries Concerning the Chinese Imperial Ziguangge Portrait of Emin Khöja	223
<i>Ilya V. ZAYTSEV</i> . Habibulla Kerem's <i>Destan</i> on the Bakhchysarai Bathhouse and the Zincirli Madrasa (Based on the <i>Guncha-i Efkar</i> Manuscript IOM RAS D 316)	234
<i>Tatiana S. MATEHINA & Mark A. KOZINTCEV</i> . An Ottoman Travel Permit to a "Gymnastics Instructor": On the History of Alexander L. Lipovsky's Journey through the Middle East in 1893	243
<i>Igor V. GERASIMOV</i> . The Egyptian Social Writer Muhammad Husain Haikal about a Secular Holiday in Khartoum (January 1926) (Translation and Commentary of a Fragment from the Book by Muhammad Husain Haikal, <i>Ten Days in the Sudan</i>)	252
<i>Tatiana V. ERMAKOVA</i> . Reasons behind the British Orientalist Cecil Bendall's Collaboration with the Russian Academic Publishing Series "Bibliotheca Buddhica"	263

Back cover:

C 184 xyl. "Translations of the collection of names in four languages, compiled by the highest command". Manchu collection of IOM RAS

**У Цзин. Танский Тай-цзун (627–649).
«Основы управления периода Чжэнь-гуань».
Глава 6.18. О бережливости и сдержанности.
Перевод и комментарии И.Ф. Поповой**

И.Ф. ПОПОВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691523

Статья поступила в редакцию 16.06.2025.

Аннотация: Публикация содержит перевод 18-й главы (из шестой *цзюани*) классического труда историка У Цзина 吳兢 (670–749) «Основы управления периода Чжэнь-гуань» (*Чжэнь-гуань чжэн яо* 貞觀正要), в котором приведены беседы танского императора Тай-цзуна 太宗 (Ли Ши-миня 李世民, 599–649, прав. 627–649) с его ближайшими сановниками.

Ключевые слова: танский Тай-цзун, У Цзин, «Основы управления периода Чжэнь-гуань», рассуждения танских сановников.

Для цитирования: У Цзин. Танский Тай-цзун (627–649). «Основы управления периода Чжэнь-гуань». Глава 6.18. О бережливости и сдержанности / Перевод и комментарии И.Ф. Поповой // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 7–14. DOI: 10.55512/WMO691523.

Об авторе: ПОПОВА Ирина Федоровна, член-корреспондент РАН, директор Института восточных рукописей, Российской академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (irina_f_popova@mail.ru). ORCID: 0000-0002-6327-3079.

© Попова И.Ф., 2025

Данная публикация является моим подарком Татьяне Александровне Пан, представителю востоковедной династии, уникальному специалисту-маньчжурологу, человеку, обладающему редким даром доброты и мудрости. Бесконечное трудолюбие, скрупулезное внимание к тексту позволили Т.А. Пан добиться значительных высот в ее нелегкой и крайне увлекательной профессии. При этом она является талантливым редактором, настоящей опорой наших главных институтских журналов, а также переводчиком и комментатором сложнейших источников. Поэтому я считаю вполне логичным и правомерным преподнести Т.А. Пан к ее юбилею перевод из классического труда «Основы управления периода Чжэнь-гуань» (*Чжэнь-гуань чжэн яо* 貞觀正要), составленного танским историком У Цзином 吴兢 (670–749) и представленного им трону в 705 г. Десять частей (*цзюаней*), разделенных на сорок глав (*пяней*), это—

го произведения представляют собой изложение бесед танского императора Тайцзуна (627–649), правившего под девизом Чжэнь-гуань («Истинное Рассмотрение»), с его приближенными по разным вопросам управления и морали. Перевод сделан по изданию (Чжэнь-гуань чжэн яо 1936).

Чжэнь-гуань чжэн яо. Цз. 6.18. Л. 1а–6а

О бережливости и сдержанности

[Л. 1а] В первый год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (627) Тай-цзун сказал приближенным: «С древнейших времен все государи, которые затевали строительство, непременно стремились считаться с настроениями народа. Некогда великий Юй продолбил девять гор, проложил русла девяти рек¹, привлекал людские силы несметно, но никто не роптал, поскольку это совпадало с упованиями народа, и все были единодушны. Цинь Ши-хуан[ди] возводил дворцы, и многие осуждали [его], ведь тешил [он] собственные прихоти и не думал о чаяниях людей. Я-государь нынче [Л. 1б] захотел было построить дворец и заготовил строительный лес, но, тщательно обдумав произошедшее с Цинь [Ши]-хуан[ди], не стал начинать работ. Древние говорили: „Не делай бесполезного, что повредит полезному“² и „не показывай того, что может вызвать зависть, стараясь не ввергать в смятение сердца народа“³. Всегда, если люди замечают, как [кто-то] ищет корысти, их сердца непременно приходят в замешательство. А когда, к примеру, украшают утварь тонкой резьбу и одежду — драгоценными каменьями, когда не знают удержу в гоноре и расточительстве, то времена погибельные [для государства] недалеки. [Отныне] если у ванов, гунов и ниже затраты на жилища, колесницы, платье, убранство свадеб и похорон не будут соразмерны рангу и жалованью, то [такое] надлежит в корне пресекать».

Вот поэтому на протяжении двадцати лет [последующего правления Тай-цзуна] обычаи были просты, в одежде не было изысков, а изобильное богатство [одних] не было пагубным источником голода и холода [для других].

Во второй год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (628) высшие сановники доложили [Тай-цзуну]: «Согласно „Ли [цизи]“, до конца лета [вам, государь,] можно было проживать на террасах и в павильонах⁴. Нынче летняя жара еще не отступила,

¹ Во время борьбы с потопом легендарный Юй продолбил проходы в девяти великих горах, каждая из которых располагалась в одной из девяти исторических областей Китая. Согласно трактату *Хуайнань-цзы* 淮南子 («Философы из Хуайнани»), 4-й главе «Земные формы» (*Ди син сюнь* 墉形訓) (Цз. 4. С. 16), это горы Куайцзы 会稽山 (ныне пров. Чжэцзян), Тайшань 泰山 (prov. Шандун), Ваньyü 王屋山 (prov. Шаньси), Шоушань 首山, Тайхуа 太華山 (Хуашань 華山, prov. Шэньси), Цицань 嵩山 (prov. Шэньси), Тайхан 太行山 (prov. Шаньси, Хэнань, Хубэй), Янчан 羊腸山 (prov. Шаньси), Мэнмэнъян 孟門 (prov. Шаньси). Девять рек (*цзю цзян*) 九江: Юаньшуй 沔水 (Юаньцзян 滟江, prov. Хунань), Цзяньшуй 漸水 (prov. Хунань), Юаньшуй 元水, Чэньшуй 辰水 (prov. Шаньси), Сюйшуй 漌水 (prov. Хунань), Юшуй 酉水 (prov. Хунань, Хубэй), Лишуй 隆水 (prov. Хунань), Цзышуй 資水 (Гуанси-Чжуанский АР КНР), Сяншуй 湘水 (Гуанси-Чжуанский АР КНР).

² См.: *Шан шу* 尚書 («Книга документов»), глава «Псы из Люй» (*Люй ao* 旅獒): 不作無益害有益 (Цз. 7.7. С. 76).

³ См.: *Дао дэ цзин* 道德經 («Книга о Пути-Дао и добродетели»): 不見可欲, 使心不亂 (Чжан 3. С. 3).

⁴ См.: *Ли цзи* 禮記, («Книга ритуала»), глава «Времена года» (*Юэ лин* 月令): 仲夏之月毋用火南方可以居高明 («До второго месяца лета не следует зажигать огней [для освещения домов] на юге [страны], и можно жить в [домах] высоких и светлых») (Цз. 5. С. 13а–13б).

а осенние затяжные дожди уже начались. В [нижних] покоях [вашего] дворца очень сыро, и [мы] просим [Ваше Величество] построить [новое] помещение для проживания». Тай-цзун ответил: «Я страдаю дыхательным недугом, и разве можно [мне] спускаться во влажные [покои]? А если [я] внемлю [вашей] просьбе, [это повлечет] непомерные расходы. Некогда ханьский [Вэнь]-ди⁵, задумав возвести террасу Лутай露臺, [решил] сохранить [средства, равные] достатку десяти домов. Моя добродетель не сравнится с [добродетелью] ханьского Вэнь-ди, но если [мои] траты превзойдут его [издержки], то разве будет это воплощением Пути-Дао [государя, который является] отцом и матерью народа?» И хотя просьба [сановников] прозвучала во второй и в третий раз, Тай-цзун так и не внял [ей].

[Л. 2а] В четвертый год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (630) Тай-цзун сказал сановникам: «Величественные и вычурные дворцы и строения, приятные для прогулок пруды и террасы желаемы государями, но не любимы народом. Государи праздны и расточительны, а простые люди страдают от изнурительного труда. Конфуций говорил: „Существует слово, которым можно руководствоваться всю жизнь. Это ‘взаимоуважение’! Не делай другим того, чего не пожелаешь себе“⁶. И поистине поручения, истощающие силы, нельзя возлагать на народ.

Я возвысился до [положения] монарха, удостоился владеть [пространством среди] четырех морей, но в каждом деле [я] представляю себя на месте других и поэтому умею усмирять [свои] желания. [Л. 2б] А если уж народ [чего-то] не желает, то не-пременно его настроения необходимо учесть». Вэй Чжэн⁷ сказал: «Вы, Ваше Величество, всегда жалели народ и постоянно сдерживали себя, чтобы угождать людям. Я, ваш подданный, слышал, что тот, кто соотносит [свои] желания с [чаяниями] людей, благороденствует; а тот, кто ублажает себя за счет других, погибает. Суйский Ян-ди⁸ в желаниях не ведал предела, любил лишь роскошь, а если чиновники из ведомств, занимавшихся строительством, хоть чем-то [ему] не угождали, [к ним] применялись суровые наказания и жестокие кары. То, что любил государь, народу всегда казалось чрезмерным, [пристрастие государя и ненависть народа к роскоши] в равной мере не знали границ, что в конце концов и привело к гибели [государства]. И не только в анналах сказано об этом — вы, ваше величество, сами могли наблюдать, как этот [Ян-ди] утратил Путь-Дао, и Небо отдало Мандат на правление вам. И если вы, ваше величество, нынче довольны [лишь этим], то разве этого достаточно? А если

⁵ Ханьский Вэнь-ди 文帝 (Сяовэнь-ди, 202–157 гг. до н.э., прав. 179–157 гг. до н.э.).

⁶ См.: *Лунь юй* 論語 («Беседы и суждения»), глава «Вэйский князь Лин-гун» (Вэй Лин-гун 衛靈公) (15.24): «Цзы-гун спросил [Конфуция]: „Есть ли такое слово, которому можно следовать всю свою жизнь?“ Учитель ответил: „Это — ‘взаимоуважение’! Не делай другим того, чего не желаешь себе“» (子貢問曰：有一言而可以終身行之者乎？子曰：其恕乎！己所不欲，勿施於人) (Цз. 15. С. 56) (Мартынов, Зограф 2000: 182).

⁷ Вэй Чжэн 魏徵 (580–643) — наиболее известный и прославленный сановник Тай-цзуна, сначала служил его старшему брату Ли Цзянь-чжуни 李建成 (589–626) в должности библиотекаря наследника престола (*Инь Тай-цзы сяньма* 太子洗馬). После был принят на службу Тай-цзуном, занимал высокие совещательные должности, в 629 г. назначен начальником канцелярского приказа (*мишучжэнь* 秘書監), в 633 г. стал главой Императорской канцелярии (*Шичжэун* 待中); тогда же был пожалован титулом Чжэнго-гуна 鄭國公; в 643 г. получил должность наставника наследника престола (*тай-цзы тайши* 太子太師). Когда Вэй Чжэн скончался, Тай-цзун лично прибыл на траурную церемонию, чтобы оплакать его.

⁸ Суйский Ян-ди 隋煬帝, Ян Гуан 楊廣 (569–618, прав. 604–617) — второй император Суй, который, как считается, погубил свою династию неподъемным размахом строительных работ и неудачными военными кампаниями.

сочтете, что этого мало, то, даже если достигнете несоизмеримо большего, все равно будете чувствовать себя неудовлетворенным». Тай-цзун произнес: «Доложенное вами столь великолепно! Если бы не вы, то [от кого] услышал бы я такие слова?»

В шестнадцатый год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (642) Тай-цзун сказал приближенным: «Недавно я прочел „Жизнеописание Лю Цуна“⁹. Когда тот вознамерился построить дворец Хуаньдянь для императрицы Лю-хуо¹⁰, то судья приказа по уголовным делам (тиньвэй 廷尉) Чэн Юань-да 陳元達 настоятельно увещевал [его не делать этого]. [Л. За] [Лю] Цун в великом гневе приказал казнить [Чэн Юань-да]. Тогда Лю-хуо собственной рукой написала прошение о помиловании [того], выразив свои чувства весьма проникновенно. Тогда [Лю] Цун остыл гнев и испытал глубокое раскаяние. Люди читают книги именно для того, чтобы расширить познания и обратить [их] себе во благо. Я-государь полагаю, что этот случай можно рассматривать как многозначительное предостережение. Недавно задумал [я] взвесить дворец и [в нем], как положено, соорудить главный покой. Вот уже в Ланьтянь¹¹ отобрали лес и полностью подготовили [его]. Но, тщательно обдумав произошедшее с [Лю] Цуном, [я] остановил [это строительство].

[Л. 3б] В одиннадцатый год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (637) был издан высочайший указ, в котором говорилось: «Я-государь слышал, что смерть есть завершение [жизни]¹², и тогда человек возвращается к [своей] первоначальной природе; похороны есть погребальный [обряд], дабы [умершего] человека узреть было невозможно. Среди обычаем, дошедших из глубокой древности, не было такого, чтобы насыпать могильные холмы и обсаживать [их] деревьями, а, согласно правилам, введенным последующими поколениями, стали подготавливать и гробы, и саркофаги. Те, кто обличал чрезмерную расточительность, просто не любили больших затрат, и те, кто прославился бережливостью, подлинно заботились об отсутствии нарушений [в этом обряде]. В связи с этим [можно отметить], что Тан Яо 唐堯 был совершенномудрым императором, но известно, что [его могила] Гулинь 穀林 вся была обсажена деревьями. циньский Му-[гун] был просвещенным правителем, и [на его захоронении] Тоцюань¹³ не было насыпи. Конфуций был почтительным сыном, а [захоронение его родителей] Фанму¹⁴ не имело могильного холма. Яньлинский [Цзи Чжа] был любящим отцом, но [его сына] погребли [на чужбине] в Ин и Бо¹⁵. [Л. 4а]

⁹ Лю Цун 劉聰 (?–318) (Лю Сюань-мин 劉玄明) — хуннуский генерал, в 310–318 гг. император Северного Хань (304–329), одного из «16 варварских государств» (*Ши лю го 十六國*), существовавших в период раздробленности на территории Северного Китая. Известен своей любовью к роскоши, порочностью и пьянством (см.: У Хай-линь, Ли Янь-пэй 1988: 119).

¹⁰ Лю-хуо 劉后 — дочь сановника Лю Иня 劉殷, супруга Лю Цуна.

¹¹ Ланьтянь 藍田 — местность на территории современного одноименного уезда в провинции Шэньси.

¹² Выражение «смерть есть завершение [жизни] человека» 死者人之終也 восходит к главе «Счастливые предзнаменования» (*Тянь жуй 天瑞*) трактата *Ле-цзы* 列子 (Цз. 1. С. 11а).

¹³ Му-гун 秦穆公 (ум. 621 г. до н.э.) — правитель княжества Цинь в 659–621 гг. до н.э., один из пяти князей-тегемонов эпохи Чуньцю (*Чуньцю у ба 春秋五霸*); его захоронение Тоцюаньгун 裹泉宮 было расположено на юге современного уезда Фэнсян 凤翔 в провинции Шэньси.

¹⁴ Фанму 防墓 — могила в местности Фан; парное захоронение родителей Конфуция, расположено на северо-востоке уезда Фэнсян 費縣 в современной провинции Шаньдун.

¹⁵ Яньлинский Цзи Чжа 延陵季札 (576–485 гг. до н.э.) — сановник, политик и литератор эпохи Чуньцю, младший сын правителя княжества У — Шоу-мэна 吳夢 (585–561 гг. до н.э.), имел удел в местности Яньлинь (ныне в пров. Цзянсу). Когда он отправился из У с миссией в княжество Ци, скончался его старший сын и был похоронен в местности между 嬴 Ин и 博 Бо — двумя посе-

Все эти [люди] несли неисчерпаемые замыслы, отличались исключительной просвещенностью, но, переходя в загробный мир, не [захотели] выставлять напоказ [свою] славу перед сотнями поколений [потомков]. [Так продолжалось] до тех пор, пока [с постройкой захоронения] Хэлюя¹⁶ не нарушили ритуал, изготавливая уток и гусей из жемчуга и нефрита, а [при погребении Цинь] Шихуан[ди] не потеряли меру, создавая реки и водоемы из ртути. Цзи Сунь¹⁷ захватил трон в Лу и был похоронен с великими драгоценностями. Хуань Туй¹⁸ узурпировал власть в Сун и был погребен в каменном саркофаге. И не бывало [такого случая], чтобы погребенные сокровища не притягивали бед и как [цель для] наживы не навлекали поругание [от грабителей]. [Богатые] могилы разоряли, в склепах уничтожали ценности. Саркофаг из желтого дерева был вскрыт¹⁹, а тело оставили без погребения в чистом поле.

Обдумывая усердно события прошлого, как можно не чувствовать скорби? Взирая на эти [дела], те, кто склонен к расточительству, могут счесть [их] предостережением, а те, кто бережлив, поучением. Я-государь удостоился высокого положения владельца [пространства среди] четырех морей [Л. 46] и наследовал испытания, которые [возникли] перед всеми прежними правителями. Не [умея] уяснить уроков [прошлого], [я] до рассвета томлюсь в глубоком беспокойстве. И хотя прощальные церемонии подробно оговорены правилами этикета, а запреты нарушать ритуал установлены в уложениях, многие знатные роды изменяют обычаям, а некоторые из простых людей расточительствуют и портят нравы, ведь богатые похороны [они] считают прощальными почестями, а сооружение высокого могильного холма — проявлением сыновней почтительности. Вот поэтому саван и гроб [умершего они] чрезмерно украшают узорами, а погребальные дороги и похоронную утварь излишне отделяют золотом и нефритом. Богатые нарушают закон, чтобы превзойти друг друга, а бедные теряют всё, что есть, и не [могут за ними] угнаться. А когда подрывают основы морали без меры и не служат во благо загробному миру, то [такое] непременно необходимо пресекать. И если у кого — от ванов, гунов и ниже до простых людей — отныне и впредь похоронная утварь не будет соответствовать предписаниям и правилам, то, полагаю, областные власти и уездное начальство устроят тщательное разбирательство и в соответствии с обстоятельствами определят меру вины. А что касается столичных сановников выше пятого ранга, а также заслуженных родов, то [об их нарушениях], как и прежде, [надлежит] делать записи и представлять на высочайшее рассмотрение.

лениями в Ци. Позже выражение «траурная церемония в Ин и Бо» (*Ин Бо чжи ай* 嬴博之哀) стало означать похороны на чужбине.

¹⁶ Хэлпой 闔閭, или Цзи Гуан 姬光 (ум. 496 г. до н.э.), — правитель царства У в период Чуньцю; был погребен в основании прославленной горы Хуцюшань 虎丘山 (prov. Цзянсу); на строительство захоронения направили десятки тысяч солдат; из меди было сделано три саркофага; сопутствующие погребению ценности изготовлены из золота и драгоценных камней.

¹⁷ Цзи Сунь 季孫 — сановник в княжестве Лу периода Чуньцю, наиболее родовитый из «трех Хуань» (*сань Хуань* 三桓), трех внуков луского Хуань-гуна 魯桓公 Цзи Юня 姬允 (711–694 гг. до н.э.), фактически правивших в Лу при Чжуан-гуне (693–662 гг. до н.э.). Кроме Цзи Суня к Хуань-гуну восходили менее влиятельные Мэн-сунь 孟孫 и Шу-сунь 叔孫.

¹⁸ Хуань Туй 桓魋 — сановник в княжестве Сун периода Чуньцю, пользовался доверием сунского Цзин-гуна 宋景公 (ум. 469 г. до н.э.), был назначен им на высшую военную должность воеводы (*сыма*) и захватил полную власть над армией государства.

¹⁹ Лян Шан 梁商 (ум. 141) — сановник, генерал, родственник ханьских императоров. После кончины был похоронен в украшенном серебром саркофаге из желтого дерева (кипариса) (*хуан чан* 黃腸), который был потом вскрыт и разграблен, а тело было оставлено на открытой местности.

[Л. 5а] Когда Цэнь Вэнь-бэнь²⁰ служил главой Государственного секретариата (*Чжуншу лин* 中書令), [его] жилище было убогим и сырым и не было украшено занавесями и пологами. Некто посоветовал [Цэнь] Вэнь-бэню построить новый дом, а он, вздохнув, ответил: «Я всего лишь бедный книжник из Ханьнани. Я вовсе не имею ратных заслуг, совершенных на взмыленном коне, и благодаря одной лишь своей учености возвысился до должности главы Государственного секретариата. А это вершина! [Я] удостоился большого жалованья, и из-за этого [мне] многоного приходится опасаться. Как тут еще говорить о [постройке] нового дома!» Советчик вздохнул и удалился.

Когда министр финансов Дай Чжоу²¹ скончался, [император] Тай-цзун, узнав, что у него был обветшалый и скромный дом без помещения для молебнов и жертвоприношений, особым указом повелел соответствующему ведомству построить [при доме Дай Чжоу] кумирню.

Когда Вэнь Янь-бо²² служил правым (вторым) помощником главы Кабинета министров (*Шаншу ю пье* 尚書右僕射), дом [он] держал бедный, без главной комнаты (*чжэньцинь* 正寢). После смерти [Вэнь Янь-бо] гроб с его телом [Л. 5б] был поставлен в боковом помещении. Тай-цзун, узнав [об этом], вздохнул растягиваясь и немедленно приказал надлежащим ведомствам построить [в доме Вэнь Янь-бо главную комнату], а также предоставил [его семье] щедрое вспомоществование для похорон.

В жилище Вэй Чжэна поначалу не было главного зала (*чжэнтан* 正堂). В то время, когда [Вэй Чжэн] поразил недуг, Тай-цзун собирался построить [в своих покоях] малый зал, но отказался [от своего намерения, чтобы обустроить помещение Вэй Чжэну].

[Л. 6а] Хэцзянь-ван [Ли] Сяо-гун в начале [царствования под девизом] У-дэ был пожалован титулом Чжаоцзюнь-вана и удостоен [должностей] главнокомандующего походных войск округа Дуннаньдао (*Дуннаньдао синтай* 東南道行臺) и левого (первого) помощника главы Кабинета министров (*Шаншу цзо пье* 尚書左僕射). После усмирения Сяо Сяня и Фу Гун-ши²³ [Ли] Сяо-гун получил в управление [территории]

²⁰ Цэнь Вэнь-бэнь 岳文本 (595–645) — историк и сановник, родился в области Чжэнчжоу (совр. пров. Хэнань), служил под началом повстанца против суйских императоров Сяо Сяня 蕭銑 (583–621), затем, примкнув к генералу Хэцзянь-вану 河間 Ли Сяо-гуну 李孝恭 (591–640), племяннику императора Гао-цзу (566–635, прав. 618–626), перешел на сторону Тан. Участвовал в написании «Истории Чжоу» (*Чжоу шу*).

²¹ Дай Чжоу 戴胄 (ум. 633) происходил из области Сянчжоу 相州 (ныне в пров. Хэбэй). При Суй служил на небольших должностях в Государственной канцелярии (*Мэнъсяшэн* 門下省); примкнул к восстанию генерала Ван Ши-чуна 王世充 (567–621) против Суй, в его окружении выился на высокие посты. С 627 г. служил Тай-цзуну как глава военного министерства (*бинбу шаншу* 兵部尚書), министр финансов (*хубу шаншу* 戶部尚書), со временем был назначен помощником главы Кабинета министров (*Шаншуцзин* 尚書省), одновременно выполнял функции советника.

²² Вэнь Янь-бо 温彥博 (575–637 г.) происходил из служилого рода из области Бинчжоу 并州 (prov. Шаньси). Начал службу при Суй, состоял при сыне императора Ян-ди — Ян Цзуне 楊雋 (571–600); в 616 г. примкнул к повстанцу Ло И Рёу (588–627), затем, в 619 г. вместе с ним перешел на сторону Тан; назначен помощником главы Государственного секретариата (*Чжуншу шилан* 中書侍郎), получил титул Сихэ-цзюньгуна 西河郡公. В 625 г. участвовал в подавлении вторжения тюрков, оказался в плену. Но со вступлением на престол Тай-цзуна был возвращен в Чанъян, назначен министром чинов (*либу шаншу* 吏部尚書), правым (вторым) наставником наследника престола (*Тай-цы ю шузы* 太子右庶子), затем стал главой Государственного секретариата (*Чжуншуцзин* 中書領), канцлером-цзайсяном 宰相, тэцзинем 特进.

²³ Сяо Сянь 蕭銑 (583–621) и Фу Гун-ши 辅公祐 (ум. 624) — руководители крупнейших повстанческих армий конца периода Суй, довольно долго соперничали за власть над Поднебесной

Цзянхуай и севера Линнани²⁴. [Он] полновластно управлял [этой] местностью и приобрел большое влияние. Затем [он] был перемещен на должность министра церемоний (*либу шаньиу*). [Ли] Сяо-гун по натуре был скромен, держался без высокомерия и кичливости. Тогда же проявил себя *тэцзинь* Цзянся-ван [Ли] Дао-цзун²⁵, который особую хвалу снискал за военные стратегии; к тому же любил учиться, почитал мудрых и совершенствовался в ритуале. Тай-цзун обоих [их] всемилостивейше выделял. И действительно, среди императорской родни никто не мог сравниться с [Ли] Сяо-гуном и [Ли] Дао-цзуном. В ту пору это были самые выдающиеся представители рода. Гробы для них в проявление [такого отношения] делали в течение пяти дней, и кроме того, [Тай-цзун] с особым посланцем (*чжунни* 中使) направил пожалованные [им] подстилку из суровой ткани и холщовое одеяло, чтобы выразить свое уважение.

Источники

Дао дэ цзин 道德經 (Книга о Пути-Дао и добродетели). (Цун шу цзи чэн 叢書集成²⁶. Т. 1694).

Ле-цы 列子 (Сы бу бэй яо 四部備要²⁷. Т. 1405–1407).

Ли цзи 禮記鄭注 (Ли цзи Чжэн чжу «Книга ритуала» с комментарием Чжэна). (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 27–34).

Лунь юй 論語 (Беседы и суждения). (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 58–59).

Хуайнань-цызы 淮南子 (Философы из Хуайнани). (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 1681–1686).

Шан шу 尚書 (Книга документов). (Сы бу цун кань 四部叢刊).

Sources

道德經 (The Book on Dao and Virtue). (Cong shu ji cheng 叢書集成. Vol. 1694) (in Chinese).

Lie-zi 列子. (Si bu bei yao 四部備要. Vols. 1405–1407) (in Chinese).

Li ji Zheng zhu 禮記鄭注 (“Book of Ritual” with Comments by Zheng). (Si bu bei yao 四部備要. Vols. 27–34) (in Chinese).

Lun yu 論語 (Analects). (Si bu bei yao 四部備要. Vols. 58–59) (in Chinese).

Huainan-zi 淮南子 (Philosophers from Huainan). (Si bu bei yao 四部備要. Vols. 1681–1686) (in Chinese).

Shang shu 尚書 (Book of Documents). (Si bu cong kan 四部叢刊) (in Chinese).

с Ли Юанем, танским Гао-цзу, удерживая значительные территории в Центральном Китае в бассейне Янцзы. Были разгромлены войсками Ли Сяо-гуна.

²⁴ Исторические области Цзянхуай 江淮 (совр. Цзянсу и Аньхой) и Линнань 嶺南 (совр. Гуандун и Гуанси).

²⁵ Цзянся-ван 江夏 Ли Дао-цзун 王李道宗 (600–653) — генерал, двоюродный брат императора Тай-цзуна, прославился многими ратными подвигами, силами его армий были подавлены военные группировки повстанцев Ван Ши-чуна 王世充 (ум. 621) и Лю Хэй-та 刘武周 (ум. 623), значительный вклад внес в победы над восточными тюрками, тугухунями, Когурё. Ли Сяо-гуна и Ли Дао-цзуна в начале Тан почтительно именовали «[Два] добродетельных вана» (*Сянь ван* 賢王).

²⁶ Цун шу цзи чэн 叢書集成 «Полная библиотека-серия» публиковалась шанхайским издательством Commercial Press 商務印書館 в 1935–1937 гг. Включала произведения самых разных жанров от канонов до художественной сюжетной литературы.

²⁷ Сы бу бэй яо 四部備要 «Собрание важнейших текстов по четырем разделам» — китайская библиотека-серия, выпускаемая в 1920–1936 гг. Важнейшие классические тексты китайской культуры были сгруппированы в ней по традиционной библиографической схеме — конфуцианские каноны с комментариями (*цзин* 經), исторические произведения (*ши* 史), неканонические мыслители (*цызы* 子), литературные сборники (*цзи* 集).

Литература

- Мартынов, Зограф 2000 — Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А.С. Мартынова и И.Т. Зограф. В 2 т. Т. 1. Конфуций. Лунь юй. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2000.
- У Хай-линь, Ли Янь-пэй 1988 — Чжунго лиши жэнъу цыдянь 中國曆史人物辭典 (Словарь исторических личностей Китая) / Ред. У Хай-линь 吳海林, Ли Янь-пэй 李延沛. Харбин: Хэйлунцзян миныху чубаньшэ, 1988.
- Чжэнь-гуань чжэн яо 1936 — Чжэнь-гуань чжэн яо 貞觀正要 (Основы управления периода Чжэнь-гуань) / Сост. У Цзин 吳兢. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй 上海: 中華書局, 1936 (Сы бэй яо 四部備要. Т. 1159–1162).

References

- Klassicheskoe konfutsianstvo: perevody, statyi, kommentarii A.S. Martynova i I.T. Zograf. V 2-kh tomakh. T. 1. Konfutsii. Lun yu* [Classical Confusian Studies: Translation and Commentaries by A.S. Martynov and I.T. Zograf. In 2 vols. Vol. 1. Confucius. Lun yu]. St. Petersburg: Izdatel'skii Dom "Neva"; Moscow: Olma-Press, 2000 (in Russian).
- Zhen-guan zheng yao* 貞觀正要 (The Essentials of Government of Zhen-guan Period). Comp. by Wu Jing. Shanghai: Zhonghua shuju, 1936 (Si bu bei yao 四部備要. Vols. 1159–1162) (in Chinese).
- Zhongguo lishi renwu cidian* 中國曆史人物辭典 (A Dictionary of Historical Figures of China). Ed. by Wu Hailin 吳海林 & Li Yanpei. 李延沛. Harbin: Heilongjiang minzu chubanshe, 1988 (in Chinese).

Wu Jing. Tang Taizong (627–649).
The Essentials of Government of Zhen-guan Period.
Chapter 6.18. On Prudence and Modesty.
Translation and comments by Irina F. Popova

Irina F. POPOVA

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 16.06.2025.

Abstract: The published text presents a translation of chapter 6.18 from “The Essentials of Government of Zhen-guan Period” (*Zhen-guan zheng yao* 貞觀正要), a treatise by historian Wu Jing 吳兢 (640–749), which represents dialogs of Taizong (627–649), the second emperor of Tang, with his closest dignitaries.

Key words: Tang Taizong, Wu Jing, “The Essentials of Government of Zhen-guan Period”, discourses of the Tang Dynasty dignitaries.

For citation: “Wu Jing. Tang Taizong (627–649). The Essentials of Government of Zhen-guan Period. Chapter 6.18. On Prudence and Modesty / Translation and comments by Irina F. Popova”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 7–14 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691523.

About the author: Irina F. POPOVA, Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (irina_f_popova@mail.ru). ORCID: 0000-0002-6327-3079.

Две новеллы Ван Мин-цина

И.А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691526

Статья поступила в редакцию 10.06.2025.

Аннотация: Данная публикация представляет читателю перевод двух новелл из сборника «Тоу ся лу» (投轄錄 «Записи о брошенной [в колодец] чеке [от колеса]») сунского литератора Ван Мин-цина (王明清, 1127 — после 1202). Перевод новеллы на русский язык предваряют основные сведения об авторе и его сборнике.

Ключевые слова: Старая китайская проза, эпоха Сун, Ван Мин-цин, «Тоу ся лу», история сюжета.

Для цитирования: Алимов И.А. Две новеллы Ван Мин-цина // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 15–22. DOI: 10.55512/WMO691526.

Об авторе: АЛИМОВ Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (alimov@post.org). ORCID: 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И.А., 2025

Сборник «Тоу ся лу» (投轄錄 «Записи о брошенной [в колодец] чеке [от колеса]») принадлежит сунскому чиновнику, историку и плодовитому литератору Ван Мин-цину (王明清, 1127 — после 1202). Он происходил из старого рода книжников: среди его предков был знаменитый ученый-эрudit и знаток канонических сочинений Ван Чжао-су (王昭素, 894–982); дед Ван Мин-цина, Ван Цуй (王萃, XI в.), также был известен своими литературными дарованиями; семейные традиции продолжил его сын, историк и книжник Ван Чжи, автор сборника *бичзи* «Мо цзи» (默記 «Записки безмолвствующего»), чьим вторым сыном и был Ван Мин-цин. В юные годы он оказался в доме деда по матери, Цзэн Юя (曾紓, 1073–1135), известного эссеиста, поэта и каллиграфа, где и получил воспитание и образование. Позднее, в возрасте 18–19 лет Ван Мин-цин отправился вместе с дядей Цзэн Хун-фу (曾宏父, XII в.), сыном Цзэн Юя, в Тайчжоу (область, располагалась на территории

совр. пров. Чжэцзян), куда тот был назначен служить начальником области, а в 1147 г. они переехали к новому месту службы дяди — в Жуньчжоу (Цзянсу). В 1156 г., в возрасте 30 лет, Ван Мин-цин женился на второй дочери крупного чиновника Фан Цзы (方滋, 1102–1172) и, когда тот в 1162 г. получил назначение на пост главнокомандующего в Хуайси (сунская провинция Хуайнань силу, занимала земли современной провинции Аньхой и частично Хэнани и Хубэя), отправился туда вместе с ним. В том же году Ван Мин-цин и сам поступил на службу. В 1165 г. Ван Мин-цин стал *гунгуанъганем* (смотрителем кумирен и храмов), потом служил по военной части в Гаою (Цзянсу), в 1172 г. был назначен *паньгуанем* (помощником начальника) в воеводство Аньфэн (также в Цзянсу), позднее стал начальником уезда Лайаньсянь области Чучжоу (располагалась на территории совр. пров. Аньхой). В 1185 г. начал служить при дворе и поселился в столице. Финансовое положение Ван Мин-цина все эти годы было весьма плачевным: он жил на иждивении родных и друзей. После 1192 г. Ван Мин-цин занимал ряд невысоких провинциальных должностей, но особого достатка так и не нажил. Жизненные неурядицы и неудачи в карьере он компенсировал литературно-историческим трудом: кроме «Тоу ся лу» он оставил после себя сборник *бици* «Хуэй чжу лу» (揮麈錄 «Записи помахивающего мухобойкой») в трех частях (1166, 1193, 1195 гг.) и 18 *цюанях*; «Юй хуа» (餘話 «Оставшиеся рассказы»), дополнение к «Хуэй чжу лу» в двух *цюанях*; а также сборник *бици* «Юй чжао синь чжи» (玉照新志 «Новые записи у нефритового зеркала», 1198 г.) в пяти *цюанях*.

«Тоу ся лу» включает авторское предисловие и одну *цюань* из 49 фрагментов¹. Лидирующая тематическая группа сборника Ван Мин-цина — всё, что связано с даосизмом в самых разных его проявлениях: бессмертные, их явление людям и взаимоотношения с ними, а также многочисленные даосы, демонстрирующие волшебное искусство, умение предсказывать будущее и дар гадателя; фрагменты данной тематики занимают примерно две пятых от общего объема сборника. Также в «Тоу ся лу» достаточно фрагментов с буддийскими мотивами — это рассказы о монахах и подвижниках, а также о воздаянии и обретении веры. Фрагменты, повествующие о душах умерших и духах, а равно записи разных необычайных происшествий представлены в незначительном количестве. «Тоу ся лу» — сборник, тяготеющий скорее к документальности, нежели к художественности: изложение здесь лаконично-простое, местами конспективное, ведь это, по сути, запись по памяти тех рассказов, которые Ван Мин-цин некогда слышал. Однако здесь встречаются и значительные по объему произведения. Важно также, что материал сборника Ван Мин-цина — почти весь новый, сунской поры, а не вариации старых историй на новый лад². Ниже читатель найдет перевод двух новелл из «Тоу ся лу»³.

¹ Основной единицей бытования текста внутри сборника является фрагмент. В обычном смысле под фрагментом понимают некий отрывок, нечто незавершенное, не имеющее начала и конца. Для целей нашего исследования под фрагментом понимается законченный текст, выступающий как единица низшей номенклатуры, завершенный в сюжетном/смысловом/эмоциональном смысле и — вне зависимости от жанровой принадлежности (в составе одного собрания это могут быть и рассказ, и новелла, и заметка, и рассуждение о стихах, и исторический анекдот; и др.). Фрагмент может быть озаглавлен (автором или последующими обработчиками текста), а может не иметь заглавия; он весьма вариативен по размеру — от нескольких строк до десятков страниц.

² Подробнее о «Тоу ся лу» см. (Алимов 2021: 432–441).

³ Перевод выполнен по изданию (Тан Сун чуаньци цунцзи 2001: 678–687).

Книжник Цзя

Книжник Цзя происходил из гунчжоуских Цзя и приходился внуком придворному Цзя Чан-хэну⁴. Это был молодой человек изящной внешности и изысканных манер. Он был начитан, умел писать классические стихи-ши и стихи-цы, исполненные затеянного негодования и скрытой печали, большого таланта и глубоких чувств. Еще Цзя верил в Будду и истово ему поклонялся, а также с удовольствием жертвовал монахам. У Цзя было множество друзей, к которым он относился внимательно и уступчиво, отзывчиво и великодушно, и все любили его.

Цзя некогда уговорился с друзьями посетить столицу на гуляние в день Праздника фонарей. Они остановились в буддийском монастыре, что к востоку от столицы, — как раз в том помещении, где некогда проповедовалось учение Хуаянь⁵. А настоятель монастыря, монах Цзы-чан, как раз изготовил пять или шесть черных халатов, где шелком было вышито название монастыря, — чтобы собирать подаяние. Цзя в шутку надел один из тех халатов и со смехом сказал:

— Сегодня вечером пойду собирать пожертвования!

И, улыбаясь, действительно отправился на улицу. Его утонченное поведение и прекрасный слог привлекли множество мужчин и женщин, которые наперебой подавали Цзя, так что из монастыря прислали двух дюжих монахов, чтобы помогли нести подаяние — сам Цзя в одиночку столько бы поднять не смог.

— Да ты стал настоящим монахом! — подшучивал над Цзя на следующий день его приятель.

— Столичные жители так прекрасны! — отвечал ему Цзя. — Но украдкой разглядеть их не получится. Лишь те, что просят милостыню у дороги, имеют возможность вдосталь на них наглядеться. Конечно, могут и прогнать, зато подаяние получишь — вреда не будет! А я так сделал очень добре дело.

Ближе к ночи он опять собрался покинуть монастырь. Монахи, страстно желавшие собираемой им милостыни, всячески его к тому поощряли, и так Цзя проходил всю ночь. На следующий день его приятель еще с постели подняться не успел, как появился Цзя.

— Я уже ухожу!

Приятель хотел было поговорить с Цзя, но оказалось, что тот и вправду ушел. Вернулся на закате, достал из рукава два мандарина и ароматические курения. Вместе они насладились мандаринами, зажгли курения и стали беседовать и смеяться — всё как обычно.

Цзя с приятелем уговорились через два дня отправиться домой. Время вышло, но Цзя передумал и лишь попросил передать домашним написанное им письмо, а сам остался в столице и пробыл там вплоть до конца весны. От вернувшегося из столицы путника узнали, что Цзя завел себе женщину, сильно осунулся и выглядит совершенно истощенным. Вскоре в сопровождении другого приятеля вернулся домой и сам Цзя — по виду лишь кожа да кости! Никакие лекарственные снадобья ему не помогали. Правда, его манера держаться совсем не изменилась, разве что Цзя перестала радовать его былая наложница, и он спал теперь в своем кабинете позади главного дома в одиночестве — такая вот странность. На расспросы Цзя отвечал:

⁴ Цзя Чан-хэн (賈昌衡 XI в.) — сунский провинциальный чиновник и придворный.

⁵ Хуаянь — традиция буддизма махаяны, которая активно развивалась в танском Китае; одно из наиболее философски ориентированных направлений китайского буддизма.

— Заболел я и больше уж не могу заниматься постельными делами, надо позаботиться о себе, поберечься.

С каждым днем его истощение усугублялось. Домашние не представляли, что делать.

Однажды старушка-кормилица среди ночи отправилась проведать, как там Цзя, и услышала, что из кабинета доносится требовательный женский голос. Наутро она все рассказала братьям Цзя, и тогда стало ясно, что его недуг — от бесовской твари. Отвадить ее пробовали всеми доступными способами, но ничего не выходило. А Цзя, приняв невозмутимый вид, сказал:

— Болезнь моя коренится в расстройстве движения энергии-ци — и какая мне польза от ваших притчаний?..

В пятой-шестой луне в буддийском храме Тяньинсы проходили религиозные обряды-пуджа, и отец-настоятель пригласил братьев Цзя вместе с его приятелями присоединиться к ним. Когда было закончено ритуальное очищение постом, все отправились насладиться прохладой. Общий монастырский зал был просторен и вместителен, его со всех сторон заслоняли большие строения, так что полуденное солнце сюда не доставало и перед залом гулял прохладный ветерок. Перед закрытыми дверями длинной вереницей были выставлены лежанки, и на первую сел буддийский монах, пришедший из другого монастыря.

— Почтенные постящиеся и гости, оставьте заботы! — сказал он. — Давайте вместе предадимся прохладе, ведь все мы единоверцы.

Был сварен чай, порезана дыня, их пустили по рядам, и все стали есть и пить. И вдруг настоятель неспешно заговорил:

— В нынешнем году лишь одного человека из дома Цзя нет здесь с нами. Я слышал, он уже давно болеет. Как он сейчас, ему лучше?

Старший брат Цзя сначала замялся, а потом сказал:

— Все его беды от беса, но изгнать того мы не можем...

Тут заговорил пришлый монах:

— Если дело лишь в том, так я его изгоню.

Все тут же вскочили, пристали к нему с расспросами, и оказалось, что это монах Дао-цин с горы Тяньтайшань. Он взял освещенной земли около *дou*⁶, список мантр и заговоров и всё это вручил старшему брату Цзя. Велел дождаться, когда бесовка придет, и насыпать вокруг того места земли, да так, чтобы ее полоска не прерывалась ни из-за стен, ни из-за ям в земле — нигде, а про себя при том твердить мантры. Когда же бесовка начнет криком кричать в поисках выхода, круг земли следует разомкнуть и отпустить ее, но непременно до восхода солнца.

Брат Цзя сделал, как ему было сказано. Пробили четвертую стражу, и из кабинета донеслись исполненные злости вопли, а к пятой страже⁷ вопли сменились горькими покаянными рыданиями. Старший брат Цзя окликнул бесовку, и та, признавая свою вину, сказала:

— Я дух из одного столичного храма, мне даже августейше пожалован был титул... Не могу описать, как мне стыдно! Но я была столь пленена его обликом и манерами, что не сумела сдержаться, пришла и заморочила его... Но теперь вся моя отвратительная сущность вышла наружу, и я нижайше молю вас о снисхождении!

⁶ *Dou* — традиционная мера емкости для жидкких и сыпучих тел, при Сун — 6,6 л.

⁷ Четвертая стража — с часа ночи, пятая — с трех утра.

— Придешь еще? — спросил старший брат Цзя.

— Я думала, что с мою волшебною силой никто ничего не сможет поделать, а ныне я так наказана! Если вы меня отпустите, то я сполна признаю свои прегрешения и одумаюсь! И зачем мне приходить снова?

— И куда же ты направишься?

— На северо-запад.

Тогда старший брат Цзя сделал разрыв в земляной полосе примерно в чи⁸, и бесовка, рыдая и благодаря, холодным вихрем проскользнула прочь — на северо-запад.

Когда рассвело, пошли в кабинет, смотрят — а Цзя спит как ни в чем не бывало.

Брат спешно отправился благодарить Дао-цина, подарил ему двадцать тысяч монет, но тот не принял. Тогда брат Цзя вручил ему несколько десятков свертков благовоний. Дао-цин из каждого взял по одной пластинке, размером в палец с небольшим, спрятал их в бамбуковой шляпе и сказал:

— Как раз сейчас я отправляюсь на гору Улинтайшань и там, в храме Вэньшусы, воскурю их перед статуей Будды во имя благого воздаяния.

Брат Цзя спросил его о мантрах и заклинаниях.

— Всё это есть в дхарани бодхисаттвы Гуаньшиинь! — сказал Дао-цин и продекламировал одну мантру наизусть.

— Но почему они так действенны?

— Чтобы не подействовали, надо рассредоточиться в сердце, а если вы всецело укрепили сердце намерениями — непременно действуют.

Тогда старший брат Цзя спросил:

— А что это за тварь, с которой столкнулся Цзя?

— Что за вопрос! — ответил Дао-цин. — Дух ли, бес ли, злобная нечисть, лисица-оборотень — эти заклинания любую тварь заставят обратиться в бегство. Но если человек желает быть опутан любовными чарами, то при встрече с творящим зло оборотнем он потеряет разум, опустится до нечиисти и в конечном счете сам станет безголовым бесом — и тогда ни манtry, ни заговоры помочь уже не смогут. Здесь властям надо бы призадуматься!

Все слышавшие эти слова были в ужасе.

Старший брат Цзя пригласил Дао-цина в зал на угождение, после чего монах распрошался, взял посох, затянул завязки котомки, надел бамбуковую шляпу и ушел.

Через месяц с небольшим книжник Цзя почувствовал себя лучше.

— В тот первый вечер, когда я собирал подаяние, одна необычная женщина дала мне сотню золотом, — рассказал он в ответ на расспросы приятелей. — Потом уставилась на меня и заговорила со мной. На пятую ночь она настолько укрепилась в своих чувствах, что дала мне кошель, а в нем лежало письмо с предложением уговориться о свидании в небольшом садике, что на задах имения Чжанов к западу от города. А если там начнут расспрашивать — отвечать, что пришел к старшему брату. Это был как раз день, когда я ушел за подаянием один. К назначенному сроку я добрался до поместья, нашел садик, а в нем увидел охранников — словно из областной управы! Мне велели остановиться, тогда я сказал про старшего брата, и меня пропустили в стоявший там домик. Внутри я нашел ту женщину. Принесли вино... Она была так неслыханно прекрасна, что, боюсь, даже среди бессмертных дев не найти подобной! На другой день мы договорились предаться близости в одной из келий мона-

⁸ Чи — традиционная мера длины, при Сун — чуть больше 30 см.

стыря Тяньцинсы. С тех пор я стал ею одержим: мы постоянно стремились друг к другу, искали друг друга — всё, как у обычных людей... Когда я вернулся домой, ничего в этом мире меня уже не радовало и не интересовало, но и она приехала следом. Окружающие наперебой твердили разные заклинания, но женщина всё равно не уходила. Окрест моего кабинета она обвела на земле круг, превратив его в ловушку. «Да что они нам сделают!» — говорила она. Одежда, еда и питье у нее были поистине драгоценно-роскошные, красота такая, что в мире не встретишь, среди людей не сыщешь!

О, как мудры были слова Дао-цина! Люди всё гадали, чем же болен Цзя, но появился Дао-цин и излечил его — ясно же, что это было воздаяние за то, что тот поклонялся Будде! Второе имя Цзя было Сянь-чжи, а его приятеля звали Сюй Дунь, второе имя Янь-чжоу, и он был земляк Цзя.

Даос Свиное рыло

В начале годов под девизом правления Сюань-хэ (1119–1125) в Лояне появился даос. Он то сочинял и декламировал на ходу неритмичные стихи, то торговал вразнос персиками, грушами, абрикосами и всем в таком роде — таскал на коромысле. Частенько рассказывал людям, что их ждет в будущем и не надеялся на вознаграждение за это. Горожане, поскольку нос у того даоса был длиннее обычного, прозвали его Даос Свиное рыло.

Даос жил в Лояне уже долгое время. А там обретались Цзя Мяо и Ли Хуань, отпрыски богатых семей, прославившиеся расточительством, самонадеянные молодые люди, любившие заводить знакомства и решать дела, — неоднократно они звали даоса выпить с ними, и тот соглашался. Бывало, до и доу вина доходило, а пьян даос не становился.

Однажды они прогуливались близ города, и даос спросил:

— Господа, не проголодались ли вы?

Достал из-за пазухи бумажный сверток — в нем оказались зерна пшеницы — бросил их на землю, словно посадил, и через короткое время пшеница заколосилась, соцрела. Даос вылущил зерна из колосьев, смолол из них в руке муку — даже наземь просыпалась! Добавил воды и приготовил лепешки, положил их за пазуху, а когда через мгновение достал — лепешки уже и подрумянились! Бросил лепешки на землю, и дохнуло обжигающе-горячим жаром — можно есть! И все гулявшие, включая слуг, несколько дней после того не испытывали голода, а Цзя и Ли стали относиться к даосу с великим почтением.

В обычай лоянцев было высаживать персиковые деревья. Стоял разгар лета, когда Цзя и Ли выставили вино в домашнем саду, в павильоне у воды.

— Я могу сделать так, что весь пруд будет покрыт цветами персика, раскрывшимися в цветах лотоса! — заявил даос.

Достал из-за пазухи комок земли, перемешанной с разным мусором, и бросил в воду. Вино еще не дошло до середины, как в чашечках цветов лотоса начали потихоньку расpusкаться персиковые бутоны. Заскользили по водной глади — листья и цветы столь гармонично оттеняли друг друга, что красота получилась неимоверная. Местные жители, узнав о том, охали от восхищения и наперебой стремились полюбоваться цветами. Те завяли лишь через несколько десятков дней.

И другие волшебные умения, которые являл даос, были вроде этого.

У Ли был свояк, некто Чэнь, свитский. Его сместили с должности начальника обласи на юго-востоке, и Чэнь снял жилище в Лояне. Он был весьма знатного происхождения и содержал во внутренних покоях более десятка прелестниц, но среди них особенной красотой выделялась одна, по имени Юэ-чжэнь. Наложниц своих Чэнь никому не показывал — ни родственникам, ни друзьям. Однажды Ли во время весенних гуляний случайно столкнулся с Юэ-чжэнью, и глаза их встретились. Ли вернулся домой, но образ прекрасной девушки неотрывно стоял у него перед глазами. И он стал думать о Юэ-чжэнь беспрестанно.

В один прекрасный день к Ли явился даос.

— Я прекрасно знаю, чем заняты ваши мысли! — сказал он. — Давайте мы с вами прогуляемся?

Они вышли за город и отправились в древний храм. Там даос поднял камень размером чуть больше пальца, передал его Ли и велел:

— Рисуйте этим на стене!

Ли сделал, как было велено. Провел камнем по стене — и в ней открылся проход, словно дверь! Ли вошел туда: уединенная комната, расшитый полог... Ли понятия не имел, где очутился. Приподнял полог — а это оказалась опочивальня Юэ-чжэнь! Ли испугался, и обрадовался, и стал легонько тормошить девушку, чтобы проснулась.

— А я ведь на днях вас видела, сударь! — обрадованно сказала ему Юэ-чжэнь. — И уповала, что вы всякий час вспоминаете меня!.. Но ведь все двери накрепко заперты, как же вы смогли проникнуть сюда?

Ли не стал раскрывать ей всей правды, но заговорил о том, какие трудности ему пришлось преодолеть.

— Вы так близко принимаете меня к сердцу, о ученый муж! — восхитилась Юэ-чжэнь.

Тут она непринужденно выставила легкое угождение, а после Юэ-чжэнь и Ли досчитали самых вершин близкой радости. Ли оставался у нее две ночи подряд, пока наконец не собрался уходить. Он отыскал путь, которым пришел, шагнул, потом услышал за спиной скрип затворяющейся двери, а когда обернулся — стена оказалась целий, точно, как раньше! Видит: даос.

— Вы почему про меня забыли и столько времени не возвращались? — спросил тот. — И где ваш камень для рисования на стене?

— Ой, я случайно его где-то выронил! — признался Ли.

Даос велел Ли спешно искать камень.

— Захотите еще разок туда попасть, только с помощью этого камня и войдете, а иначе никак! — сказал он.

Как и следовало ожидать, после случившегося Ли захотел снова прийти к Юэ-чжэнь — и пришел. Чувства их стали тесными-претесными. Так пролетел год.

Однажды Ли, напившись пьян, случайно рассказал обо всем Цзя, и тот вознамерился отправиться вместе с Ли.

— Что ж, отпущенное мне время быть с вами подошло к концу, — объявил тогда даос. — Вы не ведаете осмотрительной осторожности, и от этого я не могу быть в спокойствии. Угостите меня на прощание!

Когда вино подошло к середине, даос поклонился присутствующим и сказал:

— Пройдемте к каменной горке в саду!

Там он крикнул:

— Открывайся!

В горке открылось отверстие наподобие двери. Вдалеке виднелись терема, террасы, другие строения — всё, как в мире людей. Даос протиснулся в отверстие, и оно закрылось за ним, исчезло, как его и не было.

Спустя время Ли снова пришел в тот загородный древний храм, но стена больше не открывалась. Тогда Ли решил, что это был просто сон, однако послал разузнать у Юэ-чжэнь — и всё совпало, все подробности их свиданий! А ведь храм и обиталище свитского Чэня отделяли друг от друга несколько десятков *ли*⁹!

Литература

Алимов 2021 — Алимов И.А. Облачный кабинет: Краткая история китайской прозы сяошо об удивительном X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021.

Тан Сун чуаньци цзунцзи 2001 — Тан Сун чуаньци цзунцзи: Наньбэй Сун 唐宋傳奇總集：南北宋 (Полное собрание новелл эпох Тан и Сун: Южная и Северная Сун). Т. 2. Чжэнчжоу: Хэнань жэнъминь чубаньшэ 河南人民出版社, 2001.

References

Alimov, Igor A. *Oblachnyi kabinet: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy siaoshuo ob udivitel'nom X–XIII vv.* [The Cloudy Parlor: A Concise History of the 10th–13th Century Chinese Xiaoshuo Prose about the Supernatural]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publishers, 2021 (in Russian).

Tang Song chuanqi zongji: Nanbei Song 唐宋傳奇總集：南北宋. Vol. 2. Zhengzhou: Henan renmin chubanshe, 2001.

Two Novels by Wang Ming-qing

Igor A. ALIMOV

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 10.06.2025.

Abstract: This publication presents to the reader a translation of two short stories from the *Tou xia lu* (投轄录 “Records of the Tossed Linchpin”) collection by the Song Dynasty writer Wang Ming-qing (王明清, 1127 — after 1202). The Russian translation is preceded by essential information about the author and his collection.

Key words: Old Chinese prose, Song Epoch, Wang Ming-qing, *Tou xia lu*, history of the Xiaoshuo prose.

For citation: Alimov, Igor A. “Two Novels by Wang Ming-qing”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 15–22 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691526.

About the author: Igor A. ALIMOV, Dr. Sci. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@post.org). ORCID: 0000-0002-32358459.

Буддийские стихи императора Шуньчжи в тибетском переводе

В.Л. УСПЕНСКИЙ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691527

Статья поступила в редакцию 10.06.2025.

Аннотация: Статья вводит в научный оборот тибетский перевод на китайский язык известного буддийского стихотворения «Восхваление монахов» императора Шуньчжи (династия Цин; прав. 1644–1661). Неизвестный тибетский переводчик ошибочно считал автором этого текста императора Канси (прав. 1662–1722). Тибетский перевод был напечатан ксилографически в монастыре Амчок, который находится в провинции Ганьсу КНР. В Россию это издание привез известный бурятский ученый Базар Баадийн. Сравнение с китайским оригиналом показало, что перевод является немного сокращенным и не всегда буквальным.

Ключевые слова: император Шуньчжи, тибетская поэзия, династия Цин, буддизм, китайская поэзия.

Для цитирования: Успенский В.Л. Буддийские стихи императора Шуньчжи в тибетском переводе // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 23–29. DOI: 10.55512/WMO691527.

Об авторе: УСПЕНСКИЙ Владимир Леонидович, доктор исторических наук, профессор, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия) (v.uspenskij@spbu.ru). ORCID: 0009-0007-1539-6545.

© Успенский В.Л., 2025

Рассматриваемая тибетская книга состоит всего лишь из одного листа. Тем не менее она представляет значительный интерес, поскольку является ксилографическим изданием тибетского перевода стихотворения одного из императоров династии Цин и называется «Восхваление монахов, сделанное императором Канси в стихах» (*Gong ma bDe skyid rgyal pos rab tu byung ba la bstod par mdzad pa'i tshigs bcad bz hugs so*)¹.

Впервые в научной литературе этот текст был упомянут немецким ученым Р.О. Майзезалем (R.O. Meisezahl, 1906–1992) в 1986 г. в статье, посвященной каталогу ксилографических изданий монастыря Амчог: «*Goṇ ma bDe skyid rgyal po'i rab byuṅ gi bstod pa „Huldigung anlässlich des rab-byuṅ(?) des Kaisers bDe skyid (=K'ang-hsi, 1662–1722)“; 1 Folie*» (Meisezahl 1986: 325, No. 99).

¹ Ниже будет рассмотрен вопрос о том, что подлинным автором этого произведения является не император Канси 康熙, а его отец — император Шуньчжи 順治 (прав. 1644–1661).

Для написания статьи Р.О. Майзецаль использовал микрофильм каталога изданий монастыря Амчог, который хранится в India Office Library. Оригинал же, как он сам сообщает, привез в Петербург бурятский ученый Базар Барадийн (1878–1937)². Полное его название «Каталог книг, напечатанных в великой обители Гандэн-Чойхорлин» (*Chos sde chen po dGa' ldan chos 'khor gling gi par tho*); имеется в коллекции ИВР РАН (шифр хранения: Tib. B 10958/15).

Б. Барадийн проживал в крупнейшем монастыре Северо-Восточного Тибета — Лабран Ташичил³ (тиб. Bla brang bkra shis 'khyil) с июня 1906 по февраль 1907 г. Он собрал коллекцию тибетских книг, насчитывающих около 200 томов, в основном это ксилографические издания Лаврана, а также немало книг, напечатанных в окрестных ближних и дальних монастырях. В своем живо и красочно написанном дневнике на русском языке он рассказал о некоем халхасце⁴ Даши (тиб. bKra shis), который выступил его агентом по поиску и покупке книг:

19–20 сентября

Наконец-то вернулся в Лавран мой халхасец Даши из своей месячной [поездки] в некоторые ближайшие к Лаврану захолустные маленькие монастыри — Амчок (A mchog), Цзу (gtsod), Дзорге (mdzod dge) и Аргод (rnga rgod). Он приехал с сияющим лицом, [потому] что ему вполне удалось выполнить свою задачу. Он привез мне массу книг, которые попали в мои руки из самых недоступных уголков Амдо, благодаря лишь пронырливости моего халхасца, счастливо избегавшего тангутских⁵ воров и разбойников.

…Таким образом, мой халхасец является тем неизвестным тружеником науки, благодаря которому наука приобретает совершенно новые материалы в изучении Тибета. Халхасец пришел ко мне утром с большими кипами свежеотпечатанных книг, и я с большим жаром посвятил эти дни на то, чтобы приводить эти книги в порядок и принять их (Барадин 1999: 159).

Можно предположить, что рассматриваемый стихотворный текст Б. Барадийн получил непосредственно из монастыря Амчог, который находится в уезде Луцуй 碌曲 (тиб. Klu chu) провинции Ганьсу КНР, его полное название Амчог Дэмотан Гандэн Чойхорлин (A mchog bDe mo thang dGa' ldan chos 'khor gling) (Gyurme Dorje 1996: 641–642).

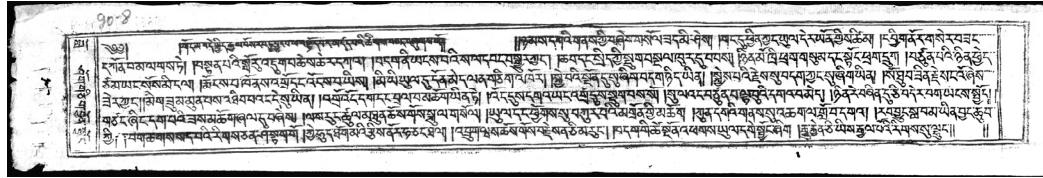
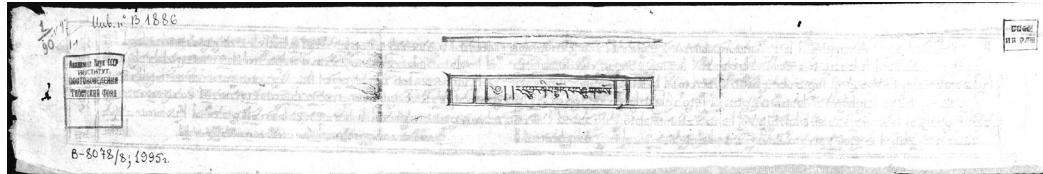
В 2011 г. я опубликовал набранный тибетским шрифтом оригинал «Восхваления монахов, сделанного императором Канси в стихах» вместе с его русским переводом (Успенский 2011: 158, 299–300). Тогда мне не был известен китайский оригинал. Наконец, выяснилось, что оригиналом является довольно известное стихотворение императора Шуньчжи «Восхваление монахов» (讚僧詩 *Цзань сэн ши*) (Balcom et al. 2011: 287–290; Yong Wei Kwong et al. 2011: 35–36). Оказалось, что тибетский переводчик неправильно указал имя автора, и это не было именем императора Канси. В 2018 г. я опубликовал английский перевод этого стихотворения, указав настоящего автора (Uspensky 2018).

² Также распространено написание «Барадин», которое является менее правильным.

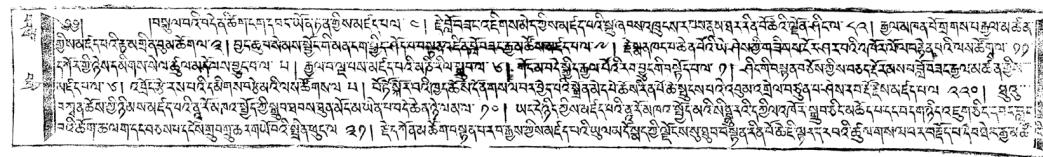
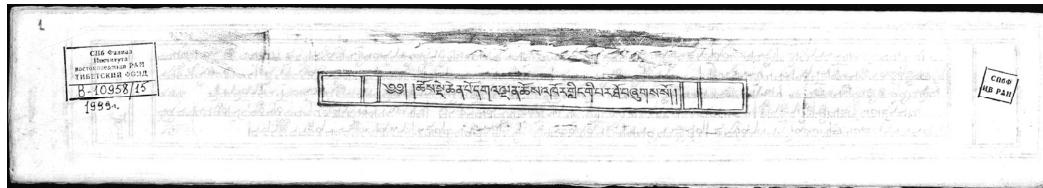
³ Этот монастырь известен просто под названием Лавран. Он находится в пров. Ганьсу КНР.

⁴ Халха-Монголия, или Северная Монголия, территориально совпадает с современным государством Монголия.

⁵ Под тангутами здесь имеются в виду восточные тибетцы — кхамцы (тиб. khams pa).

«Восхваление монахов, сделанное императором Канси в стихах»
(Gong ma bDe skyid rgyal pos rab tu byung ba la bstod par mdzad pa'i tshigs bcad bz hugs so). ИВР РАН, Tib. 8078/8

«Каталог книг, напечатанных в великой обители Гандэн-Чойхорлин» (*Chos sde chen po dGa' ldan chos 'khor gling gi par tho*).
 Этот каталог имеется в коллекции ИВР РАН, Tib. B 10958/15). Л. 4а: 3:
Gong ma bDe skyid rgyal pos rab tu byung ba la bstod pa la, «Восхваление монахов императора Канси на одном [листе]»

Тибетский перевод китайского стихотворного оригинала представляет собой 9-сложный стих. Этот размер (а также 7-сложник) — господствующий размер переводов с санскрита на тибетский язык буддийских гимнов (Зорин 2010: 66).

Сравнение тибетского перевода и китайского оригинала показало, что перевод не является буквальным. Тибетский переводчик стремился передать главные мысли и чувства автора, выраженные в этом стихотворении. Так, в перевод не вошли рассуждения о преходящем характере человеческой жизни, проиллюстрированные примерами из китайской истории.

Это сочинение можно истолковать в буддийском духе как рассуждение об иллюзорности мира явлений и всех человеческих устремлений. Во все времена зависть к простой жизни могучего правителя, обремененного заботами, воплощалась в различных сочинениях и афоризмах, начиная с «Екклезиаста». Жанр императорского сочинения был определен самими тибетскими издателями, поскольку текст имеет боковое обозначение *blo shyong*. Это выражение обычно переводят как «очищение ума», «тренировка ума» и т.п. Под этим названием известен целый жанр оригинальной тибетской буддийской литературы. Целью подобного «очищения ума» является его направление на достижение просветления путем освобождения от привязанности к своему «я» (Sweet 1995: 252). Сам факт перевода императорских стихов на тибетский язык и их издание в Тибете говорит о том, что сочинение вполне соответствовало законам жанра.

В 1660 г. император Шуньчжи, потрясенный смертью любимой наложницы и их сына, хотел покончить с собой. Затем он решил стать буддийским монахом на священной горе Утайшань 五臺山 в провинции Шаньси 山西. Однако ближнее окружение императора отговорило его от этого шага (Zhou Ruchang 2009: 13). Вскоре император умер от оспы в возрасте 24 лет. Легенды утверждают, что он не умер, а все-таки оставил государственные дела и стал монахом (Yong Wei Kwong et al. 2011: 36).

Ниже даны прозаический русский перевод с тибетского и транслитерация тибетского текста. Строки, которые не были переведены на тибетский язык, помещены в квадратных скобках⁶.

Восхваление монахов, сделанное императором Канси в стихах

В этом прекрасном месте⁷ еда и одежда неисчерпаемы. Куда бы [он] ни пришел, там и насытится подаяниями. Драгоценности и чистое золото — не редкость; [только] во врата Учения войти очень трудно.

Хотя я властвую над огромной страной, заботы правления угнетают меня. И за сто лет у меня не будет того покоя, который имеет монах за полдня жизни.

Поскольку неведение является единственной причиной прихода в мир и ухода из него, то и на этот раз я родился в мире людей без пользы. До рождения кем я был? А после рождения кем я стал?

Повзрослев, я осознал себя. Однако я пребываю во тьме, как с закрытыми глазами. В этот мир лучше вообще не приходить и не уходить. Потому что, приходя — радуешься, а уходя — страдаешь.

⁶ Выражаю благодарность докторанту Нанькайского университета (г. Тяньцзин, КНР) Ван Чжихуэй 王智辉 за помощь в переводе китайского текста.

⁷ В этом прекрасном месте... — Тибетскому выражению *puams dga' gnas* соответствует в китайском оригинале *цунлинь 叢林* «густой лес; монастырь». Я не смог найти такого значения в имеющихся словарях тибетского языка.

[Горечь разлуки и радость свидания причиняют много беспокойства, и кто знает, когда я почувствую себя беззаботным? И если знать монашескую жизнь, то еще не поздно повернуть назад.]

Никто не имеет тех радостей, которыми обладает монах. Каждый день он проводит без забот, вкушает лучшую еду, выращенную на чистых полях. Надевает духовные одежды, приличествующие ритуалу и соответствующие обычая.

Монах в любой стране и краю — лучший и самый почитаемый гость, которому рады на празднике.

Только монахи обретают трудно достижимое просветление благодаря [благим] заслугам, [накопленным] в прошлых жизнях.

[Золотая птица и нефритовый заяц⁸ движутся с востока на запад, и человеку не надо что-то старательно планировать. Сто лет мирских дел подобны полуночным сновидениям, огромная вселенная подобна шахматной доске.]

Юй⁹ учредил девять провинций, Тан¹⁰ изгнал Цзе¹¹, Цинь подчинила шесть государств¹², [затем] стала править Хань¹³. Много храбрых героев древности на юге и на севере лежат в горах и в земле.]

Увы! Мои богатства значительно превышают первоначальные расчеты. Но хорошо было бы поменять мои одежды, украшенные драконами и лисьими шкурами, на монашеские одеяния. Я в прошлой жизни был в Индии¹⁴ простым монахом — по какой же причине я пал до рождения в царской семье?

[Восемнадцать последних лет я не имел свободы: то поход на юг, то война на севере — когда это кончится? Сейчас я оставляю всё и буду идти на Запад тысячу лет или [даже] десять тысяч лет — это уже неважно.]

Транслитерация тибетского текста

//[1] nyams dga'i gnas kyi bzhes gsol zad mi shes/
 /gang du phyin kyang yul der yon gyis tshim/
 /dbiyig nor gser bzang [2] dkon pa ma lags te/
 /bstan pa'i sgo ru 'jug pa ches cher dka'/
 /bdag ni yangs pa'i sa la dbang bsgyur kyang/
 /chab dang srid kyi sdug bsngal khur du babs/
 /nyin mo khri phrag gsum dang stong phrag drug/
 /btsun pa'i nyin phyed [3] tsam yang sos mi dal/
 /rmongs pa kho nas 'gro dang 'ongs pa yis/
 /mi yi yul du don med lan gcig 'khor/
 /skye ba'i sngon du su zhig bdag nyid yin/
 /skyes pa'i rjes su bdag kyang su zhig yin/

⁸ Золотая птица и нефритовый заяц — солнце и луна.

⁹ Великий Юй (кит. Да Юй 大禹) — основатель династии Ся 夏 (XXI–XVI вв. до н.э.).

¹⁰ Тан 汤 — первый правитель династии Шан 商 (XVI–XI вв. до н.э.).

¹¹ Цзе 桀 — последний правитель династии Ся.

¹² В 221 г. до н.э.

¹³ В 206 г. до н.э.

¹⁴ В тибетском тексте Индия названа 'Phags yul, что соответствует санскритскому Арьяварта (Āryāvarta). В китайском оригинале сказано Сифан 西方 — «Запад».

/so thub zin rjes nga'o zhes [4] zer kyang/
/mi gzum mun pas 'thib pa'ang de su yin/
/'gro 'ong dag dang bral ba mchog yin te/
/'ong dus dga' yang 'gro dus sdug pas so/
/su la'ang btsun pa lta bu'i dga' ba med/
/nyin re bzhin du ci bder bag yangs spyod/
/[5] gtsang zhing dag pa'i zas mchog zhal du bzhes/
/las rung tshul mthun chos gos sku la gsol/
/yul dang phyogs su bskur ba'i mgron gyi mchog
/kung dga'i gnas su 'chag la glo ba dga'/
/rab byung sla ba ma yin byang chub [6] kyi/
/bag chag sad pa'i rigs can sha stag go
/kye hud thog ma'i rtsis nor ha cang thal/
/'brug was chos gos brjes na ci ma rung/
/bdag gi tshe sngon 'phags yul dge sbyong zhig
/rgyu rkyen ci yis rgyal po'i rigs su lhung// //

Литература

- Барадин 1999 — *Барадин Б.* Жизнь в тангутском монастыре Лавран: дневник буддийского паломника. 1906–1907. Улан-Удэ; Улан-Батор: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН; Центр по изучению буддистской культуры при Монгольском государственном университете; Институт глобального образования и мира Кириямы, Япония, 1999 (Буддология. № 5).
- Зорин 2010 — *Зорин А.В.* У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
- Успенский 2011 — *Успенский В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: НП-Принт, 2011.
- Balcom et al. 2011 — *Balcom J.* (transl.). Gill J. and Tidwell S. (eds.). *After Many Autumns: A Collection of Chinese Buddhist Literature.* Hacienda Heights CA: Buddha's Light, 2011.
- Gyurme Dorje 1996 — *Gyurme Dorje.* *Tibet Handbook, with Bhutan.* Chicago: Passport Books, 1996.
- Meisezahl 1986 — *Meisezahl R.O.* Der Katalog der Klosterdruckerei *A mchog dGa' ldan chos 'khor gliin* in Ch'ing-hai (Nordwest-China) // Oriens. 1986. Vol. 29/30. P. 309–333.
- Sweet 1995 — *Sweet M.J.* Mental Purification (*Blo sbyong*): A Native Tibetan Genre of Religious Literature // *Cabezon J.I. & Jackson R.R.* (eds.) *Tibetan Literature: Studies in the Genre: Essays in Honor of Geshe Lhundup Sopa.* Ithaca: Snow Lion Publications, 1995. P. 244–260.
- Uspensky 2018 — Buddhist Verses by the Shunzhi Emperor in Tibetan Translation // *Manuscripta Orientalia.* 2018. Vol. 24. No. 2. P. 46–48.
- Yong Wei Kwong et al. 2011 — *Yong Wei Kwong and Liew Yen Chong.* Selected Buddhist Poems by Ancient Chinese Emperors: Emperor Shunzhi of the Qing Dynasty // *Vajra Bodhi Sea.* 2011. No. 3. P. 35–36.
- Zhou Ruchang 2009 — *Zhou Ruchang 周汝昌.* Between Noble and Humble: Cao Xueqin and the Dream of the Red Chamber. Gray R.R., Ferrara M.S. (eds.). New York: Peter Lang, 2009.

References

- Balcom J. (transl.). Gill J. & Tidwell S. (eds.). *After Many Autumns: A Collection of Chinese Buddhist Literature.* Hacienda Heights CA: Buddha's Light, 2011 (in English).
- Baradin, Bazar. *Zhizn' v tangutskom monastyr'e Lavran: Dnevnik buddiiskogo palomnika, 1906–1907* [A Sojourn in the Tangut Monastery Labrang: The Diary of a Buddhist Pilgrim Kept in 1906–

- 1907]. Ulan Ude–Ulan Bator: Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Division of Russian Academy of Sciences; The Centre for Buddhist Culture & Studies, National University of Mongolia; Kiriyama Institute for Global Peace and Education, Japan, 1999 (Buddhist Studies. Vol. V) (in Russian).
- Gyurme Dorje. *Tibet Handbook, with Bhutan*. Chicago: Passport Books, 1996 (in English).
- Meisezahl, R.O. “Der Katalog der Klosterdruckerei *A mchog dGa' ldan chos 'khor gliñ* in Ch'ing-hai (Nordwest-China)”. *Oriens*, 1986, vol. 29/30, pp. 309–333 (in German).
- Sweet, M.J. “Mental Purification (Blo sbyong): A Native Tibetan Genre of Religious Literature”. In: Cabezon, J.I. & Jackson, R.R. (eds.). *Tibetan Literature: Studies in the Genre: Essays in Honor of Geshe Lhundup Sopa*. Ithaca: Snow Lion Publications, 1995, pp. 244–260 (in English).
- Uspensky, Vladimir L. *Tibetskii buddizm v Pekine* [Tibetan Buddhism in Peking]. St. Petersburg: NP-Print, 2011 (in English).
- Uspensky, Vladimir L. “Buddhist Verses by the Shunzhi Emperor in Tibetan Translation”. *Manuscripta Orientalia*, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 46–48 (in Russian).
- Yong Wei Kwong & Liew Yen Chong. “Selected Buddhist Poems by Ancient Chinese Emperors: Emperor Shunzhi of the Qing Dynasty”. *Vajra Bodhi Sea*, 2011, no. 3, pp. 35–36 (in English).
- Zhou Ruchang 周汝昌. *Between Noble and Humble: Cao Xueqin and the Dream of the Red Chamber*. Gray, R.R. & Ferrara, M.S. (eds.). New York: Peter Lang, 2009 (in English).
- Zorin, Alexandr V. *U istokov tibetskoi poezii. Buddiiskie gimny v tibetskoi literature VIII–XIV vv.* [At the Source of Tibetan Poetry. Buddhist Hymns in Tibetan Literature: 8th–14th Centuries]. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2010 (in Russian).

A Buddhist Poem by the Shunzhi Emperor in Tibetan Translation

Vladimir L. USPENSKY

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Received 10.06.2025.

Abstract: The article introduces a Tibetan translation of the well-known Chinese Buddhist poem “In Praise of Monastics” by the Shunzhi emperor (reigned in 1644–1661) of the Qing dynasty. This poem was mistakenly ascribed by an anonymous Tibetan translator to the Kangxi emperor (reigned in 1662–1722). The Tibetan translation was printed from woodblocks at the Amchog Monastery in the present-day Gansu province of China. It was brought to Russia by Buryat scholar Bazar Baradiin. A comparison of the Chinese original with this slightly abridged Tibetan translation shows that it does not follow the original literally.

Key words: Shunzhi emperor, Tibetan poetry, Qing dynasty, Buddhism, Chinese poetry.

For citation: Uspensky, Vladimir L. “A Buddhist Poem by the Shunzhi Emperor in Tibetan Translation”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 23–29 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691527.

About the author: Vladimir L. USPENSKY, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (v.uspenskij@spbu.ru). ORCID: 0009-0007-1539-6545.

Институт полномочных посланцев в Китае периода Тан (618–907)

В.М. РЫБАКОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691528

Статья поступила в редакцию 13.01.2025.

Аннотация: Институт полномочных посланцев (*ши 使*) был крайне важен для системы государственного управления в Китае танского периода (618–907). Он начал складываться сразу после прихода к власти новой династии, вскоре превратился в постоянный элемент государственной структуры и в конце концов стал одним из главных могильщиков великой империи Тан. Названия назначений таких посланцев были весьма многочисленны, одни часто сменялись другими, и в этом вопросе до сих пор царит изрядная путаница. Отдельную проблему представляет передача китайских названий на русский язык. В данной статье с привлечением материалов китайских источников делается попытка кратко систематизировать основные сведения о посланцах.

Ключевые слова: традиционная администрация Китая, административная терминология, перевод китайских административных терминов.

Для цитирования: Рыбаков В.М. Институт полномочных посланцев в Китае периода Тан (618–907) // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 30–43. DOI: 10.55512/WMO691528.

Об авторе: РЫБАКОВ Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Отдел Дальнего Востока, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (ouyangtsev@mail.ru). ORCID: 0000-0002-7671-9500.

© Рыбаков В.М., 2025

Важность и значение института полномочных посланцев (*ши 使*) для системы государственного управления в Китае танского периода (618–907) трудно переоценить. Возникнув практически сразу после прихода к власти новой династии в качестве главного механизма иррегулярного, экстренного контроля центрального правительства над проблемными территориями, этот институт, превратившись со временем в постоянный элемент государственной структуры, вставший между правительственным центром и регулярными, традиционными уровнями провинциальной администрации, сделался в конце концов одним из главных могильщиков великой империи Тан.

В качестве посланцев двор обычно отправлял высокопоставленных чиновников или членов аристократии для осуществления верхового контроля над крупным регионом (провинцией — *дао 道*), как правило, включающим несколько регулярных

административных единиц (например, округов *чжоу* 州), а при необходимости и проведения там каких-либо срочных мероприятий.

Наиболее влиятельными и чаще упоминаемыми из посланцев были, конечно, чрезвычайные военные наместники, знаменитые *цзедуши* 節度使 — жезлоносные посланцы, уполномоченные обеспечивать порядок. Им вверялось верховное руководство войсками определенного региона, поначалу — исключительно пограничного. Однако ими перечень назначений далеко не исчерпывался. Источники оперируют практически двумя десятками наименований, в основном: 1) *аньфуши* 安撫使 — посланцы, уполномоченные успокаивать и обнадеживать, 2) *аньчаши* 按察使 — посланцы, уполномоченные проверять и выяснять, 3) *аньча цайфан чучжии* 按察採訪處置使 — посланцы, уполномоченные проверять, выяснить, разбираться и принимать меры, 4) *гуаньчачи* 觀察使 — посланцы, уполномоченные осматривать и выяснять, 5) *гуаньча чучжии* 觀察處置使 — посланцы, уполномоченные осматривать, выяснять и принимать меры, 6) *ду туанълянь шоучжоши* 都團練守捉使 — посланцы, уполномоченные по общему руководству обучением ополчения и караульным отрядам¹, 7) *интяниши* 營田使 — посланцы, уполномоченные по возделыванию полей, 8) *сюньчачи* 巡按使 — посланцы, уполномоченные разъезжать и разбираться, 9) *сюньчачи* 巡察使 — посланцы, уполномоченные разъезжать и выяснять, 10) *туанъляньши* 團練使 — посланцы, уполномоченные по обучению ополчения, 11) *туанълянь шоучжоши* 團練守捉使 — посланцы, уполномоченные по обучению ополчения и караульным отрядам, 12) *фандыши* 防御使 — посланцы, уполномоченные по обороне, 13) *фандыши* 防御守捉使 — посланцы, уполномоченные по обороне и караульным отрядам, 14) *цайфан чучжии* 採訪處置使 — посланцы, уполномоченные разбираться и принимать меры, 15) *цайфани* 採訪使 — посланцы, уполномоченные разбираться, 16) *цзедуши* 節度使 — жезлоносные посланцы, уполномоченные обеспечивать порядок, 17) *цзинлюэши* 經略使 — посланцы, уполномоченные по стратегическому управлению, 18) *чуныфуши* 存撫使 — посланцы, уполномоченные навещать и обнадеживать, 19) *чжидуши* 支度使 — посланцы, уполномоченные по финансовым сметам, 20) *чучжии* 鄙陟使 — посланцы, уполномоченные понижать или повышать.

В первые десятилетия Тан посланцев от случая к случаю командировали туда, где возникали какие-то серьезные проблемы — неурожай, голод, стихийное бедствие, нашествие саранчи и пр. После осуществления порученной им проверки и, вероятно, выработки каких-то резолюций или рекомендаций относительно деятельности окружной и уездной администрации той провинции, куда они были посланы, они возвращались в столицу и лишались своих прерогатив. Вероятно, их временных полномочий хватало на то, чтобы дать местному начальству мудрый совет, но главной их задачей было ознакомление с ситуацией и детальное сообщение о происходящем в центр. Им не вверялась постоянная или хотя бы сколько-нибудь долгая власть над регионом, куда их посылали. Это отражалось и в названиях назначений: скажем, *аньфуши* 安撫使 — посланец, уполномоченный успокаивать и обнадеживать. В самом общем виде им предписывалось выявлять доброе и дурное, в особенности — среди чиновничьего персонала. Надлежало также изыскивать таланты. Обо всех непорядках, включая злоупотребления, притеснения, неправильное взимание налогов, рас-

¹ В главе «Описание армии» «Новой истории Тан» («Синь Тан шу») отмечается: «В начале Тан то, где солдат пограничной стражи, охранявших границы на окраинах, было много, называлось армиями (*цзюнь* 軍), а то, где их было мало, называлось караульными отрядами (*шоу* 守捉), укрепленными городами (*чэн* 城) и гарнизонами (*чжэнь* 鎮)» (Синь Тан шу 1975: 1328).

пространение вредных учений, появление воров и разбойников, дурное состояние хозяйства, им надлежало докладывать императору. Поначалу они имели полномочия смещать провинившихся чиновников и даже назначать им замены, но с момента появления такого назначения, как *сюньчаши* 巡察使, тем, кого двор отправлял в чисто инспекторские командировки, это уже не разрешалось.

Историю развития института посланцев «Новая история Тан» кратко излагает следующим образом. В начале годов Чжэнь-гуань (1-й девиз правления Тай-цзуна, 627–649) центральное правительство впервые разослало 13 великих посланцев (*да ши* 大使) с задачей проверить состояние дел во всех округах. Позже, в тех случаях, когда случались наводнения или засухи, из столицы, чтобы справиться с ситуацией, отправляли посланцев, которые назывались то уполномоченными разъезжать и выяснять (*сюньчаши* 巡察使), то уполномоченными успокаивать и обнадеживать (*аньфучи* 安撫使), то уполномоченными навещать и обнадеживать (*цуньфучи* 存撫使). Во 2-м году Шэнь-лун (1-й девиз правления Чжун-цзуна, 705–707) разослали по 10 провинциям 20 служащих 5-го ранга или выше, назвав их уполномоченными разъезжать и выяснять (*сюньчаши* 巡察使) и поручив им проверять состояние дел в округах и уездах, а также вскрывать тамошние злоупотребления. Во 2-м году Цзин-юнь (1-й девиз правления Жуй-цзуна, 710–712) ввели для 10 провинций должность посланца, уполномоченного проверять и выяснять (*аньчачи* 按察使), по одному в каждую провинцию. Во 2-м году Кай-юань (2-й девиз правления Сюань-цзуна, 713–741) назвали такую должность посланцем, уполномоченным проверять, выяснять, разбираться и принимать меры (*аньча цайфан чучжии* 按察採訪處置使), и разослали таких посланцев по 10 провинциям, а в 4-м году эту должность упразднили. В 8-м году в 10 провинциях снова ввели должности посланцев, уполномоченных проверять и выяснять (*аньчачи* 按察使), с тем чтобы осенью и зимой они совершали инспекционные поездки по округам и уездам (*сянь* 縣). В 10-м году их опять отменили. В 17-м году вновь ввели для 10 провинций должности посланцев, уполномоченных проверять и выяснять (*аньчачи* 按察使). В 22-м году назвали их посланцами, уполномоченными разбираться и принимать меры (*цайфан чучжии* 採訪處置使), и разослали их по 10 провинциям. В конце годов Тянь-бао (3-й девиз правления Сюань-цзуна, 742–756) была восстановлена должность посланцев, уполномоченных понижать или повышать (*чучжии* 鄙陟使); возможно, ее получали по совместительству посланцы, уполномоченные разбираться и принимать меры. В 1-м году Цянь-юань (2-й девиз правления Су-цзуна, 758–760) вместо *цайфан чучжии* была учреждена должность посланцев, уполномоченных осматривать, выяснять и принимать меры (*гуаньчачи* 觀察處置使) (Синь Тан шу 1975: 1310–1311).

Из этого перечисления видно, что в середине Тан, начиная с 700-х годов, командировки уполномоченных превращаются в систему. Вероятно, это было вызвано происходившей уже в это время медленной деградацией регулярной системы управления; следует также иметь в виду, что именно эти короткие десятилетия считаются моментом максимального расцвета танского государства, когда оно, в частности, достигло и своего территориального максимума, в том числе и за счет территории проживания не-китайских народностей, где наладить регулярное управление было особенно трудно. Это отражалось и в наименованиях назначений: в них уже варьировались не столько функции оказания гуманитарной помощи населению, пострадавшему от природных аномалий или вражеских набегов, сколько функции перетряхивания местного чиновничества, например *цайфан чучжии* 採訪處置使 — посланец, уполномоченный разби-

раться и принимать меры. Еще один скачок такого же рода произошел в конце правления Сюань-цзуна в ответ на роковой для империи мятеж Ань Лу-шаня, породивший фактический хаос в стране. И тут уж на первый план выходят такие эмиссары, как, например, *фаньюйши* 防御使 — посланец, полномоченный по обороне.

Переименования назначений даже в мирное время были обычным делом, но насколько они влияли на реальные полномочия, прерогативы и функции посланцев, сказать весьма затруднительно. Источники перечисляют даты и термины, но мало внимания уделяют сути дела. Напрашивается мысль, что служебные обязанности посланцев с этими часто изменявшимися наименованиями, в общем-то, были однотипными, и разве что введение в название уточнения *чучжи* 處置, которое я передаю как «принимать меры», несколько расширяло их властные возможности.

Деятельность посланцев, даже таких как *цзедуши*, в общем ряду со служебной деятельностью любого чиновника тоже (по крайней мере поначалу) получала квалификационные характеристики от вышестоящих; им, как и всем иным государственным служащим, выставлялись аттестационные оценки (*као* 考). Источники не уточняют, кто именно проводил аттестации столь высокопоставленных особ, но, надо полагать, этим занимался кто-либо из правительствуемых сподвижников (*цзайсян* 宰相) или равных им по статусу столичных руководителей. Аттестации проводились ежегодно в 8-м месяце. Для посланцев предусматривались три квалификационных уровня; та из тройки заранее заданных стандартных формулировок, которую вышестоящая инстанция избирала для характеристики трудов посланца, и являлась оценкой. Чрезвычайно интересны эти формулировки сами по себе, поскольку они как нельзя лучше позволяют увидеть приоритеты, которыми надлежало руководствоваться различным уполномоченным. Для *цзедуши* высшей оценкой было «сократил число солдат» (*сюо бин* 銷兵)², средней — «питал в достаточной мере» (*цзу ши* 足食), и лишь третьей, самой низкой — «имел боевые заслуги при защите границ» (*бянь гун* 邊功). Для *гуваньчаши* 觀察使 — «получил богатый урожай» (*фэн жэнь* 豊稔), «редко применял наказания» (*шэн син* 省刑)³, и в качестве самой низкой — «исправно собирал налоги» (*бань шуй* 辨稅). Для *туанъляньши* 團練使 — «содержал народ в покое» (*ань минь* 安民), «касал порочных» (*чэн цзянь* 懈奸) и «руководствовался лишь истинными обстоятельствами» (*дэ цин* 得情)⁴. Для *фаньюйши* 防御使 — «не допустил ничего, что причинило бы беспокойство» (*у юй* 無虞), «бескорыстен и усерден» (*цин ку* 清苦), «управлял надлежащим образом» (*чжэн чэн* 政成). Для *цзинлюэши* 經略使 — «рас-

² Возведение сокращения войск в ранг высшей добродетели военных лидеров ясно показывает, что двор вполне осознавал опасность перетекания вооруженных сил из-под непосредственного контроля центра, а потому стремился уменьшить боевые возможности региональных полководцев. Конечно, эта предельно лаконичная формулировка имела, надо полагать, тот оттенок, что данный полководец хорошо именно тем, что, в отличие от менее искусных, даже и высвободив для производительного труда энное количество рабочих рук, ухитрялся и с сокращенной численностью войск решать все свои задачи и обеспечивать безопасность и покой на границе, но тем не менее — во главу угла ставилось именно самоослабление военного лидера. Это было дальновидно, но недостаточно, и, вероятно, эффективность этой меры оставляла желать лучшего. Объективные исторические процессы шли своим чередом.

³ Надо думать, имелось в виду, что обстановка в подведомственном регионе под властью столь успешного работника сделалась такой, что преступления стали малочисленны, а следовательно, и к наказаниям не приходилось часто прибегать.

⁴ Вероятно, имелась в виду тщательная проверка обстоятельств чьих-то преступлений или проступков, а возможно — и служебных списков, перед тем как принимать какие-то решения или осуществлять назначения.

четлив и дальновиден» (*цзи ду* 計度), «доводил дела до конца» (*цзи ши* 集事) и «чи-нил и строил» (*сю цзао* 傷造) (Синь Тан шу 1975: 1310). Для других уполномоченных «Новая история Тан» аттестационных формулировок, к сожалению, не приводит.

Катастрофический для страны и династии мятеж Ань Лу-шаня (755–763) радикально изменил относительно благополучную ситуацию первых десятилетий Тан. Для подавления мятежа у центрального правительства не хватило собственных возможностей, что вынуждало его постепенно плодить полномочных посланцев в невиданных прежде количествах и обращаться за помощью к одним региональным лидерам против других, что имело неизбежным следствием введение армий, подконтрольных лично этим лидерам, с окраинных территорий, где первоначально были сосредоточены подчиненные полномочным посланцам территориальные единицы, во внутренние области страны. «Новая история Тан» отмечает, что со второй половины царствования Дэ-цзуна (780–805) в каждый полевой армейский стан (*син ин* 行營), т.е. в каждую действующую полевую армию, назначались либо *цзедуши* 節度使, либо *фанъюйши* 防御使, либо *туанъляньши* 團練使 (Синь Тан шу 1975: 1316). Одни полу-независимые военачальники, формально имевшие статус тех или иных полномочных посланцев, боролись с другими, практически независимыми военачальниками, которые тоже являлись полномочными посланцами, и если одолевали их, сами наращивали собственное могущество. А тогда уже соображения собственной безопасности подстегивали каждого из них добиваться еще большей автономии, страхуя себя от изменчивого нрава императорского двора, который слишком сильных защитников частенько (и, в общем, оправданно) опасался куда больше, чем слабых противников. Так оказался запущен практически необратимый, сродни цепной реакции механизм: если кому-то можно, то почему мне нельзя? Если у кого-то получилось, то почему бы мне не попробовать? Раз стартовавший процесс подобного рода уже невозможно обернуть вспять — разве лишь масштабным, сложенным, единовременным кровопусканием, на которое у танского правительства не было ни сил, ни средств.

«Новая история Тан», похоже, формально устанавливает некую цепочку подчинения: жезлоносные посланцы, уполномоченные обеспечивать порядок (*цзедуши* 節度使), выполняли повеления правительствующего сподвижника, то есть непосредственно центрального правительства, посланцы, уполномоченные осматривать и выяснять (*гуаньчаши* 觀察使), выполняли распоряжения жезлоносных посланцев, а посланцы, уполномоченные по обучению ополчения (*туанъляньши* 團練使), выполняли распоряжения посланцев, уполномоченных осматривать и выяснять (Синь Тан шу 1975: 1310). Однако это было сделанное задним числом благопожелание, идеальная схема, из которой то и дело (чем дальше, тем больше) выбивался реальный расклад сил правительства и региональных лидеров, да и сформулировано это в довольно расплывчатых выражениях, а названный перечень звеньев иерархии, как мы видим, отнюдь не исчерпывал разнообразия назначений, т.е. даже идеал, здесь отраженный, был весьма короткоживущим.

В целом одни посланцы вовсе не были подчиненными других, и каждый, вне зависимости от наименования своего назначения, брал столько суверенитета, сколько мог.

После подавления мятежа отдельные жезлоносные посланцы приобрели такую власть, что в случае болезни или достижения преклонного возраста назначали своих сыновей, родственников или приближенных управлять от их имени. Такие правители назывались местоблюстителями (*люшоу* 留守) посланцев. Бывало и так, что некото-

рые местные военные сами провозглашали себя местоблюстителями, а затем вынуждали центральное правительство признать их полномочия. Возможно, аналогичные процессы происходили и с назначениями других влиятельных посланцев, хотя военная мощь *цзедуши* соблазняла на подобные акции чаще всего.

В конце концов, последние десятилетия Тан превратились в нескончаемую изнурительную борьбу укоренившихся в своих регионах посланцев друг с другом и всех их вместе — с центральным правительством. Правительство пыталось парировать эту угрозу и то периодически отменяло одни наименования полномочий посланцев и вводило вместо них новые, тем самым стараясь выбить из-под власти прежних региональных владык юридическую базу и подчинить их новым посланцам или хотя бы столкнуть с ними, — однако новые шли по стопам старых, — то, наоборот, дополняло провинциальные полномочия посланцев высокими назначениями в центральном правительстве, желая привязать регионалистов к центру, заинтересовать их в его усилении и процветании, — но, раз попробовав независимости и безопасности, те охотно принимали пышные титулы, но не спешили подчиняться. Все попытки центра обуздить их своеование были окончательно сведены на нет общим экономическим и военным упадком страны. Крестьянские восстания довершили дело, и бывшие региональные лидеры на несколько десятилетий растащили страну на самостоятельные уделы.

Аньфуши 安撫使

Посланец, уполномоченный успокаивать и обнадеживать. Это назначение существовало главным образом в начале Тан; возможно, оно вообще появилось первым, еще во время войны за престол. *Аньфуши* делегировались для оказания помощи в районах, пострадавших от военных действий или стихийных бедствий, проверки способности местной администрации справиться с ситуацией и выяснения состояния населения. Им вменялось объезжать округа и уезды на обширной вверенной территории, чтобы выявлять успехи и вскрывать злоупотребления местного чиновничества. Во времена правления императрицы У-хой (684–705) в подобные командировки часто отправляли служащих Чертога Государевых наблюдателей (*юйшитай* 御史臺) — т.н. цензоров (*юйши* 御史). RR: Commissaire impérial chargé de pacifier et de mettre en ordre une région. Hk: Pacification Commissioner.

Цуньфуши 存撫使

Посланец, уполномоченный навещать и обнадеживать. Это назначение существовало главным образом в первые десятилетия Тан, скорее всего, начиная с 633 г. «Новая история Тан» отмечает, что, когда где-либо случались наводнения или засухи, отправляли посланцев, которые назывались уполномоченными навещать и обнадеживать (Синь Тан шу 1975: 1310). Функции их, очевидно, были сходны с функциями *аньфуши* 安撫使. RR: Commissaire impérial chargé de secourir et de mettre en ordre [une région]. Hk: Relief Commissioner.

Чучжиши 黜陟使

Посланец, уполномоченный понижать или повышать. Подразумевалось, что такое назначение дает власть оценивать деятельность всего провинциального аппарата, су-

дить, смещать или понижать по службе нерадивых, а также поощрять и повышать старательных и успешных чиновников в той зоне, на которую распространялись полномочия посланца. Впервые такие посланцы были разосланы в 10 провинций в 634 г. В 646 г. ряд посланцев был отправлен с инспекционными поездками для оценки деятельности местных управленцев и принятия относительно них соответствующих мер наказания и поощрения. В 780 г. несколько чучжииши были направлены в провинции с целью облагораживания нравов, выявления существующих трудностей и, в частности, унификации налоговой системы и продвижения новых норм двойного налогообложения (*лянишуй фа* 兩稅法). RR: Commissaire impérial chargé de désigner à la disgrâce et à l'avancement. Hk: Personnel Evaluation Commissioner.

Сюньчashi 巡察使

Посланец, уполномоченный разъезжать и выяснять. Функции *сюньчации* были аналогичны функциям *аньфуши* 安撫使. Данное наименование возникло в 706 г., когда 20 столичных служащих, имевших ранги от 5-го и выше, были разосланы по 10 провинциям; их назначение называли новым термином *сюньчации*. Срок их полномочий был ограничен двумя годами, затем их полагалось сменять. В 711 г. они были заменены на посланцев, уполномоченных проверять и выяснять (*аньчации* 按察使). Commissaire impérial chargé de visiter et d'inspecter [une région]. Hk: Touring Surveillance Commissioner.

Цзинлюэши 經略使

Посланец, уполномоченный по стратегическому управлению. Впервые это назначение было сделано в 628 г., когда такой уполномоченный был направлен в один из приграничных округов. Впоследствии оно стало одним из дополнительных назначений-титулов для жезлоносных посланцев, уполномоченных обеспечивать порядок (*цзедуши* 節度使), которое давалось одновременно с основным назначением. И то и другое наименование давали в первую очередь контроль над вооруженными силами вверенного региона. «Новая история Тан» специально отмечает, что *цзинлюэши* направлялись прежде всего в окраинные, пограничные округа (Синь Тан шу 1975: 1316). RR: Commissaire impérial à la direction militaire [d'un région]. Hk: Military Commissioner.

Цзедуши 節度使

Жезлоносный посланец, уполномоченный обеспечивать порядок. Чрезвычайный военный наместник. Еще с 623 г., если отвечавшим за стратегически важные окраинные территории главноуправляющим (*цзунгуань* 總管) поручалось командование расквартированными там войсками и они по совместительству получали назначение на должность армейских единональников (*тунцюнь* 統軍), им присваивался титул посланца, держащего жезл *цзе* (шицице 使持節), или полномочного жезлодержца. Первые упоминания словосочетания *цзедуши* относятся к годам Юн-хуй (1-й девиз правления Гао-цзуна, 650–655), когда обычным военным наместникам (*ду* 都督) начали вручать регалию *цзе*, и якобы именно поэтому таких наместников стали добавочно, описательно называть *цзедуши*. Поначалу, как упоминает «Шесть уложений

Тан», таких наместников было восемь, под властью каждого находилось несколько армий и несколько возвращенных или вновь попавших под власть Тан укрепленных городов (Тан лю дянь: цз. 5, разд. *бинбу ланчжун*). То есть все территории, которые эти чиновники должны были защищать и с этой цельюполномочно их контролировать, располагались на окраинах страны, в подверженных особой опасности регионах, главным образом — на севере и северо-западе. Официально как самостоятельная должность *цзедуши* впервые возникла в 711 г: некий Хэба Янь-си получил пост военного наместника (*ду ду* 都督) округа Лянчжоу (на территории нынешней провинции Ганьсу) и притом был назначен жезлоносным посланцем, уполномоченным обеспечивать порядок в регионе Хэси (земли к западу от Хуанхэ, в нынешних провинциях Шэньси и Ганьсу). В «Новой истории Тан» обязанности и прерогативы *цзедуши* охарактеризованы очень лаконично: осуществляли верховное руководство войсками своего региона (провинции или нескольких соседствующих округов) и имели возможность самостоятельно, без утверждения императором, применять смертную казнь (поначалу только к простолюдинам, с течением времени — и к чиновникам младших рангов) (Синь Тан шу 1975: 1309). «Новая история Тан» довольно подробно описывает процедуру их введения в должность. При получении назначения на аудиенции у императора чрезвычайному военному наместнику вручались его регалии: парный штандарт (*шуван цзин* 雙旌) и парный жезл (*шуван цзе* 雙節), подтверждавшие его полномочия; якобы штандарт применялся при осуществлении посланцем церемоний поощрения чиновного персонала во вверенном ему регионе, парный жезл — при осуществлении смертной казни. По достижении первой почтовой станции по пути следования к месту назначения посланец обязан был отправить императору уведомление об этом — вероятно, с тем чтобы тот мог удостовериться: посланец действительно отбыл. По прибытии в назначенный посланцу регион там устраивались пышные церемонии встречи, с воздвижением специальных хранилищ для регалий в округах и уездах, с игрой на духовых и ударных музыкальных инструментах, с построением почетного караула перед зданиями местных управ; тамошние чиновники выстраивались справа от пути следования посланца и предъявляли свои печати (Синь Тан шу 1975: 1309–1310).

Теоретически контроль над вверенной полномочным посланцем территорией разделялся между уполномоченными по военным делам и по делам гражданским — такие гражданские наместники назывались, например, посланцами, уполномоченными осматривать и выяснять (*гуаньчаши* 觀察使). Реально жезлоносные посланцы получали фактическую власть над войсками, населением и финансами, и потому их основное назначение часто дополнялось другими, дававшими гражданскую и финансовую власть. Во многих провинциях военные руководители получали оба упомянутых назначения разом и тогда назывались уполномоченными обеспечивать порядок, осматривать и выяснять (*цзеду гуаньчаши* 節度觀察使). Своих заместителей (*цзе ду фу ши* 節度副使) чрезвычайные военные наместники зачастую подбирали и назначали сами. Порой на должности великих жезлоносных посланцев (*цзеду даши* 節度大使) назначались князья императорской крови (*циньван* 親王), но они, как правило, получали такое назначение чисто номинально и не покидали столицу, а вверенными им цзедушатами от их лица управляли их заместители (*цзеду фу даши* 節度副大使) или исполняющие обязанности (*чжи цзедуши* 知節度使). Буквально накануне мятежа Ань Лу-шаня, к 742 г., когда страна еще могла вполне обоснованно считаться единой, на окраинных территориях (во Внутреннем Китае цзедушатов тогда

еще не было), по имеющимся сведениям, насчитывалось 47 *цзедуши* с личными армиями численностью от 500 до 33 000 человек каждая. По некоторым данным, в это время 10 наиболее влиятельных *цзедуши* обладали в сумме войском в 490 000 бойцов, в то время как императорская армия в центре страны насчитывала всего 120 000 человек. Ань Лу-шань, в 755 г. поднявший мятеж, бесповоротно надорвавший силы Тан, тоже был *цзедушем*. RR: Commissaire impérial au commandement d'un région. Hk: Military Commissioner.

Интяньши 耘田使

Посланец, уполномоченный по возделыванию полей. Похоже, впервые это назначение было произведено при Сюань-цзуле (712–756), возможно, в 727 г., в провинции Шофан (совр. Нинся-Хуэйский автономный район), и в каждом из пяти укрепленных городов провинции был введен пост подчиненного посланцу сотрудника (*цань-цзюньши* 參軍事), отвечавшего за окрестные относительно своего города поселения и их сельскохозяйственную активность. Но вообще говоря, в «Новой истории Тан» сообщается, что в каждой армии, расквартированной на окраинах страны, в помощь ее командующему в штат всегда назначался помощник по возделыванию полей (*интянь фуши* 耘田副使), если численность армии достигала или превышала 10 000 бойцов (Синь Тан шу 1975: 1318). Формально назначение уполномоченным по возделыванию полей давало власть над деятельностью земледельческих поселений (*туньтянь* 屯田) — как гражданских, так и военных — и над распределением их продукции, которая предназначалась для обеспечения продовольствием войск, расквартированных в той провинции, куда назначался такой посланец. «Новая история Тан» специально отмечает, что *интяньши* направлялись в плодородные, с хорошими землями округа, в которых располагались земледельческие поселения (Синь Тан шу 1975: 1316). Назначение уполномоченного по возделыванию полей часто получали по совместительству жезлоносные посланцы, уполномоченные обеспечивать порядок (*цзедуши* 節度使), которые тем самым становились и военными, и хозяйственными руководителями: в качестве *интяньши* чрезвычайный военный наместник питал армию, а в качестве *цзедуши* — возглавлял ее подготовку и ее боевые операции. RR: Commissaire impérial à l'administration d'une colonie agricole. Hk: Agricultural Commissioner.

Аньчаши 按察使

Посланец, уполномоченный проверять и выяснять. В 711 г. правительственные инспектора под названием *аньчаши*, заменив посланцев, уполномоченных разъезжать и выяснять (*синьчаши* 巡察使), были разосланы центральным правительством в 10 провинций, по 1 человеку в каждую, для координации деятельности местных чиновников и контроля за ними. В 714 г. эту должность назвали посланцем, уполномоченным проверять, выяснять, разбираться и принимать меры (*аньча цайфан чучжши* 按察採訪處置使), в 716 г. она была упразднена. В 720 г. в 10 провинциях снова ввели должность посланцев, уполномоченных проверять и выяснять (*аньчаши* 按察使), с тем чтобы осенью и зимой они совершали инспекционные поездки по округам и уездам, в 722 г. эту должность опять упразднили. В 729 г. снова ввели для 10 провинций должности посланцев, уполномоченных проверять и выяснять (*аньчаши* 按察使). В 734 г. назвали их посланцами, уполномоченными разбираться и принимать меры

(*цайфан чучжииши* 採訪處置使). RR: Commissaire impérial inspecteur. Hk: Surveillance Commissioner.

Аньча цайфан чучжиши 按察採訪處置使

Посланец, уполномоченный проверять, выяснять, разбираться и принимать меры. Такое назначение производилось лишь в течение чрезвычайно короткого периода с 714 по 716 г. RR: Commissaire impérial organisateur, enquêteur et inspecteur. Hk: Surveillance, Investigation and Supervisory Commissioner.

Чжидуши 支度使

Посланец, уполномоченный по финансовым сметам. Отвечал за расчеты финансирования снабжения определенной армейской группировки оружием, снаряжением, провиантом и жалованьем, а также за своевременную и исчерпывающую отправку всех этих данных в столицу. Деятельность этих посланцев не была связана с постоянным контролем над какой-то территорией. «Старая история Тан» отмечает, что во все армии, расквартированные на окраинных территориях, назначался уполномоченный по финансам, который вел учет трат армии на военное снаряжение, оружие, пропитание личного состава и его жалованье (Цзю Тан шу: цз. 43, разд. *чжиду ланчжун*). В 700-х годах это назначение постепенно стало обычным дополнительным назначением жезлоносных посланцев, уполномоченных обеспечивать порядок (*цзедуши* 節度使), и в таком случае все обязанности и права по контролю за финансами своей армии ложились на *цзедуши*. Если же такой посланец назначался отдельно, он получал и соответствующий штабной штат, куда непременно входил, в частности, чиновник, ответственный за перевозки зерна (*циньюнь панъгуань* 遣運判官). RR: Commissaire impérial aux finances. Hk: Fiscal Commissioner.

Цайфаниши 採訪使

Посланец, уполномоченный разбираться. Это наименование было сокращенной формой названия назначения *цайфан чучжииши* 採訪處置使. RR: Commissaire impérial enquêteur. Hk: Investigation Commissioner.

Цайфан чучжиши 採訪處置使

Посланец, уполномоченный разбираться и принимать меры. Такие посланцы делигировались центральным правительством для координации деятельности регулярной гражданской администрации нескольких округов и контроля над ней, и в частности — для проверки судебных дел и состояния арестантов. В 734 г. название *аньчаши* 按察使 было изменено на *цайфан чучжииши* 採訪處置使 — посланцев, уполномоченных разбираться и принимать меры. Такие посланцы были разосланы по провинциям для проверки деятельности окружных и уездных администраций, а также, в частности, состояния судебных дел и мест заключения; якобы имели полномочия снимать с должностей даже окружных начальников (*циши* 刺史). Одним из таких посланцев был, ни много ни мало, тогдашний второй человек в иерархии важнейшего правительственного контрольного органа — Чертога Государевых наблюдателей (*юйшитай*

御史臺) — придворный помощник (*чжунчэн* 中丞). Ему было доверено обследование столичных и пристоличных учреждений. Остальными посланцами в тот год тоже были высокопоставленные правительственные чиновники, однако позже такие назначения получали и простые начальники округов вдобавок к своим регулярным должностям. В 737 г. все посланцы, уполномоченные разбираться и принимать меры, получили повеление проводить оценки деятельности местных чиновников и раз в три года докладывать о результатах трону. В отличие от раннетанских посланцев-инспекторов *цайфани* было долгосрочной должностью. Эти эмиссары стали настоящими гражданскими губернаторами, самыми могущественными на тот момент среди посланцев, но не имели военной власти. Они выполняли и обязанности посланцев, уполномоченных смещать и повышать. Однако уже в 750 г. их полномочия были ограничены оценкой деятельности местных чиновников, без возможности вмешиваться в их действия. С 758 г. таких посланцев стали называть *гуаньча чучжиши* 觀察處置使 — посланцами, уполномоченными осматривать, выяснять и принимать меры. RR: Commissaire impérial organisateur et enquêteur. Hk: Investigation and Supervisory Commissioner.

Сюньяньши 巡按使

Посланец, уполномоченный разъезжать и разбираться. В 746 г. посланцы с таким наименованием назначения были разосланы по стране с целью выяснения правов и продвижения либо увольнения местных чиновников. Hk: Touring Censorial Inspector.

Гуаньчаши 觀察使

Посланец, уполномоченный осматривать и выяснять. Это название назначения являлось сокращенной формой названия *гуаньча чучжиши*. RR: Commissaire impérial à la surveillance d'une région. Hk: Surveillance Commissioner.

Гуаньча чучжиши 觀察處置使

Посланец, уполномоченный осматривать, выяснять и принимать меры. «Новая история Тан» характеризует функции *гуаньча чучжиши* как «ведали выявлением доброго и дурного и претворяли в жизнь основные принципы управления» (Синь Тан шу 1975: 1310). Данное наименование возникло, вероятно, в 758 г., когда таким образом переименовали тех провинциальных начальников, кто раньше назывался *цайфан чучжиши* 採訪處置使. Теоретически назначение *гуаньчачи* считалось вторым по важности, влиятельности и престижности после *цзедуши*. Они считались чисто гражданскими руководителями (в отличие от жезлоносных посланцев *цзедуши*), однако в последние десятилетия Тан, когда возможности и власть центрального правительства ослабли, *цзедуши* часто получали это назначение-титул, как и многие другие, дополнительно. Если одно и то же лицо получало военное и гражданское назначения разом, оно осуществляло и военное, и гражданское управление вверенной территории и, похоже, получало соответствующий расширенный штат, полагавшийся по каждому из его назначений. RR: Commissaire impérial à l'organisation et à la surveillance [d'une région]. Hk: Surveillance and Supervisory Commissioner.

Фанъюйши 防御使

Посланец, уполномоченный по обороне. Это название было сокращенной формой наименования *фанъюй шоучжоши* 防御守捉使. Формально должность с названием *фанъюйши* впервые появилась в 698 г., но тогда ее получил всего лишь вдобавок к своей основной должности один из окраинных военных наместников (*ду ду* 都督) с указанием конкретного округа, который ему вменялось в обязанность защищать от набегов туфандей: в «Новой истории Тан» упоминается, что военный наместник округа Сячжоу был назначен посланцем, уполномоченным по обороне округа Яньчжоу (Синь Тан шу 1975: 1316). Самостоятельным назначением *фанъюйши* стало позднее; в 714 г. был назначен, вероятно, первый такой уполномоченный в провинцию Лунью (на территории современной провинции Ганьсу). Системным это назначение сделалось в разгар борьбы с мятежом Ань Лу-шаня. Посланцы с таким наименованием назначения стали первой реакцией на мятеж Ань Лу-шаня и делегировались в те районы, где мятежники действовали особенно интенсивно, получая широкие полномочия по восстановлению власти правительства в каком-либо округе или их группе. Должность непосредственно подчиненных двору посланцев, уполномоченных по обороне, была учреждена в 755 г. специально для управления оставшимися верными центральному правительству военными контингентами в критически важных и уязвимых районах. В 756 г. введение этой должности во всех стратегически значимых провинциях и округах продолжилось, причем таких посланцев начали направлять уже и в административные единицы Внутреннего Китая. *Фанъюйши* могли получать в качестве зоны ответственности как один округ, так и несколько; в последнем случае их называли главными уполномоченными по обороне (*ду фанъюйши* 都防御使). Обычным было назначение уполномоченным по обороне какого-то конкретного округа. «Старая история Тан» упоминает, что в то время такое назначение часто по совместительству получали начальники округов (*цыши* 刺史) и специальных верительных регалий — штандарта и жезла (*цзин цзе* 旌節) им не вручалось (Цзю Тан шу: цз. 44, разд. *фан юй туаньляньши*). Во время правления Су-цзуна (756–762) эта должность была упразднена, осталась она на некоторое время лишь в одной из провинций. Возможно, такое название впоследствии еще применялось, — по некоторым данным, должность была восстановлена Дай-цзуном сразу после восшествия на престол (763–779), но в основном взамен этого назначения стало применяться назначение *туаньлянь шоучжоши* 團練守捉使. RR: Commissaire impérial à la défense [d'un région]. Hk: Defence Commissioner.

Фанъюй шоучжоши 防御守捉使

Посланец, уполномоченный по обороне и караульным отрядам. Это название было полной формой наименования *фанъюйши*. RR: Commissaire impérial aux détachements militaires chargé de la défense de la région. Hk: Defence and Security Commissioner.

Туаньляньши 團練使

Посланец, уполномоченный по обучению ополчения. Сокращенная форма назначения *туаньлянь шоучжоши* 團練守捉使. RR: Commissaire impérial aux milices locales. Hk: Military Training Commissioner.

Туанълянь шоучжоши 團練守捉使

Посланец, уполномоченный по обучению ополчения и караульным отрядам. «Новая история Тан» относит появление этого названия к 1-му году Цянь-юань (2-й девиз правления Су-цзуна, 758–760), когда были введены должности посланцев, уполномоченных по обучению ополчения и караульным отрядам (Синь Тан шу 1975: 1316). Они контролировали обучение местных отрядов ополчения и состояние пограничных подразделений. Как и предшествовавшие им *фанъюйши* 防御使, они подразделялись на окружных (*чжоу туанълянь шоучжоши* 州團練守捉使) и главных (*ду туанълянь шоучжоши* 都團練守捉使). Самые крупные вверенные таким уполномоченным единицы могли насчитывать 10 округов и более, наиболее мелкие — 2–3 округа, а реже лишь 1 округ. Посланцы, которые контролировали большое количество округов, могли одновременно получать назначение посланца, уполномоченного надзирать и разбираться (*гуаньчаши* 按察使), или считаться в их косвенном подчинении; те, что контролировали округ, одновременно могли являться или назначаться начальниками (*цзии* 刺史) данного округа. Штат посланцев, которые контролировали 10 округов, дополнялся товарищем посланца (*туанълянь фуши* 團練副使). Имелись сведения, что при Дай-цзуне (763–779) всякий начальник округа получал одновременно и назначение посланца, уполномоченного по обороне и караульным отрядам, но впоследствии эта практика, возможно, была оставлена. «Новая история Тан» отмечает, что в таком случае в специальный ближайший штат *туанъляньши* помимо полагавшегося начальникам округов регулярного гражданского аппарата непременно включались несколько чиновников, связанных с военным руководством и поддержанием порядка в войске, например один судебный следователь (*туйгуань* 推官) и один штабной дознаватель (*ятуй* 衙推) (Синь Тан шу 1975: 1310). «Шесть уложений Тан» упоминает численность формирований ополчения (*туань цзе* 團結) в некоторых округах: в столичном — 6327, в трех пристоличных — 6736, 5223, 2735 (Тан лю дянь: цз. 5, разд. *бинбу ланчжун*). RR: Commissaire impérial aux milices locales et aux détachements militaires. Hk: Commissioner for Militiamen.

Сокращения

RR — Rotours 1947–1948

Hk — Hucker 1985

Литература

Синь Тан шу 1975 — Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975.

Hucker 1985 — Hucker Ch. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford; California: Stanford University Press, 1985.

Rotours 1928 — Rotours R. des. Les Grand Fonctionnaires des Provinces en Chine sous la dynastie des T'ang // T'oung Pao. 1928. Vol. XXV.

Rotours 1947–1948 — Rotours R. des. Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée. Vol. 1–2. Leyde: E.J. Brill, 1947–1948.

Электронные ресурсы

Тан лю дянь 唐六典 (Шесть уложений Тан) // Веб-сайт «Wikisource». URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/唐六典> (дата обращения: 05.01.2025).

Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая история Тан) // Веб-сайт «Wikisource». URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/舊唐書> (дата обращения: 05.01.2025).

References

- Hucker, Charles. *A Dictionary of Official Titles in Imperial China*. Stanford; California: Stanford University Press, 1985 (in English).
- Rotours, Robert des. “Les Grand Fonctionnaires des Provinces en Chine sous la dynastie des T’ang”. *T’oung Pao*, 1928, vol. XXV (in French).
- Rotours, Robert des. *Traité des Fonctionnaires et traité de l’Armée*. Vol. 1–2. Leyde: E.J. Brill, 1947–1948 (in French).
- Xin Tang shu* 新唐書 [New History of the Tang]. Vol. 1–20. Beijing: Zhonghua shuju 中華書局, 1975 (in Chinese).

Electronic resources

- Czyu Tan shu (舊唐書 Staraia istoriia Tan). [Old History of the Tang]. “Wikisource” web site. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/舊唐書> (accessed: 05.01.2025) (in Chinese).
- Tan lyu dyan’ (唐六典 Shest’ ulozhenii Tan) [Six Law Codes of the Tang]. “Wikisource” web site. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/唐六典> (accessed: 11.01.2024) (in Chinese).

The System of Plenipotentiary Envoys in the Tang China (618–907)

Viacheslav M. RYBAKOV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 13.01.2025.

Abstract: The system of plenipotentiary envoys (*Shi* 使) was extremely important for China of the Tang period (618–907). It was established immediately after the new dynasty came to power, and soon turned into a permanent element of the state structure, becoming eventually the bane of the great Tang Empire. The titles of such commissioners were very numerous, some often were replaced by others, and there is still a lot of confusion about this issue. A separate problem is how to translate the Chinese terms of assignments into Russian. In this article, the author—using materials from Chinese sources—attempts to briefly systematize the essential information about such envoys.

Key words: traditional Chinese administration, administrative terminology, translation of administrative terms.

For citation: Rybakov, Viacheslav M. “The System of Plenipotentiary Envoys in the Tang China (618–907)”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 30–43 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691528.

About the author: Viacheslav M. RYBAKOV, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ouyangtsev@mail.ru). ORCID: 0000-0002-7671-9500.

По страницам «Энциклопедии Абхидхармы»: описание буддийского поста

Е.П. ОСТРОВСКАЯ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691529

Статья поступила в редакцию 13.06.2025.

Аннотация: Статья посвящена этическому анализу буддийского суточного поста, наиболее полное описание которого содержится в четвертом разделе трактата Васубандху (IV–V вв.) «Энциклопедия Абхидхармы с комментарием». В статье рассматривается концепция поста как духовного дара, адресованного тому типу мирян, кто жаждет чувственных наслаждений и еще не способен полностью воздерживаться от аморальных действий. Показано, что Васубандху трактовал пост как совокупность восьми факторов. Из них четыре фактора (воздержание от убийства, воровства, прелюбодеяния, лжи) есть практика добродетельного поведения. Один фактор — практика трезвости (воздержание от употребления опьяняющих веществ). И три фактора аскетизма: отказ от почивания на высоком или широком ложе, отказ от развлечений (танцев, музыки, пения) и заботы о собственной привлекательности, отказ от еды в течение постных суток. Благой моральный эффект поста достигается только при соблюдении всей совокупности факторов. Частичная практика поста бесполезна.

Ключевые слова: буддийский пост, поздняя Абхидхарма, дисциплина поста, восемь факторов поста, трезвость, аскетизм.

Для цитирования: Островская Е.П. По страницам «Энциклопедии Абхидхармы»: описание буддийского поста // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 44–52.
DOI: 10.55512/WMO691529.

Об авторе: ОСТРОВСКАЯ Елена Петровна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Южной Азии, Отдел Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (ost-alex@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-3613-4428.

© Островская Е.П., 2025

В контексте изучения буддийской морали и этики пост как явление религиозной жизни, непосредственно восходящее к древнему дисциплинарному кодексу Пратимокши¹, вызывает закономерный научный интерес. Однако вплоть до настоящего

¹ Пратимокша (*prātimokṣa*) содержит нормативные дисциплинарные предписания, соответствующие статусам монаха, монахини, претендентки на монашество, послушника, послушницы, мирянина, мирянки, а также наставления относительно практикования поста. Этот дисциплинарный кодекс образует смысловое ядро Винаи — первого раздела канонов древних монашеских орденов (так называемых ранних школ). Наряду с Пратимокшой в состав Винаи были включены наставления Будды о правилах организации жизнедеятельности монашеской общины, об имуществе ее членов, занятиях

времени анализ этого явления на материале письменных источников, сохранившихся в санскритском оригинале, не предпринимался. Цель настоящей статьи состоит в восполнении данного пробела. В основу исследования положено наиболее полное описание поста, содержащееся в четвертом разделе трактата «Энциклопедия Абхидхармы с комментарием»² прославленного буддийского просветителя раннесредневековой Индии Васубандху (IV–V вв.) (Островская, Рудой 2001: 531–535).

Трактат Васубандху создавался в качестве учебной программы по Абхидхарме³ для образовательной подготовки ученого монашества. Поэтому в прозаический комментарий к базовому тексту, составленному в стихотворной форме *карика*, были включены фрагменты дискуссий и вопросы студентов, представлявших различные школы буддийской философской мысли раннесредневековой Индии, — *вайбхасику*⁴, *саутрантику*⁵, *йогачару*⁶. Такая неоднородность аудитории обусловливалаась характерной для буддийского образования традицией академического паломничества — студенческих путешествий к авторитетным учителям с целью пополнения знаний и участия в обсуждении вопросов, вызывавших споры между школами. Спорные вопросы, как будет показано ниже, возникали и в связи с освещением темы поста — последнего из восьми видов дисциплины *пратимокши*.

Вводные сведения о посте. То явление буддийской религиозной жизни, которое в научной литературе принято называть «постом», обозначается в оригинальных текстах санскритским термином «упаваса» (*upāvasa* — букв. «приближение»). Как поясняет Васубандху, последователи одних школ утверждают, что *upāvasa* есть приближение к аскетическому образу жизни архатов⁷, а по мнению других, это приближение к пониманию дисциплины *пратимокши* — мирских и монашеских обетов,

в различные сезоны года и взаимоотношениях с мирянами. В оригинале (на среднеиндийском языке пали) сохранился только канон южной буддийской традиции, распространявшийся в страны Юго-Восточной Азии. Каноны школ северной традиции, продвигавшейся в Центральную Азию и на Дальний Восток, известны либо в оригинальных фрагментах рукописей, обнаруженных на территории Великого шелкового пути, либо в переводах на китайский, тибетский и некоторые другие языки.

² Санскр. *Abhidharmaśabdhāya* (Pradhan 1967). В распоряжении ученых имеется также весьма обширный санскритский комментарий Яшомитры (VIII в.). *Sphuṭārtha abhidharmaśavayākhyā* — «Смыслопроясняющее истолкование Энциклопедии Абхидхармы» (SAKV 1932–1936).

³ Термин *abhidharma* (букв. «[сказанное] относительно Учения») имеет в специальном буддийском лексиконе несколько значений (Dhammadjoti 2009: 1–14). В данном случае под Абхидхармой имеется в виду совокупность семи ранних эзегетических трактатов, входящих в состав канона древних сарвастивадинов, детально разработавших теорию *dharm* — моментальных по длительности элементов, конституирующих на внеэмпирическом уровне состав живых существ и неодушевленных объектов. Абхидхарма сарвастивадинов трактовалась как наука, обращенная к нирване — высшему благу и цели религиозной жизни.

⁴ *Вайбхасика* (*vaibhāṣika*) — школа философской мысли, провозглашавшая себя наследницей древней *сарвастивады*; основополагающий текст школы — «Абхидхарма-махавибхаша» («Большая дискуссия по Абхидхарме»), I–II вв.) — сохранился только в переводах на китайский язык.

⁵ *Саутрантика* (*saurāntika*) — школа «Опирающихся на сутры», т.е. признающих приоритетную философскую значимость канонических сутр, а не Абхидхармы.

⁶ *Йогачара* (*yogacara*) — школа «Практикующих йогу»; принадлежит к направлению махаяны («большой колесницы»); основополагающий текст школы — «Йогачара-бхуми» («Ступени практикования йоги»).

⁷ Архат (*arhat*) — «достойный уважения» (этимология термина неизвестна), религиозный подвижник, достигший высшей стадии духовного прогресса на пути искоренения аффектов и неведения. Архат полностью познал Дхарму (Учение Будды), и ему уже нечemu более обучаться. Сферой его деятельности являются добрые дела на благо *санехи*, обучение Дхарме, забота о передаче буддийской традиции и искусства проповеди.

принимаемых на всю жизнь. Согласно кумулятивному принципу Винаи, тот, кто принял обеты монашества, продолжает соблюдать и все предшествующие заповеди (послушнические и мирские обеты).

Однако принять *upavāsa* на всю жизнь невозможно, поскольку эта практика предполагает воздержание от одних суток, без изнурения голодом. Если некто захочет продлить эту практику, допустимо поститься восемь суток, но с условием приема пищи поутру, по истечении каждого постных суток.

Васубандху отмечает, что *upavāsa* питает (*roṣaṇti*) корни благого (*kuśalamūla*) — не-алчность (*alobha*), не-вражду (*adveṣa*), не-упорствование в заблуждении (*amoha*), поэтому называется также «пошадха» (*poṣadha* — «то, что способствует возрастианию»). Практиковать пост следует тем мирянам, у кого корни благого слабы. Другой прославленный буддийский просветитель — родоначальник *йогачары* Асанга (IV в.) — рекомендовал практику поста индивидам, жаждущим чувственных наслаждений, но еще не овладевшим полным воздержанием от аморальных проступков (AS 1950: 90).

Концепция поста как духовного дара. Согласно регламенту и этическому смыслу *pratimokshii*, практиковать пост по собственному произволению бесполезно, так как обрести дисциплину поста самочинно невозможно. Санкцию на пост следует получить от наставника в дисциплине — достойного члена *saṅgha* (буддийской общины), способного компетентно разъяснить дисциплинарные предписания этой практики. Поскольку пост является эффективным методом культивирования корней благого, разрешение практиковать этот метод трактовалось как духовный дар — благодеяние, адресованное нуждающемуся в поддержке. В роли наставника в дисциплине поста мог выступать только тот, что принял дисциплину *pratimokshii* на всю жизнь.

Дисциплина поста. В дисциплинарном отношении *upavāsa* предполагает соблюдение восьми факторов воздержания. Из них первые четыре — это воздержание от четырех аморальных деяний — убийства любого живого существа, самовольного присвоения того, что не было дано добровольно (в том числе бесхозных или кем-то потерянных вещей), прелюбодеяния и лжи. Эти деяния буддийские мыслители относили к разряду *prakṛtisāvadya* — того, что имеет природу греха. Греховность смертоносного насилия, воровства, удовлетворения развратной похоти, осознанного стремления лгать очевидна⁸.

Поведение, обусловленное первыми четырьмя факторами поста, поясняет Васубандху, можно считать добродетельным (*śīla*) в той мере, в какой соблюдается воздержание от указанных грехов. Комментатор Яшомитра конкретизирует данное пояснение: под добродетельным поведением имеется в виду несовершение злостных прегрешений, влекущих немедленное изгнание из *saṅgha*, и менее тяжких аморальных проступков, предполагающих серьезное наказание, но не изгнание (SAKV 1932–1936: 375).

Пятый фактор дисциплины поста предполагает воздержание от *pratīkṣeṇaśāsāvadya* — греха пренебрежения должным, а именно моральными наставлениями (*śāsana*) Будды Бхагавана. Для обозначения данного фактора используется термин

⁸ Васубандху, рассуждая о греховной природе лжи, подчеркивает ее непосредственную связь с нарушением буддийских моральных заповедей. Если повинный в безнравственном поступке склонен лгать, он всегда отрицает факт нарушения дисциплины и тем самым все глубже погрязает в своей порочной склонности. Именно с целью избавления от нее и установлен в Винае протокол покаяния: нарушивший заповедь должен добровольно, по собственной инициативе признаться в этом (Островская, Рудой 2001: 540).

apramāda (букв. «не-пренебрежение»). Во втором разделе «Энциклопедии Абхидхармы» Васубандху интерпретирует апрамада в связи практикой искоренения аффектов: это прилежание, проявляющееся в усердном обретении и культивировании (*bhāvanā*) благих дхарм. И там же он приводит точку зрения йогачаринов, усматривавших функцию апрамада в защите сознания от неблагого, т.е. от пробуждения *anuśaya* — латентных аффективных предрасположенностей сознания (Островская, Рудой 1998: 457). Но в качестве фактора дисциплины поста апрамада — это бдительное моральное самонаблюдение, исключающее утрату памятования о должном. А поскольку практиковать бдение, будучи нетрезвым, невозможно, постяющему предписывается воздерживаться от потребления опьяняющих напитков — *сурь* и *майреи*. У опьяневшего возникает состояние эйфории, пробуждающее аффект тщеславия (*atimāna*) — один из видов гордыни (*abhimāna*)⁹, т.е. самовозвеличивания сознания. Ситуативная одержимость иллюзией собственного превосходства разрушает памятование о моральных наставлениях Бхагавана, потому что все содержащие сознания в этом состоянии сводятся к эйфорической формуле «Я — лучший».

В данной связи уместно сказать, что, в отличие от теоретиков Абхидхармы, знатоки Винаи (*vinayavibhāṣika*)¹⁰ трактовали канонический тезис «Причина пренебрежения [должным] — опьянение *сурой* или *майреей*» в том смысле, что собственная природа этих напитков греховна. В автокомментарии к *карике* 34 четвертого раздела трактата Васубандху характеризует позиции обеих сторон по данному вопросу (Островская, Рудой 2001: 540–541). Абхидхармики полагали, что по своей природе ни *сура*, ни *майрея* не являются злом, ибо в дозах, не вызывающих опьянения, оба напитка применяются при лечении некоторых болезней и тем самым приносят пользу. Сознание загрязняется аффектами только в том случае, когда некто потребляет *суру* или *майрею* ради наслаждения состоянием опьянения и знает, какая именно доза вызывает у него эйфорию. И наоборот, сознание не загрязняется аффектами, если потребителю крепких напитков известна мера, не вызывающая у него опьянения, а только улучшающая телесное самочувствие (например, снимающая чувство усталости после трудового дня).

Знатоки Винаи, опровергая такие аргументы, заявляли, что невозможно с достоверностью установить безвредную меру потребления *суры* и *майреи*, поскольку одна и та же доза выпитого вызывает неодинаковую реакцию у разных индивидов, а кроме того, бывают и случаи смертельного отравления. Поэтому Бхагаваном было сказано: «Те, о монахи, кто признаёт меня своим Учителем, не должны потреблять опьяняющих напитков даже [в минимальном количестве —] на кончике стебелька травы куша»¹¹.

Васубандху, как следует из текста, считал рассуждения и тех и других о природе *суры* и *майреи* не затрагивающими существа проблемы. Ключом к правильному пониманию канонического тезиса является, он объясняет, слово «опьянение». Природа *суры* и *майреи* обусловлена способом их приготовления и используемым сырьем.

⁹ Тема гордыни и различных ее видов рассматривается Васубандху в пятом разделе «Энциклопедии Абхидхармы» (Островская, Рудой 2006: 61–62). Яшомитра, комментируя данную тему, указывает на преемственную связь любого из видов гордыни с ложным возвретием о существовании субстанциального Я: когда в мышлении индивида всплывает эта ошибочная идея, непосредственно вслед за ней актуализируется тщеславие или какой-либо иной вид гордыни (SAKV 1932–1936: 456).

¹⁰ Термин *vinayavibhāṣika* можно интерпретировать и как обозначение ученых монахов, специализирующихся в области комментирования Винаи.

¹¹ Источником, из которого извлечена эта цитата, является, согласно Л. де ла Валле Пуссену, «Упали-сутра». Подробнее см. (L'AK 1923–1931, IV: 84, п. 1).

Сура — продукт брожения риса, а *майрея* получается при совместном брожении сахарного тростника и других ингредиентов. В процессе приготовления эти напитки, как известно, не всегда набирают пьянящую крепость, а в случае обретения таковой могут со временем утратить ее. С учетом этого и сказано: «Причина пренебрежения [должным] — опьянение...». А слова «сура» и «майрея» употребляются как условные обозначения не только крепких напитков, но и иных опьяняющих веществ, содержащихся в семенах арековой пальмы, в листьях бетеля¹², в конопле и др. Причина пренебрежения должным — аффекты, загрязняющие сознание тех, кто ищет наслаждения в опьянении и в силу этого не овладел навыком бдительного морального самоконтроля.

Важно отметить, что указанные выше пять факторов дисциплины поста соответствуют пяти обетам мирянина¹³. Что же касается шестого—восьмого факторов, то их практикование приближает постящегося к аскетическому образу жизни архатов. Так, шестой фактор предполагает воздержание от пользования высоким или широким ложем, поскольку наслаждение лежанием в уютной постели не имеет ничего общего с аскетизмом. Этот фактор воздержания противостоит привязанности самовлюбленных лодырей к избыточному комфорту и потаканию собственной лености (*kauśidya*) — *дхарме*, всегда присутствующей в загрязненном аффектами сознании. Асанга в «Абхидхарма-самуччае» характеризует леность как полное отсутствие благого ментального усилия, тупую инертность, имеющую своей опорой наслаждение лежанием и нежелание подняться с постели. Растилающую функцию лености он усматривал в препятствовании какой-либо деятельности, направленной на благую цель (AS 1950: 9).

Седьмой фактор — воздержание постящегося от развлечений (танцев, игры на музыкальных инструментах, распевания лирических песен), а также от употребления благовоний, декоративной косметики и украшения себя цветочными гирляндами. Архаты, занятые благими делами, не тратят времени на увеселения и не заботятся о своей телесной привлекательности, подобно тщеславным искателям любовных приключений.

Восьмой фактор — воздержание от приема пищи в неурочное время. Согласно дисциплине поста, урочное время для трапезы наступает по завершении суточного поста. Это правило, предписанное Буддой Бхагаваном, требовалось неукоснительно соблюдать, чтобы понять смысл аскетизма. И теоретики Абхидхармы, и знатоки Винай подчеркивали радикальное отличие естественной потребности в утолении голода от аффективной привязанности к пище как объекту наслаждения вкусом и запахом¹⁴.

¹² Бетель — растение из семейства перечных, листья бетеля имеют обжигающий горьковатый вкус. «Бетелем» также называется жевательная смесь, в состав которой входят толченые листья этого растения, семена ареки и небольшое количество извести.

¹³ Формулировки обетов мирян и мирянок, послушников и послушниц, кандидаток на статус монахини, монахов и монахинь тождественны, но строгость их соблюдения различается количеством правил нравственного поведения. Так, обеты монаха соблюдаются в соответствии с 225 правилами, а обеты монахини — в соответствии с 500. Однако дважды в течение месяца, в дни полнолуния и новолуния, члены общины, не имеющие монашеского статуса, допускаются к практикованию обетов *пратимокши* по правилам полноправных монахов.

¹⁴ Согласно буддийскому учению о карме, аскеты, избавившиеся от влечения к вкусу и запаху пищи, обретают следующее рождение среди божеств мира форм (*rūpa-dhātu*), расположенного над миром желаний (*kāma-dhātu*). В этой космической сфере отсутствуют мучительные виды страдания (голод, жажда, болезни и т.д.). Ее счастливые обитатели не нуждаются в физической пище и не совершают прегрешений, но они, подобно всем рожденным в сансаре, смертны.

Аффективная привязанность к пище проявляется прежде всего в привычке баловать себя чем-нибудь лакомым в любое время, как только промелькнет воспоминание о пищевых удовольствиях. Потакание этой привычке усиливает влечение (*rāga*) к объектам чувственного наслаждения и тем самым противостоит аскетическому образу жизни архатов и смыслу соблюдения дисциплины *pratimokhi*.

Воздержание от еды в неурочное время представляет собой отвержение пищи всякий раз, когда вздумается перекусить. Благодаря этой практике у постящегося укрепляется памятование о всех факторах дисциплины поста и формируется пренебрежительное отношение к еде ради удовольствия как проявлению распущенности. Но в случае несоблюдения воздержания не происходит ни того ни другого, ибо дисциплина поста есть совокупная целостность восьми факторов и в силу этого не может практиковаться частично.

Р и т у а л п р и н я т и я п о с т а . Посвящение (*upasampranna*) на пост представляет собой с точки зрения буддийской религиозной антропологии священное взаимодействие — ритуал преподнесения и получения духовного дара, питающего корни благого. Акт дарения совершается лицом, выступающим в роли наставника в дисциплине, и состоит в оглашении восьми факторов поста и разрешении приступить к их практикованию в течение суток. Акт принятия дара начинается с безмолвных телесных действий посвящаемого, свидетельствующих о почтительности и смирении, а завершается обетом соблюдать дисциплину поста. Посвящаемому полагалось присесть перед наставником на корточки или опуститься на колени и сложить ладони в благоговейном приветствии. Такую позу и приветственный жест следовало сохранять до завершения ритуала.

Перед посвящением желающий поститься должен был снять с себя все украшения, кроме повседневных, ношение которых связано с традиционным оформлением внешности и не пробуждает тщеславия. По ходу ритуала ему следовало соблюдать молчание, не пытаясь прерывать посвятительную речь наставника какими-либо вопросами или репликами, так как в противном случае было бы утрачено ритуальное разграничение акта дарения и акта принятия дара.

Телесные знаки почтительности и смирения трактовались как необходимое условие обретения дисциплины поста. Эта трактовка базировалась на буддийской теории деятельности, разработанной кашмирскими вайбхашиками и подробно изложенной Васубандху в четвертом разделе «Энциклопедии Абхидахармы» (Островская, Рудой 2001: 497–515). Согласно ей, телесное или словесное действие, благое или неблагое, есть материальное воплощение соответствующего ментального действия (*cetanā*) — благого или неблагого сознательного намерения. Действия, совершаемые посредством речи или тела, несут определенную информацию, доступную стороннему наблюдению, и поэтому они определяются термином *vijñapti-karma* — «проявленное действие». Но если ментальное намерение наделено значительной мотивационной силой, то при совершении проявленного действия возникает его аналог, имеющий природу тонкой материи, недоступной стороннему наблюдению, и называемый «непроявленным действием» (*avijñapti-karma*)¹⁵. Кашмирские вайбхашики утверждали,

¹⁵ Определение *avijñapti-karma*, сформулированное самим Васубандху, дано в *карике* 11 первого раздела «Энциклопедии Абхидахармы». В автокомментарии к ней сказано: «...непроявленное, будучи по своей природе, как и проявленное, материей и действием, не может выступать объектом познания для другого... это такой вид благой или неблагой материи, который порожден проявленной деятельностью или йогическим сосредоточением» (Островская, Рудой 1998: 202). Наличие непроявленного в качестве материальной основы для проявленного действия подтверждается в *карике* 12: «...непроявленное, будучи материей и действием, не может выступать объектом познания для другого... это такой вид благой или неблагой материи, который порожден проявленной деятельностью или йогическим сосредоточением» (Островская, Рудой 1998: 202).

что термином *samvara* («дисциплина») обозначается то непроявленное, которое производится проявленным действием, совершааемым при посвящении на пост или в ритуалах принятия обетов нравственности (мирских, послушнических и т.д.). По их мнению, дисциплина существует в качестве реальной сущности — *дхармы* непрерывного действия, воспроизведяющейся с момента ее обретения.

Их оппоненты-саутрантики отвергали такую интерпретацию. Они полагали, что обретение дисциплины обусловлено решимостью (*adhimokṣa*) ее соблюдать — ментальным явлением, направляющим индивидуальный поток *дхарм* во главе с сознанием на стезю добродетели, нравственного самосовершенствования. Решимость одновременно активизирует дальнейший самоконтроль, дисциплинирующий тело и сознание, и поэтому нет никакой нужды в ее повторном воспроизведении.

Студентов особо интересовал вопрос, является ли практика воздержания от греха деятельностью или недеянием? В связи с восьмью факторами дисциплины поста кашмирские вайбхашики подчеркивали, что из них первые четыре выступают также и компонентами нравственного поведения. А нравственное поведение они трактовали как деятельность, не связанную с убийством живых существ, воровством, прелюбодеянием и ложью. Однако у их оппонентов возникало недоумение — почему в канонических текстах непроявленное названо «недеянием» (*arkiyā*) и каким образом оно становится действием, если речь идет о воздержании?

Васубандху объясняет позицию вайбхашиков следующим образом: непроявленный элемент получил такое наименование, потому что благодаря его наличию те, кому свойствен стыд, не совершают греховых деяний. Но поскольку этот элемент производится проявленным действием, он по определению не может быть ничем иным, кроме действия. Нравственное поведение, обусловленное наличием благого непроявленного, реализуется как последовательность действий, исключающих попустительство греху и тем самым оберегающих добродетель.

Васубандху, излагая Абхидхарму в соответствии с системой кашмирских вайбхашиков, не принадлежал к числу ее строгих последователей и подвергал критике ряд ее теоретических положений. В частности, он не признавал реальное существование непроявленного элемента и полагал, что принятие дисциплины *pratimokṣi* и в том числе дисциплины поста формирует предрасположенность к добродетельному поведению. В случае нарушения дисциплины у индивида возникают угрызения совести и стремление к покаянию — нравственному очищению. Очистившись от прегрешения, он продолжает свое поступательное движение по стезе добродетели.

Литература

- Островская, Рудой 1998 — *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы I и II / Изд. подгот. Е.П. Островская и В.И. Рудой. М.: Ладомир, 1998.
- Островская, Рудой 2001 — *Васубандху*. Абхидхармакоша. Разделы III и IV / Изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: Ладомир, 2001.
- Островская, Рудой 2006 — *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы V и VI / Изд. подгот. Е.П. Островская и В.И. Рудой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

ленного элемента благого или неблагого неведомо и самому индивиду, в чьем потоке *дхарми* этот элемент возник и продолжает воспроизводиться, так как никакая информация о его присутствии не поступает.

- L'AK 1923–1931 — L'Abhidharmakośa de Vasubandhu / Traduit et annoté par L. de la Vallée-Poussin. P. Chap. I–IX. Paris, 1923–1931.
- AS 1950 — Abhidharmasamuccaya by Asaṅga. Ed. by P. Pradhan. Santiniketan, 1950 (Visva-Bharati Studies, 12).
- Dhammadjoti 2009 — Dhammadjoti Bhikkhu K.L. Sarvāstivada Abhidharma. Hong Kong: Centre of Buddhist Studies, University of Hong Kong, 2009.
- Pradhan 1967 — Abhidharmakośabhāṣya of Vasubandhu / Ed. by P. Pradhan. Patna: K.P. Jayaswal Research Institute, 1967 (Tibetan Sanskrit works series. Vol. VIII; gen ed.: Anantal Thakur).
- SAKV 1932–1936 — Sphutārthā Abhidharmakośavyākhyā by Yaśomitra / Ed. by Unrai Wogihara. Tokyo, 1932–1936.

References

- Abhidharmakośabhāṣya of Vasubandhu*. Ed. by P. Pradhan. Tibetan Sanskrit works series, vol. VIII. Patna: K.P. Jayaswal Research Institute; gen. ed.: Anantal Thakur, 1967 (in Sanskrit).
- L'Abhidharmakośa de Vasubandhu*. Traduit et annoté par L. de la Vallée-Poussin. Chap. I–IX. Paris: 1923–1931 (in French).
- Abhidharmasamuccaya by Asaṅga*. Ed. by P. Pradhan. Santiniketan: Visvabharati, 1950 (Visva-Bharati Studies, 12) (in Sanskrit).
- Dhammadjoti Bhikkhu K.L. *Sarvāstivāda Abhidharma*. Hong Kong: Centre of Buddhist Studies, University of Hong Kong, 2009 (in English).
- Sphutārthā Abhidharmakośavyākhyā by Yaśomitra*. Ed. by Unrai Wogihara. Tokyo: The Publishing Association of Abhidharmakośavyākhyā, 1932–1936 (in Sanskrit).
- Vasubandhu. *Entsiklopedia Abhidharmy [Abhidharmakosha]*. Razdely I i II [Sections I and II]. Ed. prepared by E.P. Ostrovskaia and V.I. Rudoi. Moscow: Ladorim, 1998 (in Russian).
- Vasubandhu. *Abhidharmakosha. Razdely III i IV* [Vasubandhu. Abhidharmakosha. Sections III and IV]. Ed. prepared by E.P. Ostrovskaia and V.I. Rudoi. Moscow: Ladorim, 2001 (in Russian).
- Vasubandhu. *Abhidharmakosha. Razdely V i VI* [Vasubandhu. Abhidharmakosha. Sections V and VI]. Ed. prepared by E.P. Ostrovskaia and V.I. Rudoo. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publisher, 2006 (in Russian).

Through the Pages of the *Abhidharma Encyclopedia*: A Description of Buddhist Fasting

Helena P. OSTROVSKAIA

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 13.06.2025.

Abstract: The article is devoted to ethical analysis of Buddhist daily fasting, the most complete description of which is contained in the fourth section of Vasubandhu's treatise (4th–5th centuries) *Encyclopedia of Abhidharma with Commentary*. The article discusses the concept of fasting as a spiritual gift addressed to the type of lay people who crave sensual pleasures and are not yet able to completely abstain from immoral actions. It is demonstrated that Vasubandhu interpreted fasting as a combination of eight factors. Of these, four factors (abstaining from killing, stealing, adultery, lying)

are the practice of virtuous behavior. One factor is the practice of sobriety (abstinence from intoxicating substances). And there are three factors of asceticism: refusal to rest on a high or wide bed, refusal to engage in entertainment (dancing, music, singing) and to concern oneself with one's own attractiveness, refusal to eat during fasting days. The good moral effect of fasting is achieved only if the totality of factors is observed. Partial practice of fasting is useless.

Key words: Buddhist fasting, late Abhidharma, discipline of fasting, eight factors of fasting, sobriety, asceticism.

For citation: Ostrovskaia, Helena P. "Through the Pages of the *Abhidharma Encyclopedia*: A Description of Buddhist Fasting". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 44–52 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691529.

About the author: Helena P. OSTROVSKAIA, Dr. Sci. (Philosophy), Researcher-in-Chief, Head of the South Asian Section, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ost-alex@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-3613-4428.

Традиции и новаторство в языке: на примере истории формирования химической терминологии в Китае в XIX веке

Е.Н. ЕМЕЛЬЧЕНКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO692205

Статья поступила в редакцию 15.05.2025.

Аннотация: История современной химической терминологии, используемой в китайском научном дискурсе, представляет собой яркий и интересный пример того, как на фоне смены эпистемологий тесно переплелись между собой и вживались друг в друга традиционные, складывавшиеся тысячелетиями представления об окружающем мире, новаторские подходы и приемы носителей китайского языка по использованию возможностей собственной древней письменности в словотворчестве. В рамках данной статьи предпринимается попытка показать, как эти сложные и многогранные процессы отразились на формировании терминологии неорганической химии, как химия уже в статусе самостоятельной научной дисциплины проникла в живую ткань языка и в наши дни запустила новый виток лингвокреатива в сетевой литературе и интернет-коммуникации в Китае. В статье анализируются методологические проблемы, с которыми столкнулись в XIX в. создатели ранней китайской научной терминологии — переводчики Джон Фрайер и Сюй Шоу, предложившие блестящее решение для генерации названий химических элементов на китайском языке, обсуждается специфика аналогичной практики языкового творчества на современном этапе.

Ключевые слова: китайский язык, химическая номенклатура на китайском языке, названия химических элементов, заимствование, неологизмы, новые иероглифы, Сюй Шоу, Джон Фрайер.

Благодарности: Автор выражает благодарность М.Я. Пономаревой (СПбГУ) за ценные комментарии при обсуждении материалов исследования.

Для цитирования: Емельченкова Е.Н. Традиции и новаторство в языке: на примере истории формирования химической терминологии в Китае в XIX веке // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 53–66. DOI: 10.55512/WMO692205.

Об авторе: ЕМЕЛЬЧЕНКОВА Елена Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия) (emelchenkovae@gmail.com). ORCID: 0000-0001-5090-3011.

© Емельченкова Е.Н., 2025

Подобрать подходящую тему для статьи в честь такого яркого и многогранного ученого, как Татьяна Александровна Пан, очень непросто. Это должно быть что-то из области филологических штудий про язык и литературу, но на историческом фоне и

непременно с выходом в культуру и настоящую науку. Не претендуя на междисциплинарность или трансдисциплинарность подхода, в рамках данной статьи автор хотела бы остановиться на небольшом фрагменте истории становления знаний естественно-научного цикла в Цинском Китае, в частности на становлении химической терминологии во второй половине XIX в., которая в силу целого ряда обстоятельств оказалась настоящим вызовом и для переводчиков, и для самих носителей китайского языка. Тенденции, которые наблюдались в период активного словотворчества в области неорганической химии в тот период, с одной стороны, отражают уважение китайского народа к истории своей страны, традициям и культурному наследию, с другой стороны, свидетельствуют о тяге к расширению научных знаний и новаторском духе, присущих Китаю и его людям и сегодня.

Базис традиционной китайской науки — концепция *у син* 五行 ‘пять первоэлементов; пять стихий’ — включает универсальную классификационную схему, согласно которой все основные параметры мироздания имеют пятичленную структуру: 水 ‘вода’, 火 ‘огонь’, 金 ‘металл’, 木 ‘дерево’, 土 ‘почва’ (Кобзев 2006: 451). Эта основополагающая категория китайской философии отличалась от атомистической теории веществ и идеи упорядоченности свойств химических элементов в западной науке как принципиально разные подходы, но в плане практического применения между ними можно найти целый ряд пересечений. Много общего обнаруживается и в обозначениях соответствующих явлений в китайском языке, где и сегодня, наравне со строго регламентированной химической номенклатурой международного происхождения, продолжают активно использоваться традиционные китайские термины и философско-символические категории.

В отличие от античных мыслителей, которые благодаря идеям Демокрита задолго до развития науки и экспериментальной химии имели определенное представление об атомарном строении материи, китайская алхимия элементы или вещества как неделимые единицы не рассматривала. В Древнем Китае мир вокруг мыслился преимущественно в динамике, как постоянный процесс изменений и взаимопревращений, а не в статике через описание фиксированного состава веществ. На динамическую модель восприятия природы указывает и отсутствие единого канона в порядке представления пяти первооснов и сосуществование нескольких вариантов их последовательности. Каждая из существующих комбинаций отражала определенный природный цикл — порождение (*сянишэн* 相生), преодоление (*сянкэ* 相克), в гадательных целях использовался порядок *Хэту* 河图 (‘Карта [из] реки Хуанхэ’). Варианты представления фиксировали определенную логику взаимодействия веществ, актуальную для той или иной области человеческого знания (медицины, алхимии, философии, анализа социальных процессов, гаданий, фэншуй и др.). Алхимия искала не статические компоненты, в современной химической номенклатуре фигурирующие как «элементы», а изучала динамические процессы превращения, преобразования, что объясняется ее практической направленностью, а не теоретическим характером дисциплины.

Анализ этимологии базового для химии термина «химический элемент» в западных языках показывает, что эта лексическая единица, как и сама наука, прошла длительный и сложный путь от философского и символического содержания в Древней Греции через алхимию к строгому эмпирическому определению, существовавшему в современной научной терминологии. Этот термин восходит к многозначному древнегреческому слову *στοιχεῖον* ‘первоначало, стихия, элемент; буква алфавита; основная составная часть (чего-либо)’, латинская калька которого *elementum* (‘начало, первона-

чало; буква алфавита') в дальнейшем выступила почвой для формирования соответствующих когнитивных практик практически во всех европейских языках (фр. *élément*, англ. *element*, рус. элемент) (Azevedo 2018).

В древнегреческой традиции, начиная с космогонии Эмпедокла и его учения о четырех стихиях (огонь, вода, земля, воздух), термин «элемент» понимался прежде всего качественно как фундаментальная сущность первоэлементов природы, а не как химическая субстанция. Аристотель значительно развил учение Эмпедокла в динамическом ключе за счет рассуждений о превращении стихий, что, собственно, и определило на долгие годы направления в развитии натурфилософии, средневековой медицины и алхимии. И только в XVII–XVIII вв. аристотелевское понимание элемента было постепенно вытеснено из химической терминологии и заменено в работах Р. Бойля и А. Лавуазье на сближающееся с современным понимание этого термина как конкретного вещества, которое нельзя разложить на более мелкие составляющие.

В китайский язык термин *юаньсу* 元素 ('химический элемент'), описывающий простые неразложимые вещества, проник очень поздно — лишь в XIX в. — путем опосредованной рецепции через японский как язык-посредник из европейских языков. До его появления в китайской литературе для описания веществ использовался ряд других терминологических вариантов, отражающих натурфилософские и практические подходы носителей языка. Для Китая XIX век стал периодом поиска баланса между традиционными представлениями древней цивилизации и требованиями системности науки и ее терминологии, к тому времени уже прочно укоренившимися на Западе.

Среди бытовавших в языке вариантов-предшественников *юаньсу* можно назвать введенный Маттео Риччи термин *юаньсин* 元行 ‘изначальная стихия’, который миссионер использовал в катехизисе «Цянькунь ти и» 乾坤体义 («Истинное значение Небесного владыки») для изложения европейского учения о четырех стихиях, которые по аналогии с привычной носителям китайского языка концепцией получили у миссионера переводное название *сы син* 四行 ‘четыре стихии; четыре первоэлемента’. Предложенный М. Риччи термин *юаньсин*, призванный подчеркнуть первичность земли, воздуха, воды и огня как чистых, несмешанных и порождающих все сущее, вошел в китайскоязычный научный оборот и встречался в текстах до XIX в. (Ячжоу гай-нианьши 2018).

Среди других терминов, предлагавшихся в литературе для обозначения химических элементов, можно также назвать *чжи* 质 ‘материя’, *юаньчжи* 元质 ‘изначальная материя; субстанция’, *син* 行 ‘элемент’, *даньти* 单体 ‘простое вещество’ и др. Так, в «Хуасюэ цзяньюань» 化学鉴原 («Исследование основ химической науки») для базовых понятий использовались двусложные термины: *юаньчжи* 元质 ‘химический элемент’, *чичжи* 气质 ‘газ; газообразное вещество’, *лючжи* 流质 ‘жидкость; жидкое вещество’, *динчжи* 定质 ‘твердое вещество’ и *цзачжи* 杂质 ‘примесь; смешанное вещество’.

Термин *юаньсу* 元素 ‘химический элемент’, пришедший в китайский язык из японского, получил широкое хождение в конце XIX в. и в итоге закрепился как базовый. Тогда в Японии в эпоху Мэйдзи процессы модернизации и потребность в заимствовании новейших технологий и научных достижений с Запада привели к массовому переводу на японский язык научной литературы, традиционно использовавшей иероглифику для фиксации терминов-неологизмов (что вызвало появление так называемых *канго* 漢語). Эти понятные по иероглифической форме записи термины в силу простоты рецепции в дальнейшем служили цели пополнения словаря научной

лексики китайского языка, органично вписавшись в общий процесс обновления языка на рубеже XIX–XX вв. И хотя длительный поиск базового термина в области химии окончательно завершился выбором в пользу неологизма *юаньсу*, обозначив разрыв с традиционной алхимией и начало новой эры в становлении соответствующей терминосистемы в Китае, все-таки многое в процессе словотворчества сохраняло признаки традиционного подхода к процессу номинации. Проиллюстрируем это положение примерами из истории создания номенклатуры химических элементов в китайском языке.

Внедрение научной терминологии вообще и современной химической номенклатуры в частности началось в Китае в первой половине XIX в. путем заимствования с Запада напрямую или во второй половине XIX в. опосредованно через японский язык, но шел этот процесс крайне медленно, и к 1870-м годам уже переведенной на китайский язык и доступной широкой общественности научной литературы было не так много. Одной из первостепенных и насущных проблем данной области стало формирование специализированной номенклатуры, создание названий конкретных элементов и их соединений на китайском языке. Использование традиционных, уже давно функционировавших в китаязычной литературе тривиальных (несистемных) названий не удовлетворяло науку того времени, ограничиваться десятком существующих терминов для номинации новых элементов на том уровне развития химических знаний было уже невозможно.

Ситуация усложнялась и тем, что в Цинской империи отсутствовали специалисты в области химии, владевшие в достаточной мере иностранными языками и знакомые с западными работами, поэтому перевод терминологии и научное словотворчество представляли собой на тот момент серьезную проблему. Большинство переводчиков мало что знали о свойствах элементов и веществ и не могли выступать экспертами в терминотворчестве в области неорганической химии, часто переводчик просто записывал транскрипцию иностранного слова китайскими иероглифами по слогам. Этот метод мог использоваться на определенном этапе как временная мера, но в целом история китайского языка свидетельствует, что при фонетическом способе заимствования для носителей слова-полисиллабы звучат слишком длинно и непонятно, например, *силициэн* 夕里西恩 от лат. *silicon* для кремния, *гайэриэн* 矢而西恩 от лат. *calcium* для кальция, *бэйэриэн* 贝而以恩 от лат. *barium* для бария или *мэйхэнисиэн* 美合尼西恩 от лат. *magnesium* для магния.

Многосложные термины в переводе не передавали реальной информации, которая в случае с западной химической терминологией могла содержаться, например, в названии элемента в языке-доноре, но естественным образом утрачивалась при фонетическом способе заимствования лексической единицы, поэтому с течением времени такой терминологический неологизм в китайском языке часто не приживался. Именно поэтому задача словотворчества в условиях отсутствия длительной научной традиции, нехватки квалифицированных переводческих кадров, а также типологических особенностей китайского языка и используемой иероглифической письменности бросала настоящий вызов человеческому интеллекту и лингвистической креативности. За решение этой задачи взялись переводчики Бюро переводов Цзяннаньского арсенала — британский миссионер Джон Фрайер и его китайский коллега Сюй Шоу 徐寿.

Джон Фрайер (John Fryer, Фу Ланъя 傅兰雅) (1839–1928) — британский миссионер, переводчик и выдающийся просветитель, практически всю свою жизнь посвятивший делу распространения научного знания на Востоке. Начав свою профессиональную

деятельность с преподавания в Школе иностранных языков *Тунвэньгуань* 同文馆, первом в истории Цинской империи специализированном учебном заведении, открытом в Пекине в 1862 г. для обучения китайцев иностранным языкам и техническим наукам, Дж. Фрайер нашел свое призвание именно в переводческой деятельности. Из 35 лет, прожитых в Китае, 28 лет он проработал профессиональным переводчиком в Бюро переводов Цзяннаньского арсенала (江南制造局翻译馆) в Шанхае¹, активно сотрудничая с китайскими учеными и издателями и сделав доступными для китайскоязычной аудитории более сотни различных трудов по естественным и социальным наукам, включая химию, физику, астрономию, механику, географию, медицину и др. (Сюй Чжэнья 2001).

Британский миссионер также был среди основателей научного журнала «Гэчжи хуэйбянь» 格致汇编 («Сборник научных знаний»), работал редактором газеты «Шанхай синъбао» 上海新报 («Шанхайские новости»), стоял у истоков создания Школы научных знаний *Гэчжи шуюань* 格致书院, первого в Китае учебного заведения, специализировавшегося на преподавании западных наук и технологий, для которых был введен специальный термин — *гэчжи* 格致, производный от конфуцианского обозначения естественных наук — *гэу чжичжжи* 格物致知.

За заслуги в деле популяризации научных знаний в Китае цинское правительство присвоило Дж. Фрайеру высшую ученую степень *цзиньши*, гражданский чин третьего ранга², а в 1890 г. наградило его Орденом двойного дракона третьей степени (双龙宝星), первой официальной государственной наградой Китая, учрежденной в 1882 г. для поощрения иностранных подданных и китайских чиновников за заслуги перед Цинской империей.

Сюй Шоу 徐寿 (1818–1884) — ученый и просветитель, пионер продвижения химической науки и современного судостроения в Китае. Всю свою жизнь Сюй Шоу посвятил переводу научно-технической литературы, популяризации науки и естественнонаучного образования. Скромный по натуре человек, не искающий славы на императорских экзаменах, высоких должностях и большого жалованья, Сюй Шоу был энтузиастом и экспериментатором, всячески способствуя распространению научных знаний среди молодых китайцев и внедрению западных достижений в промышленность своей страны. За 17 лет переводческой деятельности талантливый ученый перевел с западных языков множество книг по науке и технике, в том числе более десятка важнейших работ, отражающих базовые знания в области химии, накопленные к 70–80-м годам XIX в.

Для Сюй Шоу, от природы имевшего склонность к техническим специальностям, но получившего классическое китайское образование и прекрасно владевшего ученым слогом, коллaborация с Дж. Фрайером оказалась крайне продуктивной. Британский миссионер осуществлял перевод в устной форме, Сюй Шоу как носитель языка фиксировал перевод по-китайски письменно. В результате такого совместного твор-

¹ Цзяннаньский арсенал (江南制造局, полное наименование 江南机器制造总局) был создан в Шанхае в рамках «движения самоусиления» в 1865 г. как важнейшее предприятие военной промышленности Китая. В силу необходимости перевода больших объемов научно-технической литературы в 1868 г. при арсенале было открыто Бюро переводов, первая в истории Китая государственная структура, централизованно осуществлявшая перевод западной литературы на китайский язык.

² Чин третьего ранга на гражданской службе в имперском Китае по статусу соответствовал должности вице-губернатора провинции.

чества рождались превосходные тексты на актуальные для того времени темы, отличавшиеся точными формулировками и продуманной терминологией, что и объясняет значительное влияние этих переводов на китайскую науку в дальнейшем. Помимо систематизации химической номенклатуры на китайском языке, стараниями Дж. Фрайера и Сюй Шоу в Китае получили широкое распространение качественный и количественный анализ, физическая химия, началось внедрение химии в промышленное производство в Китае (Bennett 1967).

Разработанный ими набор названий химических элементов, в котором каждому элементу приписывался один иероглифический знак, отвечал базовым требованиям научной терминологии даже по современным меркам. И хотя часть этих названий впоследствии была пересмотрена или в современной номенклатуре не присутствует, в целом значение переводческой деятельности Сюй Шоу и Дж. Фрайера в области химической терминологии оказалось системообразующим.

В 1871 г. вышел выполненный ими перевод на китайский язык популярного учебника по химии, написанного в 1858 г. американским химиком Дэвидом А. Уэллсом (David Ames Wells, 1828–1898) «Wells's Principles and Applications of Chemistry» (Wells, 1858). Как и оригинал, сыгравший важную роль в популяризации и стандартизации химических знаний в США во второй половине XIX в., его китаязычная версия — «Хуасюэ цзяньюань» 化学鉴原 («Исследование основ химической науки») (Хуасюэ цзяньюань 1871) стала самым влиятельным справочником по химии в Китае XIX в. Причем Дж. Фрайер и Сюй Шоу не просто перевели на китайский язык хороший учебник, написанный доступным для студентов и учащихся старших классов языком (это была характерная особенность американской учебной литературы той эпохи в целом), переводчики дополнили и переработали книгу с учетом достижений химической науки за прошедшее с момента ее выхода десятилетие.

Так, при переводе из справочника были изъяты упоминания пелопия (Pelopium, Pl) и ильмения (Ilmenium, Il), которые к моменту перевода книги уже были признаны не существующими как самостоятельные элементы, поскольку были результатом нечистых образцов или ошибок анализа. К 60 подтвержденным химическим элементам переводчики добавили четыре новых, к тому времени уже открытых элемента: сэ 锝 ‘цезий’, инь 銀 ‘индий’, та 鐵 ‘таллий’, жу 鋰 ‘рубидий’.

При переводе «Хуасюэ цзяньюань» Фрайер и Сюй Шоу решали сразу несколько методологических задач, важнейшей из которых было составление новой научной терминологии в области химии. Для этого они использовали сразу несколько методов, сочетаю новаторские подходы с принципами традиционного для Китая словотворчества, изначально отказавшись от фонетического способа заимствования химического термина. Причины такого решения очевидны — длинная цепочка иероглифических знаков, отражающая звучание иноязычного слова-полисиллаба, в силу недоступности семантики создает для носителя китайского языка значительные трудности в запоминании, произнесении и письменной фиксации соответствующей лексической единицы. Идеальный термин должен был быть коротким и емким, но при этом фонетически приближенным к исходному термину в западных языках, а также прозрачным по своей внутренней графической форме при фиксации слова в иероглифике.

Девять названий элементов, в частности: цинь 金 ‘золото’, инь 銀 ‘серебро’, тун 銅 ‘медь’, та 鐵 ‘железо’, цянь 鉛 ‘свинец’, си 锡 ‘олово’, гун 梞 ‘ртуть’, лю 硫 ‘серпа’, тань 炭 ‘углерод; древесный уголь’, были взяты из уже имевшейся китайской терминологии в готовом виде без изменений. Часть названий, например, для газов была

взята из ранее уже переведенной на китайский язык научной литературы, в частности из справочника по естествознанию британского миссионера, врача и просветителя Бенджамина Хобсона (Benjamin Hobson) «Бо у синь бянь» 博物新编 («Новый трактат о естественных науках») (Бо у синь бянь 1855). Для ряда терминов переводчики сохранили двухсложную форму, например, для названий газов с суффиксальным по своей природе компонентом *ци* 气 ‘газ’ в качестве второго компонента: *цинци* 轻气 ‘водород’, *янци* 养气 ‘кислород’, *даньци* 淡气 ‘азот’, *люйци* 绿气 ‘хлор’, *фуци* 弗气 ‘фтор’. Некоторые графические элементы были системно доработаны или переработаны, например, добавлен или заменен ключ на более подходящий, так, в названии фосфора *линь* детерминатив 火 ‘огонь’ был заменен на 石 ‘камень’, т.е. знак приобрел форму 磷.

Новаторство подхода Сюй Шоу и Фрайера состояло в создании нескольких десятков новых лексических единиц в китайском языке для значительной части известных тогда науке химических элементов. Эти новообразования представляли собой результат фонетической адаптации заимствованной единицы, при которой, во-первых, от оригинального слова (латинского названия элемента) брался только один слог. Ограничение слогового состава термина, с одной стороны, отвечало традиционным предпочтениям языка, вся исконная лексика в котором была моносиллабичной. С другой стороны, оно было связано с требованием системности, предъявляемым к языку науки, поскольку от химического термина ожидается не только мотивированность и однозначность соответствия между термином и веществом, но и мощный деривационный потенциал при обозначении химических соединений.

Во-вторых, в графике соответствующему слогу подбирался иероглифический знак, чтение которого было относительно близко и узнаваемо для носителей китайского языка. Семантическая прозрачность иероглифа, фиксирующего название вещества, обеспечивалась за счет добавления к выбранному знаку-фонетику ключа-семантика, отражающего базовые физические свойства элемента. Такими детерминативами в химической терминологии у Сюй Шоу и Фрайера выступили ключи: 钅 (金) ‘металл’ — для металлов, 石 ‘камень’ — для твердых неметаллов, 气 ‘воздух’ — для газов, 氵 (水) ‘вода’ — для жидкостей. Примеры китайских названий химических элементов, введенных Сюй Шоу и Дж. Фрайером, см. Табл. 1.

Таблица 1

Китайские названия неорганических элементов, введенные в XIX веке

Название	Лат. символ	Иерогл. знак для кит. названия	Чтение знака	Ключ-семантик	Знак-фонетик	Чтение фонетика
Натрий	Na	钠	на	钅 или 金 ‘металл’	内	на
Калий	K	钾	цзя		甲	цзя
Кальций	Ca	钙	гай		丐	гай
Магний	Mg	镁	мэй		美	мэй
Алюминий	Al	铝	люй		吕	люй
Цинк	Zn	锌	синь		辛	синь
Вольфрам	W	钨	у		乌	у

Марганец	Mn	锰	мэн			孟	мэн
Хром	Cr	铬	гэ			各	гэ
Никель	Ni	镍	не			臬	не
Кобальт	Co	钴	гу			古	гу
Сурьма	Sb	锑	ти			弟,	ти
						упрощ.	
Висмут	Bi	铋	би			必	би
Барий	Ba	钡	бэй			贝	бэй
Стронций	Sr	锶	сы			思	сы

Неметаллы и газы

Водород	H	氢	цин	气 ‘воздух’	轻	цин
Кислород	O	氧	ян		养	ян
Азот	N	氮	дань		淡	дань
Хлор	Cl	氯	люй		绿	люй
Фтор	F	氟	фу		弗	фу
Бром	Br	溴	сю		臭	сю
Йод	I	碘	дянь	汽 ‘вода’	典	дянь
Углерод	C	碳	тань	石 ‘камень’	炭	тань
Бор	B	硼	бу		布	бу

Предложенный принцип генерации знаков, в полной мере отвечая китайской традиции, носил при этом системно-научный характер: все термины для одного класса веществ строились по единому шаблону. Однако на начальном этапе сразу стало очевидно, что генерация химической терминологии в Китае помимо общенаучных проблем наталкивается на естественные трудности языка, слоговой характер и звуковой строй которого неизбежно приводят к появлению омонимов. Ярким примером этому служит кремний, китайское название которого прошло сложный путь. Первоначальный вариант названия — *си 硅* — опирался на звучание латинского термина *Silicium* ‘силиций’ и был создан специально для кремния по общему правилу с использованием фонетика *си 夕* и детерминатива 石 ‘камень’, указывающего на неметаллическую природу элемента, но омонимия знаков 硅 ‘силиций’ и 锡 ‘олово’ со временем заставила отказаться от этого названия в пользу другого, не омонимичного варианта. В итоге для кремния в КНР используется название *гуй 硅*, тогда как на Тайване продолжают использовать терминологический дублет — *си 硅*, что приводит к лексическим расхождениям между системами, так, в материковом Китае говорят *гуйгу 硅谷* ‘Кремниевая долина’, на Тайване — *сигу 硅谷* ‘Силиконовая долина’.

Словотворчество Фрайера и Сью Шоу было настоящим вызовом как для самих переводчиков, так и для их современников. Использование традиционных знаков письма было в то время предпочтительным при переводе, поскольку такие иероглифы были привычны и понятны носителям языка, но обходиться исключительно устоявшимся иероглифическим набором в XIX в. было уже невозможно, перечень известных науке химических элементов продолжал активно пополняться. Кроме того, использование «старых» знаков наталкивалось на сопротивление консервативно настроенной части ученого сообщества Китая, а также могло приводить к неточностям,

ошибкам и смешению понятий, что крайне чувствительно для науки и терминосистем. Во избежание подобных недоразумений переводчики решили пойти по пути использования редких или изобретения новых иероглифических знаков, которых не было в китайских словарях.

Источником вдохновения в процессе словотворчества для переводчиков стала история Китая, в частности практика генерации новых иероглифических знаков, существовавшая для членов императорской семьи как часть традиции избегания табуированных имен *бихуэй* 避讳, запрещавшая обычным людям использовать иероглифические знаки из имен правителей как символы сакральности их власти. Поэтому для императоров и членов императорской фамилии придумывали уникальные иероглифы, видоизменяли существующие знаки путем добавления ключей или, наоборот, отбрасывания черт, использовали устаревшие или редкие варианты написания иероглифов.

Основатель минской династии — Чжу Юаньчжан 朱元璋 ‘Чжу Первый Властитель’, сам носивший имя, выполненное сакрального смысла и подчеркивавшее легитимность правителя, который прошел путь от бедного крестьянина до императора и получил мандат Неба, жестко регламентировал процесс именования членов императорской семьи, предписывая избегать общеупотребительных иероглифов, стараясь использовать необычные знаки, чтобы минимизировать последствия имеющейся традиции табуирования. У всех сыновей первого минского императора в знаке имени присутствовал ключ 木 ‘дерево’: Чжу Бяо 朱标, Чжу Шуан 朱橚, Чжу Ган 朱樞, Чжу Ди 朱棣, Чжу Су 朱橚, Чжу Чжэнъ 朱楨, Чжу Фу 朱榑, Чжу Цзы 朱梓, Чжу Ци 朱杞, Чжу Тань 朱檀, Чжу Чунь 朱椿, Чжу Бай 朱柏, Чжу Пянь 朱楩 и т.д.

В дальнейшем имена членов императорской семьи строились по модели «фамилия Чжу 朱 + имя поколения + личный именной знак». С целью упорядочивания родословной для потомков своих многочисленных сыновей Чжу Юаньчжан установил облеченный в стихотворную форму набор из двадцати знаков, которые должны были последовательно использоваться в качестве имени поколения (*цызы бэй* 字辈). У прямых потомков набор имел вид: 高瞻祁见祐, 厚载翊常由, 慈和怡伯仲, 简靖迪先猷. Третий знак в имени членов императорского рода должен был быть представлен иероглифическим знаком с детерминативом из цикла *у син*. Ключи сменялись в определенном порядке: 木 ‘дерево’ → 火 ‘огонь’ → 土 ‘земля’ → 金 ‘металл’ → 水 ‘вода’ и повторялись в именах каждые пять поколений. Порядок символизировал преемственность и рост династии как естественный цикл природы. В именах внуков императора Чжу Юаньчжана должен был использоваться ключ 火 ‘огонь’: Чжу Гаочи 朱高炽, Чжу Гаосюй 朱高煦 и т.д., у правнуков — ключ 土 ‘почва; земля’: Чжу Чжаньцзи 朱瞻基 и т.д. Примеры имен членов императорского рода с различными ключами приведены в Табл. 2.

Таблица 2

Имена членов императорской семьи династии Чжу (Мин)

Ключ 3-го знака в имени	Имя	Чтение
木 ‘дерево’	朱由检	Чжу Юцзянь
	朱祐樘	Чжу Ютан
	朱祐檉	Чжу Югуань

土 ‘земля’	朱载垕	Чжу Цзайло
	朱载埜	Чжу Цзайцзи
	朱瞻墉	Чжу Чжаньюн
水 или 氵 ‘вода’	朱常洛	Чжу Чанло
	朱见深	Чжу Цзяньшэн
	朱见濡	Чжу Цзяньжу
火 ‘огонь’	朱厚照 (или 煖)	Чжу Хоучжао
	朱厚熜	Чжу Хоуцун
	朱徽煥	Чжу Хуэйжоу
	朱膺钚	Чжу Инбу
金 ‘металл’	朱翊钧	Чжу Ицзюнь
	朱祁镇	Чжу Цичжэн
	朱祁钰	Чжу Циуюй

Технически такая система позволяла отслеживать родственные связи, дифференцировать поколения потомков и избегать повторений в их именах. В XIX в. именно эта практика генерации имен членов императорской фамилии вдохновила переводчиков на обращение к масштабной и подробной официальной минской хронике «Мин ши лу» 明实录 с целью внедрения уникальных знаков для номинации химических элементов с использованием традиционных для китайского языка ключей как дифференцирующих компонентов в структуре иероглифа.

У этого подхода в случае с химической терминологией обнаружилась и обратная сторона: придуманные иероглифы не были официально разрешены и, следовательно, принимались ученым сообществом неохотно и медленно входили в научный оборот. Лишь по прошествии времени идея генерации иероглифических знаков для обозначения новых реалий была воспринята переводчиками в Китае как плодотворная; на начальном этапе многие неологизмы Фрайера и Сьюй Шоу подверглись критике, но сами переводчики, энтузиасты своего дела, особо не гнавшиеся за славой и одобрением современников, морально были к этому готовы и понимали, что на широкомасштабное принятие такого переводческого решения потребуется время. Только в начале XX в. предложенный в «Хуасюэ цзяньюань» принцип фиксации названий химических элементов в конечном итоге получил всеобщее признание. И хотя в дальнейшем с расширением знаний в области химии часть названий химических элементов была пересмотрена или выведена из употребления, 36 позиций из номенклатуры, предложенной в «Хуасюэ цзяньюань», используются до сих пор. А родители китайских школьников неустанно поют хвалу гению переводчика, придумавшего простые и по форме понятные для неподготовленного юного носителя китайского языка химические термины, облегчающие процесс запоминания при освоении соответствующей дисциплины в образовательных учреждениях Китая.

В XXI в. этот исторический опыт лингвокреатива в китайском языке нашел еще одну область широкого применения. В Китае возник и сегодня активно развивается уникальный культурный феномен — жанр исторического фэнтези в современной китайской литературе. Публикуемые на платформах Цидянь (起点中文网), Цзунхэн (纵横中文网), 17k (17k 小说网), Цзиньцзян (晋江文学城, JJWXC), Webnovel и др. сетевые романы культивируют коллективную историческую память, подпитывают живой

интерес к судьбе страны, идеям гуманизма, вопросам идентичности и власти. Этот яркий и стремительно развивающийся пласт массовой культуры современного Китая сочетает реальные исторические эпохи и личности с фантастическими, магическими или альтернативно-историческими элементами. Чаще всего действие разворачивается в эпоху Мин, Тан, Хань или в период Поздней Цин, среди них именно минская история детально описана в хрониках, но при этом полна лакун, поэтому она интересна авторам и публике как благодатный сеттинг для развития актуальных тем патриотизма и сопротивления. Немаловажным элементом таких романов также являются сатира и черный юмор, через прошлое и историю авторы фэнтези имеют возможность безопасно излагать критику современности и мечты о справедливости. Все это объясняет популярность сетевых романов, многие из которых со временем экranизируются и в формате сериалов пользуются неизменным успехом у широкой зрительской аудитории. Так, вымышленные, но стилизованные под антураж эпохи Мин сюжеты представлены во многих популярных фэнтези-романах: «Вернуться в эпоху Мин и стать князем» (回到明朝当王爷), «Шелковые одежды в ночи» (锦衣夜行), «С каждым шагом расцветает лотос» (步步生莲), «Повелитель ночи» (夜天子) и др., автор — Юэ Гуань 月关; «Лицемер эпохи Мин» (明朝伪君子), автор — Цзэй Мэй Шу Янь 贼眉鼠眼 ('Бегающие глазки'), «Гений при дворе» (极品家丁), автор — Юй Ян 禹岩; «Знатный род династии Мин» (大明望族), автор — Янь Цзю 雁九, «Транжира эпохи династии Мин» (明朝败家子), автор — Дэн Цзянь 邓健 и многие другие.

Часто используя приемы попаданчества и альтернативной истории, этот жанр сетевой литературы позволяет не только рефлексировать на традиционные для Китая темы судьбы, власти, реформ, но и добавлять элементы научной фантастики, когда герои выступают проводниками прогресса, знаний и новаторских технологий. На этом фоне в китайском интернет-сообществе стало популярным создание вымышленных имен и генерация несуществующих в нормативном языке знаков иероглифической письменности для создания пародии на династию Мин. Так в Китае родилась «химическая» аристократия интернета: придуманные пользователями сети персонажи, имена которых построены по той самой системе минского императора Чжу Юаньчжана, а последний знак представлен названием элемента из периодической таблицы Д.И. Менделеева: Чжу Шэнълэй 朱慎镭 ‘Чжу Осторожный Радий’, Чжу Хуэйбу 朱徽钚 ‘Чжу Благородный Плутоний’, Чжу Чэнъгу 朱成钅 ‘Чжу Становящийся Кобальтом’, Чжу Цайна 朱在钠 ‘Чжу В Натрии’ и т.д.

В мире фэнтези и интернет-коммуникации продолжается процесс генерации иероглифических знаков, часть которых действительно создается пользователями впервые, некоторые же являются собой пример деархаизации древних знаков или их стилизации под архаичные иероглифы, чаще всего с целью языковой игры: *май* 媚 ‘крайняя глупость, замедленная реакция’, *бин* 霆 ‘сильный гром; ошарашен, в шоке’, *вэн* 翁 ‘ясное небо после драки, уложенный конфликт’; *су* 王 ‘неидеальная яшма’, *жсань* 忖 ‘фальшивая доброта; лицемerie, двуличность’, *ни* 焱 ‘тонуть в интернете; зависать в сети’ и т.п. Средства массовой информации КНР тоже не отстают и регулярно публикуют результаты подобного лингвокреатива. Например, праздничный лозунг в канун 2024 г. (года дракона) звучал: *Лун син да да, синь синь цзя го* 龙行龐龐，欣欣家国 ‘Могущественные драконы несут стремительный подъем, даря процветание каждой семье и всей стране’. В этой фразе используется слово, записываемое архаичным знаком из трех драконов: *да да* 龐龐龐 ‘мощные драконы’.

Проведенный нами анализ показал, что на фоне эволюции представлений о материи и окружающем мире фиксация новых знаний в Китае, в нашем случае становление терминологии в неорганической химии, осуществлялась не через полный и окончательный разрыв с такими традиционными для данной культуры областями, как натурфилософия, алхимия и др., а через сочетание «старых» знаний с новыми подходами и методами. В XIX в. перевод химической номенклатуры заложил основу для новаторства и экспериментов в языке, обоснованность и продуктивность которых была доказана временем и последующей научной практикой. При этом очевидно, что несмотря на процесс постепенного смешения мифопоэтического и алхимического мировосприятия носителей китайского языка в сторону эмпирического, рационального знания, с учетом стремления соблюдать требования системности и последовательности в языке науки, важным компонентом научного и колониального словотворчества и в XIX в., и в XXI в. продолжает оставаться языковая традиция, философское наследие и культурный базис Китая с его многотысячелетней историей, вызывающие одна за другой волны лингвокреатива и речевых инноваций у носителей языка. В результате сфера применения научной терминологии выходит за рамки какой-то одной узкоспециальной области, и соответствующая лексика получает хождение в новых сферах.

Литература

- Бо у синь бянь 1855 — Бо у синь бянь 博物新编 (Новый трактат о естественных науках) / [Сост.] Б. Хобсон (Benjamin Hobson 合信). Шанхай: Мохай шутугуань 墨海书馆, 1855.
- Кобзев 2006 — Кобзев А.И. У син // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 1. Философия. М.: Вост. лит., 2006. С. 451–452.
- Сюй Чжэнья 2001 — Сюй Чжэнья 徐振亚. Фу Ланъя юй Чжунго цзинъдай хуасюэ 傅兰雅与中国近代化学 (Дж. Фрайер и химия в Китае) // Бэйцзин хуагун дасюэ сюэбао 北京化工大学学报 (Вестник Пекинского химико-технологического университета). 2001. № 2. С. 55–64+26. DOI: CNKI:SUN:BHGS.0.2001-02-012.
- Хуасюэ цзяньюань 1871 — Хуасюэ цзяньюань 化学鉴原 (Исследование основ химической науки) / [Сост., пер.] Сюй Шоу, Фрайер. 徐寿, 傅兰雅. Шанхай: Цзяннань чжицзаоцзой 江南制造局 (Цзяннаньский арсенал), 1871.
- Ячжоу гайниньши 2018 — Ячжоу гайниньши яньцю 亚洲概念史研究 (Исследование истории формирования научных концепций Азии) / Гл. ред. Сунь Цзян 孙江. Пекин: Шаньъу иньшугуань 商务印书馆, 2018.
- Acevedo 2018 — Acevedo Juan. *The Idea of Στοιχεῖον in Grammar and Cosmology: From Antique Roots to Medieval Systems*. Diss. The Warburg Institute, University of London, 2018. URL: <https://theses.hal.science/tel-03965257v1> (дата обращения: 26.01.2025).
- Bennett 1967 — Bennett A.A. John Fryer: The Introduction of Western Science and Technology into Nineteenth Century China. Cambridge: Harvard University Press, 1967.
- Wells 1858 — Wells D.A. Wells's Principles and Applications of Chemistry. New York: Ivison & Phinney, 1858. URL: <https://archive.org/details/wellssprinciples00wellrich/page/n13/mode/2up> (дата обращения: 12.04.2025).

References

- Acevedo Juan. *The Idea of Στοιχεῖον in Grammar and Cosmology: From Antique Roots to Medieval Systems*. Diss. The Warburg Institute, University of London, 2018. URL: <https://theses.hal.science/tel-03965257v1> (accessed: 26.01.2025) (in English).

- Bennett A.A. *John Fryer: The Introduction of Western Science and Technology into Nineteenth Century China*. Cambridge: Harvard University Press, 1967 (in English).
- Bo wu xin bian* 博物新编 [New Treatise on Natural Sciences] by Benjamin Hobson (He Xin 合信). Shanghai: Mohai Shuguan, 1855 (in Chinese).
- Huaxue jianyuan* 化学鉴原 [Research into the Basics of Chemistry]. Comp. and trans. by Xu Shou, John Fryer. Shanghai: Jiangnan zhizaoju (Jiangnan Arsenal Press), 1871 (in Chinese).
- Kobzev A.I. "Wu xing". In: *Dukhovnaia kultura Kitaiia: entsiklopediia: v 5 t. Gl. red. M.L. Titarenko* [The Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 vols. Ed. by M.L. Titarenko]. T. 1: *Filosofiiia* [Vol. 1: Philosophy]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006, pp. 451–452 (in Russian).
- Wells D.A. *Wells's Principles and Applications of Chemistry*. New York: Ivison & Phinney, 1858. URL: <https://archive.org/details/wellssprinciples00wellrich/page/n13/mode/2up> (accessed: 12.04.2025) (in English).
- Xu Zhenya 徐振亚. "Fu Lanya yu Zhongguo jindai huaxue" 傅兰雅与中国近代化学 [John Fryer and Modern Chemistry in China]. *Beijing huagong daxue xuebao* 北京化工大学学报 [Journal of Beijing University of Chemical Technology], 2001, no. 2, pp. 55–64+26. DOI: CNKI:SUN:BHGS.0.2001-02-012 (in Chinese).
- Yazhou gainianshi yanjiu* 亚洲概念史研究 [Research on the Conceptual History of Asia]. Ed. by Sun Jiang 孙江. Beijing: Commercial Press, 2018 (in Chinese).

Tradition and Innovation in Language: A Case Study of the Development of Chemical Terminology in the 19th-Century China

Elena N. EMELCHENKOVA

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Received 15.05.2025.

Abstract: The history of modern chemical terminology used in Chinese-language scientific discourse offers a vivid and compelling example of how, against the backdrop of shifting epistemological paradigms, traditional worldviews—formed over millennia—intertwined with innovative approaches and the creative ingenuity of native Chinese speakers and users of the ancient Chinese script. This article seeks to demonstrate how these complex and multifaceted processes influenced the development of inorganic chemical terminology, and how chemistry, having become an independent scientific discipline, penetrated the organic fabric of the Chinese language. Nowadays, this has triggered a new wave of linguistic creativity in online literature and digital communication in China. The article analyzes the methodological challenges faced in the 19th century by the pioneers of Chinese scientific terminology—translators John Fryer and Xu Shou—who devised an ingenious method for generating Chinese words for chemical elements. It also discusses the distinctive aspects of neographic innovation in the present-day context.

Key words: Chinese language, Chinese chemical nomenclature, names of chemical elements, borrowings, neologisms, new characters, Xu Shou, John Fryer.

Acknowledgments: The author would like to thank M.Ya. Ponomareva (St. Petersburg State University) for her insightful comments during discussions of the research materials.

For citation: Emelchenkova, Elena N. "Tradition and Innovation in Language: A Case Study of the Development of Chemical Terminology in the 19th-Century China". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 53–66 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692205.

About the author: Elena N. EMELCHENKOVA, Ph.D. (Philology), Head of Department of Theory and Methods of Training in Languages and Cultures of Asia and Africa, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (emelchenkovae@gmail.com). ORCID: 0000-0001-5090-3011.

О значении исследований грамматики китайского языка западными синологами

ЛЮ Жомэй

Пекинский университет иностранных языков
Пекин, Китай

DOI: 10.55512/WMO692204

Статья поступила в редакцию 12.03.2025.

Аннотация: Язык является инструментом международного общения, возникшим в долгом процессе его формирования и развития. Географическое положение и этнические различия народов привели к появлению разных языков, каждый из которых развил свои собственные правила и уникальные нормы. В статье проводится анализ пяти значимых трудов по грамматике китайского языка, созданных западными синологами: «A Grammar of the Chinese language» Роберта Моррисона (1782–1834), «Les éléments de la grammaire chinoise» Жан-Пьера Абель-Ремюза (1788–1832), «Arte China» Иоахима Альфонсо Гонсалеса (1781–1841), «Китайская грамматика» Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853), «Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений» Петра Петровича Шмидта (1869–1938). В этих основополагающих трудах впервые было предложено изучать китайский язык, применяя грамматические категории западной лингвистической науки.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика, «A Grammar of the Chinese language», Роберт Моррисон (1782–1834), «Les éléments de la grammaire chinoise», Жан-Пьер Абель-Ремюз (1788–1832), «Arte China», Иоахим Альфонсо Гонсалес (1781–1841), «Китайская грамматика», Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), «Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений», Петр Петрович Шмидт (1869–1938).

Для цитирования: Лю Жомэй. О значении исследований грамматики китайского языка западными синологами // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 67–73 (на кит. яз.). DOI: 10.55512/WMO692204.

Об авторе: ЛЮ Жомэй, доктор филологических наук, профессор Пекинского университета иностранных языков (Пекин, Китай) (liuruomei@bfsu.edu.cn).

© Лю Жомэй, 2025

早在两千多年前的汉代，中国学者就关注到汉语在语义方面的内在规律，出现了为解经而作的《尔雅》、记录各地方言的《輶轩使者绝代语释别国方言》、析义正字之《说文解字》、探究语源的《释名》等著作。此后，随着南北朝时期诗律学的发展，汉语语音成为中国学者关注的重点，佛经翻译使中国学者认识到印度的语音学，隋代的《切韵》最早构建了汉语语音系统，王力先生有言：“根据《切韵》的语音系统，可以上推古音，下推今音，现代汉语普通话和各地方言的语音系统，基本上可以从《切

韵》系统上得到解释。”¹ 汉语语音研究自此经久不衰, 宋代郑樵之《七音略》、元代周德清之《中元音韵》、明代的《洪武正韵》等体现了中国音韵学研究已成大观。清代的“汉学”“朴学”将语言研究引向古义和古音的探究, 官修字书《康熙字典》《经籍纂诂》在很多方面集合了中国语言研究之大成, 引发了清代“说文四大家”的出现, 王氏父子之《广雅疏证》《读书杂志》《经义述闻》《经传释词》深入探索汉字的字形、字音、字义, 是中国语言学史上的重要成就。清末“朴学”的代表人物章炳麟在声训、词义、语源等方面取得重要成果, 清代成为中国语言研究成就最为卓著的时代。1898年, 马建忠以“西文已有之规矩”“律吾经籍子史诸书”, 得中国第一部探究语法系统的著作《马氏文通》, 成为中国语法学的奠基人。

历史上对于汉语语言规律的探索远未局限在中国语言学者之内。在中华民族与外族交往的过程中, 最先形成了与外部世界之间的在语言上的互相认识和语言观念的交流。唐代著名高僧玄奘西行取经, 《大唐西域记》言“七岁之后, 渐授五明大论。一曰声明, 释诂训字, 诠目疏别”, 由此语法作为一门学问由印度进入中国。

在欧洲, 文艺复兴时期古典语文学的发展使得东方的语言受到特别关注, 16世纪初研究出版了阿拉伯语和犹太语的语法, 其他东方语言如亚美尼亚语、波斯语、日语、朝鲜语的语法也在这一时期出现。中世纪学校里教授语言的方法、视拉丁语为训练逻辑思维的工具的做法, 导致后来的学者认为拉丁语语法规则和概念具有普遍性而习惯于将之机械地移植到其他语言的语法之中。语言规律的探索和印刷术的发明, 使得在16—17世纪的欧洲, 诞生了多种语言的语法书, 如捷克语(1533年)、德语(1534年)、葡萄牙语(1536年)、英语(1537年)、匈牙利语(1539年)、法语(1550年)、波兰语(1568年)、斯拉夫语(1584年)、拉脱维亚语(1644年)、丹麦语(1646年)等。古典语文学中对宗教典籍的考订也促进了古代语文学的复兴, 进入启蒙时期之后, 东方语言更加受到关注。因而在古老东方中国的消息被源源不断地传往欧洲的同时, 中国的语言也成为欧洲学者的关注目标。

明末清初以降, 西方商人、传教士纷至沓来, 他们在踏上中国的土地后首先面临的是语言问题。一方面出于经商和传教目的的带动之下他们开始学习汉语, 另一方面在他们关于中国的著述中将中国语言的信息传往欧洲。16世纪到过中国南部的葡萄牙多明我会传教士克路士(Gaspar da Cruz, 1520—1570)和西班牙奥古斯丁会传教士马丁·德·拉达(Martín de Rada, 1533—1578)关于汉语的论述: 中国的语言体现在书面上, 有别于西方的“字母”, 而是“字”, 汉字的数量很大, 克路士认为有5000个, 拉达觉得有10000个。克路士还提到中国各地的方言各异, 中国人的书写方式很特别—从上到下书写。比利时耶稣会士金尼阁(Nicolas Trigault, 1577—1628)在1615年出版的《利玛窦中国札记》中也有关于汉语的信息: 中国文字很像象形文字, 在语音方面都是单音字, 一个音节就是一个单独的字, 每种事物都有自己恰当的符号, 汉字的总数不超过7万或8万。一些字发音相同, 但字形不同, 意思也不同。声调和变音使汉字所表示的意义更加丰富, 一个音节, 至少具有5种不同的意义。中国人写作时用文言, 说话时用白话。文言和白话字词通用, 差别在于风格和结构。中国各省份之间口语差别很大, 但有一种整个帝国通用的口语, 被称为官话, 使用普遍, 连妇孺也听得懂。各地之间在书面语方面却是共通的。中国人书写时从上到下写成竖行, 纸面上由右到左。²

¹ 王力:《汉语史稿》,中华书局,2004年3月第2版,第10页。

² [比利时]金尼阁著,何高济、王遵仲、李申译,《利玛窦中国札记》,中华书局,1983年。

明末即欧洲中世纪晚期，欧洲出现了综合欧洲所有中国信息于一书的《中华大帝国史》³，将汉字的样貌第一次呈现给欧洲，并介绍了汉语在发音、书写和字义等方面的特点。此后长期在中国生活的晚明传教士回到欧洲后结合欧洲的语言研究介绍中国语言，曾德昭 (Alvarus de Semedo, 1585–1658) 在其《大中国志》中⁴ 提到汉语的起源、语法特点、书写规律、汉字数量及构造等，并展现了更多的汉字。启蒙时代早期的欧洲学术界对中国语言愈加关注。

及至清代，1668 年在北京生活已达 20 年 (1648 年起) 的葡萄牙耶稣会士安文思 (Gabriel de Magalhães, 1609–1677) 为欧洲写出了“中国的十二个特点”，即从十二个方面介绍中国文明，其中第三个方面即“中国的语言文字优美”，其中谈到，中国人在埃及人之前就有了文字记录，中国人使用的是五万四千四百零九个字，这些字表达他们要说的事，很优美、生动和有效。中国文字结构巧妙，表示与生活有关的图画和形象，并介绍了中国字的构成外形和规律，认为中国的语言文字发明的非常巧妙，并举例介绍中国字都是单音节，由三百二十个单音节组成，通过读法上的差别和多种方式的复合，使得为数不多的单音节字非常丰富且富有表现力。⁵ 1667 年，与多位在华耶稣会士有密切联系的欧洲重要学者基歇尔 (Athanasius Kircher, 1602–1680) 出版了《中国图说》一书，该书引起欧洲学术界的广泛关注。书中作者从读音、书写、字义及与埃及文字的比较几个角度介绍中国文字，首次向读者展现大量汉字 令欧洲学界叹为观止。

在华欧洲传教士为便于后来者学习汉语，很早就开始探索汉语规律。1703 年，西班牙多明我会传教士瓦济国 (Francisco Varo, 1627–1687) 在广州出版《华语官话语法》⁶，首开欧洲人撰写出版汉语语法书的先河。作者将汉语分为名词、代词、动词、分词、介词、副词、感叹词、量词八类，并从性、数、格、时、态等角度展开描述，从欧洲人大航海后世界语言学界对于各民族语言规范语法的研究视角揭示汉语的语言特征，较为全面地为欧洲读者勾勒汉语的面貌。18 世纪欧洲进入启蒙运动时期，在早期入华传教士著作的影响下，汉语也随着“中国热”进入欧洲知识人的视野，成为欧洲学术界关注的对象，而体现语言规律的语法，随着欧洲语言学的发展而成为欧洲人文学者不懈探索的目标。以识别东方语言著称于欧洲的东普鲁士东方学家拜耶尔 (Gottlieb Siegfried Bayer, 1694–1738)，1726 年受聘于彼得堡科学院院士席位后，以其原本自学汉语的基础，利用俄国直接向中国派出商队的便利，完善关于中国、关于汉语的研究，于 1730 年出版了被称为欧洲第一部汉语语法书的《中国博览》。后世学者认为，巴耶尔书中关于汉语规律的探索是完全正确的⁷。1742 年，法兰西科学院傅尔蒙 (Étienne Fourmont, 1683–1745) 以入华传教士的汉语研究成果为基础撰写出版了《中国官话》。伴随着欧洲对中国的关注，汉语的规律也成为欧洲学界关注的焦点。

19 世纪，欧洲列强在华活动愈演愈烈，汉语成为欧洲人在华活动不可或缺的重要工具。伴随着英国在亚洲殖民活动的加剧，1807 年抵达澳门的英国基督新教传教士马礼逊 (Robert Morrison, 1782–1834) 于 1815 年撰写出版了第一部英文本的汉语语法

³ [西班牙] 门多萨克撰，何高济译，《中华大帝国史》，中华书局，1998 年。第111–112 页。

⁴ [葡] 曾德昭著、何高济译《大中国志》，上海古籍出版社，1998 年。第39–44 页。

⁵ [葡] 安文思著，何高济、李申译《中国新史》，大象出版社，2004 年。第43–45 页。

⁶ Francisco Varo, *Arte de la lengua mandarina*, Kanton, 1703.

⁷ 见比丘林《汉文启蒙》前言。

书《通用汉言之法》⁸。马礼逊在该书序言中说，其宗旨是为学习汉语的学生提供实际的帮助。正是由于西方人来华活动的需要，欧洲关注汉语的人不只限于传教士或科学院学者群体。1814年，法兰西公学设立汉语教席，雷慕萨 (Jean-Pierre Abel-Rémusat, 1788–1832) 开始在公共讲座中讲授汉语⁹，将汉语作为一种前沿知识向法国社会公众传播。在法兰西公学传播汉语知识达 8 年后的 1822 年，雷慕萨出版了《汉文语法精要》这部语法著作作为汉语学习课本。在欧洲商人和冒险家为来华活动准备汉语知识技能、学术界为满足公众需要提供汉语教学的同时，自清雍正年间起奉行禁止天主教在华传播并将传教士驱逐至澳门，他们在澳门养精蓄锐，精心培养未来准备派往清朝的传教士，汉语自然是教学活动中的重要内容。葡萄牙天主教遣使会传教士公神甫 (Joaquim Afonso Gonçalves, 1781–1841, 即“江沙维”) 1812 年抵达澳门后因清朝禁教而滞留澳门，在圣若瑟修道院执教。汉语是培养未来的传教士的重要课程，为了帮助学生掌握汉语，公神甫于 1829 年出版《汉字文法》、1831 年出版《汉洋合字汇》、1833 年出版《洋汉合字汇》，全面介绍汉语口语、写作以及相关文法知识。公神甫这套丛书的系统性和实用性使得 19 世纪下半叶在华活动的法国人、英国人纷纷援引编译，用作本国人学习汉语的资料。在西欧列强竞相来到清朝的同时，陆路与中国接壤的俄国也不甘人后。自 18 世纪中俄在恰克图互市以来，恰克图商人群体发展很快，对于在华贸易的需求十分旺盛。1830 年，比丘林加入了沙俄向中俄边境恰克图派出的科学考察团，在中俄贸易重镇恰克图，地商人深感俄人在中俄贸易中不通汉语之不便，借比丘林滞留恰克图之机，请求俄国政府部批准由恰克图商人自己出资开办恰克图汉语学校。比丘林亲自为这所学校编定四年教学计划、亲自授课、于 1835 年编写并石印出版了汉语语法书《汉文启蒙》作为教材。1838 年，该书补订后在彼得堡正式出版，引起俄国学界密切关注，第二年获得了俄国学术图书最高奖——杰米多夫奖¹⁰，持续地在 19 世纪俄国汉语教学中发挥重要作用。19 世纪后半期，特别是第二次鸦片战争以后，中西关系发生了实质性的变化，欧洲各国纷纷在华设立公使馆，中国成为欧洲冒险家的淘金之地。为满足欧洲人在华活动的需要，以欧洲语言撰写出版的汉语语法书（汉语教材）层出不穷。西方列强向中国纷至沓来，终结了俄国独享陆路对华贸易的时代，刺激俄国大举推动在东北亚的活动。随着中东铁路的修建，俄国的汉语人才相对于其在远东地区的活动而言严重不足，于是在 1899 年于海参崴成立了东方学院，为地方官员、商人、军官进行汉语、朝鲜语、日语培训。彼得堡大学毕业生施密特 (Пётр Петрович Шмидт,

⁸ 马士曼用英语撰写的《中国言法》出版于1814 年，马礼逊的《通用汉言之法》出版于1815 年，但马礼逊在1811 年就完成了书稿并寄往孟加拉，以便在塞兰坡付梓印刷。

⁹ 很长时间以来，有人将法兰西公学院说成是“法兰西学院”，1814 年法国法兰西公学院教授开设汉语讲座，称为法国在欧洲最先开始在大学教授汉语。实际上这里发生了认识上的混淆，将法兰西公学院与法兰西学院混为一谈。法兰西公学院 (Collège de France) 是法国国王弗朗索瓦一世创立于 1530 年的、独立于基础教育和高等教育体系之外的学术机构，专门面向社会公众传播前沿知识。而法兰西学院 (Institut de France) 则是创立于 1795 年的学术机构，相当于法国的国家科学院，下设五个专业方向的学术院。而欧洲最先在大学开设汉语专业、设立教授席位的大学是俄国的喀山大学，喀山大学于 1837 年设立汉语教研室，由俄国东正教驻北京使团返回俄国的达尼尔·西韦洛夫担任首任汉语教授。

¹⁰ 该奖是彼得堡科学院于 1832–1865 年间设立的用以奖励科学、技术、艺术著作出版的奖项，由当时俄国最大的产业主之一杰米多夫 (П.Н. Демидов, 1798–1840) 捐资，是当时俄国最高的学术奖励，在设立的 34 年间奖励了以人文科学为主的学术著作 275 部，其中包括历史学领域的 53 部，语文学领域的 46 部，地理学领域的 28 部。

1869—1938) 在结束为期三年的北京进修后来到海参崴东方学院任教, 于 1902 年撰写出版了适应这一时期教学需要的《汉语官话语法试编》。

19 世纪初叶至 20 世纪初叶欧洲人出版的这五部汉语语法书: 1815 年英国传教士马礼逊在塞兰坡出版的《通用汉言之法》、1822 年法兰西公学汉语教授雷慕萨在巴黎出版的《汉文语法精要》、1828 年葡萄牙传教士公神甫(江沙维)在澳门出版的《汉字文法》、1838 年俄国东正教传教士比丘林在彼得堡出版的《汉文启蒙》、1902 年海参崴东方学院教授施密特在海参崴出版的《汉语官话语法试编》, 跨越了近百年的时间, 反映了不同时期欧洲人对语言的态度、对汉语的认识, 体现了汉语与世界语言学发展之间的联系。19 世纪上半叶出版的前 4 部语法书, 以将汉语这种异域语言传授给同胞为立足点, 首先介绍汉语的独特之处。汉语在外在形式(指“字”而非“字母”)、音、词、书写工具、字的演变、字的分类等方面都有别于欧洲语言的鲜明特点。马礼逊以英语撰写出版的《通用汉言之法》的引言中说, “中国人不使用字母, 并且通过汉字本身无法得知其发音”; 中国人“选取一个经常使用的汉字……用它为具有相同读音却不常使用的汉字注音”, 或者以“切音”的方式, 使用两个汉字为一个汉字注音; “他们的词只由一个音节构成”; “汉语的音节分为四种不同的声调, 中国人用‘四声 [Séé] [Shíng]’表示……‘平’‘上’‘去’‘入’这四个汉字适用于他们定义的所有音节”; “欧洲人已经给每一种声调分配了一种标记符号”; “中国人用毛笔写字”; “汉字共有 214 部”; “汉字起初是象形文字……汉字现在有五种字体”(正、行、草、隶、篆)。雷慕萨以法语撰写出版的《汉文语法精要》绪论也从以上几个方面介绍汉语的基本知识: 汉语没有字母, 汉字不表义只表音, 汉语有口语与书面语之分; 汉字的六书, 以及汉字书写经历了蝌蚪字、篆、隶、草书的演进; 中国人以毛笔书写, 汉字存在“同字”“通字”“古体字”“俗字”; 汉字有 214 个部首。公神甫以葡语出版的《汉字文法》中介绍汉语时说, “汉语与其他语言不同, 不靠发音规则来书写”, 整理汉字偏旁并以之为中心独创性地形成汉字表, 详细说明汉字笔画、发音(平上去入四声)及汉字的单音节特点; 关于汉字的部首, 公神甫没有按 214 部介绍汉字系统, 而是通过区分出“非结合其他汉字不能成字”的部首, 将部首总数简化为 129 个, 并阐明汉字书写和发音方面的一词多义、很多字发音相近, 这是学习汉语的难点。公神甫认为, 笔画、部首和字根是掌握汉语的关键。以俄语撰写出版的比丘林的《汉文启蒙》结合俄语语言特点梳理汉语的规律, 首先就提到汉语的词没有派生性、没有词尾变化; 借鉴《五方元音》中“其取十二字为韵……其取二十字为母”¹¹ 的划分方法, 把汉语的音划分为二十字母和十二韵, 并汲取《康熙字典·等韵》中的分九音法, 把汉语的音分成“牙音、舌头音、舌上音、重唇音、轻唇音、齿音、正齿音、喉音、半舌半齿音”, 说明汉字的读音、声调特点; 汉字的六书、汉字的笔画、字体的特点、正字法规则并以大量例字说明汉字书写技巧。20 世纪初施密特以俄语撰写出版的《汉语官话语法试编》不再如前述四部著作向读者普及汉语与欧洲语言的差异, 而从普通语言学的视角, 首先阐明汉语在世界语言中的位置, 说明汉语属于没有词形变化、没有固定词性的孤立语, 并系统介绍汉语的方言、语音特点、声调、官话的形成、汉字及其分类、汉语字典等。总的说来, 《通用汉言之法》《汉文语法精要》《汉字文法》从中国小说、戏剧以及其他经典中大量引用例句, 着力于培养学生使用汉语的能力; 而以俄语撰写出版的《汉文启蒙》《汉语官话语法试编》以作者的语言观念为基础。
《汉文启蒙》立足于罗蒙诺索夫(M.B. Ломоносов, 1711—1765)以来的《俄语语法》, 《汉语官话语法试编》立足于福尔图纳托夫(Ф.Ф. Фортунатов, 1848—1914)的历史

¹¹ 李学勤主编: 《中华汉语工具书库·五方元音》第 63 册, 安徽教育出版社, 2002 年, 第 522 页。

比较语言学思想，向学生说明、解释汉语的语言规律。将这五部汉语语法书辑编成系列，以点带面地反映出 19 世纪欧洲商人、学人、传教士等各领域对汉语的需求，透视不同时期欧洲人的语言观念及其对汉语的认识，折射出欧洲语言研究从规范语法向历史比较语言学的转向。

在探索汉语语言规律时，注重词法是几部语法书的共同特点。公元前 2 世纪前半叶，亚历山大语法学派代表人物亚里斯塔尔库斯 (Aristarchus of Samothrace, 前 215 — 前 143 年) 提出八大词类：名词、动词、形动词、冠词、代词、前置词、副词、连接词，奠定了欧洲人认识语言的基本视角。马礼逊《通用汉言之法》从名词、形容词、数词、代词、动词、副词、介词、连词、叹词几个方面介绍汉语，特别说明汉语特有的量词的用法，并列举出 78 个常用量词。在词法之后，介绍了汉语方言、句法和诗歌韵律。最后以表格的方式将汉语语音、声调、部首和数字呈遭到给读者。雷慕萨的《汉文语法精要》认为在古代人们“人们用尽可能少的文字表达思想；人们孤立地写每句话，不顾它与前句或后句的联系”，这是汉语的“古文”的特点。“随着社会需求的不断增长，古文很快停止了流通”，“古文中引入了多种变化……使语言变得清晰、明确……复合词取代了单元词……使用新的虚词……这些变化的结果所形成文风，被称为‘官话’”。雷慕萨从古文和官话两个方面讨论名词、形容词、专有名词、数词、代词、动词、副词、介词、连词、叹词以及虚词短语在汉语中的表现形式，并在附录中介绍了汉语标点符号的使用、中文图书的结构和样式特点、中国人的作诗法，最后还列举了法国国王图书馆的中文书目。公神甫的《汉字文法》对照葡萄牙语的特点，将汉语词法穿插在实际使用的例句之中，介绍了“汉语中没有词尾变化，但是汉语中有虚词和语序可以表达不同的语义和时态”的特点，举例说明了汉字的代词、动词、形容词、前置词、副词、连词。比丘林的《汉文启蒙》几乎是围绕汉语的词法介绍汉语语法，作者继承了欧洲语法史上的八大词类说以及罗蒙诺索夫俄语语法中关于词类的思想，通过名词、形容词、代词、动词、副词、前置词、连词、语气词八个词类描述汉语中的词。施密特的《汉语官话语法试编》在体现欧洲人历经三百多年对汉语的认识的同时，还体现了 20 世纪初世界语言学的成就，对于词类、词性的论述更为准确细致。关于名词的论述包括了名词的数、格等范畴，对于形容词的论述涉及到比较级、最高级，分别从指示代词、人称代词两个方面论述代词，关于动词的论述包括了命令式、被动态等范畴。

历史上西方人的汉语语法研究，对于中国学者的汉语语法探索有着重要的意义，为国人探索汉语语言规律奠定了基础。1898 年问世的《马氏文通》是国人研究汉语文法的创造性成就，从此汉语语法研究从传统小学分离出来，成为汉语语言研究的重要学术领域。马建忠在《马氏文通·后序》中说，“斯书也，因西文已有之规矩，于经籍中求其所同所不同者，曲证繁引以确知华文义例之所在”，融通中西语言研究而得。其中西方人自明末清初西方人入华以来不断积累的对汉语的认识、学习、研究的成果，发挥了重要作用。本丛书翻译出版历史上西方人关于汉语语法研究的重要著作，使学界洞悉、把握历史上西方人关于汉语语法研究的具体面貌，有助于融通中西语言研究，推动汉语语法研究。

References

- An Wensi 安文思著 (Gabriel Magaillans). *Zhongguo xin shi* 中国新史 (A New History of China). Tr. by He Gaoji, Li Shen 何高济, 李申译. Daxiang chubanshe 大象出版社, 2004 (in Chinese).

- Jin Nige 金尼阁著 (Nicolas Trigault). *Li Maodou Zhongguo zhaji* 利玛窦中国札记 (Chinese Sketchbook by Matteo Ricci). Tr. by He Gaoji, Wang Zunzhong, Li Shen 何高济,王遵仲,李申译. Beijing: Zhonghua shuju 中华书局, 1983 (in Chinese).
- Varo Francisco. *Arte de la lengua mandarina*, Canton, 1703 (in Spanish).
- Wang Li 王力. *Hanyu shigao* 汉语史稿 (Essay on the History of the Chinese Language). Beijing: Zhonghua shuju 中华书局, 2004 (in Chinese).
- Zeng Dezhao 曾德昭著 (Alvarus Semedo). *Da Zhongguo zhi* 大中国志 (The History of Monarchy of China). Tr. by He Gaoji 何高济译. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社, 1998 (in Chinese).
- Zhonghua hanyu gongju shuku. Wufang yuanyin* 中华汉语工具书库·五方元音 (Reference Library on Chinese Grammar. Vowel Sounds). Ed. by Li Xueqin 李学勤主编. Hefei: Anhui jiaoyu chubanshe, 安徽教育出版社, 2002 (in Chinese).

The Study of Chinese Grammar by Western Sinologists

LIU Ruomei

The Beijing Foreign Studies University
Beijing, China

Received 12.03.2025.

Abstract: Language is an instrument used for international exchange of mankind in the long course of its formation and development. Territorial barriers and ethnic differences resulted in the formation of very different languages, with every language having its own grammar and unique norms. This paper focuses on the five most important grammars of Chinese written by Western Sinologists: *A Grammar of the Chinese Language* by Robert Morrison (1782–1834), *Les éléments de la grammaire chinoise* by Jean-Pierre Abel-Rémusat (1788–1832), *Arte China* by Joaquim Afonso Gonçalves (1781–1841), *Chinese Grammar* by Nikita Ya. Bichurin (1777–1853), and *An Experience of Mandarin Grammar with Texts for Exercises* by Petr Shmidt (1869–1938). These seminal works laid the groundwork for the study of the Chinese language by Western scholars and first introduced the use of Western linguistic categories into this study.

Key words: Chinese language, grammar, “A Grammar of the Chinese language”, Robert Morrison (1782–1834), “Йльмэнс де ла грамматике чиноисе”, Jean-Pierre Abel-Rымусат (1788–1832), “Arte China”, Joachim Alphonse Gonzalves (1781–1841), «Китайская грамматика», Nikita Ya. Bichurin (1788–1853), «Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений», Petr P. Schmidt (1869–1938).

For citation: Liu Ruomei. “The Study of Chinese Grammar by Western Sinologists”. *Pis'menye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 67–73 (in Chinese). DOI: 10.55512/WMO692204.

About the author: LIU Romei, Dr. Sci. (Philology), Professor, Beijing Foreign Studies University (Beijing, China) (liuruomei@bfsu.edu.cn).

Женщина Туниса от исламизации к колонизации в сочинении Тахара аль-Хаддада (1899–1935)

Н.Н. ДЬЯКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO692202

Статья поступила в редакцию 30.06.2025.

Аннотация: Наступление XX в. ознаменовало начало новой эпохи в истории реформаторского и обновленческого движения в Магрибе, как и на всем арабском Востоке. Вопрос о положении женщины в исламском обществе получает новое звучание в трудах выдающегося мыслителя Туниса Тахара аль-Хаддада (1899–1935), создавшего в 1929 г. труд «О положении женщины в шариате и обществе». Статья посвящена обзору основных положений данного сочинения, которое является не просто книгой о доле женщины-мусульманки, но фундаментальным историко-религиоведческим обзором социальной и правовой роли ислама в регулировании семейно-брачных отношений, в развитии системы образования и воспитания, в формировании контактов с внешним миром, в том числе и так называемой «гендерной сфере».

Ключевые слова: Тахар аль-Хаддад (1899–1935), мусульманская семья, социальное и правовое положение женщины-мусульманки.

Для цитирования: Дьяков Н.Н. Женщина Туниса от исламизации к колонизации в сочинении Тахара аль-Хаддада (1899–1935) // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 74–80. DOI: 10.55512/WMO692202.

Об авторе: Дьяков Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия) (nick-d@mail.ru). ORCID: 0000-0002-0793-5162.

© Дьяков Н.Н., 2025

Наступление XX в. ознаменовало начало новой эпохи в истории реформаторского и обновленческого движения в Магрибе, как и на всем арабском Востоке. Ведущий центр обновленчества в странах «французского» Магриба, Тунис — древняя земля Карфагена, римская провинция Африка и арабская Ифрикийя, обратившись к исламу еще в первом веке хиджры (VII в.), на пороге XX в. превратился в очаг модернистских течений общественно-политической мысли арабов Северной Африки. Новые настроения затронули и вопрос о месте женщины в исламской цивилизации.

Ступив впервые на землю Ифрикийи спустя лишь четверть века после кончины Мухаммада, мусульмане столкнулись здесь с той особой ролью, которую женщины играли в социальной и политической жизни обитателей Магриба — племен «бербе-

ров» — амазигов, получивших от арабов общее наименование *кабаиль*, или попросту — «племена».

Дошедшие до наших дней древние предания амазигов содержали немало описаний блистательного правления и подвигов берберских цариц и воительниц, начиная с легендарной Саджах и, разумеется, царицы Кахины, возглавившей сопротивление местных племен арабам. Особой роли женщин в истории народов Магриба и Сахары уделяли немало внимания арабские авторы средневековья, включая великого мыслителя арабского Запада и всего мира ислама Ибн Халдуна (1332–1406), общепризнанного основоположника исторической социологии Нового времени.

«Женский вопрос» не случайно нашел свое место в трудах классиков обновленческого движения на пороге XX в. (Дж. аль-Афгани, М. Абдо и др.), а также в творчестве российских и европейских востоковедов (В.В. Бартольд, Э. Вестермарк, Л. Мас-синьон, Ж. Берк, М. Родинсон и др.). Роль женщины в традиционном обществе арабского Магриба в разной мере затрагивали в своих трудах и современные российские ученые, в том числе Р.Г. Ланда, М.Ф. Видясова, В.В. Орлов, Н.А. Жерлицына, А.Ю. Коровкина, И.Г. Рыбалкина и др.

Два межвоенных десятилетия (1918–1939) были отмечены на севере Африки ростом национально-патриотических выступлений, в которых исламский фактор играл далеко не последнюю роль. Не случайно, именно в эти годы в Египте рождается «Ассоциация братьев-мусульман» (в настоящее время запрещенная в РФ организация), впоследствии имевшая сотни ячеек (*халаия*) в разных концах мира ислама. В соседнем с Тунисом Алжире, колыбели французской колониальной империи, в 1930–1931 гг. формируется весьма влиятельная «Ассоциация улемов-реформаторов». У восточных границ Туниса сопротивление итальянской оккупации вылилось в широкое религиозно-политическое движение во главе с братством Санусийя, в начале 1930-х годов подавленное фашистскими карателями Муссолини.

В этих условиях поиск путей возрождения национальной и культурной самобытности не мог не дать появления на севере Африки новых ярких имен, за которыми с готовностью следовали мусульмане в надежде на возрождение и обновление своей духовной, культурной и социальной идентичности.

Среди лидеров общественного мнения колониального Туниса имя Тахара Хаддада занимает особое место. Ровесник «младотунисского движения», возникшего на пороге XX в., Т. Хаддад получил в 1920-е годы известность своим участием в движении конституционалистов-либералов (араб. *ад-дустурийун ал-ахрап*) и создании Свободной конституционной партии Туниса, в становлении регионального профсоюзного движения и в деятельности (непродолжительной) «Пролетарского университета», пользовавшегося популярностью в среде левых патриотических сил.

Проблемы социального реформирования, обновления мусульманского общества Туниса в условиях установленного французами режима протектората (1881–1956) изначально занимали важное место в активной общественной и публицистической деятельности Т. Хаддада. Безусловно, положению женщины-мусульманки при этом уделялось особое внимание, что, впрочем, было характерно для творчества практических всех авторов, представителей обновленческого движения в мире ислама.

В конце 1929 г. Т. Хаддад завершает свой ставший во многом хрестоматийным труд о роли женщины в исламе и месте ее в современном автору колониальном Тунисе — «О положении женщины в шариате и обществе». Это сочинение, по сути, является не просто книгой о доле женщины-мусульманки, но, скорее, фундаменталь-

ным историко-религиоведческим обзором социальной и правовой роли ислама в регулировании семейно-брачных отношений, в развитии системы образования и воспитания, в формировании контактов с внешним миром, в том числе в пресловутой «гендерной сфере» (Т. аль-Хаддад 2021).

Предисловие книги Т. Хаддад открывает словами: «Женщина — мать человека; выношенный в ее чреве, взращенный в ее объятиях, он не знает ничего, кроме ее права — того, что проступает на полотне всей его последующей жизни...» (Тунис, 10 декабря 1929 г.) (Т. аль-Хаддад 2021).

Введение к «Правовому разделу» содержит общую характеристику исламского законодательства в вопросе о положении женщины: «Ислам стал новым принципом жизни арабов в целом и мусульман — в частности», и потому важно выяснить его «новаторство в отношении женского вопроса, в гражданской, общественной или правовой жизни...».

«Появился ли ислам ради установления равенства между рабами Аллаха... ради укрепления [института] брака, плодородия семьи и приумножения уммы...?» Т. Хаддад подробно рассматривает далее вопросы самоопределения и гражданских прав женщины. Важный вопрос — признание исламом гражданской субъектности женщины, ее права собственности и наследования наравне с мужчиной... Правда, некоторые правоведческие школы, пишет автор, ограничили это право, принимая во внимание слабость женщины...

Тунис — родина Т. Хаддада, но это и родина первой конституции в Арабском мире, принятой в 1861 г. Тунисское гражданское право признавало за совершеннолетней, «двухгодично замужней женщиной ничем не ограниченную [свободу действий]», о чем заявлено в 7-й статье Кодекса о договорах и обязанностях.

Священное Писание мусульман, Коран закрепил за мужчинами и женщинами равные гражданские права и обязанности, как и равные наказания за совершение преступлений. С этим согласно большинство правоведческих школ ислама. Но право на развод в исламе было отдано в мужские руки, о чем свидетельствует и практика судов, призывающих «отдаляться от развода и блести чистоту семейной жизни». Единственное средство, позволяющее исправить сложившуюся ситуацию, подчеркивает Т. Хаддад, есть суд, заключающий и расторгающий браки. Неосторожное слово отца семейства не должно перерастать в его и чужое горе, — а значит, необходимо создавать семейные суды, блюдущие законы ислама. Семейные суды призваны «облегчить муки мусульман и смиливаться над растоптанным сердцем женщины...».

Мусульманское право предусматривает компенсацию материального или морального ущерба, нанесенного умышленно или непреднамеренно. Книга Т. Хаддада — уникальный источник о мусульманском обществе Туниса и положении женщины в колониальный период. В заключении правового раздела своей книги Т. Хаддад пишет: «Вчитавшись в источники мусульманского права, задумавшись о его конечных целях, мы неизбежно придем к выводу: согласно Шариату, женщина ни в чем не уступает мужчине... женщина получила то, на что [в доисламские времена] не могла и рассчитывать» (Т. аль-Хаддад 2021: 111–116).

Социальный раздел книги Т. Хаддада (Т. аль-Хаддад 2021: 117–170) открывается анализом проблем воспитания будущих жен и матерей. Касаясь особенностей материальной культуры современного ему Туниса, автор рассказывает о занятости женщин в текстильной и швейной отраслях, отмечая, что нередко это производство оказывалось в руках европейцев, которые, принимая выгодные заказы, «перепоручали

затем их выполнение тунисским девушкам за мизерную плату. Что до пустынь и деревни, то там девочки, подобно своим отцам и матерям, заботятся о пастбищах и оазисах; в нежном возрасте они привыкают к суровому климату и тяжелому труду. Ужасающая нищета сделала их заложницами фермеров-иностранцев. Часто их подводят мужья, спускающие все заработанные деньги на чай, вино и наркотики.

Прибавьте к этому разницу между городом, где необходимое домашнее убранство относительно нетрудно найти, и суровой пустыней. При всех тяготах жизни женщины пустынь по природе своей более покорны мужчинам, чем горожанки, ищащие свободы...

Чрезвычайно ценным для читателя и исследователя представляется приведенный Т. Хаддадом анализ культуры мышления и нравов, культуры брака и тела, их места в жизни тунисской женщины.

Принуждение к браку. «Мы хотим, чтобы женщина была образованной матерью, возвращающей достойных сыновей; чтобы она осознала свою важность для нас и нашего народа... Мы обязаны встать на защиту женщины, уберечь ее от многовекового зла, восстановить ее в правах помощника и человека, достойного нашей культуры и нашего же воспитания, избавить ее от диктата и принуждения...»

«Тунис — аграрная страна, большая часть населения которой занята в сельском хозяйстве. Однако, в силу ряда политических и социальных причин, многие тунисские землевладельцы потеряли свои земли, отдав их в руки иностранцев. Повсеместное внедрение сельскохозяйственной техники нанесло второй удар по традиционному укладу и привело к отказу крестьян от прежнего ремесла: они присоединяются к когорте тех, кто уже потерял своего покупателя под натиском европейской мануфактурной продукции. Прибавьте к этим еще разорившихся торговцев и спекулянтов, служащих чужому капиталу. Все они сейчас — безработные, ищащие средства к пропитанию и находящие их разве что в государственном секторе экономики, во французско-еврейских железнодорожных и угольных, пищевых и текстильных синдикатах. Там они получают мизерную плату за тяжелый физический труд и непосильную конкуренцию с современными технологиями».

Недоедание, низкие заработные платы, детский труд, безработица, болезни — всё это изничтожает семейную жизнь, ее моральные и материальные основания. Неудивительно, что в брак вступают пораженные туберкулезом и раком, сифилисом и параличом люди, не имеющие надежды на исцеление; они ничем не отличаются от бедуинов, которые из-за своего образа жизни зачастую лишены возможности обратиться к врачу, пребывая в пленах душных палаток и знахарей. В этом кроется причина высокой смертности в Тунисе.

«Любовь к прогрессу толкает многих мужчин и вовсе отвергнуть страдающих за нас тунисских женщин, которые, по мнению первых, не в силах создать домашний уют, — и потому эти мужчины предпочитают брак с иностранками... Европейские женщины изящны в движениях; их лица передают каждое движение души, их чающая улыбка, выпестованная царящими в их семьях любовью и дружелюбием, пленяет наших мужчин. Мы же, заковываем нашу девушку в цепи стыдливости, замуровываем чувство в ее груди до тех пор, пока оно не умрет окончательно...»

«Женщина рождает народ — женщина его и воспитывает; она — первая надежда на его добroе будущее. Европейская женщина создана не для нас, она не должна сливаться с нашим обществом. Мы обязаны брать в жены наших соотечественниц, которые на первый взгляд далеки от искомого совершенства; но вместо того, чтобы бе-

жать за границу и запирать наших сестер в собственных домах, мы должны заняться их воспитанием и уберечь их от опасных последствий прогресса. Они — наши, и мы — их; все мы — один народ. Но где же те, кто разумеют эту простую, в общем-то, истину?»

Актуальным и сегодня представляется поднятый Т. Хаддадом вопрос о женском покрывале — *хиджабе*, ношение которого — не что иное, как старинный обычай городов и деревень («пустыня этого обычая не знает», справедливо отмечает автор).

«Хиджаб отделил мужчину от дома, позволив ему, [а не женщине], вести двойную жизнь в кофейнях, ресторанах и кабаках... Женщина при этом должна быть отдалена от грешной жизни, той самой, что сгубила нашу честь. Необходимо помнить о том, что женщина, обязанная поддерживать порядок в доме и воспитывать успешных в жизни семьи и общества детей, сама должна стать примером успеха. Как может она достичь его в отрыве от научной и литературной среды, от музеев и лекториев, учащих о преодолении социальных проблем?.. Хиджаб не позволяет женщине получить достойное образование, не позволяет ей познать тонкости домашней экономики; зачастую она даже не умеет считать, а годы опознает по событиям, вспоминая о „тумных“ и „голодных“ годах или о годах своего переезда из одного дома в другой...»

Такова тяжкая судьба женщин, издавна выходящих из дома лишь для того, чтобы принести обет на могиле какого-нибудь праведника; нравственное облегчение от этих паломничеств приводит к тому, что они раз за разом повторяются, в то время как женщинам стали доступны и другие средства отдохновения... Отказ от хиджаба — новое явление в жизни женщины, имеющее место под влиянием западной культуры. Необходимо поставить вопрос следующим образом: должны ли мы вернуть женщине былую, домашнюю несвободу или же облечь свои мысли в другую, более выгодную нам форму,ющую принести и добрые плоды?.. Воспитание — вот ключ к этому бездумному прогрессу, средство защиты от его всесилия, затягивающего нас в бездну [смерти] (Т. аль-Хаддад 2021: 154–160).

Публичное образование для мусульманок. Немного поразмыслив, пишет Т. Хаддад, «наше правительство принялось открывать школы для девочек-мусульманок, — и это прежде того, как мы вспомнили о необходимости образовывать мальчиков. Государство превратило женские школы в технические училища, в стенах которых девочки обучаются ремеслу ткачих, параллельно осваивая французский язык, историю, арифметику и основы географии. Что касается арабской культуры, то наставники обучаают подопечных арабской грамоте и вызубривают с ними пару-тройку сур из Корана».

«Разрешив женщине получать высшее образование, мы получим отличные результаты, не имеющие, с точки зрения домоседа, решительно никакого смысла. Европа уже сегодня обеспечила своих дочерей университетскими скамьями, не распрошавшись ни с институтом семьи, ни с женской общественной активностью; именно поэтому европейцы властвуют над такими отсталыми народами, как мы. Мы обязаны ввести женщину в нашу систему образования, в нашу медицину и дошкольное обучение, в нашу литературу и культуру; в этом случае женщина с радостью будет служить и своему дому, ибо знания суть свет, безвредный для воспитанных, нравственно чистых душ».

«Я искренне верю в наше литературное и интеллектуальное богатство, в наши природные способности, — пишет Т. Хаддад. — Наша неудача — результат дурного

воспитания, загасившего пламя нашего духа; мы вырастаем неповоротливыми бездельниками, не верящими даже самим себе, мы убегаем от жизненно необходимой работы и прибегаем к смертельному бездействию. Вот и отговаривают нас женщины от серьезных трудов вместо того, чтобы внушать нам смелость и мужество». «Я уважаю нашу интеллигенцию и надеюсь, что она высоко поднимет знамя нашей державы. Но я верю и в то, что дух [просвещения] необходимо вдохнуть и в нашу семью, подготовив к этому женщин».

Характеризуя собственную программу по освобождению женщины от векового гнета традиций, Т. Хаддад пишет в послесловии к своему труду:

«...Восток просыпается от летаргического сна... Арабскому пробуждению, как оказалось, нужна женщина, этот замурованный в глубинах домов клад. Тут и там принялись строить женские школы, учреждать организации по ее защите, писать о ее проблемах. Эти инициативы имели известный успех, мы слышим о том, что женщина правит Индией, вдыхает творческий дух в [мыслителей] Палестины, Египта, Сирии и Турции, своим подвигом заражает мужчин-патриотов» (Т. аль-Хаддад 2021: 175).

Книга Т. Хаддада «О положении женщины...» стала манифестом конституционного движения в Тунисе накануне драматических потрясений, связанных с началом Второй мировой войны. Вслед за умеренно либеральными реформами правительства Народного фронта Франция и ее колониальная политика в Магрибе пережили новый праворадикальный поворот, сопровождавшийся преследованием всех антиколониальных сил, включая «новодестуротовцев» во главе с будущим основателем независимой Тунисской республики — Хабибом Бургибой.

Оборвавшаяся столь рано жизнь Т. Хаддада не дала ему пережить унизительную итало-германскую оккупацию его родины, последовавшее победное шествие союзников на севере Африки, послевоенное возрождение «Нового Дестура» и Всеобщего союза тунисских трудящихся (1946) и, наконец, долгожданную отмену французского протектората в Тунисе (1956).

Не все, однако, надежды Т. аль-Хаддада на возвращение женщины Туниса, как и всего мусульманского Магриба, достойного места в жизни общества были реализованы. При этом его наследие, идеи и труды продолжают сохранять свою актуальность по сей день.

Литература

Т. аль-Хаддад 2021 — *аль-Хаддад Т. О положении женщины в шариате и обществе / Пер. и отв. ред. Ф.О. Нофал; под ред. Д.В. Мухетдинова, рец. Н.Н. Дьяков, З.А. Имамутдинова. М.: Московский исламский институт, 2021 (Серия: Возрождение и обновление).*

References

Al-Haddad, Tahar. *O polozhenii zhenshchiny v shariate i obshchestve* [Women's Status in the Sharia and Society]. Translated and ed. by F.O. Nofal. Ed. by D.V. Mukhetdinov. Reviewed by N.N. Dyakov, Z.A. Imamutdinova. Series: *Vozrozhdenie i obnovlenie* [Renaissance and Renewal]. Moscow: Moscow Islamic Institute, 2021 (in Russian).

Woman in Tunis from Islamization to Colonialism in the Work of Tahar al-Haddad (1899–1935)

Nikolay N. DYAKOV

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

Received 30.06.2025.

Abstract: The early 20th century opens the beginning of a new epoch in the history of reformation and renovation movement in the Maghreb, as well as in the whole Arab East. The problem of women's status in the Muslim society started to be viewed from a new angle in the works by the outstanding Tunis thinker Tahar al-Haddad (1899–1935), who wrote a treatise titled *Womens' Status in the Sharia and Society*. The paper focuses on the crucial paragraphs of this work, which is not only a book on the fate of the Muslim woman, but also a fundamental historical and religious study in the social and legal influence of Islam on family relations, on the development of the system of education and upbringing, on contacts with the outer world, including the sphere of the so-called “gender agenda”.

Key words: Tahar al-Haddad (1899–1935), Muslim family, social and legal position of women in Islamic society.

For citation: Dyakov, Nikolay N. “Woman in Tunis from Islamization to Colonialism in the Work of Tahar al-Haddad (1899–1935)”. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 74–80 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692202.

About the author: Nikolay N. DYAKOV, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (nick-d@mail.ru). ORCID: 0000-0002-0793-5162.

Культурный символизм темы процветания, плодородия и богатства в народной песне провинции Шэньси

П.А. КОМАРОВСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO692155

Статья поступила в редакцию 14.06.2025.

Аннотация: Народная песня — один из наиболее показательных источников для изучения народной культуры. В ней наглядно отражаются диалектные и бытовые особенности, а также интересы людей и их взгляды на жизнь. Тема процветания, плодородия и богатства является центральной для китайского народного декоративно-прикладного искусства, однако в народной песне она, судя по всему, распространена гораздо меньше. Песня чаще отражает или в сатирической форме высмеивает печали и горести, но немногие оптимистические произведения позволяют под особым углом увидеть жизнь простых китайцев. В настоящей статье представлены авторские переводы ряда народных песен провинции Шэньси, написанных ок. 1831 — 1931 гг.

Ключевые слова: КНР, Шэньси, Гуаньчжун, народная песня, народная культура, фольклор.

Для цитирования: Комаровская П.А. Культурный символизм темы процветания, плодородия и богатства в народной песне провинции Шэньси // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 81–88. DOI: 10.55512/WMO692155.

Об авторе: КОМАРОВСКАЯ Полина Антоновна, кандидат культурологии, старший преподаватель, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия) (p.komarovskaja@spbu.ru). ORCID: 0000-0001-6977-9524.

© Комаровская П.А., 2025

Значительной проблемой многих исследований о китайской культуре, на наш взгляд, является некоторая однобокость, когда традиции отдельно взятого региона преподносятся как присущие всей огромной стране со всем ее великим разнообразием. Настоящая статья представляет собой попытку частично восполнить данный пробел.

Провинция Шэньси расположена в самом сердце Китая. Она делится на три части с различным ландшафтом — Северную (Шэньбэй), Центральную (Шэньчжун) и Южную (Шэньнань). Северная Шэньси находится в юго-восточной части плато Ордос, и большая ее часть лежит на Лессовом плато. Географический регион Гуаньчжун в основном охватывает центральную часть провинции Шэньси, его границы совпадают с долиной р. Вэйхэ. Гуаньчжун обладает богатой историей — именно здесь находят-

ся г. Сиань, служивший столицей 13 китайским государствам. Южная Шэньси представляет собой гористую часть провинции, где пролегает хребет Цинлин.

Объектом изучения данной статьи являются народные песни провинции Шэньси, написанные с конца периода Цин (30-й год правления императора Гуансюя, т.е. 1831 г.) по 20-й год республики (1931). Это время частично совпадает с периодом существования так называемой «новой поэзии» (1917–1949), возникшей и развивавшейся под иностранным влиянием (Фан Чанъянь 2023: 7). Предметом изучения выбрана распространенная в китайской культуре тема процветания, плодородия и багатства, которая особым образом проявляется в народной песне и позволяет с нового ракурса увидеть китайскую культуру.

Самое раннее исследование о народной поэзии в Китае датируется 1918 г., а первый труд о народной песне провинции Шэньси был написан Лю Аньго 刘安国 (1895–1989) в 1926 г. Более подробно мы обращались к данному вопросу в предыдущей публикации о народной песне Гуаньчжуна (Комаровская 2024). Основоположниками изучения китайской народной поэзии стали «новые поэты» — Лю Баньнун 刘半农 (1891–1934), Чжоу Цзокэн 周作人 (1885–1967). Они находились в непрерывных творческих поисках, в рамках которых, в частности, систематизировали народные песни и писали стихи на темы, заимствованные из народной поэзии. Ими было воспитано множество учеников, воплотивших в своем творчестве их находки (Фан Чанъянь 2023: 9). Это позволяет говорить о влиянии народной песни на современную китайскую поэзию.

Нам удалось обнаружить только один сборник гуаньчжунской песенной поэзии — *Гуаньчжун цзю гэяо* (关中旧歌谣 «Старые песни Гуаньчжуна») (Цзун Минъянь 2014) — включающий в себя избранные произведения. Несмотря на несомненную научную и культурную ценность данного труда, по нему невозможно с уверенностью судить о гуаньчжунской песенной поэзии в полном объеме. Фактически родиной песен является вся провинция Шэньси, Гуаньчжун же вынесен в заглавие по лингвистической причине — автор сборника Цзун Минъянь говорит о гуаньчжунской языковой системе, распространенной также в Северной и Южной Шэньси.

Большим подспорьем при написании статьи стали комментарии, которыми снабжены почти все песни, представленные в сборнике.

Тема процветания является основополагающей для культуры маоизма, где она была возведена в абсолют при жизни Мао Цзэдуна. Малейшие намёки на проблемы в государстве находились под запретом. В более ранней китайской литературе, в частности в гуаньчжунской песенной поэзии позднецинского и республиканского периода, не менее — если не более — часто встречаются произведения, посвященные разного рода жизненным тяготам, которые нередко высмеиваются в сатирической форме. Если говорить об оптимистических песнях, представленных в сборнике, то в них описаны простые, вполне реалистичные радости жизни. Здесь мы практически не увидим гиперболы, как в символико-благопожелательной картине *няньхуа*, где можно, например, встретить пожелания «сыну стать наставником наследника престола».

Цзун Минъянь, составитель сборника «Старые песни Гуаньчжуна», указывает, что при наличии нескольких вариантов песни он выбирал самый, по его мнению, релевантный. В связи с этим может возникнуть вопрос: насколько «оригинальны» включенные в сборник произведения? Постоянные трансформации являются главным показателем живой культуры, и народная песня, являющаяся ее частью, подвержена переменам. Разные варианты одной песни могут по-разному исполнять в разных де-

ревнях, и даже в двух соседних дворах, и все они будут «верными»: автором народной песни является народ, автор вправе менять свое произведение по своему усмотрению. Записывающий же песни полевой исследователь волен избрать наиболее устраивающий его вариант в зависимости от потребностей исследования, личных предпочтений, собственных познаний и пр.

Перейдем к конкретным примерам.

Идея процветания и плодородия для крестьян тесно связана с урожаем, который зависел от строго определенной деятельности в конкретные дни и месяцы. Этому посвящена песня «Первое число первого месяца» (Чжэнь юэ чжэн 正月正) (Цзун Минъянь 2014: 181). В Китае большое внимание уделяется цифровой символике, совпадающие цифры дня и месяца считаются особенными датами. В целом китайскую культуру отличает универсальный классификационизм, который, в частности, тесно связан с принципами нумерологии (Кобзев 1994: 36) и отражен в данной и следующей за ней песнях.

正月正，看花红。二月二，带牛下田地。三月三，野菜开花及牡丹。四月四，家家忙了养蚕事。五月五，买上条黄瓜过端午。六月六，新麦子馒头炖羊肉。七月七，早见棉花白如雪。八月八，八十七人想娘家。九月九，社工社婆¹ 来吃酒。十月十，十个姑娘全嫁出。

Zhēngyuè zhèng, kàn huāhóng. Èr yuè èr, dài niú xiàtián dì. Sān yuè sān, yěcài kāihuā jí mǔdān. Sì yuè sì, jiā jiā mángle yāng cán shì. Wǔ yuè wǔ, mǎi shàng tiáo huángguāguò duānwǔ. Liù yuè liù, xīn mài zǐ mántou dùn yángròu. Qī yuè qī, zǎo jiàn miánhuā bái rú xuě. Bā yuè bā, bāshíqī rén xiāng niángjiā. Jiǔ yuè jiǔ, shègōng shèpó lái chī jiǔ. Shí yuè shí, shí gè gūniáng quán jià chū².

Две единицы в красных цветах,
В двойку двойную — скот на полях,
Тройка двойная — в цвете пион,
Дикие травы увили весь склон.
В двойную четверку — работы кипят,
В каждой деревне растет шелкопряд.
К пятерке двойной прикупили огурец
И лодки драконы встречай наконец.
Режут барашка в шестой день шестого,
Мясо с бобами отправят в жаркое.
Двойная семерка — хлопка пора,
Он кипенно-бел, словно снег на горах.
В двойную восьмерку по дому скучают,
Родительский дом дружно все вспоминают.
В двойную девятку бог пашни пришел,
С супругой уселся за праздничный стол.
В десятку десятого горести тают —
Десяток девиц разом свадьбу играют³.

¹ Здесь и далее в иероглифическом тексте подчеркнуты слова, которые будут обсуждаться чуть ниже. Они же выделены жирным шрифтом ниже в чтении на пиньинь.

² Для более наглядной передачи ритмического рисунка оригинальной китайской народной песни использована система пиньинь с обозначением тонов, а не принятая в синологических научных статьях транскрипция в системе Палладия.

³ Здесь и далее перевод песен мой. — П.К.

Здесь не описывается зимний период, когда полевые работы останавливаются и крестьяне посвящают себя народным ремеслам — вышивке, шитью, плетению корзин и пр. Бог пашни Шэгун записан иероглифами **社工**, однако чаще встречается омонимичный вариант **社公**. Это же божество может именоваться Шэшэн **社神** или Тудишэн **土地神** (бог Земли). Праздник в честь этого божества и его супруги, богини пашни (**Шэпо 社婆**), назывался День пашни (**Шэжи 社日**). Его отмечали два раза в год — весной (**чуньшэ 春社**) и осенью (**чиюшэ 秋社**). В эти дни, в особенности осенью, в сельской местности забивали кур и овец, готовили мясо, пили вино и устраивали праздничное действие **шэхо 社火**. В роли бога и богини пашни могли выступать односельчане, пришедшие на праздник.

Песня «Облака, предвещающие дождь» (**юнь сян гуань юй 云向观雨**) (Цзун Минъань 2014: 191) посвящена наблюдениям за погодой, от которой зависит урожай, а значит богатство и процветание.

云放东，刮黄风。云放西，水汲汲。云放南，漂起船。云放北，晒干麦。

Yún fàng dōng, guā huáng fēng. Yún fàng xī, shuǐ jíjí. Yún fàng nán, piào qǐ chuán. Yún fàng běi, shài gān mài.

Мчат облака на восток —
Веет с пустынь ветерок,
Запад манит облака —
Всё полноводней река.
К югу все тучки бегут —
Лодки резвее плывут.
Тучка на север стремится —
Сохнет на солнце пшеница.

Здесь продемонстрированы особенности гуаньчжунского диалекта, где **向** в **向东**, **向西** или в **向东走**, **向西走** иногда заменяется на **放**. Эта песня по-разному исполняется в различных районах. Страна о плавающих лодках (**пяо ци чуань 漂起船**) в восточной части Гуаньчжуна поется как «пруды заполняются и выходят из берегов» (**ший янь тань 水覆潭**), а в Чанъяне как «вода помогает парусам» (**ший фу фань 水扶帆**). Фраза «сохнет на солнце пшеница» (**шай гань май 晒干麦**) в восточной части Гуаньчжуна меняется на «сбор урожая ячменя» (**шоу цай цзы чжун дамай 收采籽种大麦**).

Песня «Храм Няннян» (**Няннян мяо, 娘娘庙**) (Цзун Минъань 2014: 19) посвящена молитвам о рождении ребенка.

娘娘庙，修得高，两口儿进庙把香烧。或男或女给一个，年年给爷挂**红袍**。出了庙门跌一跤，肚子底下把娃摸。

Niángniáng miào, xiūdé gāo, liǎngkǒu er jìn miào bǎ xiāng shāo. Huò nán huò nǚ gěi yīgè, nián nián gěi yé guà **hóng páo. Chūlè miào mén diē yī jiāo, dùzǐ dixia bǎ wá mō.**

В храм Няннян высокий, старый
Что ни день приходят пары,
Чтоб богиню заклинать,
Сына, дочку ниспослать.
Ходят и благодарить —
Благовонья воскурить.

Минул год — тогда спешат
Алый поднести халат.
И, споткнувшись возле храма,
Живота коснется мама.

В старые времена по всей стране было множество храмов, посвященных Няннян. Внутри находились статуи рожениц и женщин с младенцами на руках. Няннян («государыня», «императрица», «матушка») — строго говоря не одна богиня, а целый класс божеств, ответственных за беременность, роды и здоровье детей. С молитвами о даровании сыновей обращались к Сунцзы няннян (送子娘娘 «Матушка, приносящая сыновей»). Существовало предание, что в качестве этой богини была обожествлена супруга основателя династии Чжоу — Вэнь-вана (XII–XI вв. до н.э.), имевшего более ста сыновей (см.: Синология).

Желающие забеременеть женщины ходили молиться в храмы Няннян в день ее рождения, который отмечался в 19-й день 3-го месяца по лунному календарю в г. Чанъань. Беременные также посещали храм Няннян, воскуривали благовония с просьбой о ребенке определенного пола и молили о благополучных родах. В прошлом у Восточных ворот г. Чанъань находился широко известный храм Няннян, куда в качестве ритуальных даров приносили маленьких глиняных кукол. Считалось, что 100 штук способствуют рождению мальчика, а 50 штук — девочки. Со временем статуя Няннян была почти полностью покрыта глиняными фигурками. Существовал также обряд, известный как «привязывание куклы» (*шуань вава* 捻娃娃), когда из храма брали фигурку в качестве талисмана.

В провинции Шэнси бытовал ежегодный обычай одевать статуи самых разных богов в красные халаты, о чем упоминается в этой песне. Еще одна традиция — называть божеств вне зависимости от пола *e* (爷 «дедушка», «батюшка», «владыка»).

Песня «Молитва во время жертвоприношения богу очага» (Ццицао чжуюй 祭灶祝语) (Цзун Минъань 2014: 185) посвящена проводам бога очага на Небо 23-го числа 12-го месяца и его последующему возвращению 15-го числа 1-го месяца. Это один из центральных обрядов Нового Года по лунному календарю, важнейшего праздника в китайской культуре.

穷爷去，富爷来，金銀钱帛带的来。初一、十五早些来，背的黑娃子吃枣馍来。

Qióng yé qù, fù yé lái, jīn yín qián bó dài de lái. Chū yī, shíwǔ zǎo xiē lái, bēi de hēi wázǐ chī zǎo mó lái.

Бог несчастья уходи, бог богатства приходи!
Злато-серебро в избытке ты с собою приводи!
В день пятнадцатый на зорьке
Возвращайся к себе в дом,
Дай чернявому мальчике
Сладкой булки с фиником.

В этой песне божество прямо не называется, здесь использовано упомянутое выше общее для всех богов имя *e*. Бога очага могут именовать по-разному — Цзао-ван 竜王, Цзао-шэнь 竜神, Цзао-цзюнь 竜君, Цзао-ванье 竜王爷, Цзао-цзюнь Пуса 竜君菩薩. Еще одно имя — Сымин 司命, «Ведающий Судьбой», — связано с его ролью со-

глядатая Нефритового императора (Корнильева 2010: 98–99). Бог очага ежегодно отправляется к нему на аудиенцию с докладом о хороших и плохих деяниях семьи за прошедший год.

В сборнике «Старые песни Гуаньчжуна» значительное число произведений посвящено супьям женшин. В качестве примера стихотворения на тему проповетания можно привести песню «Бедная дочь» (*Цюнмин дэ нюэр 穷命的女儿*) (Цзун Минъянь 2014: 143), где описана жизнь трудолюбивой, но скромной и небогатой девушки, выданной замуж за богача.

灯草花，顺墙开，隔壁住个王秀才。养好女，做好鞋，嫁给官家当太太。睡金床，
盖银被，把太太吓得不敢睡。到娘家，睡笸箩，盖簸箕，头下枕个烂棒槌。呼噜，
呼噜，快好睡。

Dēng cǎohuā, shùn qiáng kāi, gébì zhù gè wáng xiùcái. Yǎng hǎo nǚ, zuò hǎo xié, jià gěi
guān jiādàng tàitài. Shuì jīn chuáng, gài yín bèi, bǎ tàitài xià dé bù gǎn shuì. Dào niángjiā,
shuì pōluó, gài bòjí, tóu xià zhěn gè làn bàngchuí. Hūlū, hūlū, kuài hǎo shuì.

Цветики-фонарики
Выются по стене,
У соседа доченька
Славная в семье,
Туфли ей хорошие
Батюшка пошил,
Местного чиновника
Он на ней женил.
Вся из золата-серебра
У нее кровать.
Молодая женушка
В ней боится спать.
В отчий дом приходит —
Сразу в огород,
Там салат сажает,
Будто недород.
Ночью ей охота
Под совком уснуть,
К молотку большому
Головой прильнуть.
Спи скорее, доченька,
Носиком сопя.
Пусть нужда любая
Обойдет тебя!

В этой песне героиня хочет заснуть на старой корзине, укрывшись большим совком и положив под голову деревянный молот в качестве подушки.

Полна оптимизма песня «Так радостно» (*Чжэнь куайхо 真快活*) (Цзун Минъянь 2014: 205).

快活，快活，真快活，每日与人把耙作。虽然不能得富贵，腰里零钱莫缺过。

Kuàihuó, kuàihuó, zhēn kuàihuó, měi rì yǔ rén bǎ pá zuò. Suīrán bùnéng dé fùguì, yāo lǐ
língqián mò quēguò.

Хорошо, братцы, тому,
Кто весь день на поле.
Он богатств не наживет,
Но деньжат подкопит.

В поэзии, как нигде, находит отражение душа и чаяния народа. Авторское сознание неизменно воплощает в себе общественное сознание своего времени, эстетический акт сочинительства объединяет в себе наследие прошлого и новшества, привнесенные автором (Гинзбург 1974: 6). В народной крестьянской песне провинции Шэньси жизнь по большей части представлена в реалистическом ключе, и тема процветания, плодородия и богатства — не исключение.

Литература

- Гинзбург 1974 — Гинзбург Л.Я. О Лирике. Л.: Советский писатель, 1974.
- Кобзев 1994 — Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Вост. лит., 1994.
- Комаровская 2024 — Комаровская П.А. Отражение культурных реалий в песнях о женщинах региона Гуаньчжун (провинция Шэньси, КНР) // Asiatica: труды по философии и культурам Востока. 2024. Т. 2. № 18. С. 93–112.
- Корнильева 2010 — Корнильева Т.И. Традиционные китайские представления о загробном мире, отраженные в своде «Юйли баочао»: ортодоксальный буддизм и народные верования // Вестник СПбГУ. Серия 13: Литературоведение. Вып. 1. СПб., 2010. С. 91–105.
- Фан Чанъань 2023 — Фан Чанъань. История восприятия новой китайской поэзии 1917–1949 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023.
- Цзун Минъянь 2014 — Гуаньчжун цю гэяо 关中旧歌谣 (Старые песни Гуаньчжуна) / Сост. Цзун Минъянь 宗鸣安. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 2014.

Электронный ресурс

- Синология — Сун-цы нян-нян. Синология.ру. URL: https://www.synologia.ru/a/%D0%A1%D1%83%D0%BD-%D1%86%D0%B7%D1%8B_%D0%BD%D1%8F%D0%BD%D0%BD%D1%8F%D0%BD (дата обращения: 13.06.2025).

References

- Fan Chang'an. Istoryia vospriiatija novoi kitaiskoi poezii 1917–1949 gg. [The History of Perception of the New Chinese Poetry of 1917–1949]. St. Petersburg: SPbU Publishing House, 2023 (in Russian).
- Ginzburg, Lidiya Ia. O lirike [On Lyrical Poetry]. Leningrad: "Sovetskii pisatel'" Publishing House, 1974 (in Russian).
- Guanzhong jiu geyao 关中旧歌谣 [Old Songs of Guanzhong]. Comp. Zong Ming'an 宗鸣安. Xi'an: Shaanxi Renmin Chubanshe, 2014 (in Chinese).
- Kobzev, Artiom I. Uchenie o simvolakh i chislakh v kitaiskoi klassicheskoi filosofii [The Doctrine of Symbols and Numbers in Classical Chinese Philosophy]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994 (in Russian).
- Komarovskaya, Polina A. "Otrazhenie kul'turnykh realiy v pesniakh o zhenshchinakh regiona Guan'zhun (provintsiya Shen'si, KNR)" [Reflection of Cultural Realities in Songs about Women of the Guanzhong Region (Shaanxi Province, the PRC)]. Asiatica: trudy po filosofii i kulturam Vostoka [Asiatica: Works on the Philosophy and Cultures of the East], 2024, vol. 2, no. 18, pp. 93–112 (in Russian).

Kornil'eva, Tatiana I. "Traditsionnye kitaiskie predstavleniya o zagrobnom mire, otrazhenie v svode 'Iuili baochao': ortodoksal'nyi buddism i narodnye verovaniia [Traditional Chinese Ideas about the Afterlife, Reflected in the Collection "Yuli Baochao": Orthodox Buddhism and Folk Beliefs]. *Vestnik SPbGU. Seria 13: Literaturovedenie* [Bulletin of St. Petersburg State University, Series 13: Literary Studies]. Issue 1. St. Petersburg, 2010, pp. 91–105 (in Russian).

Electronic resources

Sun-zi nian-nian [Songzi niangniang]. Синология.ru. URL: https://www.synologia.ru/a/%D0%A1%D1%83%D0%BD-%D1%86%D0%B7%D1%8B_%D0%BD%D1%8F%D0%BD-%D0%BD%D1%8F%D0%BD (date of access: 13.06.2025) (in Russian).

The Cultural Symbolism of Prosperity, Fertility and Wealth in Shaanxi Folk Songs

Polina A. KOMAROVSKAYA

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Received 14.06.2025.

A b s t r a c t: Folk songs can be considered one the most revealing sources for studying folk culture. They clearly reflect dialectal and everyday features, as well as people's interests and views on life. The theme of prosperity, fertility and wealth is central to Chinese folk arts and crafts, but it seems to be much less common in folk songs. Songs often reflect or satirize sorrows and griefs, but a few optimistic works allow us to see the lives of ordinary Chinese people from a special angle. This article presents the author's translations of a number of folk songs from Shaanxi Province, written around 1831–1931.

Key words: PRC, Shaanxi, Guanzhong, folk song, folk culture, folklore.

For citation: Komarovskaya, Polina A. "Cultural Symbolism of Prosperity, Fertility and Wealth in Shaanxi Folk Songs". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 81–88 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692155.

About the author: Polina A. KOMAROVSKAYA, Cand. Sci. (Cultural Studies), Senior Lecturer, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (p.komarovskaja@spbu.ru). ORCID: 0000-0001-6977-9524.

History of Manchu Studies from the German Language Area (part II: to the middle of the 20th century)

Hartmut WALRAVENS

Staatsbibliothek zu Berlin (ret.), Free University of Berlin (ret.)
Berlin, Germany

DOI: 10.55512/WMO692156

Received 23.02.2025.

Abstract: This is the second part of an attempt of chronicling the history of Manchu studies in the German-speaking areas; the first part was published in a Festschrift for Claus Schönig, professor of Turkology at the Free University of Berlin, in 2015. Manchu studies in the present paper mean publications that are based on or deal with texts in the Manchu language; thus the vast area of material on the history and culture of the Qing dynasty is excluded if Manchu sources are not used. This approach allows to present a relatively detailed although concise survey. The arrangement of the material is more or less chronological by individual scholars whose contributions are briefly characterized. The present instalment is dominated by Walter Fuchs (1902–1979) whose publications easily qualify him as one of the outstanding scholars in the field.

Key words: Manchu studies, German-speaking area, 20th century, Manchu language and literature, Walter Fuchs (1902–1979).

For citation: Walravens, Hartmut. "History of Manchu Studies from the German Language Area (part II: to the middle of the 20th century)". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 89–100) (in English). DOI: 10.55512/WMO692156.

About the author: WALRAVENS Hartmut, Dr. hab., Staatsbibliothek zu Berlin (ret.), Free University of Berlin (ret.) (Berlin, Germany) (hwalravens@gmx.net). ORCID: 000-002-7418-6966.

© Walravens Hartmut, 2025

The first part of this historical overview of German-language Manchu studies appeared in a festschrift for an esteemed colleague, Claus Schönig (Walravens 2015). Space was limited there, and so the presentation could only be continued up to the end of the 19th c., ending with Erich Haenisch (1880–1966), who made significant contributions to the study of Manchu literature and also encouraged his students to take up this subject.

A word about the choice of topic: a linguistic selection criterion may seem antiquated today, even nationalistic. However, the reason is of a different nature: Manchu studies developed in Central Europe in two lines of tradition — a French one, promoted by the French Jesuit missionaries in China, such as Dominique Parrenin (1665–1741) (Walravens 2015) and Jean-Joseph Amiot (1718–1793) as well as J.P.A. Rémusat (1788–1832), the first European professor of sinology — and a Russian one, due to the members of the Russian

Spiritual Mission in China. The former was continued by Julius Klaproth (1783–1835) in Paris, the latter by Wilhelm Grube (1855–1908) from St. Petersburg, whose students included E. Haenisch and Berthold Laufer (1874–1934). This provides a framework against which the development of research can be clearly presented. For reasons that have not yet been analyzed, Manchu studies developed particularly strongly in Central Europe, while in other countries it was rather individual researchers who dealt with Manchu.

Lionel Müller (Landshut Aug. 12, 1879–1959) worked as a physician for many years, at times as head of the hospital in Wasserburg/Inn. He was self-taught in oriental languages, especially Chinese, Manchu, Mongolian and Tibetan, and amassed a considerable library, which was of particular benefit to the East Asian Department of the Free University of Berlin when his failing eyesight no longer allowed him to read. Some of the works came from the collection of the Heidelberg sinologist Friedrich Ernst August Krause (1879–1942), who had acquired them from Wang Yintai 王蔭泰 (1886–1961), who worked for the Berlin Museum of Ethnology before the First World War. Müller copied or romanized a large number of texts, some of which he also prepared with notes and glosses. On his 80th birthday, he was honored by the German Oriental Society with a congratulatory address and a laudatory speech (Haenisch 1959: 1–5; Walravens, 2018: 163–166). The translation of the famous novel *Gin ping mei bithe* (Jin Ping Mei 金瓶梅) appealed to him, but he was unable to obtain a copy of the printed edition (palace print 1708), and he did not want to rely on a manuscript version in his possession. Nevertheless, a manuscript fragment of chapter 4 of Jin Ping Mei has survived (Walravens 2024).

In Austria, a mathematician and astronomer, Leopold Woitsch (1868–1939), was interested in East Asian languages and therefore joined the Austro-Hungarian foreign service in 1904, where he worked in the legation in Beijing and at the same time enjoyed the Manchu lessons of an “extraordinarily capable man of letters” named Pochi. In 1909 he habilitated in Chinese language in Vienna, and there he read about Chinese and Manchu until 1934 (retirement). The materials in the Austrian National Library prove that Woitsch was very active, even if the number of his publications during this time was not large. These are mainly lexicographical works and textbooks for Chinese and Manchu, mostly based on Chinese/Manchu publications. Bernhard Führer (Führer 2001: 133–148), to whom we owe the first account of Woitsch’s life and work, described and evaluated the manuscript material to some extent. He expressed his regret that these manuscripts have not yet been evaluated. It should, of course, be borne in mind that the *Qingwen huishu* (Manju isabuha bithe) had already been paraphrased by P. Jean-Joseph Amiot and then printed in Paris (Amiot 1789); the textbook *Qingwen qimeng* had been partially edited by several parties, and with the *Mandschu-deutsches Wörterbuch* by H.C. von der Gabelentz (Leipzig 1864) an excellent study dictionary, and the *Polnyj mańczhursko-russkii slovař* by Ivan Il’ich Zacharov (St. Petersburg 1879) an excellent comprehensive dictionary were available. Moreover, Manchu had lost much of its importance after the fall of the empire, so there was no interest in printing such material in German-speaking countries, especially after the First World War. However, a review and critical evaluation of his papers (9 boxes) would be desirable for linguistic and historical reasons (Walravens 2019: 116–138).

Friedrich Weller (Markneukirchen 22.7.1889–19.11.1980 Leipzig) studied Indology in Leipzig, obtained his doctorate and habilitation there and was appointed to the Chair of Indian Philology in 1938. Until then, Chinese was also part of his area of responsibility. From Sept. 1930 to March 1933 he was on leave in Leipzig and worked as a research assistant at the Sino-Indian-Institute of Harvard University, Peking (Taube 1982: 1–21).

His contribution to Manchu studies is the adaptation of the Bhadrakalpikaśūtra: *Tausend Buddhanamen des Bhadrakalpa, nach einer fünfsprachigen Polyglotte*. Leipzig: Asia Major 1928. XXV, 268 pp.

From a borrowed manuscript, Weller reproduced the thousand names of the Buddhas (Bhadrakalpikaśūtra) in five languages: Manchu, Chinese, Sanskrit, Tibetan, and Mongol. The terms for all languages except Chinese are given in transcription. There is an index for the Chinese terms arranged by radicals; indexes for the four other languages are arranged alphabetically. The Chinese and Tibetan terms are collated with other texts, and there is a large section of notes giving errors in writing, wrong identifications by other scholars, etc.

This work Bhadrakalpikaśūtra [tib. mDo sde bskal bzang] is also called “Guide to the Happy Age” because in it 1000 Buddhas appear to help living beings afflicted by earthly hardships.

Walter **Fuchs** (Berlin Aug. 1, 1902 — March 5, 1979 Cologne) was born in Berlin in 1902, studied sinology in Berlin and received his doctorate under Otto Franke (1863–1946). In 1926, he succeeded Ferdinand Lessing (1882–1961) as a lecturer at the (Japanese) medical school Igaku Shoin in Mukden. In 1938 he moved to Beijing, where he became a professor at Furen University. Repatriated to Germany in 1947, having to leave behind his extensive and valuable library, he slowly made his way up the career ladder: in 1951 he became a Privatdozent at the University of Munich and curator at the Museum of Ethnology in Munich, in 1956 associate professor of sinology at the Free University of Berlin and finally full professor at the University of Cologne in 1960. After his retirement in 1970, he lived partly in Cologne and partly in Brixen (South Tyrol).

His main areas of interest were the Manchu period in China (especially Manchurian texts), the Jesuit mission, cartography and cultural relations between China and Europe.

Fuchs had already learned Manchu, Mongolian and Turkish during his studies, but a deeper interest in Manchu developed during his time in Mukden, where he collected material for his important work: *Beiträge zur mandjurischen Bibliographie und Literatur*. Tokyo: OAG 1936 (MOAG Suppl. 14). 146 pp, 8 plates.

This scholarly book supplants all others in this field, and brings to light many hitherto unlisted or unknown Manchu works. There is one section supplementing the 1933 *Union Catalogue of Manchu books in the National Library of Peiping etc.* (Beiping) by Li Deqi 李德啓, and another supplementing one of Fuchs' own earlier articles on new Manchu literature. There are also sections dealing with Manchu works and translators before 1661, Manchu seal writing, the *shilu* (*Veritable Records*) 實錄 of the Manchu dynasty, lists of about 400 pure Manchu mss. biographies in Peking and Tokyo, etc. and author and title indexes in Manchu and Chinese and eight plates of illustrations. His early paper:

Mandjurica. Bulletin of the Catholic University of Peking 9.1934, 97–104 (reprint 8 pp.), served as the introduction to his *Beiträge zur mandjurischen Bibliographie und Literatur* which appeared two years later.

New material from the archives is described in: Fuchs, Walter: Neues Material zur mandjurischen Literatur aus Pekinger Bibliotheken. *AM* 7. 1931/1932, 469–482. The opening of the former imperial archives brought to light much new material, both Manchu and Chinese, on the history of the Qing dynasty. In one of the four repositories for this material, Fuchs found two piles of Manchu documents ten meters long and one and one-half meters high. Among the literary works, which before the revolution were in the Palace, are a number of rarities, thirty-six of which are described in detail. (For additions to this list see his

Beiträge, pp. 81–87). The article is concluded with the romanized text and translation of the prefaces to the 1650 Manchu version of *Sanguozhi yanyi* 三國志演義 (the novel The Three Kingdoms).

A supplement to Fuchs' *Beiträge* is: Neue Beiträge zur mandjurischen Bibliographie und Literatur. *Monumenta Serica* 7. 1942, 1–37.

When in 1960 the major West German project started to catalogue the Oriental manuscripts in German collections, Fuchs contributed the volume on Chinese and Manchu books and manuscripts which was supplemented by a union list of Manchu books. This catalogue served for many years as one of the standard bibliographic works in the field, together with Fuchs' 1936 *Beiträge*. Fuchs also authored two sketches of the history of Manchu literature, which were necessarily brief as at that time only few of the works composed originally in Manchu were known yet. Scholars were still largely under the impression that Manchu works were more or less translated from Chinese: *Letteratura mancese. Le civiltà dell'Oriente*. 2. Roma: Casini 1957, 1019–1024 — Die mandjurische Literatur. *Die Literaturen der Welt in ihrer mündlichen und schriftlichen Überlieferung*, ed. by Wolfgang v. Einsiedel. Zurich: Kindler 1964, 1141–1145, reprinted in *Kindlers Literatur Lexikon*.

Manchu scholars were still busy searching for and collecting Manchu works in libraries; Fuchs himself also compiled two of such lists:

Verzeichnis der manjurischen Bücher in der Universitätsbibliothek zu Cambridge (Wade Collection). *Aetas Manjurica* 2. 1991, 14–41. Catalogue of the Manchu books in the Wade collection, edited by Martin Gimm. The titles are arranged according to subjects, and there are indexes of call-numbers and titles. The Chinese romanization was changed by the editor to Hanyu pinyin. — The Manchu Collection of the Royal Library in Copenhagen. *Aetas Manjurica* 2. 1991, 42–116 (Die manjurische Sammlung der Königlichen Bibliothek zu Kopenhagen). The list was originally compiled by Fuchs, and was posthumously edited by M. Gimm who added an introduction and several useful indexes as well as two photographs of Fuchs (the reproduction of the latter is rather poor). The Chinese romanization system is Wade/Giles.

Further studies in Manchu bibliography by Fuchs were: Eine unbeachtete Mandju-Übersetzung der Vier Bücher von 1741. *Collectanea Mongolica. Festschrift for Professor Dr. Rintchen*. Wiesbaden: Harrassowitz 1966, 59–64. On a 1741 edition of the *Sishu* 四書, with comparison between the 1741 and the wellknown 1756 edition.

Fuchs, Walter: *Die mandschurischen Druckausgaben des Hsin-ching (Hṛdayasutra). Mit Reproduktionen der vier- und der fünfsprachigen Ausgabe*. Mit 47 Tafeln. Wiesbaden: Franz Steiner in comm. 1970. 26 pp., 47 pl. (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes 39,3). History of the translation of the *Xinjing* 心經 in China, with special reference to the Manchu versions. Fuchs enumerates 8 of them and reproduces the quadrilingual one of 1724 and the pentaglot one of the Kangxi period as well as specimen pages of the bilingual edition from the copy in the Bibliothèque nationale, Paris, in facsimile. The individual texts are described, compared, and evaluated.

Fuchs, Walter: Miszellen zu mandjurisch-chinesischen Drucken. *ZAS* 5. 1971, 121–126. Notes on some Manchu works, e.g., *Xinke Man-Han-zi Sishu* 新刻滿漢字四書, *Sain be huwekiyebure oyonggo gisun*, *Ambasai mujilen be targabure bithe*.

Fuchs' only contribution to Manchu linguistics was: Jušen-Mandjurische Wortgleichungen. *TT* 1976, 181–188. It provides some identifications of Jurčen words, supported by Manchu linguistic evidence.

Kanjur

In several small articles Fuchs dealt with the translation of the Kanjur into Manchu; although this large work had already been mentioned in the 19th c. by Józef Szczepan Kowalewski (1801–1878) and his pupil V.P. Vasil'ev (1818–1900), more detailed information was lacking:

Fuchs, Walter: Zum mandjurischen Kandjur. *Asia Major* 6. 1930, 388–402.

This describes two Manchu copies of the Kanjur which Fuchs found in Jehol in 1930, the existence of which up until that time had not been generally known. One of the copies was found in Shuxiangsi, one of the few remaining Manchu temples; the monks in it were of Manchu descent, and services were carried on in Manchu. The Chinese texts and German translations of the Qianlong emperor's preface to the Manchu translation and edict concerning it are given, after Naitō's *Dokushi sōroku* (Naitō 1929). The Manchu translation was concluded in 1790. For additions and corrections see: Addendum to the article "Zum mandjurischen Kandjur". *Asia Major* 7. 1931/1932, 484–485, which gives a history and description of some of the blocks made for the printing of Manchu and Mongol versions of the Kanjur.

History and Cartography

Fuchs made further important contributions to Manchu history and cartography: Early Manchurian inscriptions in Manchuria. *China Journal* 15. 1931, 5–9.

Starting with an optimistic note for the future of Manchu studies, the author goes on to give the history of the Manchu translation of the Buddhist Canon and of the discovery of hitherto unknown copies of it. Then follows a list of some of the earliest known Manchu epigraphic monuments; there are thirteen of these, all dating from 1630 to 1661, each one fully described. (The article was to be continued, but its conclusion was never published).

Other contributions to Manchu history were:

— Fuchs, Walter: Frühmandjurische Fürstengräber bei Liaoyang. *Asia Major* 10. 1934, 94–122. This concerns early imperial tombs in Manchuria, and particularly those called Dongjingling near Liaoyang. The Manchu names of all tombs and personages are given. There is a romanized excerpt from the Manchu edition of *Taizu shilu tu* 太祖實錄圖, with translation, describing the removal of imperial remains from Hetu ala to Dongjingling. There is also an appendix giving the genealogy of the Giyocingga and Taksi families.

— Fuchs, Walter: Der Tod der Kaiserin Abahai i.J. 1626. Ein Beitrag zur Frage des Opfertodes bei den Mandju. *Monumenta Serica* 1. 1935, 71–81.

This gives the Manchu and Chinese versions of the death of Nurhaci's second consort, as related in the *Taizu shilu tu* 太祖實錄圖 (Chinese versions of 1635/1781, 1636, and 1682/1686 as well as 1635 and 1636 versions of *Manju-i yargiyani kooli*) in parallel lines with a German translation.

— Fuchs, Walter: The personal chronicle of the first Manchu emperor. *Pacific Affairs* 9. 1936, 78–85. A discussion of Manchu sources for Qing history, and Chinese and Korean sources of Ming and Qing history, especially *Manzhou shilu* 滿洲實錄 and *Manwen laodang* 滿文老檔. The study of Manchu is defended on the grounds that much original literature in that language on early Qing history still exists, and many of the important Chinese sources are either imperfect translations of the primary Manchu sources, or are based on

them. (Cf. Fuchs: Fortschritte im Quellenstudium der Mandschu-Geschichte. *Sinica* 8. 1933, 192–195.)

— Fuchs, Walter: Zur Druckausgabe der Shih-lu der Mandju-Dynastie. *Monumenta Serica* 3. 1938, 296–297. Describes the publication of the *Shilu* by the Manzhouguo government in 1937 — 1210 pp. + 10 pp. table of contents, 300 copies. 40 copies were given to foreign libraries and sinological institutions. The first part are the *Taizu shilu tu* 太祖實錄圖, 8 ben in Chinese, Manchu and Mongolian, of 1635, present revision of 1781.

— Fuchs, Walter: Die Schlachtenbilder aus Turkestan von 1765 als historische Quelle. Eine textkritische Betrachtung. *Monumenta Serica* 4. 1939/1940, 116–124. It is useful for the study of Manchu family names. It gives a reproduction of a charcoal draft of the Tunggusluk battle scene which has the names of the Chinese soldiers only in Manchu. Fuchs transcribes the 88 personal names, very few of which are legible in the reproduction.

— Fuchs, Walter: Fan Wencheng 范文程 1597–1666, und sein Diplom (誥命). *Shigaku kenkyū* 10. 1939, 358–380. Translation, from the Chinese, with Chinese and romanized Manchu texts of the diploma of Fan Wencheng, an important personage in the rise of the Manchu dynasty. A short biography of Fan is to be found in A.W. Hummel: *Eminent Chinese of the Ch'ing Period*. Washington 1943/44, 231–232.

— Fuchs, Walter: Der russisch-chinesische Vertrag von Nertschinsk vom Jahre 1689 — eine textkritische Betrachtung. *Monumenta Serica* 4. 1939/1940, 546–593.

The study discusses and compares the two Manchu versions, the Manchu-Chinese and Latin-French versions, and gives the romanized text of the two Manchu editions of this famous treaty with German translation.

— Fuchs, Walter: Zur mandjurisch-chinesischen Ausgabe des Shuo-mo fang-lüeh. *Tōyō-shi kenkyū* 5. 1940, 244–230.

In this the author corrects the publication dates of the *Shuomo fanglue* 朔漠方略 which was originally written in Manchu and then translated into Chinese; he also discusses two hitherto unknown trial printings of this work — one a preliminary Chinese translation from the Manchu, and the other a corrected Manchu proof. In order to give an insight into translating methods he compares parts of the original Manchu text with the preliminary and final Chinese translations. Reproductions of two of the pages are given.

— Fuchs, Walter: Koreanische Quellen zur Frühgeschichte des Tabaks in der Mandjurei zwischen 1630 und 1640. *Monumenta Serica* 5. 1940, 81–102, 479–484.

The study gives the romanized text and translation (pp. 97–98) of a Manchu edict of 1639 prohibiting tobacco. This is the earliest extant example of printed Manchu. A photograph of the original text is given by Fuchs in his *Beiträge* (cf. supra), plate 1. The corresponding Chinese text of the edict is given by L.C. Goodrich in *Journal of the American Oriental Society* 58. 1938, 652, and also in Luo Fuyi's 羅福頤 *Guochao shiliao lingshi* 國朝史料零拾 1. 1934, f. 8.

— Fuchs, Walter: Bulhuri Omo. Die älteste Fassung der mandjurischen Stammmassage. *Sinologische Arbeiten* [Peking] 1. 1943, 47–52. Report on a trip to the Changbaishan mountains. Translation of the Manchu myth of origin from *Manzhou shilu* 滿洲實錄 ed. Imanishi, 1938.

— Fuchs, Walter: Galdanica. Miszellen zum Kriege K'anhsis gegen Galdan. *Monumenta Serica* 9. 1944, 174–198. In this article Fuchs compares the Manchu text of the account of Galdan's death as given in the *Beye dailame wargi amargi babe necihiyeme tokto-buhu bodogon-i bithe* (*Pingding Shuomo fanglue* 平定朔漠方略), with several Chinese sources.

Cartography

Fuchs, Walter: Über einige Landkarten mit mandjurischer Beschriftung. *Manshū gakuhō* 2.1933 :2, 1–18. Describes a number of Manchu or Chinese-Manchu maps (most of them from the South Manchuria Railway Company Library at Dairen), translates Manchu geographical terms, and identifies place names given in Manchu. Four Manchu maps are reproduced.

A major study of the subject is:

Fuchs, Walter: Materialien zur Kartographie der Mandjuzeit. *Monumenta Serica* 1. 1935, 386–427; 3. 1938, 189–231. An examination of 25 Manchu or Manchu-Chinese maps in one collection which had formerly been in the Manchu imperial archives. Some of these contain data not found on Chinese maps of the same period and are described in detail and compared with some of the Jesuit maps. Translations of many Manchu geographical expressions are given. The second part, *passim*, also gives some information on Manchu maps and has an excellent reproduction of one map whose place names are given only in Manchu.

Fuchs, Walter: *Der Jesuiten-Atlas der Kanghszi-Zeit. Seine Entstehungsgeschichte nebst Namensindices für die Karten der Mandjurei, Mongolei, Ostturkestan und Tibet mit Wiedergabe der Jesuitenkarten in Originalgröße*. Peking: Fujen Universität 1943. III, 414 pp., 36 maps (in 2 vols.) 4° Careful edition of this cartographic landmark, with introduction and important index of geographical names. The atlas, *Huangyu quanlan tu* 皇輿全覽圖, was prepared during the years 1708 to 1716. Three editions are known, two woodblock (1717 and 1719) and one copperplate edition (1721). The names of the regions Northwest of China are given in Manchu script. In Europe the atlas became known through d'Anville who used the Jesuit maps for his own maps to accompany Du Halde's *Description de la Chine* (1735), and for his *Atlas general de la Chine* (1736). A popular abstract: *Der Jesuiten-Atlas Chinas aus der Kanghszi-Zeit*, was published in *Il Marco Polo* [Shanghai] 3. 1942 (offprint has 8 pp.) in German and English.

A contemporary of Fuchs was Werner Eichhorn (Meiningen, 1 July 1899–1991, Feb. 1 Balingen). The sinologist habilitated in Bonn in 1927 and then lectured at several universities. After the World War, he worked in Great Britain for family reasons and became an honorary professor in Tübingen in 1960. Cf. Klaus Flessel: In memoriam Werner Eichhorn. *Oriens Extremus* 33. 1990: H.2, pp. 11–20; Klaus Flessel: Werner Eichhorn (1899–1991). *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 142. 1992, 3–11 [identical with the previous article].

Eichhorn's Manchu contributions deal with Song philosophy and were apparently suggested by Eichhorn's teacher Erich Haenisch:

Eichhorn, Werner: Ein Beitrag zur Kenntnis der chinesischen Philosophie. *T'ung-šu* 通書 des Čeu-tsi mit Ču-hi's Kommentar. Nach dem Síng-lì tsing-i. Chinesisch mit mandschuischer und deutscher Übersetzung und Anmerkungen (Kap. 21–40). *Asia Major* 8. 1932/1933, 23–104.

This is Eichhorn's Ph.D. thesis, a continuation of the work, an important neo-Confucian text, started by Wilhelm Grube (Vienna 1880. IX, 45 pp.). The Chinese runs horizontally on the page by sections while the Manchu and German translations are side by side in parallel columns. The work is fully annotated and has an index of Chinese characters and phrases, often with Manchu equivalents, arranged by radicals.

Eichhorn, Werner: *Die Westinschrift des Chang Tsai. Ein Beitrag zur Geistesgeschichte der nördlichen Sung* (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes 22). Leipzig: Brockhaus, 1937. 93 pp.

After returning from a stay in China (1932–1935), Eichhorn became assistant at the Oriental Seminar of Paul Kahle (1875–1964) at the University of Bonn and defended his habilitation in the following year. His thesis was a translation of the Western inscription (*ximing* 西銘 so called from the position it occupied in his study) of Zhang Zai 張載 (1020–1077), another neo-Confucian work of note. The Manchu translation of the original text, made in 1718 at the request of the Kangxi emperor, is given in romanized form along with the Chinese text and German translation. The Eastern inscription (*dongming* 東銘) is treated in the same manner. The monograph ends with a list of technical terms. These inscriptions are characteristic of Song Confucianism.

A younger contemporary of Fuchs was Herbert Franke (Cologne Sept. 27, 1914 — July 10, 2011 Munich), son of a bookseller in Cologne. Herbert Franke studied law in Berlin from 1935 (doctorate in 1937), but also Sinology, which he was only able to complete in 1947 due to the war. From 1953 to 1954, he worked as a consul at the German consulate in Hong Kong. Subsequently appointed to the Munich chair as successor to his teacher Erich Haenisch, he developed a wide range of teaching and publishing activities and took on further tasks in the field of science; for example, he was at times Vice President of the German Research Foundation and President of the Bavarian Academy of Sciences.

Cf. Wolfgang Bauer: Herbert Franke zum 75. Geburtstag. *Münchener Beiträge zur Völkerkunde* 2. 1989, 7–10; bibliography 11–17 (by Thomas O. Höllmann et al.); Zieme, Peter: *Bibliographie Herbert Franke 1933–2010*. Istanbul 2010. 62 pp. (Yıldız Dil ve Edebiyat Dizisi 9).

Franke was an outstanding scholar who only occasionally dealt with Manchu topics:

— Franke, Herbert: Die dreisprachige Gründungsinschrift des «Gelben Tempels» zu Peking aus dem Jahre 1651. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 114. 1964, 391–412.

This is a translation of a trilingual inscription commemorating the establishment of the Huangsi in Peking in 1651. It was originally composed by Ning Wanwo (†1665), while the translation into Manchu and Mongol was executed by Hife (†1652, President of the Hanlin Academy). The inscription was reproduced by Franke/Laufer (pl. 8–9) (Franke & Berthold 1914). Two further inscriptions from the Yellow Temple were studied by Wolfgang Bauer.

— Franke, Herbert: *Sinology at German universities. With a supplement on Manchu studies*. Wiesbaden: Steiner 1968. 54 pp.; German edition: *Sinologie an deutschen Universitäten*. Ibid.

Concise historical sketch of Chinese studies in Germany. Pages 45–49 contain the appendix on Manchu studies which gives some details on the contributions of Gabelentz, Haenisch, Hauer, and Fuchs. This was the first attempt at a sketch of German Manchu Studies.

— Franke, Herbert: Etymological remarks on the vocabularies of the Jurčen language. *Florilegia Manjurica. In Memoriam Walter Fuchs*, 1982, 6–18 (Asiatische Forschungen 80).

Some new Jurčen-Manchu word correspondences, and many suggestions, occasioned by Kiyose Gisaburō's 清瀬義三郎 (A Study of Jurchen... 1977) and D.A. Kane's works (The Sino-Jurchen Vocabulary... 1989).

Wolfgang Seuberlich (Berlin Dec. 22, 1906 — Aug. 25, 1985 Marburg) came to Harbin in Manchuria with his mother in 1914 to live with relatives. He went to school there and

studied law and economics at the Faculty of Law; he also spent his first professional years there, as a lecturer at the faculty and at the Polytechnic Institute, then also as a customs officer. However, the career prospects in Harbin were not promising, so in 1937 he took up a position as a lecturer in Chinese at the Auslandshochschule (previously: Seminar für Orientalische Sprachen) in Berlin and at the same time studied Chinese with Erich Haenisch and Japanese with Martin Ramming (1889–1988). He completed his studies in 1943 with a doctorate. He spent the end of the war as a military interpreter (he was fluent in Russian, Chinese and Japanese) and the first post-war years as a Russian teacher at the Öffentlich-Wissenschaftliche Bibliothek (formerly the Prussian State Library). From 1950 to 1952 he worked for the Academy of Sciences in Mainz, and from 1953 he was given the task of creating a focal point collection for the supply of East Asian literature in Marburg from the East Asian holdings transferred to West Germany as part of the then West-deutsche Bibliothek (later Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz), a challenge which he successfully met.

Cf. Wolfgang Seuberlich (1906–1985). *Ostasienwissenschaftler und Bibliothekar*. Ed. by Rainer Krempien and H. Walravens. Berlin State Library 1998. 125 pp. (5–30 List of publications by W. Seuberlich).

Seuberlich only contributed two, but important studies to Manchu Studies:

— Seuberlich, Wolfgang: *Die wichtigsten Momente der Verwaltungsgeschichte des man-schurischen Raumes von 1644 bis 1931 unter Berücksichtigung der chinesischen Siedlung*. Berlin 1943. Ph.D. thesis (unpublished). 200, XXIII pp. Valuable account of the administrative history of Manchuria according to Chinese-Manchu, Japanese, and Russian sources. As there was no more recent comprehensive study on the subject the book was published post-humously: *Zur Verwaltungsgeschichte der Mandschurei (1644–1930)*. Edited by H. Walravens. Wiesbaden: Harrassowitz 2001 (Asien- und Afrika-Studien der Humboldt-Universität zu Berlin 7). 123 pp.

— Seuberlich, Wolfgang: Die mandschurische Sage von der Nišan-Schamanin. *Fernöstliche Kultur. Wolf Haenisch zugeeignet von seinem Marburger Studienkreis*. Marburg: Elwert 1975, 197–240.

Translation of the Nišan saman-i bithe after Volkova's facsimile (The Sino-Jurchen Vocabulary... 1989). With an introduction containing translated excerpts from Grebenshchikov's Kratkii ocherk (Volkova 1961) and notes.

Ernest Julius Walter **Simon** 西門華 (Berlin June 10, 1893 — Feb. 22, 1981 London) was the son of a librarian, Heinrich Simon (1858–1930). He studied Romance languages and East Asian languages and was primarily concerned with linguistic issues. He worked as a librarian for the Berlin University Library. In 1932/1933 he spent time in China (at the National Central Library) as part of a newly created librarian exchange, and the “Peking Catalog” of Manchu texts contains a foreword from his pen. After being forced to emigrate by the Nazis, he later became Professor of Sinology at the University of London. In this capacity, he sponsored the publication of a catalog of Manchu books and manuscripts in London and another of the Manjurica in the Bibliothèque nationale de France.

Cf. C.R. Bawden: Ernst Julius Walter Simon. *Proceedings of the British Academy* 67. 1981, 459–477; Andrew Gosling: Walter Simon. A scholar-librarian and his East Asian collection. *National Library of Australia News*. 11. 2000: 3 (5 p. in the internet version).

Due to his forced emigration, Simon had little leisure time for Manchu studies and it was only after his retirement that he was able to devote himself to the publication of the two Manchu catalogs mentioned above:

— *Guoli Beiping tushuguan, Gugong bowuyuan tushuguan Manwen shuji lianhe mulu* 國立北平圖書館 故宮博物院圖書館滿文書籍聯合目錄 Union catalogue of Manchu books in the National Library of Peiping and the Library of the Palace Museum. Beiping, 1933, I-II.

“Foreword by Walter Simon”. Simon congratulated the compilers on the completion of this important reference tool which might motivate other researchers worldwide to catalogue and make available Manchu books and manuscripts in their collections.

— Simon, Walter: A note on a Manchu-Latin dictionary. *Studia sino-altaica. Commemorative publication for Erich Haenisch on his 80th birthday*. Wiesbaden: Steiner 1961, 187–194, 4 pl. Description of a Manchu-Latin dictionary in manuscript, sent to Matthew Raper in London by Father Louis de Poirot, S.J. (1735–1814), in 1799. The work is now in the British Library. The author is unknown. A few pages are given in facsimile and transcription. See the following entry, call no. 1.8. Simon also mentions a grammar likewise presented by Poirot, *ibid.*, 1. 10.

— Simon, Walter; Howard G.H. Nelson: *Manchu books in London. A union catalogue*. London: The British Library (1977). 182 pp.

Classified catalogue of Manchu books and manuscripts in the British Library, the School of Oriental and African Studies, the India Office Library, the Public Record Office, the British & Foreign Bible Society [now at Cambridge], the Royal Asiatic Society, and the Royal Geographical Society. The catalogue is divided into three sections: Manuscripts, prints, and modern reproductions, which are subdivided by subjects. The catalogue was done extremely carefully, the annotations are very much to the point and the bibliographic command of secondary literature is stupendous. There are also good indexes and illustrations — a standard work in Manchu studies!

— *Catalogue du fonds mandchou, Bibliothèque nationale, Département des Manuscrits, Division des manuscrits orientaux*. By Jeanne-Marie Puyraimond, under the supervision of Walter Simon and Marie-Rose Séguy. Paris: Bibliothèque nationale 1979. 178 pp.

Excellent descriptions of 294 Manchu books. The index was prepared by Simon, also the revision of an earlier handwritten catalogue authored by Willy Baruch (1900–1954), another émigré scholar from Germany.

John **Hefter** (Hamburg 15.5.1890 — 3.5.1953 Berlin) studied music (flute and harp) at the conservatory of Sondershausen. He learned Chinese by himself, out of curiosity, and then took private lessons from Xue Shen, lecturer at the Seminar für Orientalische Sprachen in Berlin. For a while he did cataloguing for the Prussian State Library. During 1924–1926 he was in New York, helping with the Chinese book collection at Columbia University. Afterwards he worked for the East Asian Dept. of the Berlin Museum für Völkerkunde. He also spent a number of years in China where he took responsibility for the cultural part of the newspaper *Deutsch-Chinesische Nachrichten* (1932–1933).

Cf. Alfred Forke: *Zwei chinesische Singspiele der Qing-Dynastie*. Mit einer Ergänzung: Ein anonymes Singspiel der Yuan-Zeit in der Fassung von John Hefter. Bearbeitet und ergänzt von Martin Gimm. Stuttgart: Steiner 1993 (Sinologica Coloniensis 16), 9–12, 505–508; H. Walravens: *Vincenz Hundhausen. Das Pekinger Umfeld und die Literaturzeitschrift Die Dschunke*. Wiesbaden: Harrassowitz 2000, 83–100.

Hefter was known as an eccentric and bon vivant. Why he translated the following Heje epic is not clear. As he took over another translation project from his superior at the Ethnological Museum, Ferdinand Lessing who participated in Sven Hedin's Sino-Swedish Expedition, it is possible that Lessing motivated him to also make this translation from Ling

Chunsheng's collection of Heje epics. Lessing decided to accept the appointment to the chair of Chinese Studies at the University of California, Berkeley, Hefter may then have asked the China Institute in Frankfurt to publish his work.

Hefter, John: Moculin. Ein Heldenepos der Goldi. *Sinica* 14. 1939, 108–150. This is a translation from Ling Chunsheng's 凌純聲 work *Songhuajiang xia you di Hezhe-zu* 松花江下游的赫哲族 (The Goldi tribe of the Lower Sungari). Nanjing 1934, 294–328 (Academia Sinica. National Research Institute of History and Philology. Monographs A 14.). Hefter was the first to make an epic of the Goldi (Nanai, Heje, Hehe), close relatives of the Manchus, known in Germany. Ling's collection of Heje epics was only recently translated in full by Bruno Richtsfeld.

Hermes Peeters OFM (life dates not known) studied in Berlin under Erich Haenisch. He then worked for the Franciscan mission in China. He is known for a practical handbook of Manchu grammar:

Manjurische Grammatik. *Monumenta Serica* 5. 1940, 349–418.

This is one of the more recently published Manchu grammars. It is largely based upon the works of Charles de Harlez, Franz Kaulen, and P.G. von Möllendorff and supplemented with material from the Manchu work *Dasame foloho Manju gisun-i untuhun hergen-i temgetu jorin bithe* (Peking 1894). Strangely enough, no mention is made of the excellent grammars of H.C. von der Gabelentz and Ivan Il'ich Zacharov. It is essentially a formal compilation of grammatical rules without any textual material. Carefully prepared indexes add to the usefulness of this thorough work. This work was translated into Korean. *Alt'ai önö minsokhak ch'ongsö 5: Manjuč Munbōp / Sang-gyu Pak*. Seoul: Minch'ang munhwasa 1993. 242 pp.

References

- Amiot, Jean-Joseph S.J. 1789 — *Dictionnaire tatare-mantchou-francais, composé d'après un dictionnaire mantchou-chinois, redigé et publié avec des additions par L. Langlès*. 3 vols. Paris: Didot, 1789 (in French).
- Franke, Otto & Laufer, Berthold 1914 — *Epigraphische Denkmäler aus China. Erster Teil: Lamaistische Klosterinschriften aus Peking, Jehol und Si-ngan*. Berlin: Reimer, 1914. 81 plates in 2 cases (in German).
- Führer, Bernhard 2001 — *Vergessen und verloren. Die Geschichte der österreichischen Chinastudien*. Bochum: Projekt-Verlag 2001 (in German).
- Grebenshchikov, Aleksandr V. 1909 — *Kratkii ocherk obraztsov mandzhurskoi literatury* [Brief Sketch of Specimens of Manchu Literature], 1909, vol. IV, pt. 2 (in Russian).
- Haenisch, E. 1959 — “Zu den Arbeiten von Lionel Müller”. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1959, vol. 109, pp.*1–*5 (in German).
- Leibundgut, Brice 2007 — *La rhubarbe et la pivoine: Dominique Parrenin, 1665–1741, missionnaire jésuite à la cour des empereurs mandchous*. Paris, 2007. (Comtois illustres) (in French).
- Naitō Torajirō 内藤虎次郎 1929 — *Dokushi sōroku* 杜史叢錄. Kyōto: Kōbundō, 1929 (in Japanese).
- Rau, Wilhelm 1982 — “Friedrich Weller (1889–1980)”. *ZDMG*, 1982, vol. 132, pp. 1–21 (in German).
- Taube, Manfred 1982 — “Friedrich Weller. Ein Leben für die Erforschung der Asia Major”. *Jahrbuch. Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig* 1979/1980, (1982), pp. 237–253;
- The Sino-Jurchen Vocabulary 1989 — *The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters*. Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989 (Uralic and Altaic Series 153). XI (in English).
- A Study of Jurchen 1977 — *A Study of Jurchen Language and Script — Reconstruction and Decipherment*. Kyoto: Horitsu-bunka-sha, 1977 (in English).

- Volkova, Maiia P. 1961 — *Nišan saman-i bithe (Predanie o nišanskoi samanke)*. Moscow: Akademiiia nauk SSSR, 1961 (Pamiatniki literatury narodov Vostoka. Teksty: Malaia seria) (in Russian).
- Walravens, Hartmut [ed.] 2024 — “Eine bisher unbekannte Übersetzung aus dem Roman Jin Ping Mei 金瓶梅 [4. Kapitel] (Pflaumenblüte in goldener Vase)”. *Hefte für Ostasiatische Literatur* 2024, vol. 77, pp. 48–61 (in German).
- Walravens, Hartmut 2015 — “Skizze der deutschsprachigen Mandschuristik vom 18. bis zum 20. Jahrhunder”. In: *Eine hundertblättrige Tulpe — Bir şad barg lälä. Festgabe für Claus Schönig*. Berlin: Klaus Schwarz 2015, pp. 442–457 (in German).
- Walravens, Hartmut 2018 — “Eine Mitteilung von Lionel Müller über seine mandschuristischen Arbeiten”. *Minima sinica*, 2018, vol. 30.2, pp. 163–166 (in German).
- Walravens, Hartmut 2019 — “Leopold Woitsch (1868–1939) — Zu Leben und Werk eines österreichischen Sinologen”. *Auskunft*, 2019, vol. 39, pp. 116–138 (in German).

История немецкоязычного маньчжуроисследования (часть II: конец XIX — середина XX в.)

Хартмут Валравенс

Государственная библиотека Берлина, Свободный университет
Берлин, Германия

Статья поступила в редакцию 23.02.2025.

Аннотация: Данная статья представляет собой вторую часть попытки автора изложить историю маньчжурских исследований в немецкоязычных регионах. Первая часть была опубликована в 2015 г. в Фестшрифте Клауса Шёнига, профессора тюркологии Свободного университета Берлина. Под маньчжурскими исследованиями в статье подразумеваются публикации, основанные на текстах на маньчжурском языке или имеющие к ним отношение. Таким образом, обширный материал по истории и культуре династии Цин исключается, если не используются маньчжурские источники. Такой подход позволяет представить относительно подробный, хотя и лаконичный обзор. Материал расположен в более или менее хронологическом порядке по отдельным исследователям, представлена краткая характеристика их научного вклада. Основное внимание в настоящей статье сосредоточено на Вальтере Фуксе (1902–1979), чьи публикации без сомнения позволяют отнести его к числу выдающихся ученых в области маньчжуроисследования.

Ключевые слова: маньчжуроисследование, немецкоязычный регион, XX век, маньчжурский язык и литература, Вальтер Фукс (1902–1979).

Для цитирования: Walravens H. История немецкоязычного маньчжуроисследования (часть II: конец XIX — середина XX вв.) // Письменные памятники Востока. 2025. Том 22. № 4 (вып. 63) С. 89–100 (на нем. яз.). DOI: 10.55512/WMO692156.

Об авторе: Валравенс Хартмут, доктор филологических наук, Государственная библиотека Берлина, Свободный университет (Берлин, Германия) (hwalravens@gmx.net). ORCID: 0000-0002-7418-6966.

Маньчжуроисследование и изучение истории Китая в России в XVIII–XIX вв.

В.Г. ДАЦЫШЕН

Красноярский государственный педагогический университет
Красноярск, Россия

DOI: 10.55512/WMO692200

Статья поступила в редакцию 11.06.2025.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы взаимосвязи маньчжуроисследования и изучения истории Китая в русском китаеведении. Основное внимание уделено формированию и развитию в XVIII–XIX вв. маньчжурских исследований в Санкт-Петербурге, которые в настоящее время возглавляет ведущий российский маньчжуроисследователь Т.А. Пан. Причины и факторы вхождения первых русских востоковедов в китаеведение через маньчжуроисследование связаны с тем, что в числе первоочередных задач русского китаеведения было изучение истории Цинского Китая. Исследование выполнено на основе рукописных материалов и редких изданий, выявленных в архивных и библиотечных фондах. Автор заключает, что в XVIII–XIX вв. благодаря маньчжуроисследованию был создан фундамент традиционного русского китаеведения, востребованный и на современном этапе развития исторической науки в России.

Ключевые слова: история русского китаеведения, маньчжуроисследование, история Китая, Т.А. Пан.

Для цитирования: Дацышен В.Г. Маньчжуроисследование и изучение истории Китая в России в XVIII–XIX вв. // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 101–113.
DOI: 10.55512/WMO692200.

Об авторе: ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Кафедра всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет (Красноярск, Россия) (dazishen@mail.ru).

© Дацышен В.Г., 2025

В последние десятилетия в мире активизировался интерес к проблеме изучения маньчжуроязычных текстов (Пан 2019). Особое значение придается маньчжурским документам при изучении истории Цинской империи. С обращением к маньчжурским источникам связано появление в США нового направления в изучении истории Цинского Китая — New Qing History (Ильюхов 2022). Для России проблема поиска новых подходов к изучению истории Цинского Китая сегодня представляется не менее актуальной (Дацышен 2022). Для решения этой проблемы необходимо расширение источников базы, в том числе и за счет маньчжуроязычных материалов. Российские исследователи справедливо указывают на ценность маньчжурских исторических текстов, так как китайязычные варианты этих работ по содержанию нередко отличаются, содержат правки или имеют пробелы (Кукеев 2016). Для решения современных про-

блем целесообразно обратиться к опыту работы с маньчжурскими историческими текстами в русском китаеведении XVIII–XIX вв.

В России сохранилась традиция изучения маньчжурских текстов, идущая с первой половины XVIII в. Сибирский востоковед Г.Г. Пиков справедливо отмечает: «Заметную роль в международной маньчжуристике играла и играет русская традиция. Многие тексты цинского периода стали известны благодаря переводам с маньчжурского языка на русский» (Пиков 2021: 207). Центром русского маньчжуроведения в XVIII в. стал Санкт-Петербург, где в первой четверти XIX в. был создан Азиатский Музей. В 1848 г. молодой востоковед Д. Банзаров составил первый каталог книг на маньчжурском языке, хранящихся в Азиатском Музее. В подготовленном в 1918 г. Н.Н. Кротковым описании «Фонд маньчжурских книг, находящихся в Азиатском Музее Российской Академии наук» было указано 323 книги и ксилографа.

В начале XX в. формировался еще один центр российской маньчжуристики — Восточный институт во Владивостоке. Востоковеды во главе с А.В. Рудаковым работали с документами вывезенного из Цицикара так называемого «Маньчжурского архива». В 1927–1928 гг. А.В. Гребенников «обследовал текст нескольких десятков томов маньчжурских рукописей»¹ и пришел к выводу о необходимости перевода с маньчжурского языка всех документов этого архива. Но с 1930-х годов российская маньчжуристика сохранялась лишь в Ленинграде.

В конце 1950-х годов вся работа по описанию маньчжурских документов и введению их в научный оборот легла на плечи младшего научного сотрудника Дальневосточного кабинета Ленинградского отделения ИВ АН СССР М.П. Волковой². В отчете сотрудников ДВК ИВ АН СССР «О ходе выполнения полугодовых плановых заданий на 1959 г.» было указано: «...7) мл. науч. сотр. М.П. Волковой завершено описание 216 рукописей из 288 для „Аннотированного каталога маньчжурских рукописей и ксилографов ленинградских собраний“»³. В «Отчете о работе сотрудников Дальневосточного кабинета ЛО ИВ АН СССР за 1959 год» говорилось: «...5. Описание маньчжурского рукописного фонда... М.П. Волкова. По теме: „Описание маньчжурских рукописей и ксилографов“. Сделано описание 286 маньчжурских рукописей. 4 л.»⁴, а также было указано, что М.П. Волкова подготовила к публикации факсимильное издание «Нишанская шаманка» объемом в 4 авторских листа⁵. «Описание маньчжурских рукописей и ксилографов и публикация памятников» упоминалось в разных документах Института⁶.

В 1960-х годах в ЛО ИВ АН СССР поднимались вопросы изучения опыта переводов маньчжурских текстов русскими востоковедами. В том числе обсуждался вопрос о публикации переводов с маньчжурского языка, сделанных в XIX в. Г.М. Розовым. На заседании Дальневосточного кабинета были высказаны разные мнения. В частности, Е.И. Кычанов настаивал на публикации переводов Г.М. Розова, предлагая привлечь к этой работе проживавшего тогда в Алма-Ате русского реэмигранта А.Г. Малявкина⁷.

¹ Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (АВ ИВР РАН). Ф. 152. Оп. 3. Д. 174. Л. 20 об.

² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 1266. Л. 25.

³ Там же. Д. 1340. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 26–31.

⁵ Там же. Л. 34. «Нишань самани битхэ» («Повесть о нишанской шаманке») издана в 1961 г.

⁶ Там же. Д. 1471. Л. 52.

⁷ Там же. Л. 6–7, 123.

В XXI в. традиции российского маньчжуроисследования сохраняет и развивает заместитель директора ИВР РАН Т.А. Пан (Пан 2006). Считается, что хранящаяся сегодня в Институте коллекция маньчжурских ксиолографов и рукописей является самой большой в мире за пределами Китая. В изданном в 1965 г. «Описании маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР» указано: «Рукописные фонды Института народов Азии АН СССР располагают одним из самых крупных известных нам собраний маньчжурских рукописей и ксиолографов. В нем имеется около 600 названий — 800 единиц хранения, состоящих из 5000 тетрадей (бэнь)» (Волкова 1965: 3). Хранящиеся в рукописных фондах Института маньчжуроязычные тексты являются важными источниками по истории Китая и китайской исторической науки. В «Описании» М.П. Волковой 24 текста отнесены к группе «история и география», в их числе 6 исторических сочинений на маньчжурском или маньчжурском и китайском языках, и все они посвящены начальной истории маньчжурского государства. Остальные рукописи из этой группы для современной науки могут быть использованы в качестве исторических источников по истории Цинского Китая.

Во второй половине XX в. еще один центр изучения тунгусо-маньчжурских языков и маньчжурских исторических текстов сформировался в Новосибирском Академгородке. Новосибирские востоковеды во главе с В.Е. Ларичевым внесли большой вклад в изучение и популяризацию русской маньчжуристики (Ларичев 2009: 59). А.Г. Малявкин, переведивший еще в Харбине «Цзинь ши» с китайского языка, в Новосибирске исследовал маньчжурские тексты по этой теме (Малявкин 1977), Л.В. Тюрюмина перевела и издала маньчжурский вариант «Ляо ши» — «Дайляо гуруни судури» (История 2007: 41–177). В последние годы новосибирские ученые ввели в научный оборот значительную часть маньчжуроисследовательского научного наследия XIX в. Например, современные маньчжуроисследователи указывают: «В первом томе книги „История Небесной империи“ представлен перевод с маньчжурского языка шести тетрадей-дэбтэлий „Юань ши“ (из 32 тетрадей). При этом первые три тетради даны в переводе Л.В. Тюрюминой, следующие три — в переводе П.И. Каменского» (Тюрюмина, Пан 2013: 10).

Следует отметить, что в истории советского маньчжуроисследования еще немало белых пятен. Например, в отчетах сектора монгольской филологии ИВ АН СССР за 1947 г. было указано: «Перевод манджурской версии летописи Саган-Сэцэна (1947–1951 гг.) 10 п.л. перевода и 10 п.л. исследовательской работы и комментариев. Исполнитель М.К. Максимов»⁸. В 1947 г. этим маньчжуроисследователем было переведено «2 п.л. манджурского текста»⁹. Однако в литературе не удалось найти никаких упоминаний о данном исследовании, кроме того, что М.К. Максимов в конце 1930-х годов был аспирантом в Монгольском кабинете.

В современной российской науке лидером в области изучения исторического опыта переволов маньчжуроязычных текстов на русский язык, без сомнения, остается Т.А. Пан (Пан 2021). Она справедливо указывает: «Научная традиция русского маньчжуроисследования являлась одной из самых сильных, и многие тексты цинского периода стали известны европейской науке через переводы на русский язык» (Пан 2006: 8).

Русская власть и общество в XVII–XVIII вв. начали знакомиться с основами политической организации и культуры Китая через историю государства Цин. Необходимо

⁸ Там же. Д. 921. Л. 53.

⁹ Там же. Л. 59.

было знание об основах не просто Китая, а именно Цинской империи. Тем более между российскими владениями и Пекином находились территории цинской периферии, политически и во многом культурно оформленной в эпоху становления цинско-маньчжурского государства. Поэтому именно изучение истории маньчжурского народа и Цинской империи было определено в качестве первоочередной задачи русского китаеведения. Таким образом, изучение маньчжурской истории на основе маньчжуроязычных документов и материалов стало важнейшей составляющей русского китаеведения в первые сто лет его развития.

Русские востоковеды работали с двумя группами исторических текстов на маньчжурском языке: оригинальные тексты, изначально написанные на маньчжурском, и переводы с китайского на маньчжурский. Огромное количество документов и исторической литературы на маньчжурском языке обусловлено тем фактом, что маньчжурский язык на протяжении более двух веков был первым государственным языком Китая и родным языком маньчжуро-китайской элиты. Например, А.В. Гребенщиков в 1930-х годах указывал, что от 75 до 80% документов Маньчжурского (Цицикарского) архива составляли рукописи на маньчжурском языке, а еще около 10% — на маньчжурском и китайском языках¹⁰. Говоря о переводах, необходимо отметить, что еще до завоевания Китая цинский император Хунтайцзи (Абахай) повелел перевести на маньчжурский некоторые династийные истории. Цинскую элиту интересовала в первую очередь история государств, созданных на территории Маньчжурии (Северо-Восточного Китая) и Монголии. И уже в 1644 г., еще до переезда маньчжурского (Цинского) двора в Пекин, переводы династийных историй Ляо, Цзинь и Юань были представлены цинскому императору.

Первые русские китаеведы в Пекине сначала изучали маньчжурский язык. Вхождение в китаеведение через маньчжуристику было обусловлено целым комплексом факторов. Большинство русских китаеведов, включая и первого китаеведа И.К. Россохина, и первого профессора и академика В.П. Васильева, начинали свой путь в востоковедение через монгольский язык. Родственность языков и единная основа письменности позволяли использовать монгольский язык в качестве базиса для изучения маньчжурского. Кроме того, маньчжурский язык был первым государственным языком Китая, языком науки и культуры элиты правящей династии.

И.К. Россохин начал переводить документы по истории становления маньчжурского государства еще в то время, когда в Китае созданная распоряжением императора комиссия готовила к изданию «Сводное описание восьми знамен» («Баци тунчжи»). Свою работу Россохин продолжил и по прибытии в Петербург, в Академии наук, когда текст изданного в 1739 г. «Баци тунчжи» был доставлен в Петербург (Доронин 2002: 108). Возможно, его работа сейчас хранится в фондах Института восточных рукописей РАН, в описании Волковой указано: «Цакун гусаи... бітхе. 八旗通志 „Описание восьми знамен“. История маньчжурского народа. Копия. Оригинал — ксиографическое издание сочинения на маньчжурском и китайском языках (250 цюаней). Автор — специальная комиссия во главе с Мачи, Ортайем. Дата издания — 1739 г.» (Волкова 1965: 14–15).

В фондах Научной библиотеки Казанского университета хранится первая законченная рукописная работа И.К. Россохина под названием «Краткое известие Дайцинского или Китайского государства о манджурских ханах секретном расположении

манджурского войска и о состоянии Китайского столичного города Пекина колико имеет ворот и крепостей и при сем сообщая табель о манджурском воинстве в каком числе оное состоит и почему жалования производится салдатом которое из разных китайских и манджурских печатных книг и переведено на Российской язык чрез Прапорщика Лариона Разсохина»¹¹. Другой экземпляр рукописи этой работы И.К. Россохина хранится в фондах Российской государственной библиотеки¹². Рукопись состоит из нескольких частей, и примерно половину ее объема составляют материалы по истории Цинского Китая, переведенные с маньчжурского и китайского. Личные имена и девизы правления императоров («ханов манджурских») написаны по-маньчжурски и по-китайски, с транскрипцией кириллицей и переводом. Названия пекинских ворот в таблицах даются в транскрипции сначала по-китайски, а затем — по-маньчжурски, и далее — перевод. По тексту же названия улиц, кварталов и других мест в Пекине приводятся лишь в транскрипции по-китайски.

В Академии наук И.К. Россохин выполнял задание по переводу на русский язык «Баци маньчжуо шицзу тунпу» («Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего», 八旗满洲氏族通譜). В 1756 г. Академия наук по предписанию Сената поручила Россохину «некоторую часть перевесть и освидетельствовать: нет ли в сходственность той истории на других чужестранных языках, и буде при Академии есть, и во всем сходно, то, за великостию оной и трудностью языка, не переводить; а ежели в расположениях того описания явитца в чем несходственно или ничего на других языках нет, то ево, прапорщика, понуждать, чтобы наиприлежнейше старался в исправлении оного перевода, обнадежа награждением чина» (Овчинников 1961: 234). В начале 1757 г. был «оглашен приказ об освидетельствовании перевода китайской книги „О происхождении и нынешнем состоянии народа манджур“, сделанного И.К. Россохиным» (Летопись 2000: 445).

Русский китаевед узнал, что книга еще не переведена на другие европейские языки и является полезной для России. После смерти в 1761 г. И.К. Россохина работу продолжил А.Л. Леонтьев. В 1762 г. Сенат своим указом предложил Академии наук ускорить работы по изданию «Баци тунчжи», но лишь в 1784 г. фундаментальный труд под названием «Обстоятельное описание происхождения и состояния Маньджурского народа и войска, в осми знаменах состоящаго» был опубликован в Санкт-Петербурге (Россохин 1784).

Исходя из напечатанного в первом томе «Обстоятельного описания происхождения и состояния Маньджурского народа и войска, в осми знаменах состоящаго» «Указа, состоявшегося о сочинении обстоятельного описания, о происхождении и состоянии всего Маньджурского народа и войска, в осми знаменах состоящаго»¹³, а также из основного текста и приложений, можно предположить, что это был перевод двуязычного документа или перевод делался сразу с двух текстов — маньчжуроязычного и китаеязычного. В «Указе...» говорилось о привлечении к работе над этим сочинением

¹¹ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРПК НБ К(П)ФУ). № 4448.

¹² [Россохин]. Краткое известие Дайцинского или Китайского государства... URL: https://viewer.rusneb.ru/000199_000009_011295919?page=6&rotate=0&theme=white (дата обращения: 30.05.2025).

¹³ По тексту, даже в названиях томов, наряду с написанием «Маньджурского» встречается и «Манджурского».

«Маньчжурских и Китайских Хань-линев потребное число чиновных людей... ежели из Маньджуров или Китайцев найдутся такие люди кои довольно знают Китайскую грамоту...» (Там же, I: 12). В издании названия городов даны на двух языках, например: «Мукденъ» (Там же, I: 22, 29; X: 169) и «Шень Ян» (Там же, X: 5, 66), а город, известный в русской культуре как Калган, здесь назван «Джан Дзя Кэу» (Там же, III: 238). В тексте чаще встречаются маньчжурские названия должностей, учреждений, но есть и китайские. В конце 17-го тома имеется приложение «Толкование Маньчжурских и Китайских слов», где термины независимо от языка приводятся в транскрипции в алфавитном порядке. Как по тексту, так и в постраничных сносках даются пояснения: например, «на реке Сахалинь-Ула (Чорная река, а по нашему называется сия река Амуром)» (Там же, I: 29).

Данная работа была оценена современниками и востребована специалистами. Правда, авторство переводной 17-томной «маньчжурской истории», изданной без указания авторов, стали приписывать одному лишь А.Л. Леонтьеву. В обобщающем труде архимандрита Софрония (Грибовского) «Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве» говорится: «...а кто таковы Манджуры, когда они Китай взяли, и каким образом, должно читать бывшаго в Пекине учеником, а по выезде в Россию Коллежским Советником, Алексея Леонтиева, из Манджурского языка на Российский, о происхождении Манджурского народа, переведенную историю, и другую его же переводу книжку, о взятии Манджурами Пекина» (Грибовский 1861: 23–24). «Обстоятельное описание происхождения и состояния Маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящаго» остается до настоящего времени одним из самых больших по объему опубликованных переводов с маньчжурского языка.

В конце XVIII в., вслед за И.К. Россохиным и А.Л. Леонтьевым, многие русские китаеведы занимались переводом с маньчжурского языка исторических материалов и литературы. Новосибирский востоковед В.Е. Ларичев со ссылками на архивы перечислил работы семи русских китаеведов, «поддержавших начинания» переводчиков «Баци тунчжи». Высшего уровня русское академическое китаеведение достигло в начале XIX в., когда П.И. Каменский и С.В. Липовцов первыми из русских китаеведов были избраны членами-корреспондентами Академии наук. Через 10 лет к ним присоединился архимандрит Иакинф (Бичурин).

П.И. Каменский много работал с маньчжурским языком. Он перевел «Дай Юань гурун-и судури», и его «Монгольская история о деяниях Чингисского рода»¹⁴ стала одним из самых значимых переводов с маньчжурского языка. П.И. Каменский занимался переводами с маньчжурского до конца жизни, в его дневниковых черновых записях за 1830-е годы имеются пометки — «перевод с маньчжурского»¹⁵, записи на маньчжурском языке встречаются в самых разных его рукописных текстах. Правда, в подавляющем большинстве в рукописях идут параллельные записи на китайском и маньчжурском языках. При этом часто по-китайски и по-маньчжурски написано в столбик, а далее в строчку — по-русски. В тех случаях, где использовались только иероглифы, П.И. Каменский давал транскрипцию кириллицей, если за китайскими иероглифами шел маньчжурский текст, то транскрипция чаще всего отсутствует¹⁶. Современные исследователи, изучавшие сделанный Каменским перевод историче-

¹⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25.

¹⁵ Там же. Д. 12. Л. 30 об.

¹⁶ Там же. Л. 57, 73, 99 и др.

ской работы «Дай Юань гурун-и судури» («История Великой Небесной империи»), которая, в свою очередь, являлась переводом XVII в. «Юань ши» на маньчжурский язык, указывают: «...он выполнен в манере, принятой в конце XVIII в., допускающей не точный, как положено ныне, перевод текста летописи на русский, а по существу переложение (даже порой беглый пересказ) с многочисленными пропусками» (Тюрюмина, Пан 2013: 10).

Русское китаеведение развивалось не только в рамках Санкт-Петербургской академии наук. В качестве яркого примера можно привести издание в Московском университете полного «историко-географического описания Китайской империи» бывшего церковника Пекинской миссии И.А. Орлова (Орлов 1820). В огромной работе, изданной в Москве в двух томах, много внимания уделено проблемам истории как государства в Китае, так и трех государствообразующих народов этой страны — китайцев, маньчжуров и монголов. Содержание работы этого русского китаеведа указывает на привлечение маньчжурских исторических документов.

В контексте проблем российского маньчжуроведения и исторических исследований особый интерес вызывает параграф «О происхождении Манджурского народа». И.А. Орлов пишет: «Сей народ в 1583-м году при горах, называемых по Манджурски Гольминь-Шань-Ин-Алинь; а по Китайски Чань-Бай-шань, то есть при долгих белых горах, которые находятся в восточной стороне Китая, называемой Ляу-Дун, в начале основал некоторую форму Правительства, потом учинил многие завоевания... Оные Мань-Джу, или как наши выговаривают Мань-Джуры, разделяются на Фо-Мань-Джу, то есть старых Мань-Джур, и на Иче-Мань-Джу, то есть новых Манджиров; однакож всех их не должно почитать за особливый и знатный народ, но за збродной и подлой, ибо они получили название сие Мань-Джу от Китайцев, потому, что сии два слова Мань-Джу, суть Китайских, и значат наполнившаяся страна» (Там же: 149–150). Далее он приводит «собственно их Мань-Журов о себе описание», начиная с пересказывания маньчжурской легенды о том, как «низшедшая с небес девица... по вкушении прекрасных яблок, родила сына, который как бы от неба создан, при самом своем рождении одарен был свесовершеннейшим разумом... род его, с небес низошедший на землю, называется Айжин-Дзюро; а имя ему Букури-Ионшон...» (Там же: 150–151). В работе И.А. Орлова подробно представлена история становления маньчжурского государства, автор широко использует маньчжуроязычные термины: «И так оный Его Величество первый праотец, в 1583 году положил первое основание своему владению... Потом у Его Величества Энь-Дембухе или Ин-Дембухе-Мафа-Тонь-до-Хундия, то есть у праотца бывшаго потом второго Манджурского Хана, было шесть сыновей, кои в шести местах построили себе по городу, а именно: старший из них именем Десику, построил себе город на mestечке Dziорча...» (Там же: 154). Таким образом, опубликованные в Московском университете в начале XIX в. труды работавшего в Пекине в конце XVIII в. И.А. Орлова стали важным этапом развития русского маньчжуроведения.

Во второй половине XIX в. жившие в Пекине члены Российской духовной миссии сделали много переводов маньчжуроязычных исторических материалов. Например, студент XI Миссии в Пекине Г.М. Розов перевел на русский язык «Айсинь гурунь-и судури битхэ» («Историю династии Цзинь»). Известный востоковед В.Е. Ларичев написал: «Труд, вложенный Г.М. Розовым в перевод династийных хроник „Золотой империи“ чжурчжэней, был впечатляюще велик. Эту работу мог успешно завершить всего лишь за несколько лет только тот, кто в совершенстве владел языком оригинала,

кто свободно ориентировался в китайских исторических хрониках... Он перевел не только маньчжурский вариант „Истории Золотой империи“, но и значительное число хроник сунского времени... Перевод сопровождался детальными сравнениями и сопоставлениями маньчжурского текста со сведениями, которые выискивались в иных источниках, что позволяло ему полнее и точнее оценивать суть описанных происшествий» (Ларичев 2009: 61).

К середине XIX в. самым известным русским китаеведом стал архимандрит Иакинф (Бичурин). В.С. Мясников и И.Ф. Попова отмечают: «Около 70 работ Н.Я. Бичурина, в которых он выступил как разносторонний и значительно опередивший свое время историк, филолог, этнограф, географ, экономист, правовед, было опубликовано в 1827–1851 гг. при его жизни, и почти столько же по сей день пребывают в рукописях» (Мясников, Попова 2010: 6). А.И. Кобзев утверждает, что «в 1828–1851 гг. Н.Я. Бичурин опубликовал свыше 100 крупных научных работ, переводов и исследований, посвященных истории, литературе, философии...» (Драмы 2016: 285). Архимандрит Иакинф (Бичурин) в начале своей научно-переводческой деятельности следовал традиции — равноценное внимание уделять текстам на всех языках, иногда отдавая предпочтение маньчжурскому. В.М. Майоров указывает: «Потребуется по-новому оценить значение маньчжурских материалов для китаеведческих изысканий о. Иакинфа» (Древняя 2014: 13). Современные российские китаеведы доказали, что переводная рукописная работа 1822 г. «Древняя китайская история» была сделана «по тексту маньчжурско-китайского издания 1760 г. «[Маньчжурский] перевод „Канона преданий“ в редакции Его Величества» («Юй чжи фань Шу цзин»... маньчж. «Han-i araha ubaliyambuha Dasan-i nomun»)» (Майоров, Стеженская 2015: 9). Позднее Н.Я. Бичурин стал придерживаться того убеждения, что основная литература написана на китайском языке, а издания на маньчжурском не имеют большой ценности¹⁷.

Авторитет и популярность Н.Я. Бичурина стали одним из факторов ослабления в русском китаеведении интереса к маньчжуроязычным текстам во второй половине XIX в. В 1852 г. была опубликована работа ученика Иакинфа (Бичурина) В.В. Горского «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае Династии Цин и имени народа Маньчжу» (Горский 1852). Молодой китаевед, в отличие от своего учителя, делает ссылки на источники и литературу, критически относится к ним, но, несмотря на несомненное знакомство с маньчжурским языком, не указывает ни одного маньчжуроязычного документа или исторического текста по этой теме.

Постепенное вытеснение маньчжурских текстов из русского китаеведения было обусловлено в первую очередь объективными факторами, вытеснением маньчжурского языка из всех сфер политической и культурной жизни в Китае. Однако, когда вставал вопрос о более глубоком изучении истории Восточной Азии XVII–XIX вв., возникала проблема расширения источников базы исторической науки, в связи с чем русские востоковеды в разные периоды истории поднимали тему сохранения и развития российской маньчжуристики.

Несмотря на популярность Иакинфа (Бичурина), заложенные И.К. Рессохиным и закрепленные во времена П.И. Каменского традиции русского китаеведения смогли перебороть инновации архимандрита, и не только в части транскрипции, но и ценностями маньчжуроязычных текстов. Маньчжурский язык преподавался в Санкт-

¹⁷ О противостоянии между Н.Я. Бичуриным и П.И. Каменским по этому вопросу см. (Пиков 2021: 211).

Петербургском университете, делались новые переводы. Например, переводом на русский язык «Дайляо гуруни судури» (маньчжурская версия «Ляо ши») под руководством профессора Санкт-Петербургского университета В.П. Васильева занимался студент М.Н. Суровцов (Ларичев 2009: 61–62). Книги и документы по истории Китая на маньчжурском языке привозили в Россию на протяжении всего XIX в. В частности, в Иркутске сформировалась большая коллекция исторических трудов на трех главных языках Цинской империи, при этом даже издания из серии раннесредневековой китайской исторической литературы «Всеобъемлющее зерцало» [«Тун цзянь» 通鑑] были на маньчжурском языке (Яхонтов 1994: 43). В начале XX в. русские собирали маньчжуроязычные документы на территории Северо-Восточного Китая, а в открытом во Владивостоке Восточном институте ввели преподавание маньчжурского языка. В 1903 г., после некоторого перерыва, было возобновлено преподавание маньчжурского языка и в Санкт-Петербургском университете.

Таким образом, с первых дней становления русского китаеведения изучение истории Китая и маньчжуроисследование были неразрывно связаны, находились в тесном взаимодействии. Эта взаимосвязь была обусловлена как ролью маньчжурского языка в общей системе изучения языков Китая и китайской культуры, так и важностью изучения в первую очередь проблем становления и развития Китая под властью маньчжурской династии. Использование маньчжуроязычных материалов обеспечило высокий уровень российского китаеведения в XVIII–XIX вв. Традиции русского маньчжуроисследования являются важным фактором развития современного востоковедения и исторической науки в России.

Литература

- Волкова 1965 — Волкова М.П. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР / Отв. ред. Б.И. Панкратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1965.
- Волкова 1972 — Волкова М.П. Маньчжуроисследование // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 142–148.
- Горский 1852 — Горский В. О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае Династии Цин и имени народа Маньчжу // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. СПб., 1852. С. 189–244.
- Грибовский 1861 — [Грибовский]. Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве, сочиненное Архимандритом Софонием, начальником Русской Миссии в Китае в начале нынешнего столетия // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1861. Кн. 1. М.: В Университетской типографии, 1861. С. 23–119.
- Дацышен 2022 — Дацышен В.Г. Цинский Китай как евразийское государство. К проблеме изучения истории Китая в России // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 141–154.
- Доронин 2002 — Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002.
- Драмы 2016 — Драмы и фарсы российской китаистики. Научный сборник / Кобзев А.И., Головачёв В.Ц., Дёмин Р.Н. и др. М.: ИВ РАН, 2016.
- Древняя 2014 — «Древняя китайская история» Н.Я. Бичурина. Транскрипция и факсимile рукописи 1822 г. с переводом «Шу цзина», древнекитайский текст оригинала / Пер. Н.Я. Бичурина; транскр. В.М. Майорова, М.А. Смирновой, Л.В. Стеженской; под общ. ред. В.М. Майорова. М.: ИДВ РАН, 2014.
- Ильюхов 2022 — Ильюхов А.А. Школа «Новая цинская история»: маньчжурский поворот в американской историографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 10: Востоковедение. С. 156–166.

- История 1998 — История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова, comment. А.Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998.
- История 2007 — История Железной империи / Пер. и comment. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007.
- Кукеев 2016 — Кукеев Д.Г. Об особенностях цинских полиязычных источников по истории джунгаров // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 1. С. 570–581.
- Ларичев 2009 — Ларичев В.Е. Цинский проект: краткий обзор летописных источников по средневековой истории Маньчжурии и ранний этап их изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 4: Востоковедение. С. 59–66.
- Летопись 2000 — Летопись Российской Академии наук. Т. I. 1724–1802 / Отв. ред. Н.И. Невская. СПб.: Наука, 2000.
- Майоров, Стеженская 2015 — Майоров В.М., Стеженская Л.В. Н.Я. Бичурин и его «Древняя Китайская история» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Серия 13. Вып. 1. С. 5–11.
- Малявкин 1977 — Малявкин А.Г. Маньчжурский вариант хроники государства Аньчунь-Гур奴 // Известия СО АН ССР. Серия общественных наук. 1977. Вып. 1. № 1. С. 95–100.
- Мясников, Попова 2010 — Мясников В.С., Попова И.Ф. Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) — основатель отечественной научной синологии // «Первый альбом» о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Исследования и комментарии. СПб.: Российская национальная библиотека, 2010. С. 6–17.
- Овчинников 1961 — Овчинников Р.В. «Рапорт» М.В. Ломоносова и других академиков в Сенат о переводе «Истории Китайского государства» // Исторический архив. 1961. № 6. С. 234–235.
- Орлов 1820 — Орлов И.А. Новейшее и подробнейшее историческо-географическое описание Китайской империи. Часть 1. М.: В Университетской Типографии, 1820.
- Пан 2004 — Пан Т.А. Некоторые маньчжурские документы о деятельности Пекинской духовной миссии в XIX веке // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4. СПб., 2004. С. 22–32.
- Пан 2006 — Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
- Пан 2019 — Пан Т.А. Научно-практический семинар по маньчжуроисанию (Германия, Мюнхен, 17–18 сентября 2019 г.) // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16. № 4 (вып. 39). С. 129–132.
- Пан 2021 — Пан Т.А. Переводы на русский язык с маньчжурского языка, выполненные членами Пекинской духовной миссии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2(7). С. 77–89.
- Пиков 2009 — Пиков Г.Г. К вопросу о роли маньчжурских исторических текстов в изучении истории Восточной Азии в средние века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 4: Востоковедение. С. 67–72.
- Пиков 2021 — Пиков Г.Г. Еще раз к вопросу о роли маньчжурских исторических текстов в изучении истории Восточной Азии в средние века (размышления в связи с юбилеем ученого) // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 206–212.
- Попова 2024 — Попова И.Ф. Западный край (Си Юй) в трудах Н.Я. Бичурина (1777–1853) // Археология Евразийских степей. 2024. № 5. С. 111–116.
- Пумпян 2016 — Пумпян Г.З. У истоков китаеведения в БАН (XVIII в.) // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 4(56). С. 111–119.
- Россохин 1784 — [Россохин.] Обстоятельное описание происхождения и состояния Маньджурского народа и войска, в осми знаменах состоящаго. Т. 1–17. СПб.: Иждивением Императорской Академии Наук, 1784.
- Тюрюмина, Пан 2013 — Тюрюмина Л.В., Пан Т.А. Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи). Фрагмент тетради IV // Письменные памятники Востока. 2013. № 1 (вып. 18). С. 9–23.
- Цветков 2024 — Цветков Д.В. Деятельность и научное наследие И.К. Россохина в контексте культурного взаимодействия России и Китая (30–60-е годы XVIII века) // Наследие веков. 2024. № 3. С. 15–25.

Яхонтов 1994 — Яхонотов К.С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.

References

- Gorsky, Vladimir. “O proiskhozhdenii rodonachal’nika nyne tsarstvuishchego v Kitae Dinastii Tsin i imeni naroda Man’chzhu” [On the Origin of the Founder of the Qing Dynasty Currently Reigning in China and of the Name of the Manchu People]. In: *Trudy chlenov Rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine* [Works of the Members of the Russian Spiritual Mission in Beijing]. T. I. St. Petersburg, 1852, pp. 189–244 (in Russian).
- [Gribovsky.] “Izvestie o Kitaiskom, nyne Mandzhuro-Kitaiskom gosudarstve, sochinennoe Arkhimandritom Sofroniem, nachal’nikom Russkoi Missii v Kitae v nachale nyneshnego stoletiya” [News about the Chinese, Now Manchu-Chinese, State Composed by Archimandrite Sophrony, Head of the Russian Mission in China at the Beginning of this Century]. In: *Chtenia v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. 1861. B. 1. Moscow: Tipografia Universiteta, 1861, pp. 23–119 (in Russian).
- Datsyshen, Vladimir G. “Tsinskii Kitai kak evraziiskoe gosudarstvo. K probleme izucheniiia istorii Kitaia v Rossii” [The Qing China as a Eurasian State. On the Problem of Studying the History of China in Russia]. *Rossiiskoe kitaovedenie* [Russian Sinology], 2022, no. 1, pp. 141–154 (in Russian).
- Dorонин, Борис Г. *Istoriografiia imperatorskogo Kitaia XVII–XVIII vv.* [Historiography of Imperial China in the 17th–18th Centuries]. St. Petersburg: Filol. fak-t SPbGU, 2002 (in Russian).
- Dramy i farsy rossiiskoi kitaistiki. Nauchnyi sbornik [The Tragedies and Travesties of Russian Sinology. A Scholarly Collection]. Ed. by Kobzev A.I., Golovachev V.Ts., Demin R.N. and others. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2016 (in Russian).
- “Drevniaia kitaiskaia istoriia” N.Ya. Bichurina. *Transkriptsii i faksimile rukopisi 1822 g. s perevodom “Shu czina”, drevnekitaiskii tekst originala* [“Ancient Chinese History” by N.Ya. Bichurin. Transcription and Facsimile of the 1822 Manuscript with the Translation of “Shu Jing”, the Ancient Chinese text of the Original]. Trans. by N.Ya. Bichurin, transcribed by V.M. Mayorov, M.A. Smirnova, L.V. Stezhenskaya under the general editorship of V.M. Mayorov. Moscow: Institut Dal’nego Vostoka RAN, 2014 (in Russian).
- Ilukhov, Aleksandr A. “Shkola ‘Novaia tsinskaia istoriia’: man’chzhurskii poverot v amerikanskoi istoriografii” [The “New Qing History” School: The Manchu Turn in American Historiography]. *Vestnik NGU. Seria: Iстория, филология* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology], 2022, vol. 21, no. 10: Vostokovedenie, pp. 156–166 (in Russian).
- Istoriia Zheleznoi imperii* [The History of the Iron Empire]. Trans. and comment. by L.V. Tiurumina. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2007 (in Russian).
- Istoriia Zolotoi imperii* [The History of the Golden Empire]. Translated by G.M. Rozov, commented by A.G. Malyavkin. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998 (in Russian).
- Kukeev, Dorji G. “Ob osobennostiakh tsinskikh poliazychnykh istochnikov po istorii dzhungarov” [On the Features of the Qing Multilingual Sources on the History of the Dzungars]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2016, vol. 46, no. 1, pp. 570–581 (in Russian).
- Larichev, Vitaly E. “Tsinskii projekt: kratkii obzor letopisnykh istochnikov po srednevekovoi istorii Man’chzhurii i rannii etap ikh izucheniiia” [The Qing Project: A Brief Overview of Chronicle Sources on the Medieval History of Manchuria and the Early Stage of Their Study]. *Vestnik NGU* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology], 2009, vol. 8, iss. 4: Vostokovedenie, pp. 59–66 (in Russian).
- Letopis’ Rossiiskoi akademii nauk* [Chronicle of the Russian Academy of Sciences], vol. I, 1724–1802. Ed. by N.I. Nevskaya. St. Petersburg: Nauka, 2000 (in Russian).

- Maiorov, Vladimir M. & Stezhenskaya, L.V. "N.Ya. Bichurin i ego 'Drevniaia Kitaiskaia istoriia'" [N.Ya. Bichurin and his "Ancient Chinese History"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2015, Series 13 (iss. 1), pp. 5–11 (in Russian).
- Malyavkin, Anatoliy G. "Man'chzhurskii variant khroniki gosudarstva An'chun'-Gurun" [The Manchurian Version of the Chronicle of the Anchun-Gurun State]. *Izvestiya SB AN SSSR* (ser. obshchestv. nauk). 1977. No. 1. Issue 1, pp. 95–100 (in Russian).
- Miasnikov, Vladimir S. & Popova, Irina F. "Nikita Iakovlevich Bichurin (o. Iakinf) — osnovatel' otechestvennoi nauchnoi sinologii" [Nikita Yakovlevich Bichurin (Iakinf) — the Founder of Russian Scientific Sinology]. In: "Pervyi al'bom" o. Iakinfa (N.Ya. Bichurina). *Issledovaniia i kommentarii* ["The First Album" of Iakinf (N.Ya. Bichurin)]. Research and Commentary. St. Petersburg: Rossiiskaia natsional'naiia biblioteka, 2010, pp. 6–17 (in Russian).
- Orlov, Ivan A. *Noveishee i podrobneishee istorichesko-geograficheskoe opisanie Kitaiskoi imperii* [The Latest and Most Detailed Historical and Geographical Description of the Chinese Empire]. Vol. 1. Moscow: Tipografia universiteta, 1820 (in Russian).
- Ovchinnikov, Roman V. "Raport M.V. Lomonosova i drugikh akademikov v senat o perevode *Istorii Kitaiskogo gosudarstva*" ["Report" of M.V. Lomonosov and Other Academicians to the Senate on the Translation of the "History of the Chinese State"]. *Istoricheskii Arkhiv* [Historical Archive], 1961, no. 6, pp. 234–235 (in Russian).
- Pang, Tatiana A. "Nekotorye man'chzhurskie dokumenty o deiatel'nosti Pekinskoi dukhovnoi missii v XIX veke" [Some Manchu Documents on the Activity of the Beijing Spiritual Mission in the 19th Century]. *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke* [Orthodoxy in the Far East]. St. Petersburg, 2004, iss. 4, pp. 22–32 (in Russian).
- Pang, Tatiana A. *Man'chzhurskie pis'mennye pamiatniki po istorii i kul'ture imperii Cin XVII–XVIII vv.* [Manchu Written Records on the History and Culture of the Qing Empire in the 17th–18th Centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006 (in Russian).
- Pang, Tatiana A. "Nauchno-prakticheskii Seminar po Man'chzhurovedeniiu (Germaniia, Miunkhen, 17–18 sentiabria 2019 g.)" [Scholarly and Practical Seminar on Manchu Studies (Germany, Munich, September 17–18, 2019)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, no. 4 (iss. 39), pp. 129–132 (in Russian).
- Pang, Tatiana A. "Perevody na russkii iazyk s man'chzhurskogo iazyka, vypolnennye chlenami Pekinskoi dukhovnoi missii" [Translations into Russian from Manchu by Members of the Beijing Spiritual Mission]. *Vestnik Istoricheskogo obshhestva Sankt-Peterburgskoj Dukhovnoi Akademii* [Bulletin of the Historical Society of the St. Petersburg Theological Academy], 2021, no. 2(7), pp. 77–89 (in Russian).
- Pikov, Gennady G. "K voprosu o roli man'chzhurskikh istoricheskikh tekstov v izuchenii istorii Vostochnoi Azii v srednie veka" [On the Role of Manchu Historical Texts in the Study of History of East Asia in the Middle Ages]. *Vestnik NGU* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology], 2009, vol. 8, iss. 4: Vostokovedenie, pp. 67–72 (in Russian).
- Pikov, Gennady G. "Eshche raz k voprosu o roli man'chzhurskikh istoricheskikh tekstov v izuchenii istorii Vostochnoi Azii v srednie veka (razmyshleniiia v sviazi s iubileem uchenogo)" [Once Again on the Role of Manchu Historical Texts in the Study of East Asian History in the Middle Ages (Reflections on the Anniversary of the Scholar)]. *Vostok* (Oriens), 2021, no. 1, pp. 206–212 (in Russian).
- Popova, Irina F. "Zapadnyi krai (Si Yui) v trudakh N.Ya. Bichurina (1777–1853)" [The Western Region (Xi Yu) in the Works by N.Ya. Bichurin (1777–1853)]. *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2024, no. 5, pp. 111–116 (in Russian).
- Pumpyan, Galina Z. "U istokov kitaevedenia v BAN (XVIII v.)" [At the Origins of Sinology in the BAS (18th Century)]. *Peterburgskaia bibliotechnaia shkola* [St. Petersburg Library School], 2016, no. 4(56), pp. 111–119 (in Russian).
- [Rossokhin]. *Obstoiatel'noe opisanie proiskhozhdeniiia i sostoianiiia Man'dzhurskago naroda i voiska, v osmi znamenakh sostoiashchago* [A Detailed Description of the Origin and Condition of the Manchu People and Army, Consisting of Eight Banners]. Vol. 1–17. St. Petersburg: Imperatorskaia akademia nauk, 1784 (in Russian).

- Tiurumina, Luidmila V. & Pang, Tatiana A. "Dai Yuan' gurun-i suduri (Istoriia Velikoi Nebesnoi Imperii). Fragment tetradi IV" [Dai Yuan gurun-i suduri (History of the Great Celestial Empire. A Fragment of Notebook IV]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2013, no. 1(18), pp. 9–23 (in Russian).
- Tsvetkov, Dmitry V. "Deiatel'nost' i nauchnoe nasledie I.K. Rossokhina v kontekste kul'turnogo vzaimodeistviia Rossii i Kitaia (30–60-e gody XVIII veka)" [The Activity and Scholarly Heritage of I.K. Rossokhin in the Context of Cultural Interaction between Russia and China (the 30–60s of the 18th Century)]. *Nasledie vekov* [Legacy of Centuries], 2024, no. 3, pp. 15–25 (in Russian).
- Volkova, Maiia P. *Opisanie man'chzhurskikh rukopisei Instituta narodov Azii AN SSSR* [A Description of Manchu Manuscripts of the Institute of the Peoples of Asia of the USSR Academy of Sciences]. Editor-in-chief B.I. Pankratov. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1965 (in Russian).
- Volkova, Maiia P. "Man'chzhurovedenie" [Manchu Studies]. In: *Aziatskii muzei — Leningradskoe otdelenie Instituta vostokovedeniia AN SSSR*. [Asiatic Museum — Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1972, pp. 142–148 (in Russian).
- Yakhontov, Konstantin S. *Kitaiskie i man'chzhurskie knigi v Irkutske* [Chinese and Manchurian Books in Irkutsk]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1994 (in Russian).

Manchu Studies and the Study of Chinese History in Russia in the 18th–19th Centuries

V.G. DATSYSHEN

Krasnoyarsk State Pedagogical University

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 11.06.2025.

Abstract: The article examines the problems of relationship between Manchu Studies and the study of Chinese history in Russian Sinology. The main attention is paid to the issues of formation and development, during the 18th–19th centuries, of the St. Petersburg Center for Manchu Studies, which is currently headed by the leading Russian Manchu scholar T.A. Pang. The work shows the reasons for which the first Russian Orientalists to become Sinologists had originally been experts in Manchu Studies and proves that one of the primary tasks of Russian Sinology was the study of the history of the Qing China. The study is based on manuscripts and rare publications found in archival and library collections. The author concludes that it was due to Manchu studies of the 18th–19th centuries that the foundation of traditional Russian Sinology was laid, which is in demand at the present stage of development of historical research in Russia.

Key words: history of Russian Sinology, Manchu Studies, history of China, T.A. Pang.

For citation: Datsyshen, Vladimir G. "Manchu Studies and the Study of Chinese History in Russia in the 18th–19th Centuries". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 101–113 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692200.

About the author: Vladimir G. DATSYSHEN, Dr. Sci. (History), Professor, Department of World History, Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation) (dazishen@mail.ru).

Документы на маньчжурском языке об отношениях сахалинских айнов с империей Цин в XVIII–XIX вв. из коллекции Университета Хоккайдо

В.В. ЩЕПКИН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

А.А. ИЛЬЮХОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691524

Статья поступила в редакцию 18.06.2025.

Аннотация: В статье вводится в научный оборот перевод на русский язык двух маньчжурских документов, имеющих отношение к контактам сахалинских айнов с администрацией империи Цин в конце XVIII — начале XIX в. Излагается история этих документов и их изучения японскими исследователями, а также исторический контекст их появления. Приводятся данные о месте сахалинских айнов в системе торговых связей в Северо-Восточной Азии в указанный период.

Ключевые слова: империя Цин, Сахалин, айны, маньчжуры, Приморье.

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00764 «Создание аннотированного каталога источников на японском языке по истории Сахалина и Курильских островов XVII–XX вв.».

Для цитирования: Щепкин В.В., Ильюхов А.А. Документы на маньчжурском языке об отношениях сахалинских айнов с империей Цин в XVIII–XIX вв. из коллекции Университета Хоккайдо // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 114–123. DOI: 10.55512/WMO691524.

Об авторах: ЩЕПКИН Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел Дальнего Востока, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (vshepkin@gmail.com). ORCID: 0000-0003-0007-1143.

ИЛЬЮХОВ Александр Алексеевич, младший научный сотрудник, Отдел Дальнего Востока, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (alexsmol96@gmail.com). ORCID: 0000-0002-4169-9052.

© Щепкин В.В., 2025
© Ильюхов А.А., 2025

В Отделе северных материалов библиотеки Университета Хоккайдо хранятся два уникальных свитка, свидетельствующие о контактах сахалинских айнов с чиновниками империи Цин в XVIII–XIX вв. Один из двух документов на маньчжурском язы-

ке, содержащихся в первом из двух свитков, попал в поле зрения чиновников военно-го правительства Японии еще в конце XVIII в., а впоследствии послужил одним из толчков для формирования японской школы маньчжуроисследования. Отдавая дань заслугам ведущего научного сотрудника ИВР РАН, к.и.н. Т.А. Пан на ниве российского маньчжуроисследования и в связи с ее юбилеем, мы решили посвятить данную статью этим свиткам и ввести в научный оборот переводы содержащихся в них маньчжурских текстов на русский язык.

Свитки, о которых пойдет речь, известны в японской историографии под общим названием «Документы старости селения Наёро на Карафуто» (яп. *Карафуто Наёро со:отона мондзё カラフトナヨロ惣乙名文書*) или «Документы Яэнкоаину» (яп. *Яэнкоаину мондзё ヤエンコロアイヌ文書*). Яэнкоаину — это имя сахалинского айна, который был старостой селения Наёро на западном побережье Сахалина (Карафуто) на рубеже XVIII–XIX вв. и в семье которого вплоть до начала XX в. хранились документы, содержащиеся в свитках.

Свитки хранятся в библиотеке Университета Хоккайдо под шифрами *дзикумоно 182–183* (яп. 軸物 182–183, *дзикумоно* — свиток). Длина первого из них — 3 м 49 см, второго — 2 м 62 см. Высота (ширина) обоих свитков 28 см. Первый свиток (*дзикумоно 182*) содержит два документа на китайском языке и девять документов на японском языке, второй (*дзикумоно 183*) — два документа на маньчжурском языке. Хронологически маньчжурские тексты предшествуют китайским и японским (за исключением одного японского — он относится к периоду между составлением двух маньчжурских текстов). Следуя сложившейся среди японских исследователей этих текстов традиции, мы будем придерживаться следующей нумерации содержащихся в свитках документов: маньчжурские документы № 1–2, китайские документы № 3–4, японские документы № 5–13.

Первый из маньчжурских текстов (№ 1) датирован 40-м годом под девизом правления Цяньлун (1775), второй (№ 2) — 21-м годом под девизом правления Цзяцин (1816). Первый из китайских документов (№ 3) датирован 23-м годом под девизом правления Цзяцин (1818), второй (№ 4) не датирован, но, вероятно, составлен тогда же, когда и первый. Самый ранний из японоязычных документов (№ 5) содержит две даты — 1792 и 1808 гг., документ № 6 — 1832 г., документы № 12–13 — 1861 и 1862 гг. соответственно. Документы № 7–8 и № 10–11 содержат только циклические знаки, т.е. датированы не точно, но если предположить, что они расположены в хронологической последовательности, то № 7–8 будут относиться к 1839 или 1851 г., а № 10–11 — к 1844 или 1856 г.

Первый из документов на маньчжурском языке, перевод которого на русский язык будет представлен в конце статьи, судя по его датировке, был передан айнскому вождю из селения Наёро на западном побережье Сахалина не ранее 1775 г. Чтобы понять историческое значение этого документа, нужно хотя бы коротко описать место сахалинских айнов в системе межэтнических контактов Северо-Восточной Азии в XVII–XIX вв.

Айны — один из коренных народов Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов. С географической, лингвистической и историко-культурной точек зрения их принято делить на, соответственно, хоккайдоских, сахалинских и курильских. Это деление несколько условно, поскольку самую многочисленную из трех групп — айнов Хоккайдо — можно подразделить еще на несколько. В этом смысле правильнее было бы говорить о наличии более четких отличий айнов Сахалина и Курил от айнов Хоккайдо.

до, обусловленных географией и историей и находивших отражение в их языке и культуре. В контексте данной статьи важным обстоятельством является наибольшая географическая удаленность ареала проживания сахалинских и курильских айнов от Японии, что предопределило их более позднее попадание в орбиту внимания и влияния японского правительства — не ранее последней четверти XVIII в. Самая малочисленная из групп, курильские айны, вплоть до начала XVIII в., когда они оказались включенными в состав Российской империи, дольше всего оставалась вне сферы влияния какой-либо цивилизации — китайской или японской, хотя курильские айны и имели опосредованные торговые контакты с японцами. Что же касается сахалинских айнов, то они, напротив, дольше других групп имели устойчивые контакты с китайской цивилизацией, наряду с другими народами Сахалина и Приморья, через систему торговли, которая с точки зрения китайских властей была системой подарков и подношений, распространявшей китайский дипломатический ритуал на не имевшие государства коренные народы Северо-Восточной Азии.

Такая система отношений китайских государств с народами Приморья и Сахалина начала складываться по крайней мере с XIII в., когда имели место первые зафиксированные в письменных источниках вооруженные противостояния войск монгольской империи Юань с сахалинскими айнами, хотя в ходе археологических раскопок стоянок культуры Сацумон (VII–XIII вв.) обнаружаются китайские бронзовые зеркала, произведенные еще в империи Сун (960–1279) (Кайхо 1990: 270). В ходе распространения монгольского влияния на район устья Амура и Сахалин в этих местностях были учреждены торговые посты, служившие местами обмена: лидеры местных общин подносили шкуры животных монголо-китайской администрации, а в ответ получали дары в виде тканей и одежды. Сахалинские айны, которые примерно в это же время вели активную экспансию с юга Сахалина на север острова, поначалу воспротивились попыткам монгольской администрации включить их в систему официальных отношений, что вылилось в ряд вооруженных столкновений в 1264 и 1284–1286 гг. Китайская хроника «Юань ши» сообщает о ежегодных столкновениях народа *гуэй* (яп. *куи*, вероятно, айны) с народом *цзилими* (вероятно, нивхи) и о поступившей от последних просьбе о помощи в борьбе с первыми (Stephan 1971: 21–22). В 1264 г. монголы основали свой опорный пункт в местечке Тыр. Согласно «Юань ши», к 1308 г. монголам удалось усмирить сахалинских айнов, после чего те стали наносить визиты с данью в монгольские торговые посты.

Эта система контроля и торговли продолжала существовать и во времена империй Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912). Как пишет Б. Уокер, «политика Цин не лишила эти группы полностью их родной этничности и культурных практик, но оказалась эффективным средством сосредоточения коммерческой деятельности на китайских постах и управления границами государства Цин» (Walker 2001: 135). Цинские чиновники присваивали местным старейшинам титулы *хала-и-да* («глава рода (группы семей)») и *гашань-да* или *гашань-и-да* («старейшины деревни») и поручали им «поддерживать мир» на подконтрольных им территориях. К середине XVIII в. цинские чиновники зарегистрировали пятьдесят шесть групп фамилий в качестве *хала-и-да*; из них, как отмечают цинские источники, шесть родов и 148 семей принадлежали айнам и нивхам, которые попали под цинскую административную опеку на Сахалине (*Ibid.*).

«Главы родов» и «старейшины деревень» регулярно приезжали в цинские опорные пункты, преподнося дань в виде шкур диких животных и получая взамен чиновничьи

парчовые халаты. Эти халаты в дальнейшем становились объектом торговли сахалинских айнов с айнами Хоккайдо, а затем попадали и в Японию, где стали известны под названием эдзо-нисики 蝦夷錦 (букв. «айнская парча»). На Хоккайдо и в Японии эти халаты переставали ассоциироваться с маньчжурской администрацией, а ценились прежде всего за высокое качество шелковой ткани, значительно превосходящее качество тканей, которые японцы получали в рамках торговли с китайскими купцами в Нагасаки. Однако если китайские чиновничьи халаты, в обилии сохранившиеся в японских коллекциях, являются материальным свидетельством торговых связей сахалинских айнов с народами материка, то публикуемые ниже документы на маньчжурском языке подтверждают их контакты и с цинской администрацией.

Документ № 1 на маньчжурском языке 1775 г. представляет собой сообщение о волеизъявлении императора Цяньлуна о том, чтобы представители общин коренных народов Приморья и Сахалина в случае, если они хотят приехать в Пекин для подношения дани и приобретения невест из числа маньчжурских женщин¹, приезжали не в начале весны, как это было до сих пор, а до наступления зимнего сезона. Это объясняется тем, что на начало весны часто приходился сезон распространения эпидемических заболеваний, в частности оспы, а потому многие из представителей коренных народов, не имея иммунитета, заболевали и умирали. Документ был передан через несколько инстанций — канцлера-дасюэши, налоговое управление, военного губернатора-цзянцзюня и его помощника-фудутуна. Адресатами документа № 1 называются глава клана-хала Т oo по имени Окопио и глава деревни-гашань по имени Тусокурданги. Икэгами Дзиро, один из переводчиков этого документа на японский язык, предполагает, что имена Окопио и Тусокурданги — айнские, хотя и указывает, что имя клана Т oo является китайским иероглифическим сокращением нивхского имени «Торхэну» (Икэгами 1968: 181). Так или иначе, конечным адресатом именно этого документа является, по-видимому, «глава деревни-гашань по имени Тусокурданги» — очевидно, сахалинский айн, который признавался маньчжурской администрацией «главой деревни» и благодаря этому участвовал в торговле с Китаем через Приморье. Этот Тусокурданги, видимо, был предком Яэнкоорайну, сахалинского айна из Наёро, у которого и хранился документ в течение следующих нескольких десятилетий, когда активизировались отношения сахалинских айнов с японской администрацией.

Сахалинские айны впервые попали в поле зрения японского правительства в 1785 г., когда состоялась первая официальная экспедиция в земли айнов — на Сахалин и южные Курильские острова — в том числе для прояснения слухов о нелегальной торговле княжества Мацуваэ с русскими после визита российской экспедиции на Хоккайдо в 1778–1779 гг. С этого времени чиновники центрального правительства Японии стали регулярно посещать Сахалин, а княжество Мацуваэ — организовывать там сторожевые посты и сезонные рыболовецкие фактории, пока, наконец, после нападений экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в 1806–1807 гг. не было принято решение о переводе Сахалина вместе с западной половиной Хоккайдо под прямое управление сёгуна. Вскоре японские чиновники предприняли попытку разорвать торговые связи сахалинских айнов с материком, выплатив в 1809–1812 гг. их долги, накопившиеся в ходе торговли, на общую сумму 5546 шкурок, и таким образом перевести айнское

¹ Браки лидеров местных общин с маньчжурскими женщинами повышали их статус и давали больше возможностей для торговли. Подробнее об этом см. (Сасаки 2008).

население юга Сахалина под свой контроль, что им в целом удалось завершить к концу 1810-х годов (Walker 2001: 150–153). Показательно, что второй из публикуемых ниже документов на маньчжурском языке датируется 1816 г. и таким образом является, вероятно, последним свидетельством контактов айнов Сахалина с цинской администрацией.

Документ № 1 впервые попал в поле зрения японских чиновников в конце XVIII в. Известный японский исследователь северных земель, чиновник военного правительства Могами Токунаи (1754–1836) увидел его во время своей экспедиции на Сахалин в 1792 г., скопировал и отвез копию документа в Эдо (Могами 1972: 468). Тогда же он, вероятно, передал Яэнкоорайну записку на японском языке, в которой сообщал об изготовленной копии и предписывал бережно хранить оригинал документа до последующих указаний от японского правительства. Могами Токунаи посетил Наёро еще раз в 1808 г. и тогда, по-видимому, дополнил или переписал свою предыдущую записку, добавив новую дату (документ № 5). Еще прежде этого маньчжурский текст документа Яэнкоорайну появился на страницах сочинения другого исследователя северных земель Кондо Дзюдзо (1771–1829) «Исследование размежевания приграничных земель по картам» (яп. *Хэнъё: бункай дзуко: 辺要分界図考*), составленного в 1804 г.².

Первый перевод маньчжурского документа на японский язык появился на страницах сочинения Мацумото Танэтика (1793–1841) «Записки о плавании по островам северных морей» (яп. *Хоккай ухакуки 北海鳥舶記*), а позже был включен в сборник документов о внешних отношениях правительства Токугава «Обзор внешних сношений» (яп. *Цу:ко: итиран 通航一覽*), составленный не позднее 1853 г. Также известно, что копию маньчжурского документа помещал в своем сочинении «Иллюстрированное описание северного Эдзо» (яп. *Кита эдзо дзусэцу 北蝦夷図説*) еще один известный исследователь Сахалина Мамия Риндзо (1780–1844) (Икэгами 1968: 179).

Согласно документу № 6, в 1832 г. маньчжурские документы, а также записку Могами Токунаи скопировал и отвез в Мацумаэ посетивший селение Наёро, вероятно, чиновник этого княжества по имени Эндо Сигэдзо (документ № 6 — это его записка, переданная айнскому старосте селения Сиротома — по-видимому, сыну Яэнкоорайну). Еще один исследователь северных земель Судзуки Сигэхиса (1818–1888) писал об увиденных им маньчжурских и китайских документах, а также записке Могами Токунаи во время посещения Наёро в 1854 г. в своем сочинении «Дневники Карафутто» (яп. *Карафутто никки 唐太日記*), опубликованном в 1860 г. Там же он разместил тексты китайских и японского документов, а также рисунок печати с маньчжурского документа. Наконец, документы № 12–13 свидетельствуют о том, что в 1861 г. документы копировал Могами Кумасабуро, а в 1862 г. — вассал княжества Аидзу Намма Цунанори (1823–1909).

Наконец, уже в начале XX в., после передачи южного Сахалина под власть Японской империи по результатам русско-японской войны, все вышеупомянутые документы (№ 1–13) были вновь обнаружены в селении Наёро на Сахалине. Оба маньчжурских документа были тогда же переведены на японский язык профессором Сиратори

² Маньчжурский текст документа № 1 помещен в третьем томе сочинения Кондо Дзюдзо (см., например, список из коллекции библиотеки Университета Васэда, шифр хранения ル 07 03365, URL: https://archive.wul.waseda.ac.jp/kosho/ru07/ru07_03365/ru07_03365_0002/ru07_03365_0002.pdf, л. 11–13 об.). Однако в опубликованном варианте сочинения Кондо Дзюдзо этот документ опущен (Кондо 1905: 28–29).

Куракити (1865–1942), а затем опубликованы вместе с китайскими документами и их переводами Огава Умпэй в его книге «Маньчжурия и Карафуто» (Огава 1910: 220–259). Он же впервые опубликовал и тексты японских документов в другой своей книге «Япония и материк» (Огава 1923). Наконец, в 1968 г. Икэгами Дзиро осуществил первую полную научную публикацию всех вышеупомянутых документов, в том числе их фотографии, а также латинскую транслитерацию маньчжурских текстов и их подстрочный перевод на японский язык (Икэгами 1968: 181–196).

Нижеследующий перевод маньчжурских текстов на русский язык выполнен А.А. Ильюховым по оригинальному тексту свитков, для справки также использовались латинская транслитерация текстов и перевод на японский язык, выполненный Икэгами Дзиро. Комментарии к переводу, касающиеся маньчжурских и китайских терминов и дат, выполнены А.А. Ильюховым, остальные — В.В. Щепкиным.

Документ № 1

Письмо из присутственного места-ямыни [при] помощнике военного губернатора-фудутуна³, представленное главе клана-хала Тоо⁴ [по имени] Окопио и главе деревни-гашань⁵ [по имени] Тусокурданги⁶. Ради доведения до сведения. В двенадцатый день третьего месяца⁷ из присутственного места-ямыни [при] военном губернаторе-цзянцзюне пришло письмо, [в котором] говорится: «С целью уведомления. Представленная [информация из] налогового управления [содержит следующее]: „Принято в первую декаду третьего месяца 40-го года [правления] Цяньлуна⁸. Письмо, посланное канцлером-дасюэзи, начальником императорских телохранителей Чжунъюн-гуном⁹,

³ Система управления Маньчжурией во время правления Цяньлуна (1735–1796) имела следующий вид: вся территория делилась на три провинции, во главе каждой из которых стоял военный губернатор-цзянцзюнь (кит. 將軍; маньчж. чжясянгюнь); один из них располагался в Мукдене, второй в Гирине, третий в Цзилинке. В свою очередь, маньчжурские провинции (маньчж. дэрги илань голо; кит. дун сань шэн 東三省) делились на военные округа под началом помощников военных губернаторов (маньчж. мээрэн-и чжсангин; кит. фу дутун 副都統). В представленном тексте речь идет о провинции Гирин, в которой находилось шесть военных округов с центрами в следующих городах: Гирин, Нингута, Бэдунэ, Илань, Алчука и Лалинь. Эти гарнизоны были ответственны за выполнение целого ряда задач: охрана фронтира с Россией, контроль над местными торговыми путями, привлечение местного населения на службу в знамённые войска, колонизация земель выходцами из пекинских знамённых, ведение контактов с народами бассейна Амура и Сахалина. Данное письмо было отправлено в присутственное место при помощнике военного губернатора в Илане, поскольку именно в его юрисдикцию входила связь с населением Сахалина (Дин 2003: 78–81).

⁴ Согласно примечанию Икэгами Дзиро, «Тоо» — вероятнее всего, имя нивхского клана (в документе № 3 на китайском языке такое же имя записано иероглифом 陶): Огава Умпэй, ссылаясь на сочинение Мамии Риндзо «Иллюстрированное описание северного Эдзо [Сахалина. — В.Щ.]», пишет, что такую фамилию носил нивх Торухэну из селения Итои.

⁵ Род-хала (кит. 哈拉) и деревня-гашань (кит. 嘎柵) представляли собой традиционные территориально-родственные объединения у чжурчжэней. При взаимодействии с народами северного фронтира цинская бюрократия использовала привычную им родоплеменную терминологию для лучшего понимания иерархии внутри местных сообществ (Лю 1995: 20–35, 46–57; Сасаки 2008: 66).

⁶ Икэгами Дзиро транскрибирует эти имена как «ок’обкио» и «тусокурдэнги», предполагая их айнское происхождение.

⁷ 11 апреля 1775 г. (здесь и далее даты переводятся в григорианский календарь).

⁸ 31 марта — 9 апреля 1775 г.

⁹ В представленном в письме периоде времени титулом Чжунъюн-гун (маньчж. тонъдо батуру гүн; кит. 忠勇公) обладал командир истинного белого знамени Фулунгань. В качестве канцлера

[содержит следующее:] „В пятый день первой декады второго месяца 40-го года [правления] Цяньлуна¹⁰ [император] своим указом доводит следующее: ‘Недавно Ли-дака из амурских нивхов¹¹, приезжающих в Пекин, скончался от оспы, и поскольку и раньше случались подобные случаи, судя по всему, все они [ранее] не переболели. Они приезжают с данью издалека ради получения жены и прибывают в столицу, где умирают от оспы, что весьма прискорбно. Поскольку от их родины до столицы дорога длинная, [по их прибытии] в Пекин зима [уже] заканчивается и наступает весна — [и как раз в это] время вспыхивает эпидемия, что для них не несет никакой пользы. Ввиду холодов в это время года было бы хорошо приглашать их чуть пораньше и как можно быстрее приводить [их] дела в порядок, а затем отсыпать [их к себе] обратно. С того момента, как это [письмо] при случае будет доставлено военному губернатору-цзянцзюню в Гирине, если [среди] амурских нивхов [найдутся] те, которые желают прибыть в Пекин с данью и получить жену, [ни в коем случае] не позволяйте им, как прежде, излишне задерживаться и отправляться в Пекин зимой. В любом случае, если кто поспеет к прохладному сезону седьмого, восьмого или девятого месяца, со стороны местных властей [надлежит] тут же без промедления подготовить для него жену в соответствии с законом, после чего пусть отправится обратно в свои земли. Если [поступить] так, для них самих будет огромная польза¹² — благоволено следуйте таким образом! Посему [письмо] с такими словами было отправлено¹³. Письмо [надлежит] доставить в присутственные места-ямынь [при] помощниках командира провинциальных гарнизонов в Илане и в Нингуте для вручения и оглашения амурским и сахалинским нивхам¹⁴. Впоследствии, если будут те, кто [пожелает поехать] в Пекин с данью для получения невесты, [пускай] непременно поспеют управить [дела] к восьмому или девятому месяцу, воспользовавшись прохладной порой, после чего пусть посылаются [обратно], о чем было подано донесение с представлением на утверждение¹⁵ — о чем и доводится до Вашего сведения». Поэтому, согласно указу, если среди вас, сахалинских нивхов, есть те, которые собираются прибыть с данью в столицу ради получения жены, пусть приезжают в Пекин пораньше, чтобы оказались там в прохладное время седьмого, восьмого или девятого месяца. Посему [указ] доводится до сведения.

20-й день третьего месяца 40-го года [правления] Цяньлуна¹³.

(маньчж. алиха битхэи да; кит. дасюэши 大學士) в его обязанности входило обнародование императорских указов; будучи начальником императорских телохранителей, он имел прямой доступ к монарху. В тексте указана лишь малая часть должностей Фулунгана; для лучшего понимания контекста важно отметить, что он возглавлял палату внешних сношений (маньчж. тулэрги голо бэ дасара чжургань; кит. лифанъюань 理藩院), ответственную за контакты с северными территориями (Hum-mel 1943: 259–260).

¹⁰ 6 марта 1775 г.

¹¹ В маньчжурском оригинале «хэже fiyaka». Согласно комментарию Икэгами Дзиро, под словом «fiyaka» понимались нивхи, в то время как слово «хэже» восходит к самоназванию одной из групп нанайцев (гольдов). Поскольку в сочетании «хэже fiyaka» слово «хэже» стоит в позиции определения, вероятно, здесь оно употреблено для уточнения географической принадлежности нивхов. Таким образом, «хэже fiyaka» здесь означает «амурские нивхи».

¹² В маньчжурском оригинале «киуе fiyaka». Слово «киуе», очевидно, восходит к экзониму айнов «куи» (у нивхов, орочей и др.). Сочетание «киуе fiyaka» таким образом может означать или собственно айнов, или «йинских нивхов», т.е. сахалинских нивхов. Вероятно, представители цинской администрации не разделяли сахалинских нивхов и айнов, считая их принадлежащими к одному роду (хала), в данном случае Тоо.

¹³ 19 марта 1775 г.

Документ № 2

Командир роты-ниру чжсангинь¹⁴ Нэйбунгэ, прибывший в 21-й год [правления] Цзяцина¹⁵ [с целью] пожаловать дарами нынешнего главу рода-хала [по имени] Сирэтумайну¹⁶, [который] наследовал [по праву своего происхождения] первопредкам [по имени] Йочидану¹⁷ и Янгурану¹⁸, вверил [главе рода следующее поручение]: Если люди с Сахалина прибывают без этого заверенного документа, глава рода не [имеет права] носить служебное [одеждие]. По прибытии переводчика [по фамилии] Я этот документ был заверен печатью.

25-й день шестого вставного месяца¹⁹.

Литература

- Дин 2003 — *Дин Ичжуан* 定宜庄. Цин дай ба ци чжуфан яньцзу 清代八旗驻防研究 [Исследование восьмизнамённых гарнизонов эпохи Цин]. Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2003.
- Икэгами 1968 — *Икэгами Дзиро* 池上次郎. Карафуто-но Наёро мондэй-но мансю:буин 権太のナヨロ文書の満州文 [Маньчжурские тексты «Документов из Наёро на Карафуто»] // Хоппо: бунка кэнку: 北方文化研究 [Исследования северных культур]. 1968. № 3. С. 179–196.
- Кайхо 1990 — *Кайхо Минэо* 海保嶺夫. Хоппо: ко:еки то тю:сэй эдзо сякай 北方交易と中世蝦夷社会 [Северная торговля и общество айнов в Средние века] // Нихонкай то хоккоку бунка: уми то рэтто: бунка 日本海と北国文化: 海と列島文化 [Японское море и культура северных провинций: культуры моря и архипелага] / Под ред. Амино Ёсихико. Токио: Сё:гакукан, 1990.
- Кондо 1905 — *Кондо Дзюдзо* 近藤重蔵. Хэнъё: бункай дзукю: 辺要分界図考 [Исследование по картам размежевания в приграничных землях] // Кондо: Сэйсай дзэнсю 近藤正斎全集 [Полное собрание сочинений Кондо Сэйсай]. Т. 1. Токио: Кокусё канко:кай, 1905.
- Лю 1995 — *Лю Сяомэн* 刘小萌. Маньцзу дэ було юй гоцза 满族的部落与国家 [Племена и государство маньчжуков]. Гирин: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995.
- Лю 2008 — *Лю Сяомэн* 刘小萌. Цин дай Бэйцзин цижэнь шэхуэй 清代北京旗人社会 [Общество пекинских знамённых эпохи Цин]. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2008.
- Мамия 1990 — [Мамия Риндзо]. Описание Северного Эдзо, сделанное Мамия Риндзо / Пер. [с англ.] В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2. С. 85–130.

¹⁴ Рота-ниру являлась наименьшим подразделением в составе восьмизнамённой системы. Количество бойцов в составе таких рот сильно различалось; согласно указу Нурхаци от 1601 г., в одной роте рекомендовалось содержать порядка 300 бойцов. Во главе роты изначально стоял ниру эчжэнь, которого впоследствии сменил ниру чжсангинь (Лю 2008: 12).

¹⁵ 1816 г.

¹⁶ В документе № 3 упоминается сахалинский айн «Сиротома». В третьем томе сочинения Мацуда Дэндзюро «Рассказы о северных варварах» упоминается «Сиротомаино», который назван младшим братом Яэнкуруаину (Мацуда 1969: 109) и, по-видимому, был его преемником в качестве признанного цинской администрацией «старейшины деревни» Наёро. Мамия Риндзо в сочинении «Иллюстрированное описание северного Эдзо» прямо называет его «ка:сингта» (гашань-и-да), т.е. старостой селения Наёро (Мамия 1990: 128–129).

¹⁷ По-видимому, упоминается Могами Токуна как получивший от маньчжурских чиновников китайализированное имя «Ётютэй» (кит. «Янчжунчжэнь» 揚忠貞). Мамия Риндзо называет его сыном «Яэнхиракан», старости Наёро, по имени «Ё:титэаину».

¹⁸ Очевидно, Яэнкораину, староста селения Наёро, преемник Ётитэаину и предшественник Сиротомаину, по имени которого называются все упомянутые в статье документы.

¹⁹ 18 августа (1816 г.).

Мацуда 1969 — *Matuda Denzuro* 松田伝十郎. *Hokuidan* 北夷談 [Рассказы о северных варвалах] // Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй 日本庶民生活史料集成 [Собрание источников о жизни простого народа Японии]. Т. 4. Токио: Санъити сёбо:, 1969. С. 77–175.

Могами 1972 — *Mogami Tokunai* 最上徳内. Эдзо со:си ко:хэн 蝦夷草紙後編 [Продолжение айнских тетрадей] // *Hokumon* со:сё 北門叢書 [Библиотека Севера]. Т. 5. Токио: Кокусё канко:кай, 1972. С. 447–479.

Огава 1910 — *Ogawa Umpei* 小川運平. Мансю: оёби Карапуто 滿州及樺太 [Маньчжурия и Сахалин]. Токио: Хакубункан, 1910.

Огава 1923 — *Ogawa Umpei* 小川運平. Ниппон то тайрику 日本と大陸 [Япония и материк]. [Осака]: Хокусин гаккай, 1923.

Сасаки 2008 — *Sasaki Ciro*. Межэтнические браки коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 64–74.

Hummel 1943 — *Hummel A.W.* (ed.). *Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912)*. Vol. I: A–O. Washington: United States Government Printing Office, 1943.

Stephan 1971 — *Stephan J.J.* Sakhalin: A History. Oxford: Clarendon Press, 1971.

Walker 2001 — *Walker B.L.* The Conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion 1590–1800. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001.

References

Ding Yizhuang 定宜庄. *Qing dai ba qi zhufang yanju* 清代八旗駐防研究 [A Study of the Eight Banner Garrisons of the Qing Dynasty]. Shen'yang: Liaoning minzu chubanshe, 2003 (in Chinese).

Hummel, Arthur W. (ed.). *Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912)*. Vol. I: A–O. Washington: United States Government Printing Office, 1943 (in English).

Ikegami Jiro 池上次郎. “Karafuto-no Nayoro monjo-no manshubun” 樺太のナヨロ文書の満州文 [Manchurian Texts of “Karafuto Nayoro Documents”]. *Hoppo bunka kenkyu* 北方文化研究 [Studies of Northern Cultures], 1968, no. 3, pp. 179–196 (in Japanese).

Kaiho Mineo 海保嶺夫. “Hoppo koeki to chusei ezo shakai” 北方交易と中世蝦夷社会 [Northern Trade and Ainu Society in the Middle Ages]. In: *Nihonkai to hokkoku bunka: umi to retto bunka* 日本海と北国文化: 海と列島文化 [The Japan Sea and Northern Provinces Culture: Maritime and Archipelago Cultures]. Ed. by Amino Yoshihiko. Tokyo: Shogakukan, 1990 (in Japanese).

Kondo Juzo 近藤重蔵. *Hen'yo bunkai zuko* 邁要分界図考 [Study Based on Maps of Demarcation in Borderlands]. Kondo Seisai zenshu 近藤正斎全集 [A Complete Set of Works by Kondo Seisai]. Vol. 1. Tokyo: Kokusho kankokai, 1905 (in Japanese).

Lu Xiaomeng 刘小萌. *Manzu de buluo yui guojia* 满族的部落与国家 [Tribes and the State of the Manchus]. Girin: Jilin wenshi chubanshe, 1995 (in Chinese).

Lu Xiaomeng 刘小萌. *Qing dai Beijing qiren shehui* 清代北京旗人社会 [The Beijing Banner Society of the Qing Dynasty]. Beijing: Zhungguo shehui kexue chubanshe, 2008 (in Chinese).

Matsuda Denjuro 松田伝十郎. “Hokuidan” 北夷談 [Tales of the Northern Barbarians]. In: *Nihon shomin seikatsu shiryo shusei* 日本庶民生活史料集成 [A Collection of Sources about the Lives of Ordinary People in Japan]. Vol. 4. Tokyo: San'ichi shobo, 1969, pp. 77–175 (in Japanese).

Mogami Tokunai 最上徳内. “Ezo soshi kohen” 蝶夷草紙後編 [The Continuing of the Ainu Notebooks]. In: *Hokumon soshō* 北門叢書 [The Northern Library]. Vol. 5. Tokyo: Kokusho kankokai, 1972, pp. 447–479 (in Japanese).

Огава Умpei 小川運平. *Manshu oyobi Karafuto* 滿州及樺太 [Manchuria and Sakhalin]. Tokyo: Hakubunkan, 1910 (in Japanese).

Огава Умpei 小川運平. *Nippon to tairiku* 日本と大陸 [Japan and the Continent]. [Osaka]: Hokushin gakkai, 1923 (in Japanese).

“Opisanie Severnogo Ezo, sdelannoe Mamiya Rinzo” [A Description of Northern Ezo Made by Mamiya Rizo]. Translated [from English] by V.V. Pereslavtsev. *Kraevedcheskii Bulletin'*, 1990, no. 2, pp. 85–130 (in Russian).

- Sasaki Shiro. "Mezhetnicheskiye braki korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina" [Interethnic Marriages of Indigenous Peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region]. 2008, no. 2, pp. 64–74 (in Russian).
- Stephan, John J. *Sakhalin: A History*. Oxford: Clarendon Press, 1971 (in English).
- Walker, Brett L. *The Conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion 1590–1800*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001 (in English).

Documents in Manchu on the Relations of the Sakhalin Ainu with the Qing Empire in the 18–19 Centuries from the Hokkaido University Collection

Vasilii V. SHCHEPKIN

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Aleksandr A. ILIUKHOV

Institue of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 18.06.2025.

Abstract: The article introduces into scholarly circulation a Russian translation of two Manchu documents related to the contacts of the Sakhalin Ainu with the administration of the Qing Empire in the late 18th and early 19th centuries. It also describes the history of these documents and their study by Japanese researchers, as well as the historical context of their appearance. Data are provided on the place of the Sakhalin Ainu in the system of trade relations in Northeast Asia in the specified period.

Key words: Qing Empire, Sakhalin, Ainu, Manchus, Primorye.

Acknowledgements: The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00764 (<https://rscf.ru/en/project/24-28-00764/>).

For citation: Shchepkin, Vasilii V. & Iliukhov, Aleksandr A. "Documents in Manchu on the Relations of the Sakhalin Ainu with the Qing Empire in the 18–19 Centuries from the Hokkaido University Collection". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 114–123 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691524.

About the author: Vasilii V. SHCHEPKIN, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (vshepkin@gmail.com). ORCID: 0000-0003-0007-1143.

Aleksandr A. ILIUKHOV, Junior Researcher, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alexsmol96@gmail.com). ORCID: 0000-0002-4169-9052.

М. Руджиери: жизнеописание иезуита-миссионера

Н.Г. ПЧЕЛИН

Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO692197

Статья поступила в редакцию 02.06.2025.

Аннотация: В статье представлены сведения о жизни и разносторонней деятельности известного в мировом китаеведении миссионера-иезуита, китаиста и картографа, автора-составителя общего «Атласа Китая» Мишеля Руджиери (1543–1607). На примере составленной им подробной карты о-ва Хайнань показан процесс его глубоких исследований географии, внутренней политики и этнографии современного ему Китая.

Ключевые слова: Китай, Хайнань, Миссия Иезуитского ордена, провинция Гуандун.

Для цитирования: Пчелин Н.Г. М. Руджиери: жизнеописание иезуита-миссионера // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 124–131. DOI: 10.55512/WMO692197.

Об авторе: ПЧЕЛИН Николай Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Сектор Дальнего Востока, Отдел Востока, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия) (ng.pchelin@mail.ru).

© Пчелин Н.Г., 2025

Прекрасной Т.А. Пан посвящается

В мировом китаеведении, понимаемом как бесконечный процесс изучения древнейшей на Земле, живой и уникальной китайской цивилизации, есть знаковые личности, навсегда оставшиеся непревзойденными исследователями феномена и тайн владений Дракона.

Одним из таких подвижников был Мишель Руджиери (1543–1607), виднейший представитель западноевропейской цивилизации. Ее лучшие деятели, вырвавшись за пределы западной оконечности Евразийского материка, развернули борьбу за контроль над новыми землями и морским пространством. Первый раздел мира, оформленный международными Тордесильяским (1494) и Сарагосским (1529) договорами, создал уникальную geopolитическую ситуацию — океаническое пространство формально оказалось в монопольном владении Португалии и Испании, которые первыми вступили на путь колониальной экспансии. Здесь тенденции цивилизационного раз-

вития определялись в первую очередь способностью властей управлять вооруженными силами и проводить захват территорий других государств. В том числе, и для этого в испанской и португальской империях был создан мощный военно-политический инструмент в поддержку духовной и светской власти, получивший название Иезуитский орден. Однако в ходе исторического развития стало понятно, что испанская и португальская империи, представлявшие собой закрытые колониальные системы, оказались не в состоянии обеспечить достаточный контроль над всем «захваченным» пространством. Последнее обстоятельство и обусловило формирование особых периферийных колониальных зон, открытых для конкурентного проникновения.

На помочь властям этих империй встают лучшие представители Общества Иисуса. Отличаясь строжайшей дисциплиной, целеустремленностью, полным пренебрежением к собственной жизни, иезуиты своим появлением сначала на юге Китая открыли качественно новый этап в истории деятельности европейцев, и миссионеров в частности, в этой стране. Хорошо нравственно и физически подготовленные, с глубокими знаниями достижений европейской науки в самых разных областях, члены Общества Иисуса долго и настойчиво доказывали эlite Китая необходимость и важность своего присутствия там. Они первыми, осознав первостепенность скорейшего преодоления языковых барьеров, сумели и в Европе организовать в сравнительно короткие сроки языковую и культурологическую подготовку новых членов Миссии Иезуитского ордена в Китае. В результате, приезжая в Поднебесную, новые иезуиты-миссионеры уже были знакомы с азами китайского языка, культурой и народными обычаями. Благодаря такой тактике именно иезуиты познакомили элиту Китая с европейскими научными и культурными достижениями, а Европу — с загадочной китайской цивилизацией.

Годом начала работы в Поднебесной империи (Le P. Louis Pfister. S.J. 1932) Миссии Иезуитского ордена традиционно считается 1579-й, первый год деятельности иезуита, итальянца А. Валиньяно (1539–1606). Будучи великолепным организатором, А. Валиньяно определял направленность усилий коллектива Миссии Иезуитского ордена на территории Китая в конце XVI в. В 1583 г. в Аомэнь прибывает Маттео Риччи (1551–1610). Вместе с М. Риччи в первом составе Миссии иезуитского ордена в Китае работали иезуиты: Ф. Пазио (1582–1612), А. Алмейда (1585–1591), Э. де Санди (1585–1600), Ф. де Петрис (1590–1593), Л. Каттанео (1594–1640), Д. Суериу (1595–1607), Н. Лонгобарди (1597–1654), Д. ди Роша (1598–1623), Д. де Пантоха (1599–1618), Э. Диаш (1601–1639), Г. Ферейра (1604–1649), П. Рибейру (1604–1640), Б. Тедеск (1604–1609), Ж. Родригиши (1605–1630), Ф. да Силва (1605–1614), А. Ваньони (1605–1640), Б. ди Гойш (1605–1607), Э. Переира (1605–1630), А. Лейтао (1605–1611), С. Де Урсис (1606–1620).

Отметим, что, как видно из этого списка, заметную роль в процессе освоения Китая католическими миссионерами сыграли иезуиты португальской национальности. Начиная с Бенедито ди Гойша (1562–1607), его последователи родом из Португалии неизменно были активными участниками разных предприятий Миссии. Но представители Италии от них не отставали.

В этой плеяде подвижников католической церкви особо следует выделить итальянца по происхождению иезуита Мишеля Руджиери (1543–1607), также члена Миссии Иезуитского ордена в Китае. Он родился в г. Спинацзола, епархия Веноза, расположеннем на юге Италии. В неаполитанском королевстве при дворе он занимал

должность доктора права. В 29 лет, в октябре 1572 г. он вступил в ряды Общества Иисуса, а в марте 1578 г. был возведен в сан священника. Чувствуя призвание к миссионерской деятельности, он получил от своего руководства разрешение на отъезд в Индию еще до окончания курса теологии. В конце марта 1578 г. вместе со святыми отцами Р. Аквавивой, Ф. Пацио, М. Риччи и Н. Спинолой он отправился в Лиссабон. Впоследствии все эти люди стали гордостью Иезуитского ордена, прославив на века достижения Миссии в Китае. Уже в июле 1579 г., после посещения Гоа, он прибыл в Аомэнь. По прибытии выяснилось, что его непосредственный начальник А. Валиньяно только что уехал и оставил для М. Руджиери подробные наставления, которые были учтены в дальнейшей работе. Помня о долгे послушания, молодой, начинающий миссионер был охвачен стремлением исполнять все требования до последней буквы. С этого момента его ничто не могло остановить в намерениях осуществлять меры по спасению будущих неофитов при обращении в лоно католической церкви. Для этого была необходима очень серьезная подготовка, и на этом этапе поддержку ему оказал отец Гомес. Вернувшись из небольшой поездки по Китаю, А. Валиньяно много работал с М. Руджиери над расширением разнообразных контактов иезуитов с китайской интеллигенцией.

М. Руджиери пришлось столкнуться с трудностями из-за своих взаимоотношений с руководством Иезуитского колледжа в Аомэне. Считалось, что он никогда не сможет свободно говорить на китайском языке и принимать непосредственное участие в миссионерской работе. На его защиту встал А. Валиньяно. Он написал руководству Иезуитского колледжа в Аомэне обращение, в котором потребовал не отвлекать М. Руджиери от исполнения порученного ему дела — тщательной подготовки к миссионерской деятельности. Благодаря стараниям А. Валиньяно первым преподавателем для М. Руджиери стал один из местных китайских художников. С кистью в руках этот китаец настойчиво объяснял молодому европейцу значение и силу уникальных тоновых особенностей своего языка. Усердие и целеустремленность ученика сделали свое дело. Как только М. Руджиери поверил, что у него сложилось достаточное представление о правильности своего произношения, он задумал и разработал маршруты нескольких поездок из Аомэня на север, в глубь материка. Кроме этого, важным решением стало возможное расширение собственных контактов с местным чиновничеством. Получив информацию от своих преподавателей о существовании и широком использовании в государственных документах и специальной литературе особой разновидности вэньяня — письменного языка чиновников, талантливый ученый из Италии предпринял все меры к изучению и освоению этого языкового явления и решил использовать любые возможности. Дважды в год иезуитам разрешалось посещать пригороды Гуанчжоу. М. Руджиери воспользовался этими обстоятельствами, чтобы свести знакомства с несколькими чиновниками. Затем он написал прошение руководству с целью испросить разрешение тратить значительно больше времени на тесное общение с новыми друзьями. При этом в прошении он указывал, что никогда не забудет о тех обязательствах, которые давал Богу, — каждый день приносить Господу истинную жертву. В 1580 г. эта просьба начальством была оценена как справедливая и воспринята хорошо. А чиновникам г. Гуанчжоу было лестно видеть перед собой европейца, который прикладывает все усилия для изучения и последующего использования именно их письменных языковых формул. М. Руджиери не только глубоко изучил материал, но и смог общаться в письменной и устной форме на этом сложном для европейца, наречии. Для ускорения процесса обучения ему было разрешено ме-

стными властями разместиться в здании, предназначенном для проживания членов дипломатической миссии государства Сиам. Эта дипломатическая миссия ранее отправилась в Пекин. Такая благосклонность со стороны властей сразу же была отмечена китайцами, проживавшими в Аомэне. Многие из них с течением времени стали высказывать желание ближе познакомиться с христианством и даже принять крещение. В дни своего пребывания в Аомэне М. Руджиери дарил всю свою заботу и добруту тем, кто ему поверил и стал неофитом в этом гостеприимном доме.

Полное подтверждение своих догадок о важности хорошего владения официальным наречием китайского языка М. Руджиери получил осенью 1582 г., когда ему по необходимости пришлось участвовать в официальных переговорах с китайскими государственными служащими высокого ранга, посвященных статусу членов Миссии Иезуитского ордена, проживавших и работавших в провинции Гуандун. Как это часто бывает, и не только в Китае, все споры и распри между чиновниками на самых разных уровнях были успешно разрешены с помощью богатых подарков, поднесенных в оговоренное время и в тихой обстановке. В этой цепочке неофициальных мероприятий основным стало торжественное вручение 18.XII.1582 наместнику императора Китая в провинции Гуандун привезенных из Европы часов-курантов в золоченом корпусе, которое осуществил М. Руджиери вместе с иезуитом Пацио от имени коллектива Миссии Иезуитского ордена в Китае. Они оба 27.XII.1582 получили давно ожидаемое, письменно подтвержденное право остаться в буддийском храме восточного пригорода г. Гуанчжоу. Как считается историками Миссии, это была первая неофициальная резиденция Миссии Иезуитского ордена в Китае.

Под руководством А. Валиньяно М. Руджиери добился заметных успехов в общении с местным населением и чиновниками, налаживая различные контакты. Ему удалось добиться разрешения посещать населенные пункты в провинции Гуандун, где он проявлял активность как ученый-миссионер. Будучи целеустремленным человеком, М. Руджиери настойчиво изучал китайский язык — как разговорный, так и письменный. Постепенно, по прошествии небольшого количества времени он смог понимать разговорный язык, частично читать и понимать несложные, небольшие тексты. Всё это сделало для него возможным переводить на итальянский язык некоторые главы из произведений конфуцианских классиков. Своим трудолюбием он снискнул глубокое уважение своих китайских друзей, оценивших его лингвистические способности и энтузиазм как ученого. Постигая специфику обстановки на юге Китая, в отличие от М. Риччи, М. Руджиери начал обдумывать для себя возможность всесторонне ознакомиться с идеями и практиками буддистов. Как талантливый исследователь, М. Руджиери надеялся, что это поможет ему как в дальнейшем изучении страны пребывания, так и в миссионерской практике — для понимания менталитета жителей Китая.

При разборе современными исследователями обширного личного архива М. Руджиери среди сочинений были обнаружены его многочисленные письма и другие личные документы. Один из них наиболее ценен со многих точек зрения — это список коротких вопросов и ответов, связанных с миссионерской работой М. Руджиери на юге Китая. Ценным и важным этот документ представляется потому, что показывает, как мучительно трудно было для иезуитов из первого состава Миссии Иезуитского ордена в Китае подобрать «правильные слова» на новом для них тоном китайском языке и найти «нужный тон», что было необходимо для объяснения и передачи сущности и основных идей католицизма не только ученым-книжникам с широ-

кими духовными устремлениями из числа китайской интеллигенции, но и торговцу или рыбаку, к примеру, на прибрежном рынке о-ва Хайнань.

Настал момент указать на то, что главным достижением в жизни выдающегося китаеведа М. Руджиери, оставившего яркий след в истории изучения Китая, является составление «Атласа Китая». Началом этой огромной работы стала подготовка за относительно небольшой срок подробной карты о-ва Хайнань. М. Руджиери не был первым европейским автором, собиравшим разнообразную информацию об этом острове и прилегающих к нему морских районах.

В XIV–XVI вв. из бухт континентальной части Юго-Восточной Азии корабли достигали южного побережья Китая, следуя вдоль южной и восточной береговой линии о-ва Хайнань, направляясь в порты китайских провинций Гуандун и Фуцзянь. Даже когда знаменитый Чжэн Хэ (1351–1433) и другие придворные евнухи вели большие флотилии к берегам Юго-Восточной Азии, в порты по берегам Индийского океана, в Персидский залив и бухты Восточной Африки, Хайнань оставался в тени товарных потоков большого масштаба. Очень редко корабли бросали якорь в бухте г. Вэнъчан и других значительных портах о-ва Хайнань, что объяснялось слабым до определенного времени экономическим развитием острова. До конца правления династии Юань, 60-х годов XIV в., экономика острова находилась на зачаточном уровне. От пристального внимания М. Руджиери не ускользнули тексты на китайском языке, содержащие короткие описания жизни и торговли в это время. С приходом во власть чиновников следующей династии Мин в 1368 г. сельскохозяйственная продукция о-ва Хайнань была задействована в международной торговле этого южного региона.

В рамках дальнейшего экономического курса правительства династии Мин, как выяснил М. Руджиери, происходит активизация нелегальных частных торговцев, которых современные исследователи в XXI в. прямо называют бандитами. По его заключению, источники, датируемые временем правления династии Мин, более детально описывают географическое положение и текущую обстановку на интересующем М. Руджиери о-ве Хайнань, нежели более ранние китайские работы на эту тему. В руках этого иезуита оказалась и наиболее ранняя, сохранившаяся локальная китайская хроника, достаточно полно описывающая ситуацию на о-ве Хайнань. Хроника под названием “Qiong tai zhi” («Подробное описание округа Цюн на острове Хайнань») была создана в период правления императора династии Мин У-цзуна (1506–1521). Для столь дотошного европейского исследователя она оказалась чрезвычайно важной. Ее автором среди прочей нужной информации были включены подробные заметки о городах и деревнях на о-ве Хайнань, о демографии и административном устройстве, о системе береговой обороны, количестве и состоянии храмов, других больших зданиях, размещении школ, об ученых, работающих на острове, его флоре и фауне. В этой книге, к счастью миссионера, нашлись сведения о продаваемых домашних и морских продуктах, существующих ремеслах и других интересных для европейца вещах.

В хронике было отмечено, что Хайнань регулярно встречается на ранних европейских картах. Здесь подчеркивалось, что эти ранние картографические описания о-ва Хайнань часто имеют сходство с изображениями, датируемыми второй половиной времени правления династии Юань и первыми годами правления династии Мин. На ранних китайских картах передко Хайнань имеет ровную овальную форму и располагается близко к побережью провинции Гуандун. В нескольких случаях остров предстает «врезанным» в сложную береговую линию этой провинции. При этом ост-

ров изображался то слишком маленьким, то длиннее, чем на самом деле. М. Руджиери был удивлен тем, что на нескольких китайских картах Хайнань был изображен в составе цепочки островов, которая заканчивается около устья р. Жемчужная.

Как отмечает М. Руджиери, картографические описания этого района далеко не всегда были плохими. Он сумел поработать с вполне реалистичными описаниями о-ва Хайнань, недостатками которых оказались срезанные или закругленные углы основной береговой линии. Обозначение расположения портов и удобных бухт при проверке на местности оказалось правильным. Тщательное изучение и сопоставление многочисленных картографических материалов позволило М. Руджиери дополнитель-но перепроверить полученные сведения для размещения их в его «Атласе Китая».

Среди наиболее ранних некитайских картографических письменных источников, которые могли оказаться в распоряжении М. Руджиери, с подтвержденными или, возможно, опосредованными картографическими описаниями о-ва Хайнань, следует отметить несколько средневековых персидских и арабских карт. Фундаментом для картографической деятельности М. Руджиери на юге Китая также послужили труды на португальском языке, авторами которых были Кристов Виейра и Васко Кальво. Их работы содержали много подробностей, что свидетельствует о том, что авторы добывали информацию непосредственно на местах, будучи заинтересованными в ее точности. К. Виейра и В. Кальво не только собрали сведения по картографии о-ва Хайнань, но и узнали о многих фактах из истории и современной жизни на острове. Эти двое исследователей из состава Миссии Иезуитского ордена в Китае стали обладателями существенных и разнообразных подробных данных об административной структуре на острове, предлагаемых товарах на местных рынках, пригодных для вывоза за его пределы. Кроме того, К. Виейра начал изучение местной фауны с целью оценить возможность использования части ее представителей для различных нужд. В частности, его внимание привлекли лошади небольших размеров, несколько табунов которых обитали здесь. Такие лошади были удобны для перевозки на парусниках, неприхотливы и не требовали много корма.

В работе, сделанной В. Кальво, наиболее важными для М. Руджиери были сведения, которые этот иезуит собрал, изучая оборонительную систему о-ва Хайнань. В. Кальво писал, что данная система слаба и ненадежна и может быть легко преодолена десантом с кораблей. В своих пояснениях он делал вывод о возможности завоевать остров для Португалии, использовав для такой экспедиции сравнительно небольшое количество военных кораблей и пехотинцев. Выгодное географическое положение по отношению к популярным морским торговым путям в то время способствовало разработке планов по его дальнейшему освоению европейцами.

В распоряжении М. Руджиери и других членов Миссии Иезуитского ордена оказались и другие материалы, документы и письменные источники, предоставившие иезуитам разнообразную информацию о бухтах, городах и жизни населения на острове. Продолжив исследования и подведя промежуточные итоги, М. Руджиери и его коллеги были вынуждены признать, что в сложившейся ситуации, когда войска Португалии фактически распылены по небольшим портам вдоль берегов Индийского океана и основные усилия направлены на удержание и укрепление Гоа, захват о-ва Хайнань невозможен. Кроме того, неожиданно М. Руджиери получил известие о пленении В. Кальво и К. Виейры китайскими властями на территории провинции Гуандун. Через некоторое время от пленников пришло письмо, в котором они просили предпринять меры для их освобождения и выражали надежду на скорое начало

строительства крепости на Дальнем Востоке как оплота для европейцев, которые готовы работать в местных условиях.

Оценив сложившиеся условия для работы и поняв, насколько ценными сведениями он располагает, М. Руджиери с утробенной силой принялся обрабатывать картографические, экономические и политические тексты, в том числе и на китайском языке, необходимые при подготовке обзоров и составлении большого «Атласа Китая». Он был нацелен в первую очередь на изучение материалов и фиксацию результатов своей работы, если использовать современный термин, по политической географии о-ва Хайнань и Китая в целом. М. Руджиери были интересны этнографические особенности городов, разметка административных границ на о-ве Хайнань и провинций материкового Китая, глубина рек и количество мостов на них, состояние береговых линий острова и материка напротив этого острова. Он отметил на своих картах 13 городов и в специальных таблицах представил их состояние и значимость для экономики острова. Не забыл показать расположение военных баз и складов, оценив их значимость в условиях военных конфликтов. При этом становится понятным, что М. Руджиери оценивает и лично перепроверяет те сведения, которые были получены благодаря работам его предшественников — Кальво и Висейры. Предметом изучения для этого талантливого ученого стали картографические особенности равнин, а добывшие сведения о равнинах он тщательно сравнивал с сеткой основных топографических реперов, которая заранее была перепроверена его предшественниками из Миссии Иезуитского ордена. Снова и снова он сопоставлял и дополнял собранные сведения о флоре и фауне острова, о производимых продуктах питания и товарах, предназначенных для дальнейшей переработки, а также отмечал постепенное совершенствование системы торговли, связанной с поставками на материк. Результаты работы он подробно отразил на страницах составленного им «Атласа Китая». Например, удивляет наличие в «Атласе Китая» списка имен современных М. Руджиери чиновников действующей на острове администрации. «Атлас Китая» содержит не только подробные карты о-ва Хайнань и других частей китайской территории, но и раздельные описания местных топонимов, снабженных основными географическими координатами. Выдающимся результатом его трудов стал подробный географический обзор всей территории Китая.

На примере о-ва Хайнань легко проследить и оценить масштабы проделанной М. Руджиери работы. В его «Атласе Китая» остров представлен на шести листах, где на каждом имеются различия в конфигурации береговой линии, а также обозначены разные местные топонимы. Из этого следует, что автор стремился пользоваться не только традиционными китайскими картами, но и добывал любую ценную информацию о конкретном месте из всех доступных источников. Сведения брались не только в книгах и письменных документах, но и в ходе длительных поездок по о-ву Хайнань, в разговорах с местными жителями, при осмотре местных достопримечательностей.

Отметим, что отдельные разделы «Атласа Китая» М. Руджиери (Ptak Roderich 2014) снабжены дополнительными очерками, а часть представляют собой полностью законченные картографические произведения. Такие различия обусловлены использованием автором большого количества морских карт и карт береговой линии Поднебесной. Создается впечатление, что к моменту издания «Атласа Китая» не все картографические источники были полностью изучены из-за их большого количества.

С точки зрения многих пользователей, «Атлас Китая», созданный М. Руджиери, во многом превосходит по своему качеству знаменитый «Атлас мира» М. Риччи. В первую очередь из-за того, что «Атлас мира» М. Риччи издан в значительно более крупном масштабе. «Атлас Китая» М. Руджиери является первой работой европейского автора, где представлен структурированный образ Поднебесной. Это хорошо видно на примере картографирования о-ва Хайнань, многоплановым изучением которого М. Руджиери специально занимался в целях использования в системе международной торговли.

Литература

- Le P. Louis Pfister. S.J. 1932 — *Le P. Louis Pfister. S.J. Notices Biographiques et Bibliographiques sur les Jesuites de l'Ancienne Mission de Chine. 1552–1773*. Chang-hai, 1932. No. 7. P. 15–21.
- Ptak Roderich 2014 — *Ptak Roderich. Notes on Ruggieri's Chinese Atlas: Observations on the Products of Hainan // Zhong ditu ji* (Географический Атлас Китая). Instituto Cultural do Governo da R.A.E. de Macau. Macao, 2014. P. 8–29.

References

- Le P. Louis Pfister. S.J. *Notices Biographiques et Bibliographiques sur les Jesuites de l'Ancienne Mission de Chine. 1552–1773*. Chang-hai, 1932, no. 7, pp. 15–21 (in French).
- Ptak Roderich. “Notes on Ruggieri's Chinese Atlas: Observations on the Products of Hainan”. In: *Zhong ditu ji [Geographical Atlas of China]. Instituto Cultural do Governo da R.A.E. de Macau. Macao*, 2014, pp. 8–29 (in English).

M. Ruggieri: A Jesuit Missionary's Biography

Nicolas G. PCHELIN

State Hermitage Museum
St. Petersburg, Russian Federation

Received 02.06.2025.

Abstract: This publication presents some data on the life and multifarious activity of M. Ruggieri (1543–1607), a Jesuit missionary and an eminent cartographer and researcher of China, widely known in international Sinological community. It also demonstrates, using his detailed map of Hainan island as an example, the process of his profound research into the geography, home policy and ethnology of China of his time.

Key words: China, Hainan, Jesuit Order Mission, Guangdong province.

For citation: Pchelin, Nicolas G. “M. Ruggieri: A Jesuit Missionary's Biography”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 124–131 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692197.

About the author: Nicolas G. PCHELIN, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Far East Sector, Oriental Department, State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russian Federation) (ng.pchelin@mail.ru).

Источники жизнеописания Куан Юя в рукописи «Ле сянь чжуань» из собрания ИВР РАН

А.Э. ТЕРЕХОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691504

Статья поступила в редакцию 30.06.2025.

Аннотация: В данной публикации ставится вопрос об источниках биографии Куан Юя, включенной в состав рукописи «Ле сянь чжуань» («Выстроенные по порядку предания о бессмертных») из собрания ИВР РАН. За счет обращения к более ранним собраниям даосской агиографии и еще одному содержащемуся в рассматриваемом манускрипте жизнеописанию, героем которого является другой персонаж — Лю Юэ, удалось установить, что текст стал результатом слияния двух текстов из сборника «Ле сянь цюань чжуань» (1600): один из них, достаточно короткий, посвящен Куан Юю, а другой, более просторный — Лю Юэ и его встрече с персонажем по имени Куан Сюй. Таким образом, во включенном в рукопись жизнеописании были объединены истории двух персонажей — Куан Юя и Куан Сюя. Дальнейшие попытки проследить историю преданий о них, проведенные на материале сохранившихся фрагментов утраченных памятников эпохи Лючao (220–589), позволили установить, что образы обоих восходят к легенде о Куан Су, распространившейся в IV–V вв. в районе гор Лушань. Помимо прочего, в публикации приведен полный перевод содержащихся в манускрипте биографий Куан Юя и Лю Юэ на русский язык.

Ключевые слова: «Ле сянь чжуань», даосская агиография, Куан Юй, Куан Сюй, Куан Су, Лю Юэ.

Для цитирования: Терехов А.Э. Источники жизнеописания Куан Юя в рукописи «Ле сянь чжуань» из собрания ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 132–145. DOI: 10.55512/WMO691504.

Об авторе: ТЕРЕХОВ Антон Эдуардович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел Дальнего Востока, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (aterekhoff@gmail.com). ORCID: 0000-0003-4599-3424.

© Терехов А.Э., 2025

Созданная в XIX в. иллюстрированная рукопись «Ле сянь чжуань» 列仙傳 («Выстроенные по порядку предания о бессмертных») из собрания ИВР РАН (фонд NOVA, Н56)¹ представляет собой интересный объект для источниковедческого анализа. Хотя

¹ Подробнее о ней см. (Терехов 2024: 6). К изложенному там стоит добавить, что недавно мною были обнаружены еще четыре листа манускрипта, хранящиеся в Российской государственной библиотеке (РГБ) (ЗВ 2-фол/51), и вместе с ними число дошедших до нас жизнеописаний составляет 213. Кроме того, в результате дискуссий с А.И. Кобзевым и Т.А. Сафиным на конференции «Об-

в самом манускрипте указаний на произведения, из которых заимствованы включенные в него жизнеописания, не содержится, в большинстве случаев их прототипы можно обнаружить в более ранних собраниях — в первую очередь в приписываемой Ван Ши-чжэню 王世貞 (1526–1590) и впервые изданной в 1600 г. работе «Ле сянь цюань чжуань» 列仙全傳 («Полное [собрание] выстроенных по порядку преданий о бессмертных»), откуда заимствовано и большинство иллюстраций, а также в составленном в 1693 г. Ван Цзянь-чжаном 王建章 (1645–1718) сборнике «Ли дай шэнъ сянь ши» 歷代神仙史 («История божественных бессмертных минувших династий»). Тем не менее в процессе редактуры многие истории подвергались значительной переработке, проявлявшейся как в перефразировании и сокращении текстов, соединении информации из разных источников, так и в дополнении их сюжетами, неизвестными по другим произведениям и, вероятно, изобретенными самими анонимными составителями текста рукописи.

Проблемы определения источников включенных в манускрипт биографий можно увидеть на примере содержащегося в ней жизнеописания Куан Юя 匡裕:

匡裕先生，又名續，周武王時人。兄弟七人，皆有道術。先生結廬於九江府最高一山南嶂虎溪上。時有一少年數來相訪，言論奇偉。先生異之，問鄉邦姓字。答曰：「姓劉，名越，居此山左。敢邀一顧。山下有石高二丈許；叩之，即當相迎。」先生如其言訪之。果有大石峙立。叩之，石忽自開，一小鬟出迎。行數十步，漸見臺榭宮宇，中有一人，即劉越也。接見甚歡，飲以玉酒三爵，更令小鬟進延齡保命湯。先生一啜而出。既返顧，所叩之石宛然如初。自是得道，乘雲仙去。惟空廬在焉，故名其山曰廬山，又名匡廬。漢武帝慕其道，封裕為廬山君。後唐詩人錢起江行，望廬山高入雲霄，疑六朝多有高僧止息其上。欲登山訪之，行至半途，為風雨所阻，舟中仰望，但見雲霧迷漫而已。因作詩曰：「咫尺愁風雨，匡廬不可登，祇疑雲霧窟，猶有六朝僧。」先生道術繫人思慕如此。

Учитель Куан Юй, также [носивший] личное имя Сюй, был человеком времен чжоуского царя У². [Его] братья — семь человек — все обладали техниками Дао-Пути. Учитель построил хижину у Тигриного ручья (Хуси 虎溪) на южном пике самой высокой горы округа Цзюцзян³. В это время некий юноша несколько раз приходил к нему с визитом, [причем] речи и рассуждения [его были] причудливы и необычны. Учитель дивился на него и спросил [о его] родном kraе, фамилии и официальном имени. [Юноша] в ответ сказал: «[Моя] фамилия — Лю, личное имя — Юэ, и живу [я] слева от этой горы. Осмелюсь пригласить [Вас] удостоить [меня] посещением. У подножия горы есть камень высотой в два чжана⁴ с лишним; отвесьте ему земной поклон, и тогда [Вас] должны будут встретить». Учитель [отправился] нанести ему визит, как тот и сказал. [У подножия горы] действитель-

щество и государство в Китае» (19–22 мая 2025 г.) в ИВ РАН (г. Москва) мной был переосмыслен перевод названия рукописи, которое я прежде переводил как «Жизнеописания выдающихся небожителей».

² Чжоуский царь У (У-ван 武王, прав. 1046–1043 гг. до н.э.) — основатель государства Чжоу 周 (1046–256 гг. до н.э.).

³ Имеются в виду горы Лушань 廬山. Древнее название — Наньчжаншань 南障山, также известны как Куаншань 匡山 и Куанлу 匡廬. Расположены к югу от современного города Цзюцзян 九江 провинции Цзянси (Чжунго лиши димин да цыяднь 2005: 2953).

⁴ Чжан 丈 — традиционная китайская мера длины, в разные периоды составлявшая от 2,3 до 3,3 м.

но стоял стоймя большой камень. [Юй] отвесил ему земной поклон, и камень внезапно сам собою раскрылся, [а из него] вышла, [чтобы] встретить [его], девочка-служанка. Пройдя несколько десятков шагов, [он] сразу же увидел башни с шатрами и дворец, внутри [которого] был один человек — тот самый Лю Юэ. [Он] встретил [Юя] с великой радостью, напоил его тремя чарками нефритового вина, а кроме того, приказал девочке-служанке принести отвар, продlevающий годы и сохраняющий жизнь. Учитель попробовал его и вышел. Оглянувшись, [он увидел, что] камень, которому он кланялся, [снова стал целым] — в точности [таким], как вначале. С тех [пор Юй] обрел Дао-Путь, уселился на облако и, [став] бессмертным, покинул [долгий мир]. Там осталась только [его] пустая хижина, и поэтому ту гору [стали] называть Лушань («Гора Хижины»), а также Куанлу («Хижина Куана»). Ханьский император У⁵ восхищался его Дао-Путем и пожаловал Юя титулом Государя Лушань. Позже танский поэт Цянь Ци⁶ путешествовал по Цзяну⁷, увидел вдалеке [гору] Лушань, вершиной уходящую в заоблачные дали, и предположил, что на ней [со временем] Лючао⁸ останавливается множество достойных монахов. [Он] хотел взобраться на гору, чтобы нанести им визит, прошел полпути и был остановлен ветром и дождем. [Позже он, сидя] в лодке, смотрел [на нее], подняв голову, но видел лишь застилающие ее облака и туманы, да и только. Поэтому [он] написал стихотворение, [в котором] говорилось:

Так близко — но грусть навевают ветра и дожди:
На [гору] Куановой хижины мне не подняться.
Лишь думаю: в гротах, там, где облака и туман,
Доньне юятся монахи [эпохи] Лючао.

Вот как даосские искусства учителя [Юя] заставляли людей [думать о нем] с уважением и любовью! (Н56/3. Л. 8)

Очевидно, последняя часть биографии, состоящая из стихотворения и его парофраза (в рассказе о Цянь Ци встречаются 11 из 20 знаков, составляющих стихотворение), добавлена редакторами рукописи для того, чтобы довести объем жизнеописания до 288 знаков — единого размера для всех включенных в манускрипт биографий. Тем не менее источник основного текста жизнеописания не очевиден.

В «Ле сянь цоань чжуань» биография Куан Юя составляет всего 41 знак:

匡裕，周武王時人，兄弟七人，皆有道術，結廬山中，後得仙去，惟空廬在焉，故曰廬山。漢武帝封裕爲廬山君。

Куан Юй [был] человеком времен чжоуского царя У, [и его] братья — семь человек — все обладали техниками Дао-Пути. Соорудил хижину в горах, позже обрел

⁵ Ханьский император У (У-ди 武帝, прав. 141–87 гг. до н.э.) — один из наиболее выдающихся правителей эпохи Западная Хань (Си Хань 西漢, 206/202 г. до н.э. — 9 г. н.э.).

⁶ Цянь Ци 錢起 (710–782) — поэт эпохи Тан 唐 (618–907).

⁷ Цзян 江 — древнее название современной реки Чанцзян 長江 (Янцзы).

⁸ Лючао 六朝 («Шесть династий», по названию числа государств со столицей на месте нынешнего города Нанкин в провинции Цзянсу, 220–589) — период китайской истории, охватывающий эпохи Вэй 魏 (220–265), Цзинь 晉 (265–420) и Южных и Северных династий (Наньбэйчao 南北朝, 420–589).

бессмертие и покинул [дольний мир]. Там осталась лишь пустая хижина, поэтому [горы, в которых он жил], назвали Лушань («Горы хижины»). Ханьский император У пожаловал Юя [титулом] Государя Лушань (Лушань-цзюнь) (Ле сянь цюань чжуань 2018, цз. 1: 62).

Практически весь этот текст (39 знаков, 95%) был включен в рукопись, однако он составляет лишь незначительную (13,5%) ее часть. При этом стоит отметить, что «Сюем» Куан Юй в «Ле сянь цюань чжуань» не называется. В то же время там содержится отдельное жизнеописание Куан Сюя, насчитывающее уже 290 знаков. Оно состоит из пяти тематических блоков. Первый из них, посвященный ранней жизни героя, имеет смысл привести целиком:

匡續，字君平，南楚人，號匡阜先生。生而神靈，兒時便有物外志。周武王時師老聃，得長生之道。結茅南障山虎溪之上，隱焉。室中無所有，惟置一榻、簡書數篇而已。武王屢徵不起。

Куан Сюй, официальное имя Цзюнь-пин, был человеком из южного [княжества] Чу⁹ и носил прозвище учитель Куан-фу («Учитель с холмов Куан»). От рождения был божественно-чудесным и уже в детстве обладал устремлениями, [направленными] за пределы [мира] вещей. Во времена чжоуского царя У учился у Лао Даня¹⁰ и обрел Дао-Путь долгой жизни. Соорудил тростниковую [хижину] у Тигриного ручья в горах Наньчжан и жил там отшельником. В [его] жилище не было ничего — была там лишь одна лежанка, да несколько связок книг на бамбуковых планках, только и всего. Царь У неоднократно приглашал [его на службу, но он] не шел (Ле сянь цюань чжуань 2018, цз. 1: 70).

Во втором блоке излагается история о его встрече с Лю Юэ, путешествии в мир внутри камня и последующем вознесении, в третьем говорится о почестях, оказанных ему ханьским императором У, в четвертом рассказывается о том, как в эпоху Восточная Цзинь (Дун Цзинь 東晉, 317–420) буддийский монах Хуэй-юань 惠遠 (334–416), путешествовавший в этих местах, увидел во сне учителя Куана, который повелел установить на месте посвященной ему кумирни буддийский монастырь, а в последнем — о том, как в эпоху Тан 唐 (618–907) его кумирня, к тому времени перенесенная на другое место, была перестроена в Храм Бессмертного (Сяньмяо 仙廟) (Ле сянь цюань чжуань 2018, цз. 1: 70–72). Несмотря на то что первые три блока содержательно близки к версии рукописи, текстуальные совпадения между ними ограничиваются 44 знаками (15% обоих текстов). Таким образом, можно утверждать, что основным источником для включенной в манускрипт биографии Куан Юя послужил другой текст.

Ситуацию помогает прояснить другое жизнеописание из рукописи, посвященное тому самому Лю Юэ, который пригласил Куан Юя в свое жилище внутри камня:

⁹ Княжество (с 704 г. до н.э. — царство) Чу 楚 (XI в. — 223 г. до н.э.) располагалось на юге Китая, преимущественно на территории современных провинций Хунань и Хубэй, однако в эпоху своего расцвета (с VI в. до н.э.) также включало части провинций Хэнань, Шэньси, Шаньдун, Гуанси, а с конца IV в. до н.э. — провинций Цзянсу и Чжэцзян (Чжунго лиши димин да цыдянь 2005: 2674).

¹⁰ Лао Дань 老聃 — легендарный даосский мудрец, более известный под именем Лао-цзы 老子 (трад. VI–V вв. до н.э.).

劉越。周時有匡先生，名續，修道於南嶂山，結廬虎溪上。後有一少年，數來相訪，言論奇偉。先生異之，問曰：「覩子風猷有日矣！請問鄉邦姓字。」答曰：「姓劉，名越，居此山之左。敢邀一顧。山下有石高二丈許。叩之，即應，當相延。」先生如其語訪之。果有大石峙立。叩之，石忽自開，雙扇洞啟，一小鬟出迎。行數十步，復有二青衣執絳節前導，漸見臺榭參差，金碧交映，珍禽奇獸，草木殊異，瓊宮玉宇，中有一真人，冠玉冠，組朱綏，劍佩來迎，即前少年也。接見甚歡，飲以玉酒三爵。先生知非凡境，意欲留居之。真人謂曰：「子陰功未滿，後會可期。他日相從未晚也。」更令青衣進延齡保命湯。一啜而出。先生既返顧，所叩之石，宛然如初。他日復叩，無所應矣。後先生得道，復遊南楚，始與真人相遇。相傳廬山太平興國宮三門外，即石建亭，名曰仙石，石上尚有「劉仙」二字存焉。

[Что до] Лю Юэ, [то] во времена Чжоу был учитель Куан, [носивший] личное имя Сюй. [Он] возвращал Дао-Путь в горах Наньчжан и соорудил хижину у Тигриного ручья. Позже появился один юноша. [Он] несколько раз приходил [к Куану] с визитом, и речи и суждения [его были] причудливы и необычны. Учитель дивился на него и, спрашивая, сказал: «Прошло [немало] дней, [как я] наблюдаю за Вашими манерами и замыслами. Прошу позволения спросить [о Вашем] родном kraе, фамилии и официальном имени». [Юноша] в ответ сказал: «Фамилия [моя] Лю, а личное имя — Юэ, живу [я] слева от этой горы. Осмелюсь пригласить [Вас] заглянуть [ко мне]. У подножия горы есть камень высотой в два с лишним чжанса. Поклонитесь ему, и [он] сразу же откликнется [на это, а Вас] тут же примут. Учитель, как и было [ему] сказано, [отправился] к нему с визитом. [В указанном месте] действительно стоял стоймя большой камень. [Куан] поклонился ему, и камень внезапно сам собою раскрылся, две [его] створки широко распахнулись, [и из него] вышла навстречу [Куану] девочка-служанка. [Когда они] прошли несколько десятков шагов, появились еще два [прислужника] в зеленых одеждах, [которые], держа в руках вишневые верительные бирки, [шли] впереди и указывали дорогу. Постепенно [Куан начал] видеть башни и вышки, что вздымались одна за другой, золото и лазурь, что сверкали на фоне друг друга, диковинных птиц и причудливых зверей, травы и деревья, необыкновенные и удивительные, яшмовые дворцы и нефритовые чертоги. Внутри был совершенный человек, одетый в [украшенную] нефритом шапку и [подпоясанный] витым багряным шнуром, [с висящими на нем] мечом и подвесками. [Он] подошел встретить [учителя], и оказалось, что это юноша, [с которым он говорил] прежде. [Юноша] принял его очень радушно и напоил тремя кубками нефритового вина. Учитель понял, что это необыкновенное место, и в мыслях захотел остаться жить там. Совершенный человек, обращаясь [к нему], сказал: «Ваши тайные благодеяния еще не [достигли] полноты, [однако] последующей встречи можно ожидать. В другой день последовать [за мной] еще не будет поздно». Тем не менее [он] приказал [прислужникам] в зеленых одеждах поднести отвар, продlevающий годы и сохраняющий жизнь. [Учитель сделал] один глоток и вышел. Когда учитель оглянулся назад, [оказалось, что] камень, которому [он] кланялся, [снова стал целым] — в точности [таким], как вначале. В другой день [Куан] вновь поклонился [камню, но это] не возымело отклика. Впоследствии учитель обрел Дао-Путь и вновь [отправился] путешествовать в южном [княжестве] Чу, [где] впервые повстречался с совершенным человеком. По преданию, за тремя воротами дворца Тай-пин син-го [в горах] Лушань около камня построили беседку, [которую] назвали «Камнем Бессмертных». На камне все еще видны два иероглифа — «Бессмертный Лю» (Н56/10. Л. 10).

Несложно заметить, что здесь излагается та же самая история, что и в биографии Куан Юя, причем близки эти два жизнеописания не только сюжетно: в них совпадает 136 знаков, т.е. 46% объема каждого из текстов (а если убрать из биографии Куан Сюя последнюю часть, рассказывающую о Цянь Ци, — то все 67%).

Это заставляет задаться вопросом об источнике рассказа о Лю Юэ. Посвященное ему жизнеописание также содержится в «Ле сянь цюань чжуань», где располагается непосредственно перед биографией Куан Сюя (Ле сянь цюань чжуань 2018, цз. 1: 68–70). Оно насчитывает 233 знака, однако, несмотря на сюжетное сходство, в текстуальном плане биографии этих двух персонажей в «Ле сянь цюань чжуань» различны: совпадают лишь 32 знака (11% жизнеописания Куан Сюя и 14% биографии Лю Юэ). В то же время, если сравнивать текст жизнеописаний Лю Юэ в рукописи и в «Ле сянь цюань чжуань», обнаружится, что совпадает 221 знак (77% текста манускрипта и 94% текста из «Ле сянь цюань чжуань»), что позволяет утверждать, что именно жизнеописание Лю Юэ из «Ле сянь цюань чжуань» легло в основу биографий Куан Юя и Лю Юэ в рукописи.

В то же время оно, судя по всему, было не единственным источником, использованным составителями манускрипта: большое число совпадений — 273 знака (84% текста жизнеописания в рукописи и 89% текста биографии из «Ле сянь цюань чжуань»), — в том числе во фрагментах, отсутствующих в «Ле сянь цюань чжуань», жизнеописание Лю Юэ в рукописи демонстрирует с биографией учителя Куана (Куан сянь-шэн 匡先生) в «Ли дай шэн сянь ши». В этом тексте, как и в манускрипте, предпринимается попытка связать Куан Сюя с другим Куаном — на сей раз не Куан Юем, а Куан Су 匡俗, причем не путем прямого отождествления, а посредством родственных отношений:

匡先生名續，即匡俗之次弟。

Учитель Куан по имени Сюй был третьим [по старшинству] братом Куан Су (Ли дай шэн сянь ши 1979, цз. 1: 32).

Таким образом, можно сделать промежуточные выводы: жизнеописания Куан Юя и Лю Юэ в рукописи «Ле сянь чжуань» восходят к одному и тому же тексту — биографии Лю Юэ из «Ле сянь цюань чжуань», причем при составлении жизнеописания Лю Юэ также использовался вариант из «Ли дай шэн сянь ши». В рассказ о Куан Юе включен текст жизнеописания Куан Юя из «Ле сянь цюань чжуань», отличного от биографии Куан Сюя из того же сборника. В результате в нем объединяются истории двух персонажей — Куан Юя и Куан Сюя. Можно было бы предположить, что составители рукописи просто объединили двух изначально разных персонажей с одной фамилией. Однако в реальности всё несколько сложнее.

Начать стоит с имени Куан Юя. Его биография встречается помимо рукописи только в двух специализированных коллекциях: «Ле сянь цюань чжуань» и (в том же виде) в изданном в 1583 г. сборнике Чжан Вэнь-цзе 張文介 (XVI в.) «Гуан ле сянь чжуань» 廣列仙傳 («Расширенное [собрание] жизнеописаний выдающихся бессмертных») (Гуан ле сянь чжуань 1994, цз. 1: 438). В более ранних собраниях даосских агиографий Куан Юй не фигурирует. Тем не менее там встречаются жизнеописания Куан Су, явившегося, по версии «Ли дай шэн сянь ши», его старшим братом.

Наиболее раннее из сохранившихся упоминаний о Куан Су относится к эпохе Цзинь 晉 (265–420) и содержится во фрагменте ныне утраченного памятника «Юй-

чжан цзю чжи» 豫章舊志 («Старый трактат о Юйчжане¹¹»), составленного великим блюстителем (*тайшиоу* 太守) округа Куайцзи 會稽¹² по имени Сюн Мо 熊默. Соответствующий фрагмент этого сочинения приводится (с небольшими вариациями) в двух практических синхронных работах — «Шуй цзин чжу» 水經注 («Комментарий к „Канону рек“») Ли Дао-юаня 鄭道元 (466/472–527) и в комментарии Лю Сяо-бяо 劉孝標 (462–521) к «Ши шо синь юй» 世說新語 («Новое изложение рассказов, в свете [ходящих]») Лю И-цина 劉義慶 (403–444). В последней из них цитата из «Юйчжан цзю чжи» выглядит следующим образом:

廬俗字君孝，本姓匡，夏禹苗裔，東野王之子。秦末，百越君長與吳芮助漢定天下，野王亡軍中。漢八年，封俗鄖陵男，食邑茲部，印曰廬君。俗兄弟七人，皆好道術，遂寓于洞庭之山，故世謂廬山。孝武元封五年，南巡狩，浮江，親睹神靈，乃封俗為大明公，四時秩祭焉。

Куан Су, официальное имя Цзюнь-сяо, изначально носил фамилию Куан и был потомком сяского Юя¹³ и сыном царя Дунъе¹⁴. В конце Цинь¹⁵ [он был] государем-старейшиной ста [племен] юэ¹⁶ и вместе с У Жуем¹⁷ помогал Хань¹⁸ утвердить [порядок] в Поднебесной. [Сам] царь [Дунъе] погиб в сражении. На восьмом году [правления] Хань [император] пожаловал Су [титулом] князя-нань Яньлина¹⁹ и отдал [ему] в кормление города в этом регионе, [и надпись на его] печати гласила: «Государь Лу (Лу-цзюнь 廬君)»²⁰. Братья Су — семь человек — все любили техники Дао-Пути. В конце концов [оны] поселились в горах Дунтин²¹, и поэтому в миру

¹¹ Юйчжан 豫章 — округ (*цзюнь* 郡), созданный в 201 г. до н.э. на территории современной провинции Цзянси с центром в уезде Наньчан 南昌 (в восточной части совр. г. Наньчан) (Чжунго лиши димин да цыдянь 2005: 2897).

¹² Куайцзи 會稽 — округ, созданный в 222 г. на стыке современных провинций Цзянсу, Чжэцзян и Аньхуэй и впоследствии включавший также всю территорию современных провинций Чжэцзян и Фуцзянь (Чжунго лиши димин да цыдянь 2005: 1036).

¹³ Сякий Юй 禹 (трад. прав. 2205–2196 гг. до н.э.) — мифический основатель легендарного государства Ся 夏 (трад. 2205–1767 гг. до н.э.), известный также как усмиритель мирового потопа. В версии «Шуй цзин чжу» фраза о происхождении Куан Су от Юя отсутствует.

¹⁴ Топоним Дунъе 東野 в словаре географических названий отсутствует. Можно предположить, что имеется в виду одна из «варварских» политий юго-востока современного Китая. «Царь Дунъе», равно как и сам Куан Су, в исторических сочинениях не упоминается.

¹⁵ Империя Цинь 秦 существовала на территории Китая в 221–207 гг. до н.э.

¹⁶ Сто [племен] юэ (бай юэ 百越) — обобщенное название малых народностей, населявших в древности юг и юго-восток современного Китая. Считаются предками современных вьетов.

¹⁷ У Жуй 吳芮 (ум. 202 г. до н.э.) — начальник уезда Поян 鄖陽, выступивший против Цинь. В 206 г. получил титул царя Хэншань 衡山, а в 202 г. — царя Чанша 長沙.

¹⁸ Империя Хань 漢 существовала на территории Китая в 206/202 г. до н.э. — 220 г. н.э.

¹⁹ Название Яньлин 鄖陵 носили местности на территории современных провинций Шаньдун и Хэнань (Чжунго лиши димин да цыдянь 2005: 2647). В версии «Шуй цзин чжу» ранг Су не указан, а пожалованная местность называется Цяоян 鄖陽. Уезд с таким названием был создан в 201 г. до н.э. на территории современного уезда Дучан 都昌 в провинции Цзянси и включен в округ Юйчжан (Чжунго лиши димин да цыдянь 2005: 2157). Географическая близость Цяояна к горе Лушань позволяет считать вариант «Шуй цзин чжу» предпочтительным.

²⁰ В версии «Шуй цзин чжу» его титул указан как «Государь Лу [племен] юэ» (Юэ Лу-цзюнь 越廬君). Что мог означать иероглиф 越 в данном контексте, неясно.

²¹ Горы Дунтин 洞庭 располагаются на юго-западе современного уезда У 吳 провинции Цзянси (Чжунго лиши димин да цыдянь 2005: 1979). В версии «Шуй цзин чжу» горы названы Гунтин 宮亭. В словаре географических названий подобная гора не упоминается, однако сообщается об одно-

[эти горы стали] называть Лушань. На пятом году [правления под девизом] Юаньфэн (106 г. до н.э.) Почтительный к родителям [император] У [отправился в] инспекционную поездку на юг, плыл по Цзяну, лично узрел [его] божественную чудесность и тогда пожаловал Су [титулом] Князя Великой Ясности (Дамин-гун 大明公) [и повелел] приносить ему жертвы [в каждый из] четырех сезонов (Ши шо синь юй 2002, цз. 10, § 689: 490; ср.: Шуй цзин чжу шу 1989, цз. 39: 3258–3259).

Иной вариант истории о Куан Су рассказал современником Сюн Мо — уже упоминавшимся выше Хуэй-юанем — в его произведении «Лушань цзи» 優山記 («Записи [о горе] Лушань»), также известном как «Лушань люэ цзи» 優山略記 («Краткие записи [о горе] Лушань»). Фрагмент из него также сохранился (опять же с некоторыми различиями) в составе работ Ли Дао-юаня и Лю Сяо-бяо. В частности, в комментарии к «Ши шо синь юй» он приведен в следующем виде:

…有匡俗先生，出自殷、周之際，遁世隱時，潛居其下。或云：匡俗受道於仙人，而共遊其嶺，遂託室崖岫，即巖成館，故時人謂為神仙之廬而命焉。

…Был учитель Куан Су, [который] появился на рубеже Инь²² и Чжоу, бежал от мира, скрывался от современников и уединенно жил у подножия этих [гор] (Лушань. — А.Т.). Некоторые говорят: Куан Су получил Дао-Путь от бессмертного человека, вместе [с ним] странствовал по тамошним хребтам и в конце концов поселился в пещере на утесе — это и было «Жилище возвышенных свершений» (Яньчэн-гуань 巖成館). Поэтому современники утверждают, что назвали [эти горы] в честь хижины (лу) божественного бессмертного (Ши шо синь юй 2002, цз. 10, § 689: 490; ср.: Шуй цзин чжу шу 1989, цз. 39: 3259).

Похожая история излагается в одноименной работе Чжоу Цзин-ши 周景式 (V в.?), фрагмент которой приводится в «Шуй цзин чжу» (Шуй цзин чжу шу 1989, цз. 39: 3259–3260; ср.: И вэнь лэй цзюй 1965, цз. 7: 134).

Таким образом, в IV–VI вв. существовало две версии истории о Куан Су, но общими в них были только имя главного героя и географическая привязка к горе Лушань; в остальном истории отличались как по сюжету, так и по трактовке образа самого Куан Су — времени его жизни, происхождении, семье, обстоятельствах ухода в горы и т.д. При этом Ли Дао-юань, например, отдавал предпочтение версии «Юйчжан цзю чжи», утверждая, что рассказанное Хуэй-юанем и Чжоу Цзин-ши — «рассуждения, передаваемые на ухо [как слухи], а не достоверные свидетельства» (эр чуань чжи тань фэй или чжэнь е 耳傳之談非實證也) (Шуй цзин чжу шу 1989, цз. 39: 3260).

Тем не менее этими двумя версиями дело не ограничивалось: так, в ныне утраченном собрании «Дун сянь чжуань» 洞仙傳 («Предания о бессмертных из пещер»), автор которого, живший, вероятно, в V–VI вв., скрывался за псевдонимом Цзяньсу-цзы 見素子, содержалась еще одна история о Куан Су. Она дошла до нас в составе даосской энциклопедии «Юнь цзи ци цянь» 雲笈七籤 («Семь отделов облачного хранилища»), составленной Чжан Цзюнь-фаном 張君房 (X–XI вв.) в 1017–1021 гг.:

именном озере, более известном как Поянху 鄱陽湖 (Чжунго лиши димин да цыдянь 2005: 2005), рядом с ним располагается гора Лушань. В этом свете вариант «Шуй цзин чжу» выглядит предпочтительнее.

²² Инь 殷, также известное как Шан 商 — государство, существовавшее в центральном Китае в XVII–XI вв. до н.э.

匡俗，字子希，少以孝悌著稱，召聘不起，至心學真，游諸名山。至覆笥山，見山上有湖，周回數里，多生靈草異物，不可識。其傍有石井，泉通湖中；又有石雁，至春秋時，皆能群飛；復有小石笥，中有玉牒，多記名山福地，及得道人姓名。後服食得道。

Куан Су, официальное имя Цзы-си, с детства славился сыновней почтительностью и уважением к старшим. [Когда его] призывали [ко двору] с приглашением [на должность], не отправлялся, всем сердцем изучал [техники] совершенных и путешествовал по множеству знаменитых гор. Дойдя до горы Фусы («Прикрытого короба»)²³, увидел, что на [вершине] горы есть озеро в несколько ли в окружности, [а также] во множестве присутствуют чудесные травы и необычные животные, узнать [которых было] невозможно. Рядом с этим [озером] был каменный колодец, [и питавший его] источник сообщался с озером. Также [там] были каменные гуси, и ко временам Вёсен и осеней²⁴ все [они] смогли стаей улететь [прочь]. Еще [там] был маленький каменный короб, а внутри имелась нефритовая табличка, [на которой были] во множестве записаны [названия] знаменитых гор и счастливых земель, а также фамилии и имена людей, обретших Дао-Путь. Позже [Куан Су] принял пищу [бессмертия] и обрел Дао-Путь (Юнь цзи ци цянь 2003, цз. 110: 2398–2399).

Здесь от предыдущих историй остается только имя героя: изменяется даже место действия, которое хотя и остается в том же регионе, но теряет привязку к горе Лушань.

Наконец, стоит отметить еще одно раннее сочинение — «Цю вэй чжи» 九微志 («Трактат о девяти сокровенных [местностях]»), ныне утраченный даосский текст²⁵, в сохранившейся цитате из которого содержится следующая история:

武王時，方輔先生與李老跨白驥入山煉丹，得道仙去。惟廬存，故名廬山。

Во времена царя У учитель Фан-фу и Ли-лао²⁶, оседлав белого осла, отправились в горы выплавлять киноварное [снадобье], обрели Дао-Путь и, [став] бессмертными, покинули [дольний мир]. [На земле] осталась только [их] хижина, поэтому [горы, в которых они жили], назвали Лушань (Тяньчжун цзи 2007, цз. 7: 227).

Хотя главного героя этой истории зовут иначе, она может быть отнесена к орбите рассказов о Куан Су: совпадают и время (по крайней мере, согласно версии Хуэйюаня и Чжоу Цзин-ши), и место действия. Стоит отметить и появление в этой истории Лао-цзы, также фигурирующего в жизнеописании Куан Сюя из «Ле сянь цюань чжуань».

²³ Гора Фусы 覆笥 расположается в северной части уезда Синго 興國 провинции Цзянси (Чжунголиши димин да цыдянь 2005: 2953), приблизительно в 400 км к югу от гор Лушань.

²⁴ Период Вёсен и осеней (Чуньцю 春秋), названный так в честь одноименной летописи, продолжался с 770 по 475 г. (или, по другим версиям, 481, 453 или 403 г.) до н.э.

²⁵ Об этом сочинении практически ничего не известно, однако оно упоминается в «Шу и цзи» 述異記 («Записи, излагающие странное») Жэнь Фана 任昉 (460–508) (Жэнь Фан 1985, цз. 2: 41), что позволяет отнести его создание к III–V вв.

²⁶ Судя по всему, имеется в виду легендарный Лао-цзы, носивший, согласно традиции, фамилию Ли 李.

Во всех приведенных выше фрагментах, кроме последнего, речь идет о Куан Су. Наиболее древний источник, в котором появляется имя «Куан Сюй», — сделанная Се Хао 謢顥 (446–502) надпись на стеле в обители Гуанфу-гуань 廣福觀 («Обитель Обширного счастья») (Тяньчжун цз 2007, цз. 7: 227–228).

Самый ранний известный мне памятник, содержащий историю про Лю Юэ и путешествие в мир внутри камня, — собрание «Ли ши чжэнъ сянь ти дао тун цзянъ» 歷世真仙體道通鑑 («Всеобщее зерцало воплотивших Дао-Путь совершенных бессмертных минувших эпох»), составленное Чжао Дао-и 趙道一 (XIII в.). Содержащееся там жизнеописание Куан Сюя, также названного «Учителем с холмов Куан» (Куан-фу сянь-шэн 匡阜先生), весьма объемно (1152 знака) и состоит из десяти тематических блоков. Первый из них практически полностью совпадает с процитированным ранее фрагментом биографии Куан Сюя из «Ле сянь цюань чжуань» (и, очевидно, стал для нее основой), однако в нем приводятся еще два варианта его официального имени — Цзы-сюо 子孝 и Цзюнь-цзи 君季, а также упоминается, что он был потомком сяского Юя. Во втором блоке рассказывается о Лю Юэ и путешествии внутрь камня; в третьем — о дальнейшей судьбе Куан Сюя, в частности при правителях Дин-ване 定王 (прав. 606–586 гг. до н.э.) и Вэйле-ване 威烈王 (прав. 425–402 гг. до н.э.), безуспешно пытавшихся пригласить его на службу; именно в эпоху правления второго из них Куан Сюй, согласно этому тексту, и достиг бессмертия, оставив после себя лишь хижину, которая и дала название горе. В четвертом блоке говорится о том, как после вознесения Верховный владыка (Шан-ди 上帝) повелел ему заведовать наводнениями и засухами в царствах У²⁷ и Чу; в пятом сообщается о двух его учениках и связываемых с ними достопримечательностях горы Лушань; в шестом — о титулах, дарованных Куан Сюю ханьским императором У; в седьмом — об упоминавшемся выше сне Хуэй-юаня, а восьмом — о перестройке кумирни Куан Сюя в храм при правителях государств Тан, Южная Тан (Нань Тан 南唐, 937–975) и Сун 宋 (960–1279). Девятый блок представляет собой посвященное Куан Сюю стихотворение даоса Бай Юй-чаня 白玉蟾 (1134–1229) в 30 семисловных строк. Наконец, заканчивается жизнеописание (что совсем не характерно для этого собрания) прямой речью самого Чжан Дао-и, который восхваляет Куан Сюя за его неоднократный отказ идти на службу, ставший примером для последующих поколений даосов (Ли ши чжэнъ сянь 2004, цз. 10: 293–294).

Интересно, что в этом сборнике содержится и жизнеописание Куан Су, в целом повторяющее приведенную выше историю, восходящую к «Дун сянь чжуань» (Ли ши чжэнъ сянь 2004, цз. 7: 278).

Подобные сложности с фигурой учителя Куана не ускользнули от внимания китайских книжников. Так, интеллектуал и библиофил эпохи Мин 明 (1368–1644) Ху Инлинь 胡應麟 (1551–1602) в одной из своих работ отмечал:

匡續居廬山。匡俗字子希，居覆笥山。二字音相近。今詩家互用，非是。

Куан Сюй жил [в горах] Лушань. Куан Су [носил] официальное имя Цзы-си и жил в горах Фусы. Звучания двух иероглифов близки друг к другу. Ныне поэты

²⁷ Царство У 吳 (XII в.? — 473 г. до н.э.) располагалось на территории современной провинции Цзянсу, а в эпоху расцвета (кон. VI — нач. V в. до н.э.) также занимало части провинций Чжэцзян и Аньхуэй (Чжунго лиши димин да цыдянь 2005: 2158).

используют [их как] взаимозаменяемые, [но это] неправильно (Ху Ин-линь 1958, цз. 44: 604)²⁸.

Тем не менее заслуживает внимания подкрепленное филологическими изысканиями мнение другого интеллектуала — Фан И-чжи 方以智 (1611–1671), который писал:

匡續，字子孝，隱廬山。漢武封之，故名匡廬。此載志書……皆作匡俗。且有云：字子希者，《萬姓統譜》作匡裕，《唐類函》亦作匡裕。按字子孝，則取似續之意。當以續為是。俗乃音之訛。希乃孝之訛，裕乃俗之訛耳。

Куан Сюй, официальное имя Цзы-сюо 子孝, жил отшельником [в горах] Лушань. Ханьский [император] У наделил его [владением в горах Лушань], поэтому [их и] назвали Куанлу. Эта [информация] содержится в книгах, [представляющих собой географические] трактаты… и везде [его имя] записано как Куан Су. К тому же есть [те, кто] говорят, [что он носил] официальное имя Цзы-си 子希. В «Общем реестре десяти тысяч фамилий»²⁹ [его имя] записано как Куан Юй и в «Футляре [книг эпохи] Тан [с классификацией] по родам»³⁰ тоже записано как Куан Юй. Замечу, [его] официальное имя — Цзы-сюо («Господин, почтительный к родителям»), то есть [для него] выбраны [иероглифы] со значением, похожим на *сюй 繢* («продолжать»). Следует считать верным [вариант] «Сюй». Су (MC *zjowk*) [вместо *сюй* (MC *zjowk*)] — это ошибка, [вызванная схожим] звучанием, *си 希* — ошибочное [написание] *сюо 孝*, а *юй 裕* — ошибочное [написание] *су 俗*, только и всего (Фан И-чжи 1990, цз. 20: 263).

Вероятно, Фан И-чжи прав в том, что Куан Сюй, Куан Юй и Куан Су — варианты одного и того же имени. Судя по всему, предание о нем появилось в IV–V вв. в районе гор Лушань в двух вариантах, согласно одному из которых (возможно, даже имевшему какие-то реальные основания) он был варваром-юэ эпохи Хань, а согласно другому (ставшему основным впоследствии) — учеником Лао-цзы, жившим в эпоху Чжоу. К XIII в. легенда о нем дополнилась сюжетом о Лю Юэ и путешествии в мир внутри камня. Кроме того, к VI в. появилась в значительной степени самостоятельная история о Куан Су, попавшем на гору Фусы. Не исключено, что изначально ее героем был какой-то другой персонаж, однако в итоге она оказалась связанный с уже достаточно популярным Куан Су. Так или иначе, в конечном счете один персонаж оказался разделенным на трех — Куан Юя, имевшего семью братьев, Куан Су, жившего на горе Фусы, и Куан Сюя, повстречавшего Лю Юэ и попавшего в волшебный мир, сокрытый в камне. Датировать «распад» его образа определенным периодом сложно, но к XIII в., когда был составлен «Ли ши чжэн сянь ти дао тун цзянь», по крайней мере Куан Су и Куан Сюй уже воспринимались как два разных человека.

Возвращаясь к рукописи «Ле сянь чжуань», можно сделать вывод, что во включенном в нее жизнеописании происходит «воссоединение» двух из трех ипостасей учи-

²⁸ Похожее заявление делает он и в другой главе своего труда, где, говоря о «государе Куане» (Куан-цзюнь 匡君) с личным именем Сюй и официальным именем Цзюнь-пин (или Гун-цзи 公季), в комментарии отмечает: «Также был Куан Су, носивший официальное имя Цзы-си. [Это] — не государь Куан» (*Ю ю Куан Су цзы Цзы-си фэй Куан-цзюнь 又有匡俗字子希非匡君*) (Ху Ин-линь 1958, цз. 43: 586).

²⁹ «Общий реестр десяти тысяч фамилий» («Вань син тун пу» 萬姓統譜) — трактат Лин Ди-чжи 凌迪知 (1532–1601) о происхождении, распространении и генеалогии фамилий.

³⁰ «Футляр [книг эпохи] Тан [с классификацией] по родам» («Тан лэй хань» 唐類函) — составленное Юй Ань-ци 俞安期 (1574–1654) собрание фрагментов энциклопедических работ эпохи Тан.

теля Куана. Впрочем, едва ли составители манускрипта настолько углублялись в историю своего персонажа — вполне вероятно, что они просто объединили двух «однодомаильцев», восстановив, сами того не зная, его образ в изначальной полноте.

Литература

- Гуан ле сянь чжуань 1994 — Гуан ле сянь чжуань 廣列仙傳 (Расширенное [собрание] жизнеописаний выдающихся бессмертных) / Сост. Чжан Вэнь-цзе 張文介 // Цзан вай дао шу 道藏外書 (Даосские книги, [оставшиеся] за пределами «Сокровищницы [Дао-Пути]»). Чэнду: Ба Шу шушэ 巴蜀書社, 1994. Т. 18. С. 423–561.
- Жэнь Фан 1985 — Жэнь Фан 任昉. Шу и цзи 述異記 (Записи, излагающие странное) // Цуншу 淳初集 синь бянь 叢書集成新編 (Новая редакция «Полного собрания книг из [различных] коллекций»). Тайбэй: Синъвэньфэн чубань гунсы 新文豐出版公司, 1985. Т. 82. С. 33–42.
- И вэнь лэй цзюй 1965 — И вэнь лэй цзюй 藝文類聚 ([Классифицированное] по родам собрание [записей из] классической литературы и изящной словесности) / Сост. Оуян Сю 歐陽修 и др. В 2 т. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 1965.
- Ле сянь цюань чжуань 2018 — Ле сянь цюань чжуань 列仙全傳 (Полное [собрание] выстроенных по порядку преданий о бессмертных) / Сост. Ван Ши-чжэн 王世貞. В 2 т. Пекин: Вэньь чубаньшэ 文物出版社, 2018.
- Ли дай шэнь сянь ши 1979 — Ли дай шэнь сянь ши 歷代神仙史 (История божественных бессмертных минувших династий) / Сост. Ван Цзянь-чжан 王建章. Тайбэй: Синъвэньфэн чубань гунсы 新文豐出版公司, 1979.
- Ли ши чжэнь сянь 2004 — Ли ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь 歷世真仙體道通鑑 (Всеобщее зерцало воплотивших Дао-Путь совершенных бессмертных минувших эпох) / Сост. Чжао Дао-и 趙道一 // Чжун хуа дао цзан 中華道藏 (Китайская сокровищница Дао-Пути). Пекин: Хуася чубаньшэ 華夏出版社, 2004. Т. 47. С. 213–578.
- Терехов 2024 — Терехов А.Э. Биографии из ханьского сборника «Ле сянь чжуань» («Жизнеописания выдающихся небожителей») и их аналоги в одноименной рукописи из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 2 (вып. 57). С. 5–16.
- Тяньчжун цзи 2007 — Тяньчжун цзи 天中記 (Записи [с гор] Тяньчжун) / Сост. Чэн Яо-вэнь 陳耀文. Янчжоу: Гуанлин шушэ 廣陵書社, 2007.
- Фан И-чжи 1990 — Фан И-чжи 方以智. Тун я 通雅 (Всеобъемлющее «[Приближение к] классике»). Пекин: Чжунго шудянь 中國書店, 1990.
- Ху Ин-линь 1958 — Ху Ин-линь 胡應麟. Шао ши шань фан би цун 少室山房筆叢 (Заметки из Горного кабинета Немногих комнат). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1958.
- Чжунго лиши димин да цыдянь 2005 — Чжунго лиши димин да цыдянь 中國歷史地名大辭典 (Большой словарь исторических топонимов Китая) / Гл. ред. Ши Вэй-лэ 史為樂. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中國社會科學出版社, 2005.
- Ши шо синь юй 2002 — Ши шо синь юй хүэй цзяо цзи чжу 世說新語彙校集注 («Новое изложение рассказов, в свете [ходящих]» с собранием исправлений и сводным комментарием) / Сост. Лю И-чин 劉義慶, коммент. Лю Сяо-бяо 劉孝標, Чжу Чжу-юй 朱鑄禹. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 2002.
- Шуй цзин чжу шу 1989 — Шуй цзин чжу шу 水經注疏 («Комментарий к „Канону рек“ с субкомментарием») / Коммент. Ли Дао-юаня 鄭道元, субкоммент. Ян Шоу-цзина 楊守敬, Сюн Хуэй-чжэня 熊會貞. В 3 т. Нанкин: Цзянсу гуцзи чубаньшэ 江蘇古籍出版社, 1989.
- Юнь цзи ци цянь 2003 — Юнь цзи ци цянь 雲笈七籤 (Семь отделов Облачного хранилища) / Сост. Чжан Цзюнь-фан 張君房. В 5 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2003.

References

- Fang Yizhi 方以智. *Tongya* 通雅 [Comprehensive Elegance]. Beijing: Zhongguo shudian 中國書店, 1990 (in Chinese).

- “Guang lie xian zhuan” 廣列仙傳 [Extended Arranged Traditions of Transcendents]. Comp. by Zhang Wenjie 張文介. *Zangwai waishu* 藏外道書 [Daoist Books outside the Canon]. Chengdu: Ba Shu shushe 巴蜀書社, 1994, vol. 18, pp. 423–561 (in Chinese).
- Hu Yinglin 胡應麟. *Shaoshi Shanfang bicong* 少室山房筆叢 [Notes from the Mountain Studio of Few Rooms]. Beijing: Zhonghua shuju 中華書局, 1958 (in Chinese).
- Lidai shenxian shi* 歷代神仙史 [History of the Divine Transcendents of Past Dynasties]. Comp. by Wang Jianzhang 王建章. Taipei: Xinwenfeng chuban gongsi 新文豐出版公司, 1979 (in Chinese).
- Lixian quanzhuan* 列仙全傳 [Full Collection of Arranged Traditions of Transcendents]. Comp. by Wang Shizhen 王世貞. 2 vols. Beijing: Wenwu chubanshe 文物出版社, 2018 (in Chinese).
- “Lishi zhenxian tidaotongjian” 歷世真仙體道通鑑 [The Comprehensive Mirror of True Transcendents Who Embodied the Dao of All Ages]. Comp. by Zhao Daoyi 趙道一. *Zhonghua daoazang* 中華道藏 [Chinese Daoist Canon]. Beijing: Huaxia chubanshe 華夏出版社, 2004, vol. 47, pp. 213–578 (in Chinese).
- Ren Fang 任昉. “Shuyiji” 述異記 [Tales of Strange Matters]. *Congshu jicheng xinbian* 叢書集成新編 [New Edition of the Collected Serial Publications]. Taipei: Xinwenfeng chuban gongsi 新文豐出版公司, 1985, vol. 82, pp. 33–42 (in Chinese).
- Shishuo xinyu huijiao jizhu* 世說新語彙校集注 [A New Account of the Tales of the World with the Assembled Emendations and Collected Commentaries]. Comp. by Liu Yiqing 劉義慶, comment. by Liu Xiaobiao 劉孝標, Zhu Zhuyu 朱鑄禹. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社, 2002 (in Chinese).
- Shuijing zhu shu* 水經注疏 [Commentary on the Water Classic with Subcommentary]. Comment. by Li Daoyuan 鄒道元, subcomment. by Yang Shoujing 楊守敬, Xiong Huizhen 熊會貞. 3 vols. Nanjing: Jiangsu guji chubanshe 江蘇古籍出版社, 1989 (in Chinese).
- Terekhov, Anthony E. “Biografii iz han’skogo sbornika ‘Le syan’ chzhuan’” (“Zhizneopisaniia vydaiushchikhsia nebozhitelei”) i ikh analogi v odnoimennoi rukopisi iz kollektii IVR RAN” [Biographies from the Han Collection *Liexianzhuan* (*Biographies of Outstanding Transcendents*) and Their Analogues in the Manuscript of the Same Name from the Collection of the IOM RAS]. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 2 (iss. 57), pp. 5–16 (in Russian).
- Tianzhongji* 天中記 [Records from Mt. Tianzhong]. Comp. by Chen Yaowen 陳耀文. Yangzhou: Guangling shushe 廣陵書社, 2007 (in Chinese).
- Yiwen leiju* 藝文類聚 [A Classified Collection Based on the Classics and Other Literature]. Comp. by Ouyang Xiu 歐陽修 et al. 2 vols. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社, 1965 (in Chinese).
- Yunji qiqian* 雲笈七籤 [Seven Lots from the Bookbag of the Clouds]. Comp. by Zhang Junfang 張君房. 5 vols. Beijing: Zhonghua shuju 中華書局, 2003 (in Chinese).
- Zhongguo lishi diming da cidian* 中國歷史地名大辭典 [A Comprehensive Dictionary of Historical Toponyms of China]. Ed. by Shi Weile 史為樂. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京: 中國社會科學出版社, 2005 (in Chinese).

Sources of Kuang Yu’s Biography in the *Liexianzhuan* Manuscript from the Collection of IOM RAS

Anthony E. TEREKHOV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 30.06.2025.

Abstract: This publication raises the question of the sources of Kuang Yu’s biography included in the manuscript titled *Liexianzhuan* (*Arranged Traditions of Transcendents*) from the collection of the

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. By referring to earlier collections of Taoist hagiography and another biography contained in the manuscript — the one of Liu Yue, it was possible to establish that the text was the result of the merger of two biographies from the collection *Liexian quanzhuan* (1600): a short biography of Kuang Yu and a more extensive biography of Liu Yue, in which one of the heroes bears the name Kuang Xu. Thus, the biography included in the manuscript combined the stories of two characters — Kuang Yu and Kuang Xu. Further attempts to trace the history of legends about them, conducted on the material of the surviving fragments of lost records of the Liuchao era (220–589) allowed us to establish that the images of both go back to the legend of Kuang Su, which was popular in the 4th–5th centuries in the region of the Lushan mountains. Among other things, the publication provides a complete Russian translation of the biographies of Kuang Yu and Liu Yue contained in the manuscript.

Key words: “Liexianzhuan”, Taoist hagiography, Kuang Yu, Kuang Xu, Kuang Su, Liu Yue.

For citation: Terekhov, Anthony E. “Sources of Kuang Yu’s Biography in the *Liexianzhuan* Manuscript from the Collection of IOM RAS”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 132–145 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691504.

About the author: Anthony E. TEREKHOV, Cand. Sci. (History), Researcher, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (aterekhoff@gmail.com). ORCID: 0000-0003-4599-3424.

A Note on the Chinese Fragment in Tibetan Script PT1249

TAKATA Tokio

Toyo Bunko, Library Department Head
Tokyo, Japan

DOI: 10.55512/WMO692172

Received 11.06.2025.

Abstract: PT1249 is a fragmentary Chinese text written in Tibetan script that earlier has not yet been identified. The recent research by the writer of this paper reveals that the text is a part of the interrogation of śikṣamāṇā, who should be to receive the commandments of Buddhism. The text consists of the part of *Biqiuni jiandu* 比丘尼捷度第十七 in the ‘Four-Part Vinaya’ *Sifenlù* 四分律 with an introductory passage. Hitherto, no Chinese vinaya texts in Tibetan script have been known. A Chinese text that completely corresponds to this fragment also does not exist. Nevertheless, this kind of precept is indispensable for the śikṣamāṇā at the ceremony of receiving the commandments, and she had to learn the passage by heart. One may say that even an illiterate śikṣamāṇā could receive the commandments and become a formal nun. From a phonetic characteristics, the transcription system belongs to the period of Tibetan rule. A transliterated text with the corresponding Chinese characters, part of which was recovered from the transcription, is presented in this paper. The presence of the fragment provides many suggestions regarding the social realities of Buddhism and language situation in the Tibetan period of Dunhuang.

Key words: Chinese in Tibetan script, vinaya text, Tibetan period of Dunhuang, Dunhuang manuscripts.

For citation: Takata Tokio. “A Note on the Chinese Fragment in Tibetan Script PT1249”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka* 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 146–155. DOI: 10.55512/WMO692172.

About the author: TAKATA Tokio, Emeritus Professor, Kyoto University, Library Department Head, Toyo Bunko (Tokyo, Japan) (takatatakio@gmail.com).

© Токио Таката, 2025

written in Tibetan. These were the Diamond Sutra (Thomas, F.W. & Clauson, G.L.M. 1926: 508–526) and the Amitabha Sutra (Thomas, F.W. & Clauson, G.L.M. 1927: 858–860), both of which are common Buddhist scriptures. In terms of phonetic transcription, they belong to a relatively early period based on the Chang'an dialect. However, although it is said to be ‘relatively early’, it was written after the end of period of the Tibetan rule and during the era of the *Zhang* 張 Family of *Guīyì* Army (*Guīyijūn* 歸義軍). This was a later story, and, at that time, the research conditions did not allow for a real judgment of the ages of these two manuscripts. Later, Walter Simon discovered a large number of such documents in the British collection, as well as in the collection of the Bibliothèque Nationale in Paris. He also compared these manuscripts with corresponding Chinese texts (Simon, Walter 1958: 334–343). His research also introduced a general overview of the content of the ‘Long Scroll’ in the British collection, which was a significant contribution into the study (Takata 1988¹). Later, the author almost completely restored the Chinese text corresponding to the ‘Long Scroll’ and found that it was based on the phonetic transcription of the Western Chinese dialect popular in the Dunhuang area (Takata 1993: 380–313). The phenomenon of using Tibetan scripts to write Chinese texts continued in Dunhuang during the *Guīyì* Army period (and even as late as the tenth century during the *Cao* Family *Guīyì* Army period). This fact deserves attention when examining the language situation in Dunhuang. The use of the Tibetan script by the Chinese undoubtedly started during the Tibetan period, but Tibeto-Chinese phonetic manuscripts confirmed to have been written during the Tibetan period are surprisingly rare. This article intends to introduce a Tibeto-Chinese phonetic fragment that the author believes to be from the Tibetan period: “Excerpts from the Four-Part Vinaya”.

1. Fragment of PT1249

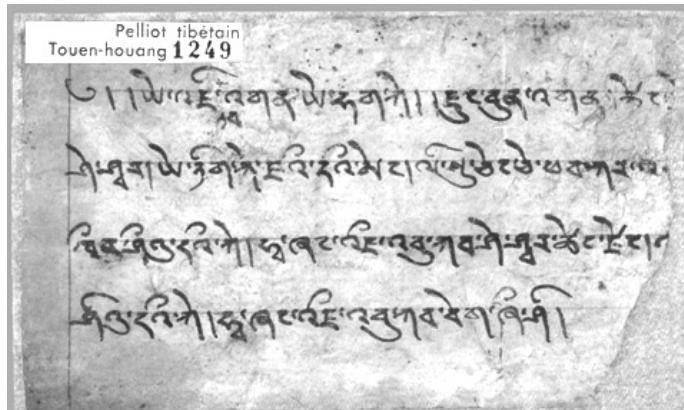
The second volume of the Catalogue of Tibetan Manuscripts from Dunhuang compiled by Marcelle Lalou (Lalou 1950), includes a collection of Chinese manuscripts written in Tibetan script. Most of them are small fragments, and it is difficult to determine their corresponding Chinese texts. The author of this paper had worked in the field (Takata 2013: 233–239). Now, I am fortunate to have been able to identify a fragment of the Chinese text, and would like to take this opportunity to present a report.

According to the Lalou catalogue, PT1249 is a ‘fragment of Chinese transliteration. It is the left half of a leaf, the longest part of which is 9 by 16 cm, with four lines with rules and grey edges’ (Lalou, Marcelle: 92: “Fragments de transcription du chinois. 1 morceau gauche de f. (9x16 au moins); 4 l., règl. et marges grises”). The catalogue also transcribes the first two lines in front of the manuscript and the third (final) line at the back. First, the plate² and transcribed text are provided along with the corresponding Chinese characters³, as follows:

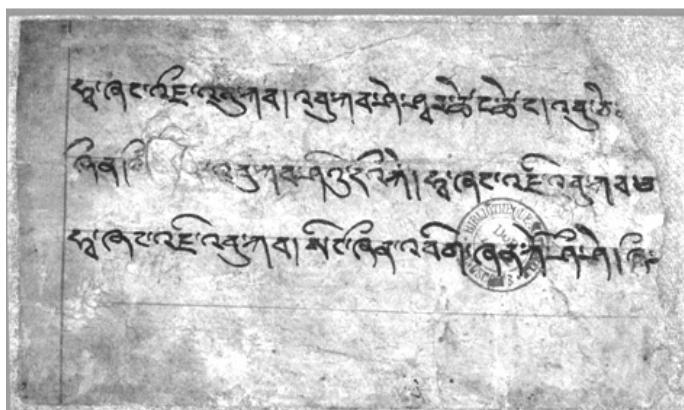
¹ The author of the monograph used these materials to divide the Chinese documents written in Dunhuang Tibetan script into two categories based on the phonological characteristics.

² Plate from *Gallica*: <https://gallica.bnf.fr/>.

³ This text is transcribed using the Wylie transcription and also used the more common transcription method in recent years, which uses the *gi-gu inverse* transcription with a capital “I”.

Pl. 1: *Recto* of PT1249

Pl. 2: *Verso* of PT1249

[*Recto*]

1. ye 'ji tab 'gan ye hag ke / jung bun 'gan tsheng []e ...
以 尼 答 言 已 學 戒 重 問 願 清 淨
2. she shwar / ye tig ke dza'I da'I seng / li su ceng ce phab kar '[] ...
所 說 已 得 戒 在 大 僧 禮 須 正 知 法 趾 磨
3. khIr shI'u da'I ke / hwa zhang 'jI 'bu kab shwar tsheng dzeng / '[] ...
乞 受 大 戒 和 尚 尼 某 甲 說 清 淨 無
4. shI'u da'I ke / hwa zhang 'jI 'bu kab beg zhI shI / ...
受 大 戒 和 尚 尼 某 甲 白 如 是

[*Verso*]

1. hwa zhang 'jI 'bu kab / 'bu kab she shwar tsheng / 'bu c[] ...
和 尚 尼 某 甲 某 甲 所 說 清 淨 無 諸
2. zhIn / []I[] [] 'bu kab shI'u da'I ke / hwa zhang 'jI 'bu kab c[] ...
忍 僧 授 某 甲 受 大 戒 和 尚 尼 某 甲 者
3. hwa zhang 'jI 'bu kab / sing zhIn 'big zhan ko shI she / zhI ...
和 尚 尼 某 甲 僧 忍 默 然 故 是 事 如

The content of the fragment is shown above in restored in Chinese characters. Examining the text, we can find that most of the text on this fragment is almost identical to the “17th chapter of *Biqiuni jiandu* 比丘尼犍度” in volume 48 of the *Sifenlü* 四分律 (translated by Buddhayaśas 佛陀耶舍 of the Later Qin 秦 Dynasty) (Taishō Tripitaka, vol. 22, p. 924, bottom column). However, the first and second lines on the front page are different from the *Sifenlü*, and there are several numbers that do not appear in the 17th chapter of *Biqiuni jiandu* of the *Sifenlü*. The text added above based on the sound-based speculation is shown in bold font⁴. One more point needs to be explained: the text in the *Sifenlü* covered in this article is also found almost entirely in the *Sifen biqiuni jiemo fa* 四分比丘尼羯磨法 (Taishō Tripitaka, vol. 22, p. 1067, upper column), but the first line on the back of the fragment, 某甲所說清淨 (A certain person said that it is pure), is different from the 某甲自說清淨 (A certain person said himself that it is pure), in the *Sifen biqiuni jiemo fa* (Taishō Canon, vol. 40, p. 500, upper column). In order to provide a glimpse of the context of the text, we carefully record the relevant verses of the *Sifenlü* below (words found in PT1249 are marked with an underscore):

若式叉摩那學戒已，若年滿二十、若滿十二，應與受大戒。白四羯磨，應如是與戒。將受戒人離聞處著見處，是中戒師應差教授師。『大姊僧聽！此某甲從和尚尼某甲求受大戒。若僧時到僧忍聽，某甲為教授師。白如是。』教授者應至受戒人所語言：『汝此安陀會、齋多羅僧、僧伽梨、此僧竭支覆肩衣、此是鉢，此是汝衣鉢不？諦聽！今是真誠時，我今問汝，有便言有，無當言無。汝字何等？和尚字誰？年滿二十不？衣鉢具不？父母若夫主為聽汝不？不負人債不？非婢不？是女人不？女人有如是諸病：癩、白癩、癰疽、乾疽、癲狂、二根、二道合、道小、大小便常漏、大小便涕唾常出。汝有如是諸病不？』若答言：『無。』應語言：『如我向者所問，僧中亦當如是問汝。汝亦當作如是答。』彼教授師問已，應還至僧中，如常威儀至舒手及比丘尼處立，應作白：『大姊僧聽！此某甲從和尚尼某甲求受大戒。若僧時到僧忍聽，我已教授竟聽使來。白如是。』彼應語言：『來。』來已應為捉鉢，教禮比丘尼僧足，在戒師前胡跪合掌，白如是言：『大姊僧聽！我某甲從和尚尼某甲求受大戒，我某甲今從僧乞受大戒，和尚尼某甲。眾僧拔濟我，慈愍故。』如是第二、第三說。是中戒師應作白：『大姊僧聽！此某甲從和尚尼某甲求受大戒，此某甲今從僧乞受大戒，和尚尼某甲。若僧時到僧忍聽，我問諸難事。白如是。』『汝諦聽！今是真誠時、實語時。我今問汝，有當言有，無當言無。汝字何等？和尚字誰？年滿二十不？衣鉢具不？父母若夫主聽汝不？汝非負人債不？汝非婢不？汝是女人不？女人有如是諸病：癩、白癩、癰疽、乾疽、癲狂、二根、二道合、道小、大小便常漏、大小便涕唾常出。汝有如是諸病不？』答言：『無。』應作白：『大姊僧聽！此某甲從和尚尼某甲求受大戒，此某甲今從僧乞受大戒，和尚尼某甲。某甲所說清淨，無諸難事，年滿二十，衣鉢具足。若僧時到僧忍聽，為某甲受大戒，和尚尼某甲。白如是。』『大姊僧聽！此某甲從和尚尼某甲求受大戒，此某甲今從眾僧乞受大戒，和尚尼某甲。某甲所說清淨，無諸難事，年滿二十、衣鉢具足。僧今授某甲大戒，和尚尼某甲。誰諸大姊忍僧授某甲大戒、和尚尼某甲者默然，誰不忍者說。是初羯磨竟。』第二、第三亦如是說。『僧已忍與某甲受大戒竟、和尚尼某甲，僧忍，默然故，是事如是持。』

The *Sifenlü* here describes the ordination method for bhikshunis. More specifically, it explains the method for receiving full ordination after two years of perception in a specific subsection of the Vinaya. In Dunhuang, the content related to the use of this text will be

⁴ If the text in the first and second lines of the fragment is not in bold, it can always be found in the relevant passage in the *Sifenlü*.

described later. In this article, we first examine the nature of the sound, and the date on which this fragment was written.

2. Nature of the sound of the PT1249 fragment and its dating

The following table shows the sound of the text below the third line on the front of the fragment that can be accurately matched with the text of the *Sifenlù*⁵.

Chinese Characters	Phonological category in Middle Chinese	Tibetan transcription	Position of appearance
和	果合一平戈匣	hwa	R3, R4, V1, V2, V3
故	遇合一去暮見	ko	V3
如	遇合三平魚日	zhI	R4, V4
無	遇合三平虞微	'bu	V1
大	蟹開一去泰定	da'I	R3, R4, V2
戒	蟹開二去怪見	ke	R3, R4, V2
尼	止開三平脂泥	'ji, 'jI	R3, R4, V1, V2, V3
是	止開三上紙禪	shi, shI	R4, V3
事	止開三去志崇	shI	V3
受	流開三上有禪	shI'u	R3, R4, V2
某	流開一上厚明	'bu	R3, R4, V1(2), V2(2), V3
甲	咸開二入狎見	kab	R3, R4, V1(2), V2(2), V3
然	山開三平仙日	zhan	V3
說	山合三入薛書	shwar	R3, V1
忍	臻開三上軫日	zhIn	V2, V3
乞	臻開三入迄溪	khIr	R3
尚	宕開三去漾禪	zhang	R3, R4, V1, V2, V3
僧	曾開一平登心	sing	V3
默	曾開一入德明	'big	V3
白	梗開二入陌並	beg	R4
清	梗開三平清清	tsheng	R3, V1
淨	梗開三去勁從	dzeng, tsheng	R3, V1

⁵ The Middle Chinese pronunciation of each character is based on Ding Shengshu 丁聲樹, *Gujin ziycin duizhao shouce* 古今字音對照手册 [A Handbook of Comparative Pronunciation of Ancient and Modern Chinese Characters] (Beijing: Zhonghua Shuju, October 1981). The Latin transliteration of the pronunciation is given next, and the position of the character in the manuscript is listed last. For example, R3 is the third line on the *recto*, and V1 is the first line on the *verso*.

As shown in the table above, there are only 22 unique Chinese characters; however, they are indispensable for exploring the nature of their pronunciation and the era in which they were written. They are also helpful for supplementing Tibetan transcriptions of Chinese texts⁶.

As mentioned at the beginning of this article, an observation of the transcription of Chinese texts in Tibetan script from Dunhuang reveals two distinct levels: the earlier period was based on the pronunciation of Chang'an, while the later period was based on the local *Hexi* 河西 dialect prevalent in the Dunhuang area⁷. Now, an observation of the transcription of this fragment reveals that it is based on the pronunciation of Chang'an, as few elements of the *Hexi* dialect can be found. It inevitably also contains some characteristics of the *Hexi* dialect; for example, the word “ru” 如 is transcribed in Tibetan script as *zhi*. However, the Tibetan script of the *Emituojing* 阿彌陀經 (O)⁸ and the *Tiandi bayang shenzhoujing* 天地八陽神呪經 (TD) are also written in the same way, which should be the result of the influence of the local dialect on the Chang'an dialect that was popular in Dunhuang. On the contrary, the clear characteristic of the pronunciation based on the Chang'an dialect is that the nasal rhyme endings of the *dang* 岩 and *geng* 梗 rhyme groups are retained. Here are some examples:

清 <i>geng</i> rhyme group	<i>tsheng</i> (tshe) R3, V1
淨 <i>geng</i> rhyme group	<i>dzeng</i> (dze) R3, <i>tsheng</i> V1.
尙 <i>dang</i> rhyme group	<i>zhang</i> (zho) R3, R4, V1, V2, and V3

The corresponding sounds in parentheses are those of the *Hexi* dialect, which appear universally in the manuscripts from the *Cao* 曹 Family *Guiyi* Army period in the 10th century. Such loss of nasal consonant endings appears only in the *geng* and *dang* categories, and not in the *tong* 通 and *zeng* 曾 rhyme groups, which also have soft palate nasal consonant endings. Although the character *seng* 僧 appears in the third line of the *verso* side, it is a first-grade character of the *zeng* rhyme group, and in this fragment as well, the nasal consonant is preserved in the third line of the *verso* side. This is also preserved in the *Hexi* dialect, so it cannot serve as a criterion for distinguishing between new and old pronunciations. Incidentally, the character *jing* 淨 is written as *tsheng* instead of the standard *dzeng* in the first line of the reverse side, and is likely influenced by the preceding *qing* 清 written as *tsheng*. The rhyme ending is correctly written as -ng. Other examples of corresponding sounds do not provide clear evidence for distinguishing between the new and old forms; therefore, we will not go into detail about individual corresponding sounds here, but overall, this fragment can be considered to be from the old form. Furthermore, considering the external characteristic that this fragment is bound in the Indian style, it is likely to date back to the Tibetan period. If this is indeed from the Tibetan period, it could be one of the oldest examples of Tibetan scripts used to write Chinese text.

⁶ For example, see the Appendix 3: “Sound table of the transcriptions”, from the work by Tokio Takata, *Tonkō Siryō ni yoru Chiyogokugo-shi no Kenkyū* (A Study of Chinese Language History Using Dunhuang Sources).

⁷ See the above-cited Tokio Takata, *A Study of Chinese Language History Using Dunhuang Sources*, pp. 37–38.

⁸ Abbreviations such as O and TD are also used in the above-cited work.

3. The actual situation of the ordination of śikṣamānā during the Tibetan period

This fragment is based on the *Sifenlü* and specifically records the procedures for the full ordination of śikṣamānā and the actual questions and answers that should be recited during it. This may have been performed during the ceremony.

The term śikṣamānā is explained in the *Xuanying yinyi* 玄應音義 as “zhengxue 正學, śikṣamānā in Sanskrit, meaning two-year students of the precepts.” The *Shishi yaolan* 釋氏要覽 explains it as “śikṣamānā: this means the female students of the Dharma, similar to the long hair of nuns today. The *Sifenlü* says that at the age of eighteen, young girls should learn for two years, meaning that they should train for two years their bodies and train their minds with the six methods.” Before a śramaṇerikā reaches the age of 18 and is formally ordained as a nun, she must study for two years. During this period, she is called a śikṣamānā in Sanskrit, and zhengxue or xuesanü 學法女 in Chinese⁹. Originally, a śramaṇa did not need to go through this stage to become ordained as a monk, but as a woman, she must go through this stage to become a śramaṇerikā. During these two years, a śikṣamānā must learn and practice the six precepts: no sexual misconduct, no theft, no killing, no lying, no alcohol, and no eating or drinking at inappropriate times. Only then are they qualified to receive full ordination, and pass the judgment of karma¹⁰.

During the Tibetan period, there were naturally also śikṣamānā ordinations in Dunhuang. However, there is little evidence on how these ordinations unfolded. The specific sequence and dialogue of the Buddhist ordination ceremony is translated into Chinese as “karmas (羯磨)”. The texts of the “Shichamona shou dajiefa 式叉摩那受大戒法” in the *Biqiuni jiemo* 比丘尼羯磨 (Karmas of the Bhikkhunis) translated by the *Cao Wei* 曹魏 period monk, Tandi 曇諦 (*Dharmasatya*)¹¹, and the text of the “Shichamona shou dajiefa” in the *Sifen biqiuni jiemo fa* 四分比丘尼羯磨法 translated by the *Liu Song* 劉宋 period monk, Guṇabhadra 求那跋陀羅¹², are almost identical. In particular, the latter is almost a verbatim reproduction of the text of the *Sifenlü*, but as mentioned in the first section of this article, there is a ‘difference of one character’ between the text and the fragment PT1249.

There is no other way to examine the nature of a fragment than to carefully examine the fragment itself. The statements written in the first and second lines on the front of the fragment are not found in the *Sifenlü* or the *Sifen biqiuni jiemo fa*, which is different from the extant literature, or it may be some other kind of literature. If this is the case, it is impossible to explain why the third line and below is undoubtedly an excerpt of the “17th chapter of *Biqiuni jiandu*” in the 48th volume of the *Sifenlü*. The first two lines indicate the exact location of the problem. The sentences in them, as mentioned above, are either commonly found in the same position in the *Sifenlü*, or not found at all in the *Sifenlü*. The above text is based only on phonetic deductions. If the phrases ‘nun said that she had already learned the precepts’ and ‘the ceremony must be performed with proper knowledge of the Dharma’ formulated by the author are correct, then this should be a supplement to the *bai* 白 (spoken words) made in order to guide the person receiving the precepts after the sequence of the

⁹ *Fanyi mingyiji* 翻譯名義集, vol. 1: “śikṣamānā, which means female student of the Dharma”.

¹⁰ The original meaning of “karma” was a meeting within the monastic community, but it came to refer to important issues such as the ordination ceremony, and even to the actions performed during the ceremony.

¹¹ Taishō Tripitaka 1926: 1061, upper column.

¹² Taishō Tripitaka 1926: 1066, upper column.

great precepts of the śikṣamānā in the 17th chapter of *Biqiuni jiandu* of the *Sifenlü* is abbreviated. In the large excerpt from the *Sifenlü* quoted in the first section of this text, there are questions from the teacher and preceptor interspersed, which are not found in this fragment. In this fragment, only the statement that should be made by the śikṣamānā as the ordained party is recorded, so it is speculated that it may be a manual for the śikṣamānā. It is inferred that there may have been more than one śikṣamānā preparing to take the full ordination, and this text was prepared for them.

From a different perspective, there may be another, rarer scenario: when it was time for an illiterate śikṣamānā to take the full ordination, she asked someone to transcribe the necessary content from the *Sifenlü* in Tibetan script; or perhaps she asked for the pronunciation of the relevant content and recorded it in Tibetan. However, considering that there are also phrases in this fragment that are not found in the *Sifenlü*, such as ‘*yi ni dayan yi xuecheng* 以尼答言已學戒 (as the nun replied that she had already learned the precepts)’, the above inference may not be very likely. It is more likely that there is a similar Chinese text in circulation, and this fragment was written in Tibetan.

Returning to the fragment itself, the *recto* side has four lines, which are the beginning of a paragraph, whereas the *verso* side has only three lines, which are the exact end of a paragraph. This makes us feel that the text is complete. It can be seen that the text is short and can be written on a piece of paper. In any case, it can be considered that the original Chinese text on which it is based is a very short practical fragment; in that light, its loss is also reasonable.

Conclusion

The above is a small note on the Chinese fragment in Tibetan script PT1249, which is quite interesting as an example of using the Tibetan script to write a Chinese text for the precept of śikṣamānā. On the one hand, the Dunhuang community strictly adhered the ordination ceremony during the Tibetan period; on the other hand, the people who did not know Chinese characters could also receive precepts. From these phenomena, it can be inferred that the literacy rate in Dunhuang in the ninth and tenth centuries was relatively low. Although the literacy rate of monastics was much higher than that of the general public, there were still bhikṣu and bhikṣunī who did not know Chinese characters. The Tibeto-Chinese phonetic transcription in Tibetan script, the ‘Long scroll’ (IOL Tib J 1772 (C131), Cf. Takata 1993: 380–313) has 485 lines on both sides. Judging from its phonological characteristics, it was produced in the tenth century rule by the Cao Family of Guiyi Army. The front side of the ‘Long scroll’ contains questions and answers on religious teachings, while the back side contains Buddhist hymns and similar literature. It is also likely used by monks who cannot read Chinese characters to participate in daily religious activities. The author of this paper believes that the background of the fragment PT1249 discussed should be similar, and that the difference between the two lies in the different times of the manuscripts. The fragment PT1249 should be a manuscript from the Tibetan rule.

References

- Ding Shengshu 1981 — Ding Shengshu 丁聲樹. *Gujin ziyin duizhao shouce* 古今字音對照手册 [A Handbook of Comparative Pronunciation of Ancient and Modern Chinese Characters] (Beijing: Zhonghua Shuju, October 1981) (in Chinese).

- Lalou 1950 — Lalou, Marcelle. *Inventaire des manuscrits tibétains de Touen-houang conservés à la Bibliothèque Nationale*. II, Nos 850–1282, Paris: Bibliothèque Nationale, 1950 (in French).
- Simon 1958 — Simon, Walter. “A Note on Chinese Texts in Tibetan Transcription”. *BSOAS*, (1958), vol. 21, no. 1/3, pp. 334–343 (in English).
- Taishō Shinshū Daizōkyō 1926 — *Taishō Shinshū Daizōkyō* 大正新脩大藏經. Vol. 22. Ed. by Takakusu Junjirō 高楠順次郎. Tokyo: Taishō issaikyō kankōkai 大正一切經刊行会, 1926 (in Japanese).
- Taishō Shinshū Daizōkyō 1927 — *Taishō Shinshū Daizōkyō* 大正新脩大藏經. Vol. 40. Ed. by Takakusu Junjirō 高楠順次郎. Tokyo: Taishō issaikyō kankōkai 大正一切經刊行会, 1927 (in Japanese).
- Takata 1988 — Takata Tokio 高田時雄. *Tonkō Siryō ni yoru Chūgokugo-shi no Kenkyū: 9–10 seiki no Kasei Högen* 敦煌資料による中國語史の研究: 九・十世紀の河西方言 [A Study of Chinese Language History Using Dunhuang Sources: The Hexi Dialect of the Ninth and Tenth Centuries], (Tokyo: Sōbunsha, 1988) (in Japanese).
- Takata 1993 — Takata Tokio 高田時雄. *Chibetto moji shosha ‘Chōkan’ no kenkyū (hobun hen)* チベット文字書寫「長卷」の研究（本文編）[A Study of the Tibetan Script ‘Long Scroll’ (Text Part)], *Tōhō Gakuhō* 東方學報, Kyoto, vol. 65 (March 1993), pp. 380–313 (in Japanese).
- Takata 2013 — Takata Tokio 高田時雄. *Zangwen shuxie de hanwen ‘Yuan xinlang’、Yuan xinfu’* 藏文書寫的漢文《願新郎、願新婦》[Chinese text ‘Yuan xinlang’ and ‘Yuan xinfu’ in Tibetan script]. In: Wang Sanqing 王三慶 and Cheng A-tsai 鄭阿財 (eds.), 2013 敦煌、吐魯番國際學術研討會論文集 [2013 Dunhuang and Turfan International Symposium Proceedings], Tainan: Department of Chinese Literature, National Cheng Kung University, December 2014, pp. 233–239 (in Chinese).
- Thomas, F.W. & Clauson, G.L.M. 1926 — Thomas, F.W. & Clauson, G.L.M. “A Chinese Buddhist Text in Tibetan Writing”. *JRAS*, 1926, No. 3, pp. 508–526 (in English).
- Thomas, F.W. & Clauson, G.L.M. 1927 — Thomas, F.W. & Clauson, G.L.M. “A Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters”, *JRAS*, 1927, No. 2, pp. 281–306. Supplementary Note, pp. 858–860 (in English).

Заметка о китайском фрагменте в тибетском рукописном документе PT1249

ТАКАТА Токио

заведующий библиотечным отделом Toyo Bunko
Токио, Япония

Статья поступила в редакцию 11.06.2025.

Аннотация: PT1249, частично сохранившийся текст на китайском языке, записанный тибетским письмом, прежде не был идентифицирован. Автор статьи установил, что данный документ представляет собой часть беседы с послушницей śikṣamārī, получающей наставления в буддийской вере. Текст содержит часть *Бицюни цзяньду* 比丘尼捷度第十七 «Винаи из четырех частей» (*Сыфэньюй* 四分律), сопровождаемой введением. Прежде китайские тексты винаи, записанные тибетским письмом, известны не были. Тексты на китайском языке, полностью аналогичные данному, также не сохранились. Произнесение таких заповедей было неотъемлемой частью принятия обета монахиней, и она должна была знать их наизусть. Таким образом, даже

неграмотная послушница могла быть принята в монашество. Фонетический подход к передаче китайского языка характерен периоду тибетского владычества в Дуньхуане. В статье также представлен восстановленный по транслитерации китайский иероглифический текст. Данный фрагмент дает материал для изучения бытования буддизма, а также языковой ситуации в Дуньхуане в период тибетского владычества.

Ключевые слова: китайский язык тибетским письмом, текст виная, Дуньхуан в период тибетского правления, дуньхуанские рукописи.

Для цитирования: *Takata Tokio*. Заметка о китайском фрагменте тибетским письмом РТ1249 // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 146–155 (на англ. яз.). DOI: 10.55512/WMO692172.

Об авторе: ТАКАТА Токио, почетный профессор, Киотский университет, заведующий, Библиотечный отдел, Тоё Бунко (Токио, Япония) (takatatokio@gmail.com).

О собраниях чуских строф эпохи Сун (960–1279)

М.Е. КРАВЦОВА

Независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO692199

Статья поступила в редакцию 19.05.2025.

Аннотация: В статье анализируются сведения о собраниях чуских строф (*чу цы*), созданных в эпоху Сун (960–1279), которые представлены в сочинениях того времени и в библиографическом трактате из официального историографического сочинения «Сун ши» («История Сун»). Особое внимание уделено информации о собрании «Чу цы чжан цзюй» («Чуские строфы» с построфными и построчными [разъяснениями]) Ван И (П в.) и о редакции «Чу цы бу чжу» («Чуские строфы с восполняющим комментарием») Хун Синцзу (1090–1155), а также их изданиям эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911). Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, о составе и композиции обоих памятников известно только по изданиям эпохи Мин. Велика вероятность, что тогда же утвердилась и версия об их текстуальном тождестве. Во-вторых, в эпоху Сун бытовало несколько различных коллекций чуских строф, которые могли послужить основой для редакции Хун Синцзу. В-третьих, «классический» вариант собрания «Чу цы» — из 17 глав (произведений), расположенных в хронологическом порядке, — утвердился тоже при Мин, причем под вероятным влиянием редакции «Чу цы цзи чжу» («Чуские строфы со сводным комментарием») Чжу Си (1130–1200).

Ключевые слова: китайская поэзия, чуские строфы, собрания «Чу цы», эпоха Сун.

Для цитирования: Кравцова М.Е. О собраниях чуских строф эпохи Сун (960–1279) // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 156–167. DOI: 10.55512/WMO692199.

Об авторе: КРАВЦОВА Марина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия) (kravtsova_sin@mail.ru).

© Кравцова М.Е., 2025

Предложенная публикация продолжает серию авторских статей (Кравцова 2020а; 2020б), посвященных истории собраний чуских строф. Напомню, что как чуские строфы (*чу цы/чуцы* 楚辭) обозначаются (при наличии и других терминологических названий, см. ниже) поэтическая традиция, возникшая в древнем царстве Чу 楚 (XI в. — 223 г. до н.э.), и относимые к ней отдельные произведения. Сохранилось 17 таких произведений, все представлены в собрании «Чу цы чжан цзюй/чжанцзюй» 楚辭章句 («Чуские строфы с построфными и построчными [разъяснениями]», далее — ЧЦЧЦ), которое, как это принято считать, составил Ван И 王逸, малоизвестный в целом книжник первой половины эпохи (империи) Поздняя (Восточная) Хань

(Хоу/Дун Хань 後/東漢, 25–220)¹. Судя по дошедшим до нас редакциям этого собрания (см. ниже), оно состояло из 17 глав (*цзюаней 卷*), каждую занимало одно произведение, независимо от его объема. Отчетливо прослеживаются две хронологические серии: древние чуские строфы, созданные, по уверениям Ван И², в IV–III вв. до н.э. (период Чжаньго 戰國, «Борющиеся/Сражающиеся царства»), и произведения эпохи (империи) Ранняя (Западная) Хань (Цзянь/Си Хань 前/西漢, 206 г. до н.э.—8 г. н.э.). К первой из них отнесены (в принятом для ЧЦЧЦ порядке их расположения): № 1 — поэма «Ли сао» 離騷 («Обреченный на страдания»)³, № 2 — цикл «Цзю гэ» 九歌 («Девять песен»), № 3 — поэма «Тянь вэнь» 天問 («Вопросы к Небу»), № 4 — цикл «Цзю чжан» 九章 («Девять элегий»), № 5 — поэма «Юань ю» 遠遊 («Путешествие в даль»), № 6–7 — прозопоэтические произведения «Бу цзюй» 卜居 («Гадание о жилье») и «Юй фу» 漁父 («Отец-рыбак»). Все приписаны (Ван И) чускому поэту Цюй Юаню 屈原, жившему, по уверению традиции, в период Чжаньго⁴. Также к первой хронологической серии относятся: № 8 — поэма (или цикл) «Цзю бянь» 九辯 («Девять рассуждений») Сун Юя 宋玉 (III в. до н.э.)⁵; № 9–10 — поэмы «Чжао хунь» 招魂 («Призывание души») и «Да чжао» 大招 («Великое призывание»), приписанные либо Цюй Юаню, либо другим чуским поэтам (Кравцова 2022: 120–127, 150–151). Ко второй хронологической серии отнесены раннеканьские *чу цзы*: № 11 — поэма «Си ши» 惜誓 («Сожаление о клятвах») Цзя И 賈誼 (ок. 201—168 гг. до н.э.)⁶; № 12 — поэма «Чжао инь ши» 招隱士 («Призывание сокрывающегося от мира») кого-то из придворных книжников принца Хуайнань-ван Лю Аня 淮南王劉安 (179–122 гг. до н.э.) либо его самого; № 13 — цикл «Ци цзянь» 七諫 («Семь увещеваний») Дунфан Шо 東方朔, состоявшего при дворе императора У-ди (Хань У-ди 漢武帝, или Сяо-уди 孝武帝, прав. 140–86 гг. до н.э.); № 14 — поэма «Ай ши мин» 哀時命 («Плач о выпавшей судьбе») Янь Цзи 嚴忌 (II в. до н.э.); № 15 — цикл «Цзю хуай» 九懷 («Девять переживаний») Ван Бао 王褒 (I в. до н.э.); № 16 — цикл «Цзю тань» 九歎 («Девять волнений») знаменитого ученого и литератора Лю Сяна 劉向 (77–6 гг. до н.э.). Сборник завершает (№ 17) цикл «Цзю сы» 九思 («Девять дум») самого Ван И.

Как видим, собрание Ван И достаточно четко построено по хронологическому принципу. В аналогичном порядке все 17 произведений *чу цзы* воспроизведены в подавляющем большинстве современных изданий (например: Чу цзы цзи 2003) и в полных переводах ЧЦЧЦ на европейские языки (Ch'u tz'u 1959; Ch'u tz'u 1985; Élégies de Chu 2004). Между тем в письменных источниках эпохи Поздней Хань и эпохи ЛючАО (六朝, «Шесть династий/государств», III–VI вв.) лишь констатирован факт создания ЧЦЧЦ без указания его объема (в главах) и состава⁷. Допускают даже, что оригинал сборника мог быть утрачен в конце Поздней Хань (Юй Цзяси

¹ Сведения о жизни Ван И и его работе над ЧЦЧЦ см. (Кравцова 2020а).

² Ван И не только снабдил каждое произведение развернутыми толкованиями (чжсан цзуй), но и предпослал им предисловия, в которых указал их авторство.

³ Название поэмы понимают и переводят по-разному, подробно см. (Кравцова 2022: 196–197).

⁴ О проблеме историчности Цюй Юаня и переводах перечисленных произведений на русский язык см. (Кравцова 2022: 8–9, 41–47).

⁵ Полный перевод и анализ см. (Кравцова 2022: 308–331).

⁶ Авторство почти всех названных произведений спорно. Цзя И — один из крупнейших поэтов начала Ранней Хань, кому принадлежат в том числе несколько одических произведений (*фу* 賦) (Кравцова 2019: 396–399).

⁷ В первую очередь в официальном жизнеописании Ван И из «Хоу Хань шу» 後漢書 «Книга [о] Поздней Хань», составленной в 430–440-е годы (Кравцова 2020а: 57–58).

1985, IV: 1227)⁸. По свидетельству письменных источников эпохи Тан 唐 (VII–XI вв.), прежде всего библиографических трактатов, входящих в официальные историографические сочинения (*чжэниши* 正史 «образцовая/династийная история»)⁹, при Лючао и Тан имелись в общей сложности около десяти различных редакций чуских строф, ни одна из них не сохранилась, сведения об их составе отсутствуют (Кравцова 2020б). Среди них фигурирует и сборник Ван И, но под названием «Чу цы» 楚詞 («Словеса Чу») и объемом в 12 или 16 цзюаней, точный состав вновь не указан. Вместе с тем следует помнить, что библиографические трактаты (наиболее принятые названия — «Цзин цзи чжи» 經籍志 («Трактат о канонах и книжных собраниях») и «И вэнь чжи» 藝文志 («Трактат о канонах и книжной словесности»)) воспроизводили каталоги императорской библиотеки соответствующих исторических периодов, и, следовательно, нельзя исключать возможность бытования каких-то рукописей в частных библиотечных коллекциях.

Впервые для библиографических трактатов из чжэниши собрание Ван И из 17 цзюаней названо в «И вэнь чжи» из «Сун ши» 宋史 («История Сун»)¹⁰ — официального историографического сочинения, посвященного эпохам Северная Сун (Бэй Сун 北宋, 960–1127) и Южная Сун (Нань Сун 南宋, 1127–1279), но составленного в первой половине XIV в.¹¹ Важно, что в этот трактат занесены преимущественно печатные издания¹². Сохранились также сведения (Цзян Лянфу 1961: 11) о двух ксиографических изданиях сборника под названием «Чу цы чжан цзюй ши ци цзюань» 楚辭章句十七卷 («Чуские строфы с построфными и построчными [разъяснениями] в 17 главах»): в годы под девизами правления Цзин-кан 靖康 (1-й месяц 1126 — 6-й месяц 1127 г.) и Цянь-дао 乾道 (1165–1174). Сообщение о первом из них видится малоправдоподобным: Цзин-кан — обозначение фактически номинального времени правления императора Цинь-цзуна 欽宗, когда столица империи Северная Сун (на месте современного г. Кайфэн) находилась в осаде чжурчжэней (*нююйжэнь* 女真)¹³. Девиз Цянь-дао охватывает первую половину правления второго монарха Южной Сун — Сяо-цзуна 孝宗 (прав. 1162–1189), при котором (после подписания мирного

⁸ Книжное наследие обеих империй Хань и последующих исторических эпох понесло поистине гигантские и невосполнимые утраты по причине массовой гибели книжных (рукописных) собраний — императорских библиотек и частных коллекций во время историко-политических коллизий (междоусобных войн, нашествий и т.д.); см., например (Меньшиков 2005: 44–50).

⁹ Сочинения, создаваемые по августейшему повелению и после гибели соответствующего государства.

¹⁰ Занимает восемь глав (цз. 202–209), список редакций чуских строф приведен в начале главы 208 (Сун ши 1977, XVI: 5327).

¹¹ В эпоху Юань 元 (1271–1368), т.е. во времена монгольского владычества в Китае; подробно об истории создания «Сун ши» см. (История Китая 2016: 39).

¹² В технике ксиографической печати (с резных досок-матриц), которая утвердилась при Северной Сун (История Китая 2016: 588–591).

¹³ Напомню, что чжурчжэны начали масштабное наступление на империю Сун в 1125 г. Хуэй-цзуна 徽宗 (1100–1126) отрекся от трона в пользу сына (Цинь-цзуна), кто пытался не столько организовать оборону страны, сколько договориться о мире с грозным противником. Чжурчжэны осадили столицу в конце 1-го месяца 1126 г., и через год город сдался на милость победителей. Хуэй-цзуна и Цинь-цзуна увезли в плен. Власти Цзинь, объявив о низложении сунского правящего дома (Чжао 趙), захватили большую часть регионов р. Хуанхэ. Сопротивление возглавил один из младших сыновей Хуэй-цзуна (Чжао Гоу 趙構, 1107–1187), ему удалось отстоять Юг страны (регионы бассейна Янцзы) и стать первым монархом (Гао-цзун 高宗, прав. 1127–1162) Южной Сун (подробно см.: История Китая 2016: 263–288).

договора с чжурчжэнами, 1142 г.) власти предприняли активные усилия по реставрации устоев национальной государственности (История Китая 2016: 306–307). Еще в начале 1140-х годов приступили к восстановлению фондов императорской библиотеки, бывшей одним из символов духовного величия империи (Cambridge History 2009: 692). Чиновникам на местах было велено отыскивать книги в частных библиотеках и за казенный счет снимать с них копии. Власти активно поддерживали книгопечатание. Известно, что при Южной Сун функционировало в общей сложности около двухсот печатен, большинство были частные, многие находились на периферии (Чжао Гуайсюнь 2011: 44–45). Владельцев печатен обязали посыпать в императорскую библиотеку экземпляры изданных книг. Значит, сборник Ван И действительно мог быть издан, и велика вероятность — с манускрипта из частной коллекции. Однако до нас дошли издания «Чу цы чжан цзюй ши ци цзюань», выполненные уже в эпоху Мин 明 (1368–1644), когда реставрировали собственно китайскую империю. Самое раннее из них датировано 1518 г. (13-й год под девизом Чжэн-дэ 正德, 1506–1522) и содержит указание, что оно напечатано с сунского ксилографа, но в редакции, подготовленной Хуан Шэнцзэном 黃省曾 (1496–1545) (Цзян Лянфу 1961: 12). Два других издания — середины годов под девизом Цзя-цзин 嘉靖 (1522–1567) и 1571 г. (5-й год под девизом Лун-цин 隆慶, 1567–1572) — тоже объявлены выполненными с сунских ксилографов (Хун Чжанъху 1984: 8). Однако полной уверенности в их аутентичности нет.

Всего в «Сун ши» числятся 10 различных редакций чуских строф (Сун ши 1977, XVI: 5327). Список открывает собрание «Чу цы» 楚辭 в 16 цзюаней, «составленное чуским Цой Юанем и другими» (Чу Цой Юань дэн чжусань 楚屈原等撰), что вновь указывает на возможность бытования нескольких текстуальных версий собрания чуских строф, возводимого к сборнику Ван И. Еще 15 различных сборников (или редакций) упомянуты в источниках сунского времени (Чжао Гуайсюнь 2011: 9–12).

Наибольшее внимание привлекает редакция «Чу цы бу чжу» 楚辭補注 («Чуские строфы с восполняющим комментарием», далее — ЧЦБЧ), подготовленная Хун Синцзу 洪興祖 (1090–1155), ибо принято считать, что сборник Ван И сохранился именно в ее составе. Согласно официальному жизнеописанию («Сун шу», цз. 433), Хун Синцзу (второе имя — Циншань 慶善) сдал экзамен на чиновничью должность и поступил на службу в 1118 г., после падения столицы бежал на Юг, в 1133–1134 гг. получил назначение (для того времени во многих отношениях номинальное) на должность чжэньцызы 正字 («правщик»)¹⁴ в императорскую библиотеку и незадолго до смерти был сослан за критику политического курса на замирение с чжурчжэнами (Сун ши 1977, XXXLII: 12255–12257). В новейших исследованиях завершение работы над ЧЦБЧ уверенно датируют 1123 г. (Чу цы чжуцзо 2003: 17), что заставляет усомниться в вероятности быстрой публикации труда Хун Синцзу. Известно о существовании авторского предисловия к нему, но его утратили (Чу цы бу чжу 2006: 3). В жизнеописании Хун Синцзу сказано о создании им сочинения (объем не указан) «Ли сао чу цы као и» 離騷楚辭考異 (Сун ши 1977, XXXLII: 12257), название которого можно понять как «Исследование различий [между собраниями] ли сао и чу цы». Поясню, что сочетание «ли сао» еще в эпоху Хань эпизодически употребляли в качестве терминологии-

¹⁴ Должность в «низшем» (техническом) штате императорской библиотеки. Состоявшие в этой должности книжники занимались сверкой и правкой книжных рукописей и документации (Меньшиков 2005: 300).

ческого синонима *чу цы*, что дополнительно осложняет понимание названий утраченных текстов. Например, известно о сочинении Ма Жуна 馬融 (78–166) «Ли сао чжу» 離騷注, которое могло быть комментированной редакцией и поэмы «Ли сао», и некой коллекции чуских строф (Кравцова 2020а: 61). Что касается «Ли сао чу цы како и», то в «Сун ши» отдельно занесены «Чу цы бу чжу» в 17 глав и «И како» 考異 в одну главу, второе выступает как бы вспомогательным текстом к первому (Чжао Гуайсунь 2011: 10). Еще более значимо, что сочинение под названием «Чу цы бу чжу» отсутствует в списке редакций чуских строф, данном в знаменитом компендиуме «Тун чжи» 通志 («Общее обозрение») прославленного ученого-энциклопедиста Чжэн Цяо 鄭樵 (1104–1162) (Чжэн Цяо 1990: 689)¹⁵. Чжэн Цяо завершил «Тун чжи» в 1161 г., поэтому объяснение, что он не занес туда редакцию Хун Синцзу по причине ее еще малой известности (Цзян Лянфу 1961: 32), выглядит малоубедительным. В библиографическом трактате «Цзюнь чжай ду шу чжи» 郡齋讀書志 («Трактат о прочтенных книгах в кабинете [губернатора] области», в 4-х цзюанях) Чао Гуньу 晁公武 (второе имя — Цзычжи 子止, 1105–1180), основанном на книжном собрании автора и завершенном в 1151 г. (Ли Юйань, Чэн Чжуаньи 1989: 87), числится сочинение «Бу чжу чу цы ши ци цюань и како и цзюань» 補注楚辭十七卷考異一卷, название которого можно понять как «„Восполняющий комментарий к чуским строфам“ в 17 главах [и к] „Исследованию различий“ в одну главу» (Чао Гуньу 1990: 806). В его библиографическом описании сказано: «Неизвестно, кем составлено. „Чжан цзой“ Ван И, [но] с отсутствующими там восполняющими комментариями». Предполагают, что в библиотеку Чао Гуньу попал небрежно выполненный ксилограф: «В „Трактате“ Чао сказано „неизвестно, кем составлено...“. Но ведь книга Хуна, когда ее впервые напечатали, могла быть под заглавием „Чжан цзой“, без указания имени Синцзуна» (Цзян Лянфу 1961: 32).

За главное доказательство факта создания ЧБЧ и его тождества со сборником Ван И принимают (в том числе Чжао Гуайсунь 2011: 20) рассказ о комментаторской деятельности Хун Синцзу из трактата «Чжи чжай шу лу цзе ти» 直齋書錄解題 («Аннотированная библиография книг из кабинета Чжичжай», в 22-х цзюанях) Чэн Чжэньсуня 陳振孫 (второе имя — Боюй 伯玉, 1179/1183 — ок. 1262), тоже основанного на личном собрании автора (из 51 480 книжных свитков: Ли Юйань, Чэн Чжуаньи 1989: 94). Читаем (цз. 15): «Синцзу в молодые годы получил от Люй Чжанъжу 柳展如 [рукопись] в 10 цзюаней с правкой, внесенной рукой [самого] Дунпо 東坡¹⁶, и просто отметил различия и сходство между двумя текстами: этим и имевшимся у него. Затем получил [книгу] от Хун Юйфу 洪玉父 с различными исправлениями, сделанными 14–15 учеными, и использовал ее в качестве основного текста. Кто начал создавать восполняющие комментарии к „Чжан цзой“ Ван И, установить невозможно. Когда же закончил свою книгу, еще получил текст от Яо Яньхуэя 姚延輝 и тогда создал „Као и“, в качестве приложения внес туда древний текст „Ши вэн“¹⁷. И наконец, получил текст с правками Оуяна Юншу 歐陽永叔¹⁸, Сунь Синьлао 孫莘老, Су Цзыжуна 蘇子容¹⁹... и внес их все в „Као и“» (Чэн Чжэньсунь 1987: 434).

¹⁵ О названных там редакциях *чу цы* см. (Кравцова 2020б: 30).

¹⁶ Знаменитый мыслитель, ученый и литератор Су Ши 蘇軾 (1036–1101).

¹⁷ Об этом тексте см. ниже.

¹⁸ Знаменитый ученый-историк и литератор Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072).

¹⁹ Лица из близкого окружения Су Ши (Цзян Лянфу 1984: 388).

Во-первых, в приведенном пассаже о ЧЦБЧ вообще не упоминается, все в нем сказанное относится исключительно к «Као и», фигурирующему здесь под названием «Чу цы као и» 楚辭考異 («Изучение различий [между собраниями] чуских строф»), объемом в одну главу. Во-вторых, если предположить, что Чэнь Чжэньсунь все же имел в виду работу Хун Синцзу над ЧЦБЧ, то его комментарии должны были включать в себя толкования, принадлежавшие приблизительно 20 книжникам конца Северной Сун во главе с Су Ши и Оуян Сю. Подсчитано, что Хун Синцзу снабдил произведения из ЧЦЧЦ в общей сложности 409 дополнительными пояснениями, но они основаны преимущественно на книгах I–X вв. (Лю Хунбо 2010: 6–7). Ссылки на толкования северосунских книжников если и присутствуют, то в мизерном числе.

Редакция Хун Синцзу дошла до нас исключительно в изданиях эпохи Мин; наиболее аутентичной признана версия, напечатанная в середине годов Чун-чжэнь 崇禎 (1628–1645) в широко известной тогда столичной частной типографии «Цзигугэ» 沢古閣, с которой выполнено подавляющее большинство ксилографов XVII–XIX вв. (Хун Чжанъху 1984: 16; Цзян Лянфу 1961: 34–36). Точка зрения о тождестве ЧЦБЧ и ЧЦЧЦ надежно прослеживается тоже только с конца эпохи Мин, когда появились «объединенные» издания: три под названием «Чу цы ши ци цзюань. Ван И чжан цзюй, Хун Синцзу бу чжу» 楚辭十七卷.王逸章句; 洪興祖補注 («Чуские строфы в 17 главах». Построфные и построчные [разъяснения] Ван И; восполняющий комментарий Хун Синцзу) и два «Чу цы чжан цзюй ши ци цзюань. Ван И чжуань, Хун Синцзу бу чжу» 楚辭章句十七卷.王逸撰; 洪興祖補注 («Чуские строфы с построфными и построчными [разъяснениями] в 17 главах». Составлены Ван И, восполняющий комментарий Хун Синцзу), некоторые переизданы в самом начале эпохи Цин 清 (1644–1911) в типографии «Цзигугэ» (Чу цы чжан цзюй 2007, V: 3034–3035, 3037). Окончательно же эта точка зрения утвердилась во второй половине эпохи Цин и во многом благодаря авторитету каталога императорской библиотеки «Сы ку цюань шу цзун мути яо» 四庫全書總目提要 («Пояснения к сводному каталогу всех книг по четырем хранилищам»)²⁰. Там (цз. 148) «Чу цы бу чжу» стоит вслед за «Чу цы чжан цзюй» с разъяснением, что Хун Синцзу истолковывал и дополнительно пояснял комментарии Ван И (Сы ку цюань шу 1965, II: 1268).

По признанию самого Хун Синцзу, он использовал редакцию «Чу цы ши вэнь» 楚辭釋文 («Чуские строфы с комментариями к отдельным знакам»), и в его толкованиях вычленяют 118 ссылок на нее (Цзян Лянфу 1984: 402–411). Об этой редакции (как анонимном сочинении) тоже говорится в трактатах ЧАО ГУНЬЮ (ЧАО ГУНЬЮ 1990: 805) и ЧЭНЬ ЧЖЭНЬСУНЯ (ЧЭНЬ ЧЖЭНЬСУНЬ 1987: 433–434), где она, соответственно, фигурирует под названиями «Чу цы ши вэнь» и «Ли сао ши вэнь» 離騷釋文 («[Произведения]-лисао с комментариями к отдельным знакам»). В обоих трактатах содержится и краткое описание памятника, судя по которому он, несмотря на указанный его объем всего в одну цзюань, вмещал в себя все 17 чу цы, но расположенные в ином, чем в сборнике Ван И, порядке: «Ли сао», «Цзю бянь» Сун Юя, «Цзю гэ», «Тянь вэнь», «Цзю чжан», «Юань ю», «Бу цзюй», «Юй фу», «Чжао инь ши», «Чжао хунь», «Цзю хуай» Ван Бао, «Ци цзянь» Дунфан Шо, «Цзю тань» Лю Сяна, «Ай ши мин» Янь Цзи, «Си ши» Цзя И, «Да чжао» и цикл Ван И²¹.

²⁰ Самый полный аннотированный каталог императорской библиотеки на момент состояния ее фондов в XVIII в., в 200 цзюаней, составленный в 1773–1789 гг.

²¹ Все сведения о «Чу цы ши вэнь» из сунских источников были впервые собраны и систематизированы в (Юй Цзяси 1985, IV: 1227–1228).

В «Тун чжи» Чжэн Цяо данная редакция отсутствует. В «Сун шу» собрание под наименованием «Чу цы ши вэнь» помещено в подраздел (цз. 209), посвященный различным литературным антологиям, а его составителем указан Ван И (Сун ши 1977, XVI: 5393). По мнению комментаторов «Сун ши» (Там же: 5412), Ван И назван ошибочно вместо Ван Мянья 王勉, о котором бегло упоминается в некоторых других сунских источниках. Предполагают (впервые: Юй Цзяси 1985, IV: 1227–1228), что он жил в царстве Южное Тан (Нань Тан, 937–977/6)²² эпохи Удай Шиго 五代十國 («Пять династий/государств и десять царств», 907–960). Однако многие современные исследователи допускают, что «Чу цы ши вэнь» есть древнейшая версия собрания чуских строф, которая сохранилась к XI в., а «схема „Ши вэнь“» была исходно присуща не только редакции Хун Синцзу, но и сборнику Ван И (например: Лю Хунбо 2010: 38; Чжао Гуайсюнь 2011: 106–110)²³.

Еще одна схема расположения произведений представлена в редакции «Чжун бянь чу цы» 重編楚辭 («Заново составленное [собрание] „Чуские строфы“») Чао Бучжи 昀補之 (второе имя — Уцю 無咎, 1053–1100)²⁴. Отсутствующая в «Сун ши», эта схема занесена (с библиографическим описанием) в трактаты Чао Гунью (Чао Гунью 1990: 807) и Чэн Чжэньсуня (Чэн Чжэньсунь 1987: 436). Проследить ее текстуальную судьбу после эпохи Сун невозможно (Цзян Лянфу 1961: 27), однако книга под таким названием была напечатана в 1831 г. в одной из частных типографий (Чу цы чжуцзо 2003: 17). Ее открывает «Ли сао синь сюй» 離騷新序 («Новое предисловие к поэзии/произведениям ли сао») из трех разделов (пянь 篇): «верхний», «средний» и «низший», — которое, несмотря на сомнения в аутентичности всего издания, отнесено к числу важнейших источников по истории собраний чуских строф (Чу цы чжан цзюй 2007, V: 2969–2975). К тому же его содержание совпадает с библиографическим описанием редакции Чао Бучжи из сунских трактатов. Основной корпус «Чжун бянь чу цы» состоял из 16 глав, распадающихся на «верхнюю» (шан 上) и «нижнюю» (ся 下) части, по восемь глав в каждой. В «верхнюю» часть входили только произведения Цюй Юаня, в «нижнюю» — все остальные чу цы, начиная с «Цзю бянь» Сун Юя. Цикл Ван И был выпущен. Произведения Цюй Юаня были расположены в следующем порядке: «Ли сао», «Юань ю», «Цзю чжан», «Цзю гэ», «Тянь вэнь», «Буй цзюй», «Юй фу» и «Да чжао». В «нижней» части соблюден хронологический принцип: «Цзю бянь», «Чжао хунь» (за авторством Сун Юя), «Си ши» Цзя И, «Ци цзянь» Дунфан Шо, «Ай ши мин» Янь Цзи, «Чжао инь ши», «Цзю хуай» Ван Бао и «Цзю тань» Лю Сяна. Цикл Ван И выпущен. Порядок расположения произведений поясняется в «Новом предисловии...» («средний» раздел): в «Ли сао», «Юань ю» и «Цзю чжан» изложены первоначальные чаяния Цюй Юаня; «Цзю гэ» и «Тянь вэнь» были созданы во время ссылки и к тому же повествуют о «делах, связанных с почитанием духов и божеств в чуских святилищах» (Чу цымяо гүйшэнь чжи ши 楚祠廟鬼神之事); «Бу

²² Располагалось в районах нижнего течения Янцзы (современная провинция Цзянсу и северная половина Аньхой) и было одним из важных культурных центров того времени (История Китая 2016: 129–130).

²³ По «схеме „Ши вэнь“» построено и новейшее комментированное издание ЧЦЧЦ (Чу цы чжан цзюй 2007), подготовленное Хуан Лингэном 黃靈庚 (род. 1943).

²⁴ Официальное жизнеописание представлено в «Сун ши» (цз. 444). Сказано, что он обладал выдающимися литературными дарованиями, привлек к себе внимание самого Су Ши, занимал достаточно высокие должности в провинциальных и затем в правительственные административные структурах и добровольно ушел со службы в возрасте около 50 лет. Особо отмечена его увлеченность чускими строфами (Сун ши 1977, XXXVII: 13111–13112).

цзюй» и «Юй фу» — предсмертная исповедь поэта; а в «Да чжао» он поведал о своих самых сокровенных мыслях (*ци ao* 其奥) (цит. по: Чу цы чжан цзюй 2007, V: 2971). Одни исследователи соглашаются с тем, что «верхняя» часть структурирована по тематическому принципу, выделяя в ней три основных содержательных блока: произведения, сосредоточенные в делах управления страною («Ли сао», «Юань ю» и «Цзю чжан»), воспроизводящие религиозные представления («Цзю гэ» и «Тянь вэнь») и с биографическими мотивами («Юй фу» и «Бу цзой»). И заключают, что Чао Бучжи предпринял первую попытку классификации произведений Цзюй Юаня, исходя из их содержания (Чжао Гуайсунь 2011: 16–17). Согласно альтернативному предположению, Чао Бучжи использовал изначальную для собрания (собраний) чуских строф композиционную схему (Сы ку цюань шу 1965, II: 1163–1164; Чу цы чжуцзо 2003: 16).

Отдельного разговора заслуживает редакция «Чу цы цзи чжу» 楚辭集注/註 («Чуские строфы со сводным комментарием») великого мыслителя Чжу Си 朱熹 (1130–1200), с которой единодушно соотносят начало качественно нового этапа в истории комментаторской традиции чу цзы и зарождение оппозиционного по отношению к «школе Ван И и Хун Синцзу» направления (И Чжунлянь 1991: 293–313; Чжао Гуайсунь 2011: 83–104; Sukhu 2012: 11–18)²⁵. Редакция Чжу Си отличается от ЧЦБЧ по набору ханьских чуских строф: выпущены «Ци цзянь» Дунфан Шо, «Цзю хуй» Ван Бао, «Цзю тань» Лю Сяна и «Цзю сы» Ван И, и включены еще две поэмы Цзя И (цз. 8). Однако в ней представлены все те же древние чуские строфы (цз. 1–7), которые расположены в том же, что у Хун Синцзу, порядке (Чу цы цзи чжу 2001: 5–140). Редакция Чжу Си является единственным собранием чуских строф, которое дошло до нас в изданиях Южной Сун, причем четырежды выполненных за полвека с небольшим (Цзян Лянфу 1961: 42–44): самое раннее — от 1199/1200 г. (4-й год под девизом Цин-юань 慶元, 1195–1200) сохранилось в Японии, самое позднее — от 1267 г. (3-й год под девизом Сянь-чунь 咸淳, 1264–1275). Наиболее авторитетны (Хун Чжанъоу 1984: 31) издания от 1213 г. (6-й год под девизом Цзя-дин 嘉定, 1208–1225) и от 1235/36 г. (2-й год под девизом Дуань-пин 端平, 1234–1237). Множественность изданий и их сохранность, безусловно, указывают на особый авторитет изысканий Чжу Си в чуских строфах. Поэтому не исключено, что минские книжники при подготовке к печати и ЧЦЧЦ, и ЧЦБЧ ориентировались на редакцию Чжу Си.

Итак, подлинную текстуальную историю сборника Ван И, его исходный состав и композиционные особенности установить невозможно. Тезис о тождестве ЧЦЧЦ и редакции Хун Синцзу тоже оказывается далеко не бесспорным. Имеющиеся письменные свидетельства указывают на возможность существования до эпохи Сун и в X–XIII вв. нескольких версий собрания чуских строф, которые существенно различались по порядку расположения в них произведений. Дошедшие до нас издания ЧЦЧЦ и ЧЦБЧ вполне могли опираться на редакцию Чжу Си.

Литература

История Китая 2016 — История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / Под ред. акад. Л.С. Тихвинского. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся: 907–1279 / Под ред. И.Ф. Поповой. М.: Наука — Вост. лит., 2016.

Кравцова 2019 — Кравцова М.Е. Словарь китайских поэтов с V в. до н.э. по X в. н.э. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019.

²⁵ Полный перевод редакции Чжу Си (Songs of Chu 2017).

- Кравцова 2020а — Кравцова М.Е. О собраниях чуских строф: «Чу цы чжанцзюй» Ван И (П. в.) // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. № 1 (вып. 40). С. 56–66.
- Кравцова 2020б — Кравцова М.Е. О собраниях чуских строф III–Х вв. // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. № 3 (вып. 42). С. 25–33.
- Кравцова 2022 — Чуские строфы: Избранные произведения в переводах Марины Кравцовой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022.
- Меньшиков 2005 — Меньшиков Л.Н. Из истории китайской книги. СПб.: Нестор-История, 2005.
- И Чжунлянь 1991 — И Чжунлянь 易重廉. Чжунго чуцы-сюэ ши 中国楚辞学史 (История китайского чузыведения). Чанша: Хунань чубаньшэ, 1991.
- Ли Юйань, Чэн Чжуань 1989 — Ли Юйань 李玉安, Чэн Чжуань 陈传艺. Чжунго цзаншу цзя цыдянь 中国藏书家辞典 (Словарь китайских библиофилов). Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 1989.
- Лю Хунбо 2010 — Лю Хунбо 刘洪波. Чаньши-сюэ шие ся дэ «Чу цы бу чжу» яньцзю 阐释学视野下的“楚辞补注”研究 (Исследование «Чуских строф с восполняющим комментарием» [Хун Син-цзу], исходя из герменевтической ретроспективы). Боши-сюэли луньвэнь 博士学位论文 (Дисс. на соиск. ученой степени доктора наук). Дунбэй шифань-дасюэ 东北师范大学 (Северо-восточный Педагогический университет). [Шэньян], 2010.
- Сун ши 1977 — Сун ши 宋史 (История Сун). В 40 т. / Сост. Токто 脱脫 и др. Пекин: Чжунхуа шупцзюй, 1977.
- Сы ку цюань шу 1965 — Сы ку цюань шу цзун му ти яо 四庫全書總目提要 (Пояснения к сводному каталогу всех книг по четырем хранилищам). В 2 т. / Сост. Юнжун 永瑢, Цзи Юнь 記昀 и др. Пекин: Чжунхуа шупцзюй, 1965.
- Хун Чжанъху 1984 — Чу цы яо цзи цзе ти 楚辭要籍解題 (Аннотированный каталог важнейших изданий чуских строф [и исследований о собраниях чуских строф]) / Под ред. Хун Чжанъху 洪湛侯. Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1984.
- Цзян Лянфу 1961 — Цзян Лянфу 姜亮夫. Чу цы шуму у чжун 楚辭書目五種 (Библиография «Чуских строф» в пяти разделах). Пекин: Чжунхуа шупцзюй, 1961.
- Цзян Лянфу 1984 — Цзян Лянфу 姜亮夫. Чу цы сюэ луньвэнь цзи 楚辭學論文集 (Сборник научных статей о чуских строфах). Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1984.
- Чао Гунью 1990 — Чао Гунью 晁公武. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяо чжэн 郡齋讀書志校證 («Трактат о прочтенных книгах в кабинете [губернатора] областях»: выверенный текст с аргументированными разъяснениями) / Коммент. Сунь Мэна 孫猛. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1990.
- Чжао Гуайсионь 2011 — Чжао Гуайсионь 赵乖勋. Сундай чуцы-сюэ 宋代楚辞学 (Чуцы-ведение эпохи Сун). Боши сюэвэй луньвэнь 博士学位论文 (Дисс. на соиск. ученой степени доктора наук). Сычуань Шифань-дасюэ 四川师范大学 (Сычуаньский Педагогический университет). Чэнду, 2011.
- Чжэн Цяо 1990 — Чжэн Цяо 鄭樵. Тун чжи люэ 通志略 (Очерки [ко] Всеобщему обозрению). Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1990.
- Чу цы бу чжу 2006 — Чу цы бу чжу 楚辭補注 (Чуские строфы с восполняющим комментарием) / Сост. Хун Синцзу 洪興祖; пунктуация и выверка текста Бай Хувавэнь 白化文 и др. Пекин: Чжунхуа шупцзюй, 2006.
- Чу цы цзи 2003 — Чу цы цзи цзяо цзи ши 楚辭集校集釋 ([Собрание] «Чуские строфы»: выверенное и с объединенными толкованиями) / Под ред. Цуй Фу-чжана 崔富章 и Ли Да-мина 李大明. В 2 т. Ухань: Хубэй цзяосюй чубаньшэ, 2003.
- Чу цы цзи чжу 2001 — Чу цы цзи чжу 楚辭集注 (Чуские строфы со сводным комментарием). Сост. Чжу Си 朱熹; выверенный текст Цзян Лиfy 蔣立甫. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2001.
- Чу цы чжан цзюй 2007 — Чу цы чжан цзюй шу чжэн 楚辭章句疏證 («Чуские строфы с построфными и построчными [разъяснениями]» с пояснениями и дополнениями). В 5 т. Коммент. Хуан Лингэна 黃灵庚. Пекин: Чжунхуа шупцзюй, 2007.
- Чу цы чжуцзо 2003 — Чу цы чжуцзо тияо 楚辭著作提要 (Библиографический обзор авторских работ о чуских строфах) / Под ред. Пань Сяолуна 潘啸龙 и Мао Цина 毛庆. Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 2003.

Чэнь Чжэнъсунь 1987 — Чэнь Чжэнъсунь 陳振孫. Чжи чжай шу лу цзе ти 直齋書錄解題 (Дополнительные пояснения к каталогу книг из основного кабинета). Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1987.

Юй Цзяси 1985 — Юй Цзяси 余嘉錫. Сы ку ти яо бянь чжэн 四庫提要辨證 (Критические дополнения к «Пояснениям [к сводному каталогу всех книг по] четырем хранилищам»). В 4 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985.

Cambridge History 2009 — The Cambridge History of China. Vol. 5. Part One: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279 / Ed. by David Twitchett, Peter J. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Ch'u tz'u 1959 — Ch'u tz'u: The Songs of the South, an Ancient Chinese Anthology / Transl. by David Hawks. Oxford: Clarendon Press, 1959.

Ch'u tz'u 1985 — Ch'u tz'u: The Songs of the South, an Anthology of Ancient Chinese Poems by Qu Yuan and other Poets / Transl. by David Hawks. New York: Penguin, 1985.

Élégies de Chu 2004 — Élégies de Chu: Chu ci 楚辭. Attributées à Qu Yuan, Song Yu et autres poètes chinois de l'Antiquité IVe siècle av. J.-C. — II siècle apr. J.-C. / Trad., présentées et annot. par Rémi Mathieu. Paris: Gallimard, 2004.

Songs of Chu 2017 — The Songs of Chu. An Anthology of Ancient Chinese Poetry by Qu Yuan and Others / Ed. and transl. by Gopal Sukhu. New York: Columbia University Press, 2017.

Sukhu 2012 — Sukhu G. The Shaman and the Heresiarch: A New Interpretation of the *Li sao*. New York: State University of New York, SUNY Press, 2012.

References

The Cambridge History of China. Vol. 5. Part One: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279. Ed. by David Twitchett, Peter J. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2009 (in English).

Chao Gongwu 晁公武. *Jun zhai du shu zh jiao zheng* 郡齋讀書志校證 [Notes on Reading Books in the Office of the Chief of the District]. Sun Meng jiao zheng 孫猛校證 [Ed. by Sun Meng]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1990 (in Chinese).

Chen Zhensun 陳振孫. *Zhi zhai shu lu jie ti* 直齋書錄解題 [Notes on Books from Zhizhai's Office]. Xu Xiaoman, Gu Meihua dian jiao 徐小蠻, 顧美華點校 [Ed. by Xu Xiaoman and Gu Meihua]. Shanghai: Guji chubanshe, 1987 (in Chinese).

Chuskie strofy: Izbrannye proizvedeniia v perevodakh Mariny Kravtsovoi [Verses of Chu: Selected Works in the Translations of Marina Kravtsova]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2022 (in Russian).

Chuci buzhu 楚辭補注 (Verses of Chu with Supplementary Commentary). Hong Xingzu zhuan 洪興祖撰; Bi Huawen deng dian jiao 白化文等點校 [Compiled by Hong Xingzu; comment. by Bai Huawen, et. al.]. Beijing: Zhonghua shuju, 2006 (in Chinese).

Chu ci ji jiao jishi 楚辭集校集釋 (Critical Text of the “Verses of Chu” Collection with Complex Comments). Quan er ce 全二册 [In 2 vol.]. Cui Fuzhang, Li Daming zhubian 崔富章, 李大明主编 [Ed. by Cui Fuzhang, Li Daming]. Wuhan: Hubei jiaoyu chubanshe, 2003 (In Chinese).

Chuci jizhu 楚辭集注 (Verses of Chu with Complex Commentaries). Zhu Xi zhuan 朱熹撰; Jiang Liu jiao dian 蔣立甫校點 [Compiled by Zhu Xi; comment. by Jiang Lifu]. Shanghai: Guji chubanshe, 2001 (in Chinese).

Chuci zhangju shuzheng 楚辭章句疏證 (“Chapter and Verse Commentary to the Verses of Chu” with Additional Explanations). Huang Linggeng zhu 黃靈庚注 [Comments by Huang Linggeng]. Quan wu ce 全五册 [In 5 vol.]. Beijing: Zhonghua shuju, 2007 (in Chinese).

Chuci zhuzuo tiyao 楚辭著作提要 [Bibliographical Review of the Works on the Verses of Chu]. Pan Xiaolong, Mao Qing zhubian 潘曉龍, 毛慶主编 [Ed. by Pan Xiaolong, Mao Qing]. Wuhan: Hubei jiaoyu chubanshe, 2003 (in Chinese).

- Chuci yaoji jieti* 楚辭要籍解題 [Annotated Catalogue of the Major Editions of the Verses of Chu Collections]. Hong Zhanhou zhubian 洪湛侯主编. [Ed. by Hong Zhanhou]. Wuhan: Hubei renmin chubanshe, 1984 (in Chinese).
- Ch'u tz'u: The Songs of the South, an Ancient Chinese Anthology*. Transl. by David Hawks. Oxford: Clarendon Press, 1959.
- Ch'u tz'u: The Songs of the South, an Anthology of Ancient Chinese Poems by Qu Yuan and other Poets*. Transl. by David Hawks. New York: Penguin, 1985.
- Élégies de Chu: Chu ci* 楚辭. Attributées à Qu Yuan, Song Yu et autres poètes chinois de l'Antiquité I Ve siècle av. J.-C. — II siècle apr. J.-C. Trad., présentées et annot. par Rémi Mathieu. Paris: Gallimard, 2004 (in French).
- Istoria Kitaja s drevneishikh vremen do nachala XXI veka. V desiati tomakh*. Pod red. akad. L.S. Tikhvinskogo. Tom IV. Period Piati dinastii, imperii Sun, gosudarstva Lyao, Tszin', Si Sya: 907–1279. Pod red. I.F. Popovoi [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century. In 10 volumes. Ed. by Academician L.S. Tikhvinski. Volume IV. The Five Dynasties Period, the Song Empire, the states of Liao, Jin, and Xi Xia: 907–1279. Ed. by I.F. Popova]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2016 (in Russian).
- Jiang Liangfu 姜亮夫. *Chuci shumu wu zhong* 楚辭書目五種 [Bibliography of the “Verses of Chu” Editions in Five Parts]. Beijing: Zhonghua shuju, 1961 (in Chinese).
- Jiang Liangfu 姜亮夫. *Chuci lunwen ji* 楚辭論文集 (Collection of Articles on the Verses of Chu). Shanghai: Guji chubanshe, 1984 (in Chinese).
- Kravtsova, Marina Ye. *Slovar' kitaiskikh poetov s V v. do n.e. po X v. n.e.* [A Dictionary of Chinese Poets from 5th C. B.C. up to 10th C. A.D.]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019 (in Russian).
- Kravtsova, Marina Ye. “O sobraniyakh chuskikh strof: ‘Chu tsy chzhantszyuy’ Van I (II v.)” [On the Collections of the Verses of Chu (*chuci*): Chuci zhangju by Wang Yi (2nd century A.D.)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2020, vol. 17, no. 1 (iss. 40), pp. 56–66 (in Russian).
- Kravtsova, Marina Ye. “O sobraniyakh chuskikh strof III–X vv.” [On the Collections of the Chu Verses (*chuci*) of the 3rd–10th Centuries]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2020, vol. 17, no. 3 (iss. 40), pp. 25–33 (in Russian).
- Li Yüan 李玉安 & Chen Zhuanyi 陈传艺. *Zhongguo zangshu jia cidian* 中国藏书家辞典 [Dictionary of Chinese Bibliophiles]. Wuhan: Hubei jiaoyu chubanshe, 1989 (in Chinese).
- Liu Hongbo 刘洪波. *Chanshi-xue shiye xia de “Chuci buzhu” yanjiu* 阐释学视野下的“楚辞补注”研究 [Studying Hong-Xingzu's *Chu Ci Bu Zhu* from the Hermeneutic Perspective]. Boshi xuwei lunwen 博士学位论文 [Ph. Diss.]. Dongbei-shifan-daxue 东北师范大学 [Dongbei Normal University]. [Shenyang], 2010 (in Chinese).
- Men'shikov, Lev N. *Iz istorii kitaiskoi knigi* [On the History of Chinese Books]. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2005 (in Russian).
- Siku quan shu zongmu tiyao* 四庫全書總目提要 [Explanations of the General Catalogue of All Books Housed in Four Storehouses]. Yongrong, Ji Yun deng zhuan 永瑢, 記昀等撰 [Complied by Yongrong, Ji Yun, et. al.]. Quan er ce 全二册 [In 2 vol.]. Beijing: Zhonghua shuju, 1965 (in Chinese).
- Songshi* 宋史 [History of Song]. Tuotuo deng zhuan 脫脫等撰 [Compiled by Tuotuo, et. al.]. Quan si shi ce 全四十册 [In 40 vol.]. Beijing: Zhonghua shuju, 1977 (in Chinese).
- The Songs of Chu. An Anthology of Ancient Chinese Poetry by Qu Yuan and Others*. Ed. and transl. by Gopal Sukhu. New York: Columbia University Press, 2017.
- Sukhu G. *The Shaman and the Heresiarch: A New Interpretation of the Li sao*. New York: State University of New York, SUNY Press, 2012 (in English).
- Yi Zhonglian 易重廉. *Zhongguo chuci xue shi* 中国楚辞学史 [The History of the Chinese Studies of the Verses of Chu]. Changsha: Hunan chubanshe, 1991 (in Chinese).
- Yu Jiaxi 余嘉錫. *Siku tiyao bianzheng* 四庫提要辨證 [Critical Supplements to the “Explanations of the General Catalogue of All Books Housed in Four Storehouses”]. Quan si ce 全四册 [In 4 vol.]. Beijing: Zhonghua shuju, 1985 (in Chinese).

Zhao Guaixun 赵乖勋. *Songdai chuci-xue* 宋代楚辞学 [Studies of the Verses of Chu during the Song Epoch]. Boshi xuewei lunwen 博士学位论文 [Ph. Diss.]. Sichuan-shifan-daxue 四川师范大学 [Sichuan Normal University]. Chengdu, 2011 (in Chinese).

Zheng Qiao 鄭樵. *Tongzhilue* 通志略 [Sketches concerning the Comprehensive Annals] Shanghai: Guji chubanshe, 1990 (in Chinese).

On Collections of the Chu Verses (*chuci*) of the Song Epoch (960–1279)

Marina Ye. KRAVTSOVA

Independent Researcher

St. Petersburg, Russian Federation

Received 19.05.2025.

Abstract: The article deals with factual data on *chuci* (verses of Chu) collections compiled during the Song epoch (960–1279) and presented both in different Song-time written sources and in the bibliographical treatise from the official historiographic work *Songshi* (*The History of Song*). Most attention is paid to the information on *Chuci zhangju* (*Chapter and Verse Commentary to the Verses of Chu*) collection by Wang Yi (II A.D.) and *Chuci buzhu* (*Verses of Chu with Supplementary Commentary*) by Hong Xingzu (1090–1155), as well as to its editions of the Ming (1368–1644) and Qing (1644–1911) epochs. Taking into account that the both texts are available only in their Ming editions, firstly, it seems quite impossible to identify their original composition and, as a result, the original composition of the “classical” version of *Chuci* collection as consisting of 17 poetic pieces arranged in chronological order. Secondly, the idea that the *Chuci zhangju* and the *Chuci buzhu* were identical also became conventional under the Ming. Thirdly, during the Song there were several textual versions of the *chuci* collection, marked by compositional specifics, which could have served as the basis for Hong Xingzu’s work. There are some reasons to assume that the “classical” version of *Chuci* collection, including both *Chuci zhangju* and *Chuci buzhu*, became generally accepted in Chinese literature of the Ming and Qing times after being to some degree influenced by the *Chuci jizhu* (*Verses of Chu with Complex Commentaries*) by the great thinker and littérateur Zhu Xi (1130–1200).

Key words: Chinese poetry, Chu verses, *Chuci* collections, Song epoch.

For citation: Kravtsova, Marina Ye. “On Collections of the Chu Verses (*chuci*) of the Song Epoch (960–1279)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 156–167 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692199.

About the author: Marina Ye. KRAVTSOVA, Dr. Sci. (Philology), Professor, Independent Researcher (St. Petersburg, Russian Federation) (kravtsova_sin@mail.ru).

Tangut Written Monuments Recently Collected in the Hangzhou Branch of National Archives

NIE Hongyin

Academy of Xixia Studies, Ningxia University

DOI: 10.55512/WMO692157

Received 23.02.2025.

Abstract: A batch of Tangut manuscripts and xylographs from a private collection was acquired by the Hangzhou Branch of the National Archives in early 2024. These monuments prove to be Buddhist works produced during the Mongol-Yuan period, including Tangut versions of *sūtras* both within and outside the *Tripiṭaka*, as well as a few locally created works. Some of these items have counterparts housed in the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, while others are unique and not found in any other global collections. These newly disclosed materials may provide valuable insights into the Buddhist activities among Tangut descendants during the 13th to 14th cc.

Key words: Xixia, Tibetan, Mongol-Yuan Dynasty, Buddhism, *sūtra*, scripture.

For citation: Nie Hongyin. "Tangut Written Monuments Recently Collected in the Hangzhou Branch of National Archives". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 168–188 (in English). DOI: 10.55512/WMO692157.

About the author: NIE Hongyin, Professor, Academy of Xixia Studies, Ningxia University (Yinchuan, China) (nyh54116@sina.com).

© Nie Hongyin, 2025

Introduction

The Hangzhou Branch of the National Archives, also known as Wenrun Ge 文潤閣 (Wenrun Pavilion), was established in Yuhang District, Hangzhou City¹ in 2022. Its primary purpose is to preserve approximately one million ancient Chinese classics in various editions. In early 2024, a private collection of Tangut written monuments was deposited in the Archives, providing valuable supplementary materials for the study of Chinese Buddhism from the 13th to 14th cc.

Since the past decade, a significant number of Tangut manuscripts and xylographs illicitly excavated by site looters have appeared in several private collections. Because unauthorized

excavating ancient sites is illegal in China, the provenance of these materials was kept confidential by their owners, although it is suspected that they originated from a single site in Northwest China, possibly near Khara-khoto or near the Wuwei City, Gansu Province². Since 2014, dozens of intact or fragmentary Tangut written monuments have been consigned to several auction companies and subsequently acquired by anonymous collectors. Several items were withdrawn from public view due to speculative trading³, with the exception of two batches acquired by the Hangzhou Branch of the National Archives and the China National Library. To date, the Hangzhou collection is available to scholars, while more than one hundred items in the National Library are still undergoing restoration and identification.

The collections housed in the Hangzhou Archives were entrusted for preservation by a local entrepreneur, Jin Liang 金亮, whose collections were initially acquired through individual bidding processes, and subsequently underwent inexpert restoration and cataloging. Preliminary assessments indicate that the entrusted collection comprises a total of 80 items, including dozens of fragments, scraps, and a few relatively well-preserved books. This assemblage constitutes the most abundant Tangut collection in South China.

None of the items are precisely dated, as no imperial reign year titles (*nianhao* 年號) have been inscribed on them. The temporal clues preserved consist of four dates designated by the Heavenly Stems and Earthly Branches: *jiasi* 甲子, *xinwei* 辛未, *wuyin* 戊寅, and *jimao* 己卯. Considering that a Tangut translation of a work by 'Phags-pa (1235–1280) appeared on the bidding blocks during the same period (Li 2016), it is inferred that those dates correspond to the years 1264, 1271, 1278 and 1279 respectively. However, the actual creation dates of the monuments may have been at least three decades later. In the xylograph No. XS5003⁴, there are blessings dedicated to the Royal Family (Pl. 1). These blessings, framed by dragon motifs, were frequently used as frontispieces of xylographic *sūtras* in the Yuan era and are considered characteristic features of the *Tangut Pitaka* (*Hexi Zang* 河西藏) printed in the sixth year of Dade 大德 (1302) and the first year of Huangqing 皇慶 (1312). Furthermore, some xylographic fragments in the Hangzhou Archives have their counterparts in the *Tangut Pitaka* housed in the China National Library. Therefore, it can be concluded that all the collections in the Hangzhou Archives originated from the Yuan Dynasty, although some may be reprints or retractions of the Xixia editions. The absence of reign titles in the date records from the 1270s can be attributed to the fact that the use of reign titles in the Mongol-Yuan Dynasty was only initiated by Khubilai in 1271, and residents in remote areas had not yet received this information.

² According to recent reports, the Gansu Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology conducted a comprehensive excavation at the site of Haimu Dong 亥母洞 (Phag-mo Caves), where over 5000 Tangut written fragments were discovered (cf., A Brief Report of the Excavation by the Institute, in *Wenwu* 文物 2024(3), 23–65). Since the 1980s actually, numerous Tangut artifacts have been constantly unearthed in this region, with some potentially falling into the hands of site looters.

³ In the unaccounted materials, there are four books that aroused academic interest before being sold by auction companies, including a translation from the Tibetan Tantric work *Dpal kye rdo rje'i mnong rtogs yid bzhin nor bu* [Desirable treasure of Hevajra's Present Awareness] (Li 2016), a xylograph of the primary reader *Mixed Homonymic Characters* (West 2018; Wang P. 2018; Nie & Sun Y. 2023), a translation from the Chinese folk literature *Dasheng Wugong Jing* 大聖五公經 [Classic of the Five Masters, the Great Saints] (Nie 2019), and a translation from the Chinese apocryphal work *Foshuo Shousheng Jing* 佛說壽生經 [Classic of Life Prolongation, Preached by the Buddha] (Wei 2022: 179–186).

⁴ The items were numbered by the Hangzhou Archives, where the “X” indicates Xixia, the “C” indicates tomes and the “S” indicates fragments.

Pl. 1. Blessings, XS5003

Pl. 2. Postscript, XC5001

The majority of the collections comprise Tangut Buddhist scriptures with two exceptions: № XS1020, a fragment from the eighth volume of the Chinese version of the *Lengyan Jing* 樂嚴經 [*Śūrāṅgama sūtra*] (*Taishō* T19: 143b), and No. XS3002, a half folio from the Tangut phonetic dictionary *yie ləw* 飞𠀤 (Homophone)⁵. Notably, the most significant items in the collection are Tangut translations of Chinese or Tibetan originals that were not included in traditional *Tripiṭakas*, but circulated extensively along the Gansu Corridor. To date, several manuscripts do not have known counterparts in other global collections, thereby significantly enhancing our understanding of Buddhism among the Mongol-Yuan Tanguts.

Due to the lack of specialist guidance in earlier efforts, previous restoration and cataloguing work was done unsatisfactorily, resulting in incorrect fold joinings and mis-identifications. A new descriptive catalogue is proposed in the following. Titles for fragments that cannot be definitively identified are reconstructed in Chinese and marked with an asterisk (*).

Canonical *sūtras*

XC5001

佛說聖佛母般若波羅蜜多心經

Translation from Chinese: *Foshuo Shengfomu Bore Boluomiduo Xin Jing* [Ārya-*bud-dhamātrī-prajñāpāramitā sūtra*, preached by the Buddha] (*Taishō* T8: 852b-c).

Xylograph dated 1264 in the postscript, accordion binding, 17.9×7.1 cm⁶, 6 lines with 12 characters per line. The complete text consists of 11 folds and includes an attached postscript (Pl. 2), which reads:

游擊聯軍修繕並敷設

sej dźiej tji śjwo mjijr ɳwə dzow zj̄t wa wa.....

[Well-wisher with pure belief: *ŋwə-dzow zj̩ wa-wa.....* (*Ezangshi Wawa* 詛藏氏娃娃口)]

薦庭很薦獄可發繼覆茲貝徵轍 茂鞠綱釋緝祚并罷

nej xjwi kjiw šja lhji lew djij njɛ lwər lhejr·jar phu t̪j̪i rjur mj̪ir do mji gu tha djij šjt̪i

[On the first day, seventh month of Jiazi year (1264), eight copies of the *sūtra* were printed and offered to people to achieve Buddhahood together.]

游目耽耽，睭眇眇。

sej džiej tji šjwo mjijr wow so ljš-wejr

[Well-wisher with pure belief: *wow so-lji·wejr* (*Wang Husanbao* 旺護三寶)]

毓龍修頌綴數 設庭

tji šjwo mjijr ywə zjwi zjč zji šio

[Wishers: *ŋwə-zjwɪ zjɪ* (*Eyishi* 詛嚙氏) with her children,]

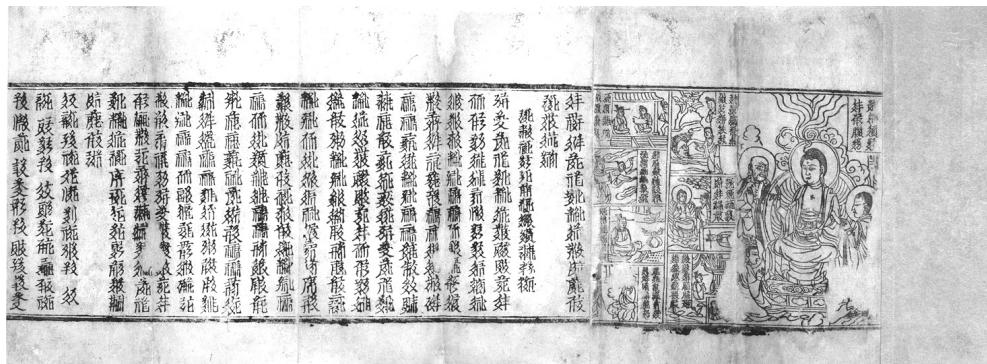
毓龍修祿 役養妣

sej d'ziej tji gji wow žjir džju

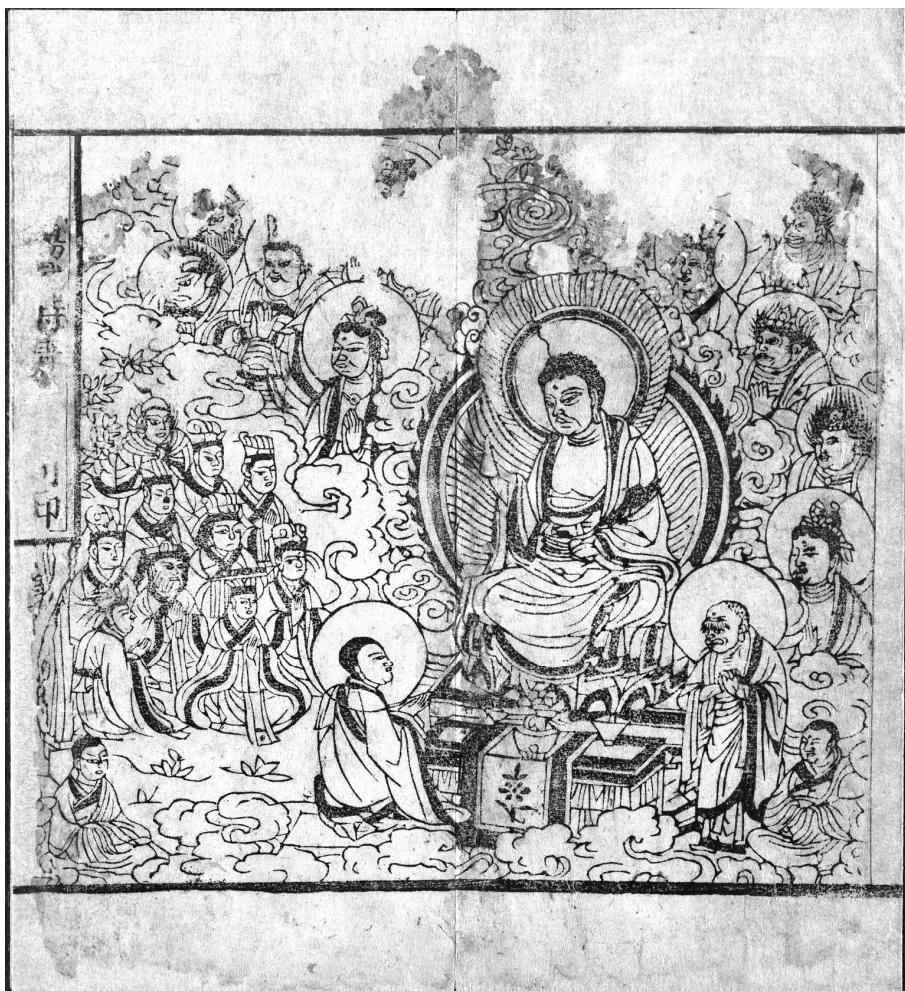
[Son of the wisher: *wow žjir-džju* (*Wang Huixian* 旺慧顯)]

⁵ For the counterpart, see EHW (T7: 68).

⁶ The sizes of each item were provided by the Hangzhou Archives.

Pl. 3. Woodcut illustration, XC5001

Pl. 4. Woodcut illustration, XC1002

毓龍修穢 旣敷姦辭穢 級弱翥

sej dżiej tji mjij wow zjì gju rjur swew lhjwì tşjow šjiw

[Daughter of the wisher: *wow zj̄t gju-rjur-swew* (*Wangshi Jixiangzhao* 旺氏吉祥照),
*lhjw̄ti-tsjow-šjiw*⁷ (*Lizhangshou* 勒張壽)]

Various versions are housed in the IOM RAS (Kychanov 1999: 291–294), and were published in *EHW* (T25: 177–181) in 2016.

XC4001

大方廣佛華嚴經卷第五十七

Title: 散佈般辯姍焱彌姍嬪嬪後資嬪 tha tshja wa tha wja lju lwər lhejr - ɻwə wa
šja tsew

¹ Translation from Chinese: *Da Fangguang Fohuayan Jing, Juan di wushiqi [Mahā-vai-pulya-buddha-āvatamsaka sūtra, the fifty-seventh volume]* (*Taishō T10: 299b–304b*).

Collator: Xixia Emperor Renzong.

Movable type printing in the early 14th c., accordion binding, 31.5×12 cm, 6 lines with 17 characters per line. 51 folds preserved, approximately 10 folds missing from the middle and end sections. Each sheet is numbered along the edge in Chinese numerals to indicate the sheet sequence. On the front cover, two characters in the title, *ηwə ya* 瘋散 (fifty), are missing.

The names and titles of the Chinese translator and Tangut collator are recorded at the beginning of the text:

thou giu thiſj lhejr ·u ſjt tſhia na thou lhe

[Translation by Tang Khotan Tripitaka Śiksānanda]

ଶ୍ରୀ କମଳାଚାର୍ଯ୍ୟ ପାତ୍ର ପଦାଧିକାରୀ ପାତ୍ର ପଦାଧିକାରୀ
tshjuw bju t̄sja d̄z̄ju ya s̄ja jw̄ir d̄zwow n̄ja l̄ij̄ s̄j̄ij̄ wo dz̄ij̄ dow - z̄ij̄ ywej̄ th̄o bju
n̄war dz̄jw̄i me n̄jar

[Imperial collation by the Emperor, Fengtian Xiandao Yaowu Xuanwen Shenmou Ruizhi Zhiyi Quxie Dunmu Yigong 奉天顯道耀武宣文神謀睿智制義去邪惇睦懿恭 (reign. 1139–1193)]

Another sample of the same movable type edition is housed in the China National Library and was published in the *ZXW* (T9: 206–251) in 2005.

XS1013

金光明最勝王經卷第十

Translation from Chinese: *Jinguangming Zuishengwang Jing, Juan di shi* [Suvarṇaprabhāsottamarāja sūtra, the tenth volume] (*Taishō* T16: 451b).

Collator: Xixia Emperor Renzong.

Xylograph in the early 14th c., accordion binding, 1 fold preserved, 29.1×11.5 cm, 6 lines with 16 characters per line.

Another sample of the same xylograph housed in the China National Library was published in 2005, and the corresponding text was deciphered by (Wang J. 1933: 324). At the beginning of the text, there is a brief record of the collator: *ywər dzjwɪ mə njar* 疣劄效讐 [Imperial collation by the Emperor] (ZXW T4: 7). Notably, the imperial title of Renzong

⁷ The word *lhjwɻ* 網 is undecipherable, which might be an abbreviation of a Tangut Family name, and *lhjwɻ-tsjow-ʂjw* might be the son of *wow zɻt gju-rjur-swew* who married *lhjwɻ*'s family.

was omitted, which is a characteristic feature of Buddhist xylographs from the Yuan Dynasty.

XS1021

佛說大白傘蓋總持陀羅尼經

Translation from Chinese: *Foshuo Dabaisangai Zongchi Tuoluoni Jing* [Mahāśitā-tapatra-dhāraṇī sūtra, preached by the Buddha] (Taishō T19: 405a)

Xylograph, one *pothi* sheet seriously damaged, 14.6×30 cm. 24 lines with 11 characters per line.

Its Chinese original was studied by Sun B. (2008).

XS1006+XS1007+XS1008+XS1011

瑜伽集要焰口施食儀

Translation from Chinese: *Yuqie Jiyao Yankou Shishi Yi* [Yoga-samgraha-jvalavaktra-kalpa] (*Taishō* T21: 478b-c).

Xylograph, 4 disconnected folds, 30×11.3 cm, 6 lines with 18 characters per line.

It seems that its original was an excerpted compilation from Amoghavajra's Chinese version *Yuqie Jiyao Jiu Anan Tuoluoni Yaokou Guiyi Jing* 瑜伽集要救阿難陀羅尼焰口軌儀經 [*Yoga-samgraha-mahārthānda-paritrāṇa-dhāraṇī-jvalavaktrapretra-kalpa sūtra*] with line drawings of mudras.

XS1012

慈悲道場懺法卷第二

Translation from Chinese: *Cibei Daochang Chanfa, Juan di er* [Rules for repentance in the religious place of the mercy and compassion, the second volume] (*Taishō T45: 928a*).

Translators: Xixia Empress Dowager Liang and Emperor Huizong

Xylograph, accordion binding, 1 fold preserved, 23×11.5 cm, 6 lines with 18 characters per line.

¹ At the beginning of a similar xylograph housed in the China National Library, there is the record of translators (*ZXW* T4: 92):

譖挑死綯織衫引襯襯襯隨務織織織 詳數效類

tshjwu mə iŋ njwi džjɪt jir šjɪt wu tsjir dzjo lhijj tṣjɪt ḥwər ljj dzow l̩jow zjɪt me lhɛ

[Imperial translation by the Empress Dowager, Tiansheng Quanneng Lufan Yousheng Guozheng 天生全能祿番祐聖國正, Liang 梁]

緜緜須彌須彌菴禱福散財刻 繼續效觀

tshja ji wə ljuw lhu ju tṣ̄j̄j swew lji j̄wər dz̄jw̄t j̄we mji me lh̄e

[Imperial translation by the Emperor, Jiude Zhuguo Zengfu Zhengmin Daming 就德主國
增福正民大明, Weiming 鬼名]⁸

The fragment begins with:

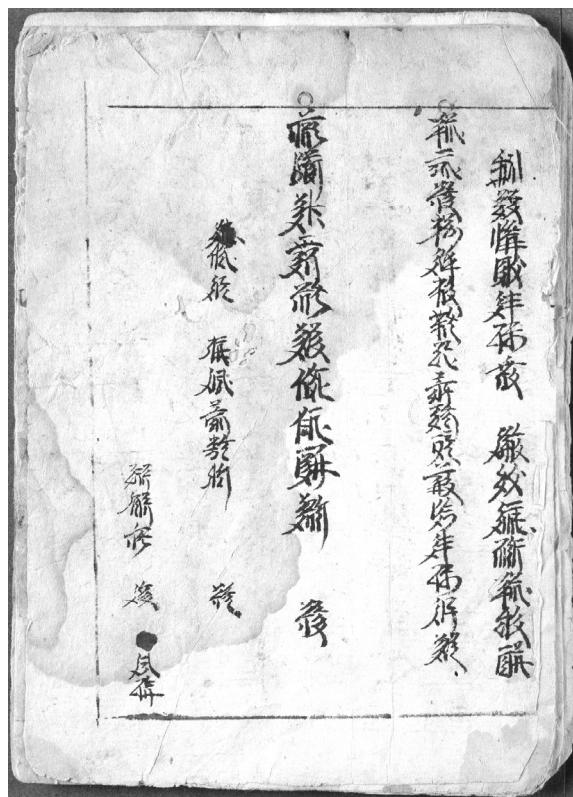
形狀繩綯髮絲綯繩綯髮絲繩

nji nji dji nji po tjij njij tja tha njij ηwu ljij

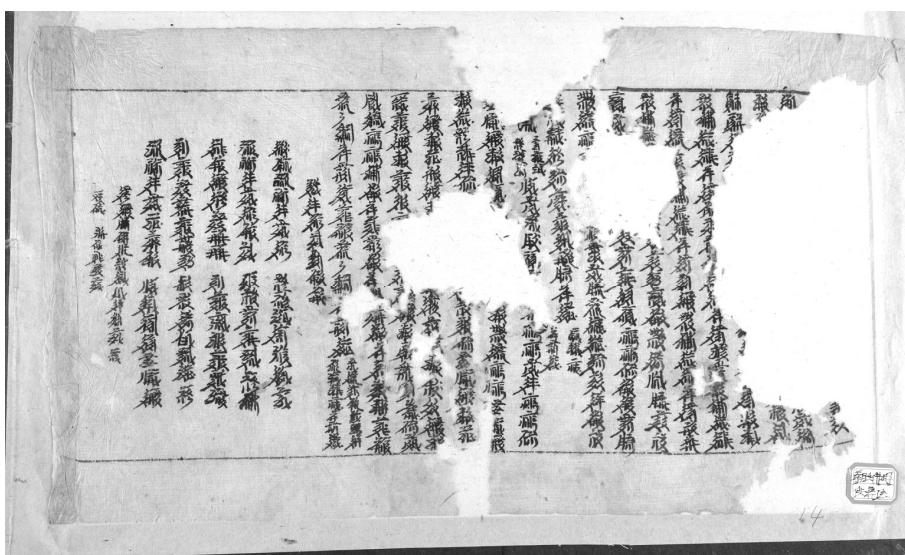
[You masses listen carefully: Bodhi heart is the Buddha heart.]

The first four characters (Chin. *rudeng diting* 汝等諦聽) are absent from other editions available (Yang 2016: 134, 136).

⁸ The Imperial titles in Chinese are tantitive transcriptions by (Kychanov 1999: 6–7), since there are no counterparts in Chinese history. But in any case, it is believed that the Emperor here belongs to the fourth monarch of Xixia, Huizong Bingchang (reign. 1067–1086).

Pl. 5. Colophon, XC1001

Pl. 6. Colophon, XS1014

XS1027+XS1028

傅大士頌金剛經

Translation from Chinese: *Jingang Bore Boluomiduo Jing* [*Vajra-prajñāpāramitā sūtra* with the “Maitreya hymns” attached by Master Fu] (*Taishō* T85: 4c–5a).

Collator: 敦 蘇 級 罡 *sji pji lji yjow* [Xianbei Baoyuan 鮮卑寶源]

Xylograph, butterfly binding, 2 folds seriously damaged, 7 lines with 12 characters per line.

The name and title of the collator (maybe also the translator) is recorded in inv. No. 689 housed in the IOM RAS (*EHW* T21: 41):

祥瓦頤散散瓶彌縫祇隨龍乞前散蘿縫繆

phiow bjij lhiji ljiij tha sjij gju ji mji tsjir džu lhiji dziji śia mē sjit pji lji vjow ji njar

[Recollection by the Great State of White and High, State Preceptor of Explaining *Dharma*, the Great Temple of Saving Mankind (*Dadumin Si* 大度民寺), Śramaṇa Xianbei Baoyuan]

It is chapter 14 of *Vajra-prajñāpāramitā sūtra* with a concluding *gāthā* added on by Master Fu of the Liang dynasty, but its subtitle “Maitreya hymn” (*Mile song* 彌勒頌) was removed.

Considering that there are no *gāthās* in other editions else⁹, it is plausible that these fragments might originate from a specific excerpt of a complete edition with “Maitreya hymns” and segmented abstracts (*ke* 科) compiled by Zongmi 宗密 (780–841) in the Tang Dynasty (Nie 2023).

XS1023+XS6005**傅大士頌金剛經**

Translation from Chinese: *Jingang Bore Boluomiduo Jing* [*Vajra-prajñāpāramitā sūtra* with the chapter titles added by Master Fu] (*Taishō* T85: 7b-c).

Collator: 敦 蘇 級 罡 *sji pji lji yjow* [Xianbei Baoyuan 鮮卑寶源]

Xylograph, accordion binding, 20.6×8.8 cm, 6 lines with 14 characters per line. 4 disconnected fragments and scraps are preserved.

Vajra-prajñāpāramitā sūtra with the chapter titles *pja nji ya so tsew* 積福散微 [(*Jingxin xingshan*) *fen di ershisian* (淨心行善) 分第二十三] and *tsjir lju ijij nja pja nji ya tshjiw tsew* 繼貞號散微 [(*Fashen feixiang*) *fen di ershiliu* 法身非相分第二十六] added on by Master Fu of the Liang Dynasty.

The corresponding text without “Maitreya hymns” was deciphered in Japanese by Ara-kawa (2014: 272, 275–276). Various manuscripts and xylographs housed in the IOM RAS were published in *EHW* (T21: 20–66) in 2013.

Chinese or Tangut creations**XC5001+XC1005****佛頂心觀世音菩薩大陀羅尼經**

Title: 絆縛縛縛龍麁鞞縛散縛麁縛 *tha tṣiwi njij rjur vię bio nia tsjij tha thow lo dži lwar lhejr* [*Buddhoṣṇīśa-hṛdaya-bodhisattva-avalokiteśvara-mahā-dhāraṇī sūtra*]

Translation from Chinese (Fang 2000: 380–395).

⁹ As corresponding evidence, besides its Tangut version, various Chinese editions of the *Jingang Jing* excavated from Khara-khoto also removed the “Maitreya hymn” in the same way (Men’shikov 1984: 118–145).

Translator: 祢歎 *tsjir dzij* [Chin. *Fajie* 法戒, Tib. *Chos-kyi Chul-khrims*]

Xylograph, accordion binding, three volumes in one tome, 46+4 folds preserved, 17.9×7.1 cm, 6 lines with 12 characters per line. A brief title on the front cover reads:

辯頤絳彌茲

ha t̄sjiw njij lw̄r lhejr

[Skr. *Buddha-uṣṇīṣa-hṛdaya-sūtra*, Chin. *Foding Xin Qijing* 佛頂心契經].

A woodcut illustration of “Shakyamuni praising the *dhāraṇī*” and graphic illustrations about the story of rebirth are pasted as the first two folds (Pl. 3). At the beginning of the text, the name and title of the Tangut translator are inscribed as follows:

彌較祇彌訖耶訖前彌歎
彌歎

lw̄r l̄t tsjir tshijj sia mē tsjir dzij zur bju ·a njar

[Translated under Imperial Instruction by the Śramana of Preaching the *Dharma* of *Sūtra* and *Śastra*, *Fajie*].

The complete version was introduced by Zhang (2015). Various manuscripts and xylographs with the same title are preserved in the IOM RAS (Kychanov 1999: 467–471) and published in the *EHW* (T26: 3–26) in 2017. A xylograph of the same edition is housed in the Tenri University and published by (Wu, Arakawa 2010: 413–433).

XC1002

佛說閻羅王預修十王經

Title: 辯彌訖彌訖訖訖廣彌訖 *tha tshijj ·a lo njij śji djo va njij lw̄r lhejr*

Translation from Tibetan: ‘*bud dhas smras pa gshin rje chos kyi rgyal po sngar bsgom gshin rje mdo* [*Sūtra* of Dharma King Yama’s prior cultivation for the Yamas, preached by the Buddha].

Translator: 煙歎養僧 *mji-njij žjir-ŋjow* (Chin. *Mining Huihai* 迷寧慧海, Tib. *Mi-nyi Shes-rab Rgya-mtsho*).

Xylograph, accordion binding, 20.3×9.2 cm, 39 folds without ending, 6 lines with 15 characters per line. Tops of some initial folds are broken.

The title on the front cover reads:

辯彌訖彌訖彌訖

tha śjij la ȳiwej lw̄r lhejr

[*Sūtra* on achieving Buddhahood and receiving precepts. Chin. *Chengfo Shouji Qijing* 成佛受記契經].

There is an inscription on fold 7, reading:

級瓶彌訖鑿彌訖彌訖

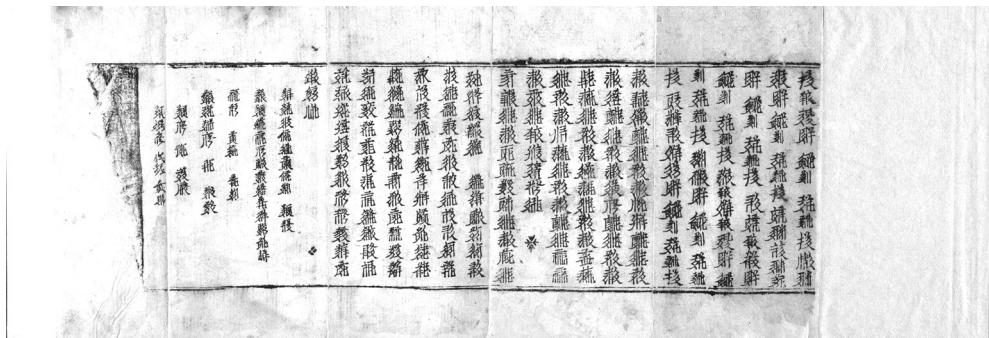
mji tshij lhe mjijr dzu dzju njij gjwi mji njij žjir ŋjow yjir

[Composed by Tangut translator, monastic leader in scarlet cassock, Mining Huihai].

A woodcut illustration depicting “Shakyamuni preaching the *Dharma*” is affixed to the first two folds of the xylograph (Pl. 4). In the top left corner of the illustration, a blurred Chinese inscription indicates that the book was printed at a certain temple. Along the seam margin of each sheet, Chinese numerals are used to denote the sheet sequence.

The content narrates a tale concerning Hell, which was translated and annotated by (Zhang 2023a; 2023b).

Two different Tangut versions of the same *sūtra* are preserved in the IOM RAS, which were catalogued by (Nishida 1977: 31, 59; Kychanov 1999: 472–474).

Pl. 7. Postscript, XC1003

Pl. 8. Woodcut illustration, XS5004

XS1005

傅大士頌金剛經科

Translation from Chinese: *Jingang Bore Boluomiduo Jing Ke* [Vajra-prajñāpāramitā sūtra with segmented abstracts].

Xylograph, accordion binding, 18.7×9.3 cm, 3 folds preserved. Every fold is divided into two sections. The lower section, 7 lines with 12 characters per line, records the chapter title *jij ka mijj dzjar pja vq ljir tsew* 疏巍彌薩歌頌 [Lixiang jimie fen dishisi 離相寂滅分第十四] and conclusive “Maitreya hymns” added on by Master Fu in the Liang dynasty. The upper section includes segmented abstracts (*ke* 科) that correspond to the original *sūtra*¹⁰.

Another xylograph is preserved in the IOM RAS (Kychanov 1999: 286), and published in *EHW* (T25: 283–293) in 2016.

XC1001

求生淨土略禮懺本

Title: *脩隨葬彌薩歌懺軸* *sej lhiji wq kju zjir tshewew rewr tshji* [A brief book of worship and penitence for rebirth in the Pure Land].

Translation from a Chinese original not found in *Tripitaka*.

Transcriber: 稱妣脩 *zjiw tshja njow* (Shao Dehai 邵德海).

Manuscript dated 1279, three volumes in one tome, butterfly binding, 24 ff. and 3 folds, 22×15.5 cm, 7 lines with 17 characters per line.

On the middle crease of each folio, Chinese numerals are used to indicate the folio sequence. On the final folio, there is a postscript written by the transcriber (Pl. 5), which reads:

熾惱歌 桤獄嚴散微 燥

tshji tser kjiw nj i lhji sja so nj džwa

[Finished on the thirteenth day, the second month of the Jimao year (1279)].

彌陀彌 稱妣脩

rjar ywu mijjr zjiw tshja njow

[transcriber: Shao Dehai.]

The text describes a series of rituals aimed at achieving rebirth in the Pure Land of Amita Buddha. Notably, the Sanskrit term *amita* (unlimited) is translated as *mji thow* 彌陀 (*mi tuo* 彌陀), omitting the negative prefix *a*, which reflects a characteristic Chinese adaptation. This suggests that the text was likely translated from a Chinese original. Additionally, certain expressions appear to have been slightly revised during the translation process. For instance, in folio 10, there is a prayer that reads:

辯贊穀瓶詠竈鑿縫微蘚義彌縉熾

njjt tji bjut yju thjt mji ljt sji mijjr nja xe la yor sjwi nj gijj nja

[I (somebody) sincerely and respectfully invite: the God of earth, the God of channel and the God of valley in Mount Helan who are venerated in this house.]

Mount Helan (Chin. *Helanshan* 賀蘭山), situated within the territory of the Xixia State, is frequently referenced in Tangut literature but is entirely absent from canonical Buddhist scriptures. This discrepancy suggests that the original expression may have been adapted by the translator to align with the cultural context of Xixia.

¹⁰ The segmented abstracts might have been selected from Zongmi's 宗密 *Jingang Bore Boluomiduo Jing Shulun Zuanyao* 金剛般若波羅蜜多經疏論纂要.

XS1003

*求生淨土略禮懶本

Manuscript, fragmentary scroll, 22×34 cm, 16 lines with 17–19 characters per line.

It can be identified as another manuscript of the *Qiusheng Jingtu Lue Lichan Ben*, because a phrase can be found as the following, which appears repeatedly in XC1001:

辯競頌號靈燄散設飄蕪縟...

njij tjì bjü yju śja lījr sō sjo tsho ya kiej sjì...

[(I) sincerely and respectfully invite ... in ten directions, three generations and all the spaces.] (Chin. zhixin jingqing shifang sanshi jinxukongjie 至心敬請十方三世盡虛空界...)

XS1009+ XS1010

*大方廣佛華嚴經義疏

Translation from Chinese.

Xylograph, accordion binding, 2 disconnected folds, 23×11 cm, 6 lines with 18 characters per line.

The fragment quotes and provides commentaries on the last four lines of a *gāthā* from the end of volume 17 of the *Avatamsaka* (*Taishō* T10, p. 95a)¹¹.

XC1004

*妙法蓮華經疏

Translation from Chinese.

Xylograph, accordion binding, 14.8×9.0 cm, 5 lines with 10 characters per line, two folds preserved.

It is stated that the *sūtra* serves as the remedy for all sentient beings in *Jambudvipa*. Furthermore, the second fold lists the names of Bodhisattvas cited from the first volume of the *Saddharma-puṇḍarīka* (*Taishō* T9: 2a) in sequential order¹². Notably, the Sanskrit term *Avalokiteśvara* is rendered as *rjur vię bio* 魏龍麁, which literally translates to *shi yin guan* 世音觀 (*Guanshiyin* 觀世音), exemplifying a characteristic Tangut word order.

XS1024+XS1014

*尊勝佛母供養法

Translation from a Chinese original not found in *Tripiṭaka*.

Manuscript, 2 disconnected fragmentary scrolls dated 1278, seriously damaged. The one is 27×47 cm, 25 lines with 20 characters per line, and the other is 27.5×43.5 cm, 19 lines with 20 characters per line.

Sādhana for the offering to *Uṣṇīṣavijayā*. At the end of the text, there is a colophon recording the contributors (Pl. 6):

繆緘辯辯般若散獄妣彌麁 積

wo vie we le kjiw sō lhji gjit gjü njit kwa džjwa

[Scroll finished on the auspicious ninth day, the third month of *Wo-vie*¹³ Wuyin year (1278).]

跋航 猶彌麁

¹¹ Chinese original: 欲見十方一切佛，欲施無盡功德藏，欲滅眾生諸苦惱，宜應速發菩提心。

¹² Chinese original: 文殊師利菩薩，觀世音菩薩，得大勢菩薩，常精進菩薩，不休息菩薩，寶掌菩薩，藥王菩薩，勇施菩薩，寶月菩薩。

¹³ The meaning of 繆緘 *wo-vie* (Lili 理力?) is inexplicable, for there are not a corresponding reign year title in Chinese history.

a tji xwē̃ swew sə wejr rjar

[Excellent! *Xwē̃ swew-sə-wejr* (Hun Mingmanmao 渾明滿茂), the parents.]

XS1004

*轉生偈

Translation from Chinese.

Manuscript, fragmentary scroll, 22×34 cm, 21 lines with 19 characters per line.

The main part of the text is a *gāthā* praying for rebirth.

XS5001

*禱星神文

Translation from Chinese.

Manuscript, scroll, 14.6×30.6 cm, 17 lines with 9 characters per line, poor handwriting on the back of paper with Tibetan transcription.

It is a fragmentary prayer invoking the Astral Gods for the blessings of longevity, peace and prosperity, in which the terms *Ershiba Xiu* 二十八宿 (twenty-eight mansions) and *Shier Xinggong* 十二星官 (twelve celestial house) are mentioned.

XS1022

賢智集

Title: 效貳祿 *me sjij šiɔ* [Collection of merit and wisdom]

Author: 貳蕤祿 *sjj pji lji yjow* [Xianbei Baoyuan 鮮卑寶源]

Compiler: 憲眷效 *jow zjir wa* [Yang Huiguang 杨慧广]

Xylograph in 1188, butterfly binding, only the first folio left, 20.2×11 cm, 7 lines with 15 characters per line. There is a Tangut numeral 𠂇 *lew* (one) at the broken middle crease of the folio.

It is a compilation of verses and proses originally composed by Xianbei Baoyuan. After his death, Yang Huiguang edited and published this collection (Nie 2003). The author's title and name are listed at the beginning of the folio:

效貳祿憲眷
tha sjij gju ji mji tsjir džju lhjij dzjij sia mē lji yjow ywo

[Composed by the State Preceptor of Explaining *Dharma*, the Great Temple of Saving Mankind (*Dadumin Si* 大度民寺), Śramaṇa Baoyuan].

The complete text preserved in the IOM RAS were transcribed and translated into Chinese by Sun B. (2010).

XS6003

*佛本生俗講

Translation from Chinese.

Manuscript, butterfly binding, 23.3×15.2 cm, 7 lines with 23–24 characters per line. 1f. left.

It might be a folktale recounting the early life of Shakyamuni, telling the miracles from his birth to marriage.

XS3001

*發菩提心俗講

Translation from Chinese.

Xyograph, fragmentary scroll, 26.5×17.2 cm, 8 lines with 15 characters per line.

It could be a public discourse intended to persuade folk Buddhists to cultivate themselves based on the foundation of the Bodhi mind.

XS6001

*父母恩重經俗講

Vermilion manuscript, accordion binding, two folds, 16.7×8.3 cm, 5 lines preserved with 13 characters per line, seriously damaged.

An explanation on the Chinese creation *Foshuo Fumu Enzhong Jing* 佛說父母恩重經 [Sūtra of the profound kindness of parents, preached by the Buddha] for folk-preaching.

XS5003

祝辭

Xyograph, accordion binding, two folds, 25.6×12 cm, 8 characters on each fold framed by dragon motifs.

Two blessings are attached as the frontispiece of the book (Pl. 1), which read:

龜龍麟鳳羽鶴歲歲

sjij mjour ywər dzjwü sjij zjo khjü tsjij

[The present Emperor enjoys a sacred longevity of ten thousand years¹⁴.]

龍稱麟鷁長壽歲歲

thej xew ywər dzow mə zjø rjijr ka

[The Empress Dowager and the Empress enjoy longevities that match the eternal Heaven.]

Tibetan creations or translations from Sanskrit

XS1016+XS1017

聖勝慧到彼岸功德寶集偈

Translation from Tibetan: '*Phags pa shes rab kyi pha rol du phyin pa sdud pa tshigs su bcad pa* [*Prajñāpāramitā-ratnaguṇa-saṃcaya-gāthā*]

Translator: 殇養脩 *tṣjiw žjir njow* [Zhou Huihai 周慧海]

Xyograph, 4 folds preserved, 16.2×8.4 cm, 6 lines with 11 characters per line.

The sūtra is preserved in Tangut, Tibetan and Chinese versions. A group of translators was recorded at the end of inv. No. 598 preserved in the IOM RAS (Kychanov 1999: 483), where the translator of the Tangut version was mentioned:¹⁵

旣離禪諦號毗盧蘚修羅死前旣養脩般

dwu džju tsjir dzjij tšhja low rjar xu śia xjwej wo jij śia mē tṣjiw žjir njow mji lhε

[Tangut translation by the Esoteric and Exoteric Dharma Preceptor, Deputy Director of the Saṅgha Office, Receiving the Rank of “Right Principle”, Śramaṇa Zhou Huihai].

These four folds were deciphered by (Duan 2014: 182–185). Various editions preserved in the IOM RAS were published in *EHW* (T27: 92–126) in 2018. (Su 2010) introduced the Tangut, Tibetan and Chinese versions preserved in the United Kingdom, Japan and China.

¹⁴ So does our Tatiana Pang.

¹⁵ Chinese translation of the whole passage: 賢覺帝師講經律論功德司正偏袒都提點嘍臥勒沙門波羅顯勝察義，西天大般彌怛五明顯密國師講經律論功德司正嘍乃將沙門嚩也阿難捺親執梵本證義，演義法師路贊訛嘍賞則沙門遏啊難捺吃哩底梵譯，顯密法師功德司副使嘍臥英沙門周慧海番譯。

XS1001+XS1002

聖大明王母隨求皆得經

Translation from Tibetan: *'phags pa rig pa'i rgyal mo so sor 'brang ba chen mo [Ārya-mahāpratisarā-vidyārājñī]¹⁶*

Xylograph, accordion binding, 16.7×7.6 cm, 6 lines with 14 characters per line, 6 folds preserved. At the seam margin of the sheet, there is a Chinese numeral to indicate the sheet sequence.

The text begins with a fragmentary preface of Tangut original, which mentions the Sanskrit *Pañcarakṣā sūtra*. It is noted that this *sūtra* has been transmitted in Xixia for seven generations and was accessible to a Dharma Master named 聰廉數 *yij nij džow* (Tib. *Rdo-rje Rgyal-mtshan*, Chin. *Jingang chuang* 金剛幢).

Various manuscripts and xylographs of the same version are housed in the IOM RAS (Gorbacheva & Kychanov 1963: 95; Nishida 1977: 50; Kychanov 1999: 430–435) and some of them were published in *EHW* (T28: 295–345) in 2019, but the preface there appears to differ significantly from this one.

XS6005

金剛手真言

Translation from Tibetan.

Xylograph, 1 fragment, 15.5×10.7 cm.

There is a quotation of a fragmentary *mantra* beginning with *a bja dzji rjar pja nji* 積拔
穢 彌 傳 菩 菩 [Om vajrapāṇi].

XC1003

大白傘蓋佛母總持

Translation from Tibetan: *De bzhin gshegs pa thams cad kyi gtsug tor nas byung ba gdugs dkar mo can zhes bya ba gzhan gyis mi thub ma phyir zlog pa'i rig sngags kyi rgyal mo chen mo¹⁷.*

Transcriber: 舀數數 *wow lji džow* [Wang Baochuang 王寶幢]

Engraver: 漏效嚴 *jow tsji tshij* [Yang Zhiqing 楊志清]

Xylograph dated 1271, accordion binding with a title paper strip affixed to the silk cover, 2 fragments preserved, 16.8×7.1 cm, 6 lines with 12 characters per line.

Four disconnected fragments include: a section of *dhāraṇī*, a section of main text, a part of vow postscript and a complete colophon (Pl. 7), which says:

旃祇祇祇祇祇祇

khjej mjo kjiw ywa lhji śja ywa njt kū džowa

[Engraving finished on the fifteenth day, the fifth month of the Xinwei year (1271)]

旃祇祇祇祇祇祇祇祇

tjij ku tjij śjwo mjijr ywar wejr mjijr yar njij śjw iō u tsjir dzjj kwo zjw žjir njt

[Wisher on engraving and printing: In the Heaven Protected Lingshan Hexin 靈山合心
Courtyard, Dharma Preceptor Guyi Huirui 骨哆慧日]

旃祇祇祇

旃數數

tjij njijr rjar mjijr wow lji džow

¹⁶ Chinese equivalent: 普遍光明淨熾盛如意寶印心無能勝大明王大隨求陀羅尼經 (*Taishō* T20: 616a–632a).

¹⁷ Chin. 聖者一切如來頂髻中出自白傘蓋餘無能敵大回折大明咒佛母陀羅尼 = 佛說大白傘蓋總持陀羅尼經 (*Taishō* T19: 404a–406c).

[Wooden block transcriber: Wang Baochuang]

額修 懈 故
ku mjjir jow t̄sji tshijj

[Engraver: Yang Zhiqing]

Another version of the same *sūtra*, inv. No. 2899, is preserved in the IOM RAS, which was catalogued by (Nishida 1977: 51; Kychanov 1999: 414).

XS1026

白傘蓋佛母讚歎

Title: 翁 舛 紋 [循] 傷 驚 vja phjow tha mja jjj bjjj jow [Praise for the White Canopy Buddha]

Translation from Tibetan: *gdugs dgar mo 'i bstod pa* [Praise for Sitātapatra]

Xylograph, fragment, 15×29.5 cm, 19 lines with a seven-charactered *gāthā* per line.

There is a partially damaged colophon remaining at the bottom right, where the key names are illegible:

… 扬 獻 福 祀

...a lhε nja t̄sijj phji

[Ordered ... to correct what was translated.]

XS6002

*噶舉傳燈錄

Translation from an unknown Tibetan creation.

Manuscript, butterfly binding of two opposite folios on one sheet, 31.4×30.2 cm, 8 lines with 11 characters per line.

Three Tantric patriarchs of the *Bka'-brgyud-pa* School are mentioned in the text: *mji zj̄t lja rjar sj̄i bja* 懈 懈 疾 故 錄 (Mi-la Ras-pa), *lhja dž̄jij* 疾 霄 (Lha-rje), and *nja ror bja* 懈 繼 錄 (Nāro-pa).

Fragments unidentified

XS2001

Movable type printing, butterfly binding, fragment, 31.2×20.5 cm, 8 lines with 23 characters per line.

It might be a commentary of the methods to practice “noble eightfold path” (*bashengdao* 八聖道), for the Buddhist terms *tshja nwə* 經 歷 (*zhengzhi* 正知) and *tshja la* 經 慨 (*zhengnian* 正念) are frequently mentioned there.

XS2002

Xylograph, butterfly binding, 1 folio left, 31.5×22 cm, 9 lines with 21 characters per line.

Engraver: Yang Shishan 楊石山

In the middle crease of the printing block, Chinese characters are inscribed: *bore yijuan* 般若一卷 (the first volume of *Prajñā*) to denote the short title and the volume sequence, *shiwu* 十五 (fifteen) to indicate the sheet sequence, and Yang Shishan to identify the engraver.

It is plausible to speculate that this folio was translated from an unknown Tibetan commentary on a certain *sūtra* concerning the “four fruits” (*siguo* 四果). This hypothesis is supported by the fact that the Sanskrit term *Bodhisattva* was translated as *po t̄j̄i k̄j̄ir sj̄i* 諸

茲牘牘 (*puti yongshi* 菩提勇識), which is a characteristic Tangut translation of the Tibetan word *byang chub sems dpa'*, rather than its Chinese equivalent *ńja tsij* 菩薩 (pusa 菩薩).

XS6004

Manuscript, 26.4×8.4 cm, 4 lines with 14 characters per line left.

A fragmentary seven-charactered *gāthā*, where the terms *lju* 身 (*shen* 身), *ŋwu* 語 (*yu* 语) and *njj* 意 (*xin* 心 = *yi* 意) are mentioned.

XS5004

Xylograph, fragment, 25.6×18.2 cm. A woodcut illustration depicting “Shakyamuni Preaching the *Dharma*” serves as the frontispiece of an unknown *sūtra* (Pl. 8). The title was engraved at the top of the illustration, which reads:

衆眾釋迦牟尼說

śj kja mjur ljj tsjir tshjj tji

[The place where Tathāgata Shakya preaches the *Dharma*]

Two of the Tangut characters in the title contain stroke errors.

XS1037, 1038

Scraps from a woodcut illustration.

XS1039, 1040

Two woodcut illustration fragments, 25×13 cm and 18.5×12 cm, poorly preserved.

XS1015

Manuscript, 1 fragment, 23.5×11 cm, 10 lines with 16–17 characters per line.

The transcription shows a chaotic and disordered appearance, evidently a handwriting practice by a novice. The phrase *yowr yowr sjij sjij gji sej* 福福智智談諺 (*yiqie zhizhi qingjing* 一切智智清淨) is repeatedly transcribed, which also appears frequently in the *Mahā-prajñāpāramitā sūtra*.

XS1035

Manuscript, 2 fragmentary pieces, 9.0×7.5 cm and 11.8×12 cm.

Transcription of Buddhist terms exhibits significant disarray, such as *tha tsjir sē* 終祇讖 (*fo fa seng* 佛法僧), *ya zow* 職執 (*wozhi* 我執), *śjij mja* 彌災 (*shengguo* 聖果). Notably, the character *mja* 災 (fruit) was miswritten as *rjir* 級 (before).

XS1036

Manuscript, 2 fragmentary pieces, 7.2×9 cm and 11.7×9.5 cm.

Several *sūtra* titles and expressions are transcribed in a chaotic manner, including *tha tshjj tha mja sō tsjir-ü* 終祇結義說祇龕 (*Buddhamātrjāta-tridharma-pitaka*), *thjo tsjir wja sej lwor lhej* 繼祇欸禪說菩薩 (*Saddharma-puṇḍarīka sūtra*), *rjur pjü* 婆羅 (*Bhagavat*) and *tha jij da ji* 終祇結勢 (*baifo yan* 白佛言).

XS1029-1034

Over a dozen fragments poorly preserved. 6 sheets in total, each comprises more than two pieces of scraps containing characters written in proficient cursive script, which remain undecipherable at present.

Abbreviations

- EHW: Ecang Heishuicheng Wenxian* 俄藏黑水城文獻 [Heishuicheng Manuscripts Collected in Russia], T. 7, 21–28, ed., Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of Chinese Academy of Social Sciences, Shanghai Chinese Classics Publishing House, Shanghai: Shanghai Chinese Classics Publishing House, 1997, 2013–2019.
- IOM RAS: Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences.
- ZXW: Zhongguocang Xixia Wenxian* 中國藏西夏文獻 [Tangut Manuscripts Collected in China], ed., Centre of Xixia Studies of Ningxia University, China National Library, Gansu Wuliang Centre of Study on Classics. Lanzhou: Gansu People's Publishing House / Dunhuang Publishing House of Arts, 2005.

References

- Arakawa Shintaro 荒川慎太郎. *Seikabun Kongokyo no Kenkyū* 西夏文金剛經の研究 [Studies on the Tangut Version of the *Vajracchedikā-prajñāpāramitā*]. Kyoto: Shoukadoh, 2014 (in Chinese).
- Duan Yuquan 段玉泉. *Xixia Gongdeba Jiji Kua Yuyan Duikan Yanjiu* 西夏《功德寶集偈》跨語言對勘研究 [A Study on Cross-language Collation of the Xixia Version *Gongdeba Jiji*]. Shanghai: Shanghai Chinese Classics Publishing House, 2014 (in Chinese).
- Fang Guangchang 方廣錗. *Zangwai Fojiao Wenxian* 藏外佛教文獻 [Buddhist Scriptures out of the *Tripiṭakas*] 7. Beijing: Religious Culture Publishing House, 2000 (in Chinese).
- Gorbacheva, Zoya I. & Kychanov, Evgenij I. *Tangutskie rukopisi i ksilografy* [Tangut Manuscripts and Xylographs]. Moscow: Isdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1963 (in Russian).
- Kychanov, Evgenij I. *Katalog tangutskikh buddiiskikh pamiatnikov* [Catalogue of Tangut Buddhist Monuments]. Kyoto: Kyoto University, 1999 (in Russian).
- Li Ruoyu 李若愚. “*Xijingang Xianzheng Ruyibao*: Yuan dishi Basiba zhuzuo de xixia yiben” «喜金剛現証如意寶»: 帝師八思巴著作的西夏譯本 [The Desirable Treasure of Hevajra Present Awareness: A Tangut Version of the Work by Yuan Imperial Preceptor 'Phags pa']. *Ningxia Shehui Kexue* 寧夏社會科學, 2016, vol. 5, pp. 206–212 (in Chinese).
- Lin Yingjin 林英津. “*Xixiayu yi Zunsheng Jing*” (*Uṣṇīśavijayā Dhāraṇī*) Shiwen 西夏語譯«尊勝經 (*Uṣṇīśavijayā Dhāraṇī*)» 釋文 [Decipherment of the Tangut Version *Uṣṇīśavijayā Dhāraṇī*]. In: Du Jianlu ed. *Xixiaxue* 西夏學, vol. 8, pp. 23–61. Shanghai: Shanghai Chinese Classics Publishing House, 2011 (in Chinese).
- Men'shikov, Lev N. *Opisanie kitaiskoi chacti kollektsiiz Khara-Khoto* [Description of the Chinese part from Khara-Khoto Collection]. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian).
- Nie Hongyin 聶鴻音. “*Xixiawen Xianzhiji Xu Kaoshi*” 西夏文《賢智集序》考釋 [A Textual Research of the Preface to the Collection of Merit and Wisdom]. *Guyuan Shizhuan Xuebao* 固原師專學報, 2003, vol. 5, pp. 46–48 (in Chinese).
- Nie Hongyin 聶鴻音. *Wugong Jing*. “*Cunshi Chenshu de Zaoqi Yangben*” «五公經»: 存世讖書的早期樣本 [Classic of the Five Masters: an Early Sample of Prophecy Book Surviving]. *Zhonghua Wenhua Luntan* 中華文化研究, 2019, vol. 6, pp. 46–54 (in Chinese).
- Nie Hongyin 聶鴻音. “*Jingang Jing Xixia Yiben Kaobu*” 《金剛經》西夏譯本考補 [A Complementary Study on the Tangut Version *Vajracchedikā*]. *Mianyang Shifan Xueyuan Xuebao* 綿陽師範學院學報, 2023, vol. 42(1), pp. 119–126 (in Chinese).
- Nie Hongyin 聶鴻音 & Sun Yingxin 孫穎新. “The Mixed Homonymic Characters: Procedures for Primary Teaching as Recommended by Tanguts”. *Written Monuments of the Orient*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 77–106 (in English).
- Nishida Tatsuo 西田龍雄. *Seikamun Kakenkyo* 西夏文華嚴經 [The Hsi-Hsia Avatamsaka sūtra] III. Kyoto: Faculty of Letters, Kyoto University, 1977 (in Chinese).
- Shi Jinbo 史金波. *Shi Jinbo Wenji* 史金波文集 [Collection of Shi Jinbo's Essays]. Shanghai: Shanghai Lexicographical Publishing House, 2005 (in Chinese).

- Su Hang 蘇航. “Xixia shiqi de Seng Senghui Daobi'an Gongdeba Jiji Yanjiu” 西夏時期的《聖勝慧到彼岸功德寶集偈》研究 [A Study on the Prajñāpāramitā-ratnaguna-samcaya-gāthā in the Xixia Period]. In: Nie Hongyin & Sun Bojun ed. *Zhongguo Duowenzi Shidaide Lishi Wenxian Yanjiu* 中國多文字時代的歷史文獻研究 [Researches on Historical Records in the Periods of Multiple Scripts], 2010, pp. 75–103 Beijing: Social Science Literature Press (in Chinese).
- Sun Bojun 孫伯君. “Zhenzhi yi Foshuo Dabaisangai Zongchi Tuoluoni Jing wei Xixia yiben kao” 真智譯《佛說大白傘蓋總持陀羅尼經》為西夏譯本考 [A Textual Research of the Xixia Version *Buddha-sitatapatra dhāraṇī* Translated by Zhenzhi]. *Ningxia Shehui Kexue* 寧夏社會科學, 2008, vol. 4, pp. 96–101 (in Chinese).
- Sun Bojun 孫伯君. “Xixia Suwenxue Bian Chutan” 西夏俗文學“辯”初探 [A Preliminary Exploration on the *Bian* in Tangut folk literature]. *Xixia Yanjiu* 西夏研究, 2010, vol. 4, pp. 3–9 (in Chinese).
- Wang Jingru 王靜如. *Xixia Yanjiu* 西夏研究 [Xixia Studies]. Beiping: Institute of History and Language, Academia Sinica, 1933 (in Chinese).
- Wang Peipei 王培培. “A textual research of the Tangut philological work *Tongming Zazi*”. *Journal of Chinese Writing Systems* 2018, vol. 2(3), pp. 209–213 (in Chinese).
- Wei Bing 章兵. *Chuxu Laisheng: Songdai Yilai de Shousheng Jiku Xinyang* 儲蓄來生: 宋代以來的壽生寄庫信仰 [Depositing for Afterlife: the Belief in Prepaying for Life Prolongation since the Song Dynasty]. Chengdu: Bashu Publishing House, 2022 (in Chinese).
- West, Andrew. “An introduction to the Tangut Homonyms”. *Journal of Chinese Writing Systems*, 2018, vol. 2(3), pp. 195–207 (in Chinese).
- Wu Yulin 武宇林 & Arakawa Shitarō 荒川慎太郎. *Ribencang Xixiawen Wenxian* 日本藏西夏文文獻 [Tangut Written Monuments Collected in Japan]. Beijing: Zhonghua Book Company, 2010 (in Chinese).
- Yang Zhigao 楊志高. “Cibei Daochang Chanfa” Xixia Yiwen de Fuyuan yu Yanjiu 《慈悲道場懺法》西夏譯文的復原與研究 [A Restoration and Textual Research of the Tangut Version *Cibei Daochang Chanfa*]. Beijing: China Social Sciences Press, 2016 (in Chinese).
- Zhang Jiuling 張九玲. “Xixiaben Fodingxin Guanshiyin Pusa Datoluoni Jing shulue” 西夏本《佛頂心觀世音菩薩大陀羅尼經》述略 [A Brief Narration on the Tangut Version *Buddha-usṇīṣa-hṛdaya-Bodhisattva-avalokiteśvara-mahā-dhāraṇī sūtra*]. *Ningxia Shehui Kexue* 寧夏社會科學, 2015, vol. 3, pp. 141–143 (in Chinese).
- Zhang Jiuling 張九玲. “Rongbaozhai zhengji xixiaben Shiwang Jing shulue” 榮寶齋徵集西夏本《十王經》述略 [A Brief Narration on the Tangut Version *Sūtra of the Ten Kings* Collected by the Antique Shop Rongbaozhai]. *Shijie Zongjiao Wenhua* 世界宗教文化, 2023a, vol. 3, pp. 149–156 (in Chinese).
- Zhang Jiuling 張九玲. “The Preface to the Shiwang Jing: An Early Legend of Revival”. *Written Monuments of the Orient*, 2023, vol. 19(3), pp. 150–162 (in Chinese).

Коллекция тангутских рукописей, недавно поступившая в Ханчжоуский филиал Национального архива КНР

НЕ Хунъинь

Академия тангутоведения, университет Нинся
г. Иньчуань, Китай

Статья поступила в редакцию 23.02.2025.

Аннотация: В начале 2024 г. в Ханчжоуский филиал Национального архива из частной коллекции поступили тангутские рукописи и ксилографы. Как выяснилось, эти памятники пред-

ставляют собой буддийские сочинения, созданные в юаньский период. Среди них тангутские переводы сутр, как из Трипитаки, так и из других источников, а также несколько произведений местных авторов. Некоторые из этих манускриптов имеют аналоги в собрании Института восточных рукописей Российской академии наук, в то время как другие являются уникальными и не встречаются в других коллекциях мира. Эти недавно обнаруженные материалы могут дать ценные сведения о буддизме, который был распространен среди тангутов в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Си Ся, тибетский язык, династия Юань, буддизм, сутра, рукопись.

Для цитирования: *Не Хунъинь*. Коллекция тангутских рукописей, недавно поступившая в Ханчжоуский филиал Национального Архива КНР // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 168–188 (на англ. яз.). DOI: 10.55512/WMO692157.

Об авторе: НЕ Хунъинь, профессор, Академия тангутоведения, университет Нинся (г. Иньчuanь, Китай) (nhy54116@sina.com).

Маньчурская коллекция монголоведа В.А. Казакевича (1896–1937), поступившая в Азиатский Музей в 1927 году

Д.А. НОСОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO691509

Статья поступила в редакцию 28.07.2025.

Аннотация: В 1927 г. монголовед В.А. Казакевич передал в Азиатский Музей 13 рукописных книг и две ксилографические тетради на маньчжурском языке. В статье выделены основные кодикологические признаки принадлежности единиц хранения из маньчжурского собрания ИВР РАН к коллекции В.А. Казакевича. В соответствии с порядковыми номерами, присвоенными фондобразователем, кратко описан состав данной коллекции. Одна из рукописей выполнена на двух языках — маньчжурском и монгольском, на некоторых других имеются пометки на монгольском языке. Эта коллекция, включающая исторические, юридические, дидактические и филологические сочинения, была приобретена В.А. Казакевичем между 1923 и 1927 гг. в ходе одной из его экспедиций в Монголию, возможно в регионе Дариганга.

Ключевые слова: Азиатский Музей, рукописные собрания, ксилографическая книга, маньчжурский язык, монгольский язык, Монголия, В.А. Казакевич.

Для цитирования: Носов Д.А. Маньчурская коллекция монголоведа В.А. Казакевича (1896–1937), поступившая в Азиатский Музей в 1927 году // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 189–199. DOI: 10.55512/WMO691509.

Об авторе: НОСОВ Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Отдел рукописей и документов, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

© Носов Д.А., 2025

Одно из ранних упоминаний о наследии В.А. Казакевича в научной литературе относится к 1965 г., когда Майя Петровна Волкова (1927–2006) опубликовала первый выпуск описания собрания маньчжурских рукописей ИНА АН СССР (ныне — ИВР РАН) (Волкова 1965). Среди фондобразователей указано имя В.А. Казакевича, коллекция которого поступила в 1927 г. (Там же: 4).

Владимир Александрович Казакевич (23.04(05.05).1896, Санкт-Петербург — 20.12.1937, Ленинград) известен как монголовед-историк (Казакевич 1935) и лексиколог (Казакевич 1934). К концу 1927 г. он совершил два путешествия в Монголию (Носов 2018: 671).

С 1923 по 1925 г. В.А. Казакевич находился в Улан-Баторе на стажировке, где при содействии друга семьи, известного востоковеда Владислава Людвиговича Котвича (1872–1944) (Решетов 2003: 98) получил назначение на работу в Ученый Комитет страны. За это время он совершил пять полевых экспедиционных выездов в разные районы Монголии. Эти поездки подробно описаны автором данной статьи ранее (Носсов 2019).

Роль выдающегося лингвиста-монголоведа и алтаиста В.Л. Котвича в судьбе В.А. Казакевича следует отметить особо. Перу В.Л. Котвича принадлежат работы по разным аспектам истории и языков монгольских народов с XIII по XIX в. Но он также известен как маньчжуроревед: с 1900 по 1923 г. В.Л. Котвич преподавал маньчжурский язык в Санкт-Петербургском университете (Попова 2018: 691), а в 1920 г. подготовил небольшое описание маньчжурской коллекции Азиатского Музея (Котвич 1920). Как указывает Т.А. Пан, он и сам принял участие в формировании маньчжурского фонда (Pang 2001: XV), передав в Азиатский Музей (далее — АМ) в 1917–1919 гг. некоторые материалы, собранные Н.Н. Кротковым (1869–1919) (Чугуевский 1990: 44). Переписка В.А. Казакевича с В.Л. Котвичем, завершившаяся не ранее августа 1936 г. (Решетов 2003: 97), дает основания предполагать, что между корреспондентами существовали взаимоотношения учителя и ученика. Вероятно, учителю удалось закрепить у ученика интерес к маньчжурской культуре как основе административных практик Внешней Монголии в период ее нахождения в составе империи Цин.

Описание поездки в Монголию 1927 г. В.А. Казакевич подготавливал и опубликовал самостоятельно (Казакевич 1930). С 15 июля по 10 октября 1927 г. ученый находился в Монголии, где по заданию Монгольской комиссии Академии наук СССР совершил экспедицию с этнолого-лингвистическими целями в область Дариганга, расположенную на юго-восточной границе МНР (Там же: 1).

Каталогизация обширной маньчжурской коллекции ИВР РАН, проведенная М.П. Волковой и Т.А. Пан в 1965–2001 гг., не предполагала детального изложения истории формирования собраний отдельных фондообразователей. Поэтому полные списки именных коллекций отсутствуют. Тем не менее благодаря указанию имени дарителя в стандартизированном каталогном описании мы можем получить представление о составе коллекции маньчжурских рукописей, которую В.А. Казакевич передал в АМ в 1927 г.

В первый раз имя В.А. Казакевича упоминается М.П. Волковой под номером 34 каталога собрания маньчжурских рукописей (Волкова 1965: 27)¹. Это краткое описание рукописи, носящей шифр А101mss, — списка первой тетради сочинения «Надан тачіхіјан бе урунаку худабуре бітхе»² («Семь наставлений, необходимых для обязательного заучивания»). Список является копией с ксиографического издания китайского текста и маньчжурского перевода сборника морально-философских наставле-

¹ Далее для обозначения данного каталога мы будем использовать сокращение «Волкова I», за которым будет следовать номер описания, например, упомянутую в данном абзаце рукопись обозначим «Волкова I, 34».

² Здесь и далее для передачи маньчжурского названия сочинения мы будем применять ту систему транслитерации, которую использовал автор каталога. Соответственно, для описаний из каталогов, подготовленных под руководством М.П. Волковой (Волкова 1965; 1988), будет использована транслитерация на основе кириллицы, известная как система В.В. Радлова (Радлов и др. 1887). Для описаний из каталога, подготовленного Т.А. Пан (Pang 2001), — на латинице (Pang 2001: XXXV), разработанной американским китаеведом-лингвистом Джерри Норманом (1936–2012) для краткого маньчжурско-английского словаря (Norman 1978).

ний и относится к разделу «Идеология и религия» (Там же: 23–38). Размер листа 22×11,5 см, размер текста — 16×10,5 см. Всего в рукописи 34 листа, на каждом из которых нанесены по три строки маньчжурского текста (Там же: 27).

При визуальном знакомстве с данной единицей хранения выяснилось, что в начале рукописи, представляющей собой сшитую в двух местах тетрадь, присутствуют два дополнительных листа, не содержащие маньчжурского текста: первый лист не имеет пагинации, второй обозначен как «01». Принадлежность рукописи к коллекции В.А. Казакевича указана на титульном листе твердой обложки, состоящей из двух листов плотного картона размером 22,7×12,5 см, изготовленных, предположительно, хранителями АМ. Фамилия фондообразователя — «Казакевич» — нанесена в левом верхнем углу первого листа твердой обложки от руки красным карандашом. Сторона *recto* первого непагинированного листа содержит инвентарный номер, присвоенный в 1954 г., нанесенный при помощи печати-шаблона «Института востоковедения АН СССР» и черных чернил. Здесь же нанесено карандашом число «13», которое никак не может относиться к пагинации. На Л. 01 *verso* рукописи помимо актуального синими чернилами нанесен инвентарный номер 1927 г. — «Inv. О 1927 № 366», утративший актуальность в результате вторичной инвентаризации, проведенной после Великой Отечественной войны.

Мы предполагаем, что именно дата первой инвентаризации — 1927 г. — дала М.П. Волковой основание считать этот год датой поступления коллекции В.А. Казакевича в АМ. Для трех рукописей автор каталога даже привела первый инвентарный номер в описаниях (см.: Волкова I, 103, 124 и 136). Выявленные нами среди маньчжурских рукописей инвентарные номера, присвоенные в 1927 г., охватывают диапазон от номера 361 до номера 373 включительно, т.е. всего 13 единиц хранения. Выявленный порядок инвентарных номеров 1927 г., а также факт их следования друг за другом позволяют утверждать, что коллекция В.А. Казакевича поступила в маньчжурскоое собрание Азиатского Музея одномоментно.

Отметки о первой инвентаризации 1927 г. присутствуют не на всех единицах хранения из коллекции Казакевича, а нанесенные карандашом числа — на всех. Они всегда расположены в правом верхнем углу первого листа рукописи и никогда не повторяются. Подобные номера, нанесенные карандашом, присутствуют на первых листах нескольких документов, входящих в личный фонд исследователя в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 63 — АВ ИВР РАН). Это дает основание предположить, что данные числа отражают порядковый номер рукописи в коллекции и нанесены самим фондообразователем.

У рукописей из коллекции В.А. Казакевича существуют еще два кодикологических признака, которые позволяют предположить монгольское происхождение данных единиц хранения. Так, в описании Волкова I, 70 указано, что пагинация рукописи — монгольская (Волкова 1965: 42). При визуальном знакомстве с рукописью оказалось, что для обозначения номеров листов используются как традиционные тибетские цифры, так и текстовые монгольские числительные.

Данная рукопись, находящаяся под шифром A11mss, представляет особый интерес для монголистов, так как содержит список наказаний за проступки, совершенные гражданскими и военными чиновниками, и выписки из сводов монгольских законов в переводе на маньчжурский язык (Волкова 1965: 42).

Еще один кодикологический признак рукописей из коллекции В.А. Казакевича был выявлен Т.А. Пан при описании единицы хранения A15mss — наличие монгольского

текста на первом и последнем листах рукописи (Pang 2001: 88)³. При визуальномзнакомстве с рукописью выяснилось, что упомянутый монгольский текст — фрагмент черновой рукописи учетного документа, использованный в качестве обложки. Текст записан старомонгольским (классическим монгольским) письмом и может быть датирован не позднее 1927 г.

Опираясь на четыре основных кодикологических признака: инвентарный номер 1927 г., наличие нанесенного карандашом порядкового номера в правом верхнем углу первого листа рукописи, монгольской пагинации и обложки, выполненной из фрагментов черновой рукописи учетного документа на монгольском языке, — мы можем сделать попытку реконструировать полный состав коллекции, переданной В.А. Казакевичем в маньчжурское собрание АМ. Результат этой попытки представлен в таблице 1.

Таблица 1

Порядок следования рукописей, переданных В.А. Казакевичем в АМ
в соответствии с инвентарными номерами 1927 г.

Инвентар- ный номер 1927 г.	Шифр	Номер описания по каталогу	Размер листа, см	Номер, нанесенный карандашом	Прочие кодикологические признаки
361	A 17mss	Pang, 191	21×11	7 ⁴	
362	A 23mss	Pang, 188	23×10,5	6 ⁵	
363	A 34mss	Волкова I, 103	21,5×11	5	
364	A 33mss	Волкова I, 136	21,5×11,5	3	
365		Рукопись, содержащую данный инвентарный номер 1927 г., обнаружить не удалось			
366	A 101mss	Волкова I, 34	22×11,5	13	
367		Рукопись, содержащую данный инвентарный номер 1927 г., обнаружить не удалось			
368	A 11mss	Волкова I, 70	22×11,3	9	Пагинация мон- гольская, сме- шанная — тек- стовыми числи- тельными и ти- бетскими циф- рами
369		Рукопись, содержащую данный инвентарный номер 1927 г., обнаружить не удалось			
370	A 40mss	Волкова I, 71	21×10,5	10	

³ Далее для обозначения данного каталога мы будем использовать сокращение «Pang», за которым будет следовать номер описания, например, упомянутую в данном абзаце рукопись мы будем обозначать «Pang, 192».

⁴ Поверх данного карандашного обозначения нанесен шифр «A17».

⁵ Поверх данного карандашного обозначения порядкового номера нанесен шифр «A23mss».

371	A 15mss	Pang, 192	21×20	14	Обложка со- держит монголь- ский текст
372	A 14mss	Волкова I, 124	21,6×20,6	12	Обложка со- держит монголь- ский текст

В таблице указано, что в диапазоне инвентарных номеров 1927 г. с № 361 по № 372 три номера (№ 365, 367 и 369) обнаружить не удалось. Становится ясным и диапазон порядковых номеров, нанесенных на первых листах рукописей, поступивших от В.А. Казакевича, — это номера с 3 по 14. В приведенной таблице 1 также отсутствуют три таких номера (№ 4, 8 и 11).

В собрании маньчжурских рукописей ИВР РАН находятся еще четыре единицы хранения, обладающие признаками принадлежности к коллекции В.А. Казакевича — фамилия фондообразователя упомянута на первом листе твердой картонной обложки или же есть монгольский текст. При этом инвентарный номер 1927 г. на них отсутствует. Главный признак — это порядковый номер книги в коллекции, нанесенный карандашом в правом верхнем углу первого листа. Общие данные об этих четырех рукописях приведены в таблице 2.

Таблица 2

Рукописи из коллекции В.А. Казакевича,
на которых отсутствует инвентарный номер 1927 г.

Шифр	Номер описания по каталогу	Размер листа, см	Номер, нанесен- ный ка- рандашом	Дополнительные кодикологические признаки, позволяющие отнести рукопись к коллекции В.А. Казакевича
A 38mss	Волкова I, 63	20,5×11	11	Упоминание фамилии фондо- образователя на первом листе твердой картонной обложки. Пагинация монгольская, выпол- ненная тибетскими цифрами
B 41mss	Волкова I, 64	27×11,8	8	Последний лист наклеен на оборот листа, содержащего монгольский текст
A 111mss	Волкова I, 107	25×12,5	4	
A 49mss	Волкова I, 27	25×17,5	15	Текст двуязычный: одна строка на маньчжурском, следую- щая — на монгольском

Основываясь на приведенных выше данных, мы утверждаем, что коллекция маньчжурских рукописей, поступивших от В.А. Казакевича, насчитывает 13 единиц. В обеих приведенных выше таблицах отсутствуют порядковые номера 1 и 2. Зная кодико-

логические признаки принадлежности книг к коллекции В.А. Казакевича, правомочно попытаться найти единицы хранения с порядковыми номерами 1 и 2 в собрании маньчжурских ксилографов ИВР РАН.

В «Описании маньчжурских ксилографов Института востоковедения АН СССР», опубликованном М.П. Волковой в 1988 г., под номером 69 упомянут неполный экземпляр сборника «Манцу гісуні сондофи саркіжах бітхе» («Сборник статей на маньчжурском языке»). В состав единицы хранения, носящей шифр B169xyl, входят первая и третья тетради сборника, изданные фирмой «Сань-хуай-тан» в 1889 г. (Волкова 1988: 44)⁶ на маньчжурском и китайском языках. На первом листе первой⁷ тетради данного издания сборника «Хафан херген і гебу» (список девизов годов правления маньчжурских императоров, даты рождения и смерти императоров, княжеские достоинства, должности чиновников) черными чернилами от руки нанесен инвентарный номер 1927 г. — Inv. О 1927 г. № 359. На первом листе третьей⁸ тетради «Цурган јамун і гебу» («Названия министерств и канцелярий») — Inv. О 1927 № 360, т.е. они примыкают к инвентарным номерам, присвоенным рукописям из коллекции В.А. Казакевича в 1927 г. При оформлении обеих тетрадей в качестве обложки использованы фрагменты черновой рукописи монгольского учетного документа, как и при оформлении рукописей А 14mss, А 15mss и В 41mss.

Основываясь на приведенных выше данных, мы можем с уверенностью утверждать, что не позднее 1927 г. монголовед В.А. Казакевич передал в Азиатский Музей не менее 15 книг на маньчжурском языке — двух напечатанных ксилографическим способом и 13 рукописных. Состав маньчжурской коллекции В.А. Казакевича представлен в таблице 3.

Таблица 3

Состав коллекции рукописей и ксилографов на маньчжурском языке,
переданной в Азиатский Музей в 1927 г. монголоведом В.А. Казакевичем,
в соответствии с порядковыми номерами, присвоенными фондообразователем

Порядковый номер, нанесенный карандашом	Шифр	Инвентарный номер, присвоенный в 1927 г.	Наличие отметки о принадлеж- ности к кол- лекции В.А. Казак- евича	Наличие монгольского текста	Номер каталожного описания	Раздел соответствую- щего каталога, в котором поменено описание
1	B169/1x y1	360	Отметка отсутствует	Первый и по- следний листы обложки содер- жат монголь- ский текст	Волкова II, 69	История, указы, по- учения (Вол- кова 1988: 16–53)

Третья тетрадь сочинения «Сборник статей на маньчжурском языке» издания фирмы «Сань-хуай-тан» 1889 г. Тетрадь содержит названия министерств и канцелярий (Волкова 1988: 43–44).

⁶ Далее для обозначения данного каталога мы будем использовать сокращение «Волкова II», за которым будет следовать номер описания, например, упомянутую в данном абзаце рукопись мы будем обозначать «Волкова II, 69».

⁷ Внутри единицы хранения данная тетрадь располагается второй, ей присвоен шифр B169/2xyl.

⁸ Внутри единицы хранения данная тетрадь располагается первой, ей присвоен шифр B169/1xyl.

2	B169/2x y1	359	Отметка отсутствует	Первый и по- следний листы обложки содер- жат монголь- ский текст	Волкова II, 69	История, указы, по- учения (Волкова 1988: 16– 53)
Первая тетрадь сочинения «Сборник статей на маньчжурском языке» издания фирмы «Саньхуай-тан» 1889 г. Тетрадь содержит список девизов годов правления маньчжурских императоров, даты рождения и смерти императоров, княжеские достоинства, должности чиновников (Волкова 1988: 43–44).						
3	A33mss	364	Отметка при- сутствует	Монгольский текст отсутству- ет	Волкова I, 136	Литература (Волкова 1965: 70–97)
«Двадцать четыре образца [сыновней] почтительности». Рукописная копия, снятая с перевода на маньчжурский язык китайского сочинения «二十四孝», изданного ксилографическим способом в 1736 г. (Волкова 1965: 72).						
4	A111ms s	Инвентарный номер 1927 г. отсутствует	Отметка от- сутствует	Монгольский текст отсутству- ет	Волкова I, 107	Язык (Вол- кова 1965: 49–69)
«Книга для детей, рассказывающая о монгольском и маньчжурском государствах и начинающая повествование с истории государства Хань». Список сочинения, составленного Фуцзюнем в 1780 г. (Волкова 1965: 60).						
5	A34mss	363	Отметка при- сутствует	Монгольский текст отсутст- вует	Волкова I, 103	Язык (Вол- кова 1965: 49–69)
Список предисловия к первой тетради изданного в 1832 г. первоначального учебника китайского языка в переводе на маньчжурский язык (Волкова 1965: 58).						
6	A23mss	362	Отметка при- сутствует	Монгольский текст отсутствует	Pang, 188	Classics (Pang 2001: 70–90)
Список дидактического произведения (Pang 2001: 86).						
7	A17mss	361	Отметка при- сутствует	Монгольский текст отсутствует	Pang, 191	Classics (Pang 2001: 70–90)
Список конфуцианских дидактических произведений (Pang 2001: 87–88).						
8	B41mss	Инвентарный номер 1927 г. отсутствует	Отметка от- сутствует	Последний лист обложки содержит монгольский текст	Волкова I, 64	Право (Волкова 1965: 39–48)
Список маньчжурского текста фрагмента второго цзюяна «Уложения Палаты внешних сношений». Фрагмент содержит раздел «Чиновные знаки и церемониальная одежда» (Волкова 1965: 40).						
9	A11mss	368	Отметка при- сутствует	Пагинация мон- гольская	Волкова I, 70	Право (Волкова 1965: 39– 48)

Список наказаний за проступки, совершенные гражданскими и военными чиновниками. Выписки из монгольских законов на маньчжурском языке (Волкова 1965: 42).						
10	A40mss	370	Отметка присутствует	Монгольский текст отсутствует	Волкова I, 71	Право (Волкова 1965: 39–48)
Перевод на маньчжурский язык указа первого президента Китайской Республики Юань Шикая (1859–1916), в котором разъясняются принципы управления государством (Волкова 1965: 42).						
11	A38mss	Инвентарный номер 1927 г. отсутствует	Отметка присутствует	Пагинация монгольская	Волкова I, 63	Право (Волкова 1965: 39–48)
Список маньчжурского текста 35-го цзюаня «Уложения Палаты внешних сношений», раздел «Смертоубийство и увечье» (Волкова 1965: 39–40).						
12	A14mss	372	Отметка присутствует	Первый и последний листы обложки содержат монгольский текст	Волкова I, 124	Язык (Волкова 1965: 49–69)
Образцы маньчжурской разговорной речи. Сборник маньчжурских фраз, начинающихся с вопросительных слов (Волкова 1965: 66–67).						
13	A101ms s	366	Отметка присутствует	Монгольский текст отсутствует	Волкова I, 34	Идеология и религия (Волкова 1965: 23–38)
Список первой тетради маньчжурского перевода китайского дидактического сочинения «Семь наставлений, необходимых для обязательного заучивания» (Волкова 1965: 27).						
14	A15mss	371	Отметка присутствует	Первый и последний листы обложки содержат монгольский текст	Pang, 192	Classics (Pang 2001: 70–90)
Неполный список дидактического сочинения (Pang 2001: 88).						
15	A49mss	Инвентарный номер 1927 г. отсутствует	Отметка отсутствует	Текст на двух языках — маньчжурском и монгольском	Волкова I, 27	Идеология и религия (Волкова 1965: 23–38)
Список маньчжурского и монгольского переводов шестого цзюаня «Мэн-цзы» — первой части главы «Гао-цзы» (Волкова 1965: 24).						

В 1927 г. в АМ от монголоведа В.А. Казакевича поступили 13 рукописных книг и две ксилографические тетради на маньчжурском языке. Они содержат исторические, юридические, дидактические и филологические сочинения. Одна из рукописных книг написана на двух языках — маньчжурском и монгольском. До 1927 г. В.А. Казакевич совершил две поездки в Монголию: в 1923–1925 гг. как студент Ленинградского института живых восточных языков и в 1927 г. как сотрудник Монгольской комиссии АН СССР. Целью поездки 1927 г. было обследование местности Дариганга, расположенной в северо-восточной части Монголии.

женной на юго-востоке Монгольской Народной Республики. В ходе одной из этих поездок В.А. Казакевич и сформировал данную коллекцию.

Литература

- Волкова 1965 — *Волкова М.П.* Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М.: Наука, 1965.
- Волкова 1988 — *Волкова М.П.* Описание маньчжурских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Вып. 1 / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков; прил. сост. Т.А. Пан. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
- Казакевич 1930 — *Казакевич В.А.* I. Намогильные статуи в Дариганге. II. Поездка в Даригангу. Л., 1930.
- Казакевич 1934 — *Казакевич В.А.* Современная монгольская топонимика. Л.: Изд-во АН СССР, 1934 (Труды Монгольской комиссии АН СССР, Науч.-исслед. комитет МНР. № 13).
- Казакевич 1935 — Летописи хоринских бурят. Вып. 2: Хроника Шираф-нимбо Хобитуева / Текст издал В.А. Казакевич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935 (Труды Института востоковедения АН СССР. IX; Материалы для истории бурят-монголов. II).
- Котвич 1920 — *Котвич В.Л.* Манчжурский фонд // Азиатский Музей Российской Академии наук. 1818–1918. Краткая памятка. СПб.: Российская государственная академическая типография, 1920. С. 66–68.
- Носов 2018 — *Носов Д.А.* Казакевич Владимир Александрович // Азиатский Музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель / Отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. С. 671–672.
- Носов 2019 — *Носов Д.А.* Значение учебных командировок студентов ЛИЖВЯ для исследования фольклора монголов в 1920-е годы // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного. М.: Наука — Вост. лит., 2019. С. 128–137.
- Попова 2018 — *Попова И.Ф.* Котвич Владислав Людвигович // Азиатский Музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель / Отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. С. 690–691.
- Радлов и др. 1887 — *Радлов В.В., Васильев В.П., Залеман К.Г.* Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв. СПб., 1887.
- Решетов 2003 — Письма В.А. Казакевича к В.Л. Котвичу (1925–1936 годы) / Подгот. к печати, предисл. и примеч. А.М. Решетова // Mongolica. 2003. Т. VI. С. 96–113.
- Чугуевский 1990 — *Чугуевский Л.И.* Архив востоковедов (б. Азиатский архив) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С. 5—128.
- Norman 1978 — *Norman Jerry.* A Concise Manchu-English Lexicon. Seattle; London, 1978.
- Pang 2001 — *Pang Tatiana.* Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Issue 2. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001 (series: Aetas Manjurica, 9).

References

- Chuguevskii, Leonid I. “Arkhiv vostokovedov (b. Aziatskii arkhiv)” [Archive of Orientalists (the Former Asiatic Archive)]. In: *Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XXIII godichnaia nauchnaia sessiia LO IV AN SSSR. Materialy po istorii otechestvennogo vostokovedeniia* [Written Records and Problems of the History of Culture of the Peoples of the

- East. The 23rd Annual Academic Session of the Leningrad Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Materials on the History of Russian Oriental Studies]. Part III. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1990, pp. 5–128 (in Russian).
- Kazakevich, Vladimir A. *I. Namogil'nye statui v Darigange. II. Poezdka v Darigangu* [I. Tomb Statues in Dariganga. II. A Journey to Dariganga]. Leningrad, 1930 (in Russian).
- Kazakevich, Vladimir A. *Sovremennaia mongol'skaia toponimika* [Modern Mongolian Toponymy]. Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1934 (Proceedings of the Mongolian Commission of the USSR Academy of Sciences, the Scientific Research Committee of the Mongolian People's Republic, no. 13) (in Russian).
- Kotvich, Vladislav L. "Manchzhurskii fond" [Manchurian Collection]. In: *Aziatskii Muzei Rossiiskoi Akademii Nauk. 1818–1918. Kratkaia pamiatka* [The Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences. 1818–1918. A Brief Memo]. St. Petersburg: Russian State Academic Printing House, 1920, pp. 66–68 (in Russian).
- Letopisi khorinskikh buriat. Vyp. 2: Khronika Shirab-nimbo Khobitueva* [Chronicles of the Khorin Buryats. Issue 2: The Chronicle of Shirab-nimbo Khobituev]. Text published by V.A. Kazakevich. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1935 (Trudy Instituta vostokovedenia Akademii nauk SSSR [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. IX; Materialy dlja istorii buriat-mongolov [Materials on the History of the Buryat-Mongols]. II) (in Russian).
- Norman, Jerry. *A Concise Manchu-English Lexicon*. Seattle–London, 1978 (in English).
- Nosov, Dmitrii A. "Kazakevich Vladimir Aleksandrovich". In: *Aziatskiy Muzei — Institut vostochnykh rukopisei RAN: putevoditel'* [The Asiatic Museum — Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: Collections and Personalia]. Editor-in-Chief I.F. Popova. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2018, pp. 671–672 (in Russian).
- Nosov, Dmitrii A. "Znachenie uchebnykh komandirovok studentov LIZhVIA dlja issledovaniya fol'klora mongolov v 1920-e gody" [The Importance of Study Trips of LIVL Students for the Study of Mongol Folklore in the 1920s]. In: *Tiurko-mongol'skii mir: istoriia i kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiu so dnia rozhdeniya S.G. Kliash-tornogo* [The Turkic-Mongolian World: History and Culture. Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the 90th Anniversary of S.G. Kliashturny]. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2019, pp. 128–137 (in Russian).
- Pang, Tatiana. *Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences*. Issue 2. Wiesbaden, Harrassowitz, 2001 (series: *Aetas Manjurica*, 9) (in English).
- "Pis'ma V.A. Kazakevicha k V.L. Kotvichu (1925–1936 gody) (podgotovka k pechatii, predislovie i primechaniiia A.M. Reshetova)" [Letters of V.A. Kazakevich to V.L. Kotvich (1925–1936) (Publication, Preface and Notes by Alexander M. Reshetov)]. *Mongolica*, 2003, vol. VI, pp. 96–113 (in Russian).
- Popova, Irina F. "Kotvich Vladislav Liudvigovich". In: *Aziatskiy Muzei — Institut vostochnykh rukopisei RAN: putevoditel'* [The Asiatic Museum — Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: Collections and Personalia]. Editor-in-Chief I.F. Popova. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2018, pp. 690–691 (in Russian).
- Radlov, Vasilii V. & Vasil'ev Vasilii P. & Zaleman, Karl G. *Obshchelingvisticheskaiia azbuka, sostavlennaia na osnovanii russkikh bukv* [A General Linguistic Alphabet Based on Russian Letters]. St. Petersburg, 1887 (in Russian).
- Volkova, Maiia P. *Opisanie man'chzhurskikh rukopisei Instituta narodov Azii AN USSR* [A Description of Manchu Manuscripts of the Institute of Peoples of Asia of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian).
- Volkova, Maiia P. *Opisanie man'chzhurskikh ksilografov Instituta vostokovedeniia AN SSSR* [A Description of Manchu Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Issue 1. Editor-in-Chief L.N. Men'shikov. Notes compiled by T.A. Pang. Moscow: Nauka, Glavnaia redakciia vostochnoi literatury, 1988 (in Russian).

The Manchu Collection Donated by the Mongolist Vladimir A. Kazakevich (1896–1937) to the Asiatic Museum in 1927

Dmitrii A. NOSOV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 28.07.2025.

Abstract: In 1927, Vladimir A. Kazakevich, a well-known Mongolist, donated 13 manuscript books and two xylographs in Manchu to the Asiatic Museum. The article highlights the main codicological features indicating that certain storage units from the Manchu fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences belong to the collection of Kazakevich. In accordance with the serial numbers assigned by the creator of the collection, the composition of this collection is briefly described. One of the manuscripts is written in two languages, Manchu and Mongolian, some others have notes in Mongolian. This collection, which includes historical, legal, didactic and philological works, was acquired by Kazakevich between 1923 and 1927 during one of his expeditions to Mongolia, possibly in the Dariganga region.

Key words: Asiatic Museum, manuscript collections, xylograph, Manchu language, Mongolian language, Mongolia, Vladimir A. Kazakevich.

For citation: Nosov, Dmitrii A. “The Manchu Collection Donated by the Mongolist Vladimir A. Kazakevich (1896–1937) to the Asiatic Museum in 1927”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 189–199 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO691509.

About the author: Dmitrii A. NOSOV, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

**«Я начинаю подумывать покинуть родную Казань» (1922):
С.Е. Малов в Казани, Санкт-Петербурге и
экспедициях в Китайский Туркестан (1880–1922)
(к 145-летию со дня рождения)**

ЛЮ Лицю

Нанкинский университет науки и технологии

Нанкин, Китай

Р.М. ВАЛЕЕВ

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

Р.З. ВАЛЕЕВА

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова

Казань, Россия

А.Н. САМИГУЛЛИН

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

Г. Р. ШАРАФУТДИНОВ

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

DOI: 10.55512/WMO692189

Статья поступила в редакцию 20.02.2025.

Аннотация: В 2025 г. внимание коллег России и современных тюркских государств будет привовано к 145-летнему юбилею со дня рождения С.Е. Малова — выдающегося знатока древнетюркских runических и уйгурских памятников, истории, языка и культуры тюркоязычных народов и педагога-турковеда, биография и наследие которого связаны с двумя известными научными путешествиями в Западный и Центральный Китай (1909–1911 и 1913–1915 гг.). К тому же в 2025 г. отмечается еще одна памятная дата — 110-летие со дня завершения экспедиции в Центральный Китай. Профессор Казанского и Санкт-Петербургского университетов С.Е. Малов (1880–1957; чл.-корр. АН СССР с 1939 г.) — выдающаяся личность в истории дореволюционной и советской отечественной академической ориенталистики, особенно казанского и санкт-петербургского центров тюрковедения. Он сыграл важную роль в изучении истории и культуры древних и современных тюркоязычных государств и обществ Центральной Азии. В публикации основное внимание удалено освещению событий и роли С.Е. Малова в казанский, санкт-петербургский и экспедиционный периоды его жизни и деятельности до 1922 г. Представлен краткий обзор некоторых архивных документов, которые хранятся в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1079) и в других культурных центрах. Он широко известен и почитаем в гуманитарной тюрковедческой науке современной Российской Федерации и стран СНГ.

Ключевые слова: Россия, Восток, востоковедение, тюркология, Казань, С.Е. Малов, наследие, архивы.

Для цитирования: Лю Лицю, Валеев Р.М., Валеева Р.З., Самигуллин А.Н., Шарафутдинов Г.Р. «Я начинаю подумывать покинуть родную Казань» (1922): С.Е. Малов в Казани, Санкт-Петербург и экспедициях в Китайский Туркестан (1880–1922) (к 145-летию со дня рождения) // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 200–222. DOI: 10.55512/WMO692189.

Благодарность: Исследование проведено в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Об авторах: ЛЮ Лицю, кандидат исторических наук, доцент, Нанкинский университет науки и технологии (Нанкин, Китай) (liqiu_2018@163.com). ORCID: 0009-0001-2154-1485.

ВАЛЕЕВ Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет; Институт международных отношений, истории и востоковедения (Казань, Россия) (Ramil.Valeev@kpfu.ru). ORCID: 0000-0003-3462-6469.

ВАЛЕЕВА Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (Казань, Россия) (valroz@inbox.ru). ORCID: 0000-0001-6347-0710.

САМИГУЛЛИН Айрат Наилевич, аспирант, Казанский федеральный университет; Институт международных отношений, истории и востоковедения (Казань, Россия) (sam-air@mail.ru). ORCID: 0000-0002-8340-9420.

ШАРАФУТДИНОВ Геннадий Раисович, старший преподаватель, Казанский федеральный университет; Институт международных отношений, истории и востоковедения (Казань, Россия) (genesharafut@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1070-0591.

© Лю Лицю, 2025

© Валеев Р.М., 2025

© Валеева Р.З., 2025

© Самигуллин А.Н., 2025

© Шарафутдинов Г.Р., 2025

В XIX — начале XX в. востоковедение, в том числе тюркологическое направление, приобретает подлинно научный, комплексный, просветительский и гуманистический характер. Во многом тюркология была ключевой основой науки о Востоке, в том числе о тюркском мире и народах в России и зарубежных тюркских этносах.

В российской и европейской тюркологии второй половины XIX — начала XX в. развивались комплексные филологическая, литературоведческая и культурно-историческая дисциплины, новые методики и приемы исследований тюркского мира России и в целом Центральной Азии. Получила развитие классическая тюркология, связанная с мертвыми и живыми языками, фольклором, литературой и историческими памятниками, древней и средневековой историей и культурой тюркоязычных народов зарубежного Востока, тюркских народов Российской империи и Советского Союза.

В первой половине XX в. российский и советский лингвист, востоковед-тюрколог, член-корреспондент АН СССР (с 1939 г.), крупный специалист в области тюркского языкоznания и письменных памятников С.Е. Малов (16(4) января 1880 — 6 сентября

1957 г.)¹ сыграл выдающуюся роль в истории отечественной и европейской классической тюркологии. Изучение тюркской цивилизации, ее духовной составляющей в древности, Средневековые и современности органично стало базой его научного и гуманистического творчества. Он был одним из родоначальников советской классической тюркологии, в частности уйгурстики. С.Е. Малов выполнил свою гуманистическую миссию в социалистическом строительстве в области тюркского языка, письменности и литературы, а также в развитии новой культуры тюркоязычных народов СССР, России и современных государств Центральной Азии.

Уроженец Казани, С.Е. Малов особенно после переезда в 1922 г. в Санкт-Петербург (Петроград) ярко проявил в своей деятельности общее и особенное в истории дореволюционной и советской тюркологии. Феномен истоков научного наследия, ключевых этапов, итогов и особенностей развития профессиональной деятельности и личности С.Е. Малова объективно можно оценить только в широком общественно-политическом и историко-научном пространстве (этнокультурного Волго-Уральского региона, казанского востоковедения рубежа XX в. и в целом историко-культурного и цивилизационного пространства Евразии), особенно опираясь на сохранившийся и системно еще не введенный в научный и просветительский оборот его архивный комплекс конца XIX — первой половины XX в.²

В первой четверти XXI в. тема наследия С.Е. Малова, сформулированная его ближайшим учеником Э.Р. Тенишевым, остается актуальной: «Это предмет монографического исследования, включающего и анализ творческого пути ученого, и неторопливое размышление об эпохе и научном деятеле, его характере, интересах и наклонностях» (Тенишев 1978: 26).

Истоки и развитие казанской научной школы российской тюркологии XIX — первых десятилетий XX в., в частности тюркологические исследования С.Е. Малова и его старших современников-востоковедов (Н.Ф. Катанова, Н.И. Ашмарина и др.) в первые десятилетия прошлого столетия, свидетельствуют об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований

¹ Об основных этапах биографии и творчества см., в частности (Библиографический словарь 1989: 154–155; Милибанд 1995: 16–18; Сергей Ефимович Малов, профессор, доктор языковедения, член-корреспондент АН СССР (16.01.1880 — 06.09.1957). URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_person&Itemid=74&person=1353 (дата обращения: 12.01.2025); Убрятова 1957; Тюркологический сборник-1975; Vorobyova-Desyatovskaya 1995). Также следует отметить традицию проведения Маловских чтений в советской тюркологии, см., например (Савдакасов, Омарбеков 1973). Кроме того, следует отметить некролог «S.E. Malov», опубликованный Абдулгадиром Инаном (Фатхелладир Мустафиявич Сулейманов, 1889–1976), ученым и писателем, участником башкирского этнокультурного движения, в турецком журнале “Türk Dili” (1957. Cilt VII. Sayı 75. I Aralıık).

² Особый интерес представляет личный фонд С.Е. Малова в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (далее — СПБФ АРАН) — ф. 1079. Как известно, фонд, переданный вдовой С.Е. Малова — А.М. Маловой в 1969 г., поступил в этот академический архивный центр из Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в 1981 г. (см.: СПБФ АРАН. Ф. 1079). Важны материалы и оценки Института восточных рукописей РАН о личном фонде тюрколога-профессора. Отмечается: «В архиве АН сохранился обширный фонд из 842 единиц, в который входят неопубликованные научные труды за 1902–1957, лекции, а также обширная переписка за 1903–1968. В числе адресатов и корреспондентов — В.В. Бартольд, В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов, И.Ю. Крачковский, В.В. Радлов и др. Особый интерес среди материалов фонда представляют экспедиционные материалы за 1909–1936 гг. Это фольклорные, лингвистические и этнографические записи, сделанные во время экспедиции по Туркестану (1910–1914), отчеты об экспедициях в Кашгарию (1915), в пограничные казанские татарские селения (1919, 1920, 1921), дневники путешествий в Среднюю Азию (1930, 1935–1936)». URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_person&Itemid=74&person=1353 (дата обращения: 12.01.2025).

в лингвистике, языкоznании, лексикографии, фольклористике, этнографии и т.д. Казанский период их деятельности ярко отразил ключевые итоги общефилологической, фольклористической, историко-этнографической и даже специальной историко-лингвистической подготовки в ведущих востоковедных университетских центрах Санкт-Петербурга и Москвы. Также хотим обратить внимание на следующую особенность тюркологической деятельности Катанова, Ашмарина и Малова в Казани — это органическая связь их лингвистического направления с историей, в частности с историко-культурным наследием тюркских народов России и зарубежного тюркского мира (Турция, Синьцзян, Сибирь и Центральная Азия).

Во многом деятельность Н.Ф. Катанова и Н.И. Ашмарина в Казани объединяли блестящая востоковедческая подготовка и творческая свобода поиска, мысли и духа. Эти черты заметны в деятельности С.Е. Малова, яркого представителя нового поколения российских тюркологов в Казани и Санкт-Петербурге. В то же время в Казани они остались учеными тюркологами-одиночками, которые творили в условиях отсутствия полноценного статуса востоковедения в Казани на рубеже XIX и XX вв. Они внесли свой неповторимый вклад в отечественную историю тюркологических знаний и во многом влияли на формирование общественного сознания о феномене Востока, в том числе тюркского мира. Их наследие стало катализатором развития национальных гуманитарных школ и направлений российского общества. С.Е. Малов описал жизненную и профессиональную обстановку послеоктябрьской Казани в своем письме А.Н. Самойловичу от 30 августа 1922 г.: «Нам всем троим — людям одной специальности (Катанову, Ашмарину и мне) никогда не было тесно в Казани, жили мы все согласно и дружно, и тем тяжелее мне приходится чувствовать здесь свое одиночество» (Благова 2002: 109).

Академическая и прикладная линия научного и просветительского изучения древних и современных тюркских языков и историко-культурного наследия народов Евразии — ключевая в творчестве С.Е. Малова, начиная с дореволюционного этапа в Казани, Петербурге и полевых исследований. Его наследие — яркое подтверждение глубокого интереса российского государства и общества к этническому и культурному наследию тюркских сообществ Волго-Уральского региона, Сибири, Китайского Туркестана, Западного Китая и в целом Центральной Азии. Особенно выделяются экспедиционные, лингвистические, литературоведческие, историко-этнографические направления изысканий в творчестве С.Е. Малова. Тюркологическое творчество отразило динамичную специализацию академической и прикладной дисциплины, посвященной тюркской этнокультурной общности.

Перспективными остаются поиск, систематизация и введение в научный и общественный оборот из российских научных, культурных и архивных центров фондов, собраний и материалов, особенно эпистолярного наследия, посвященных биографии и наследию С.Е. Малова и его учителей и учеников, коллег-востоковедов и современников. Активная научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность С.Е. Малова внесла огромный вклад в российскую и европейскую ориенталистику и тюркологию XIX–XX вв.

Академический и общественный статус С.Е. Малова ярко представлен в следующих этапах его профессиональной деятельности, в целом освещенных в разнообразных публикациях: казанский (1880–1904), санкт-петербургский и экспедиционный (петроградский) (1904–1916), казанский (1916–1922) и основной петроградский (ленинградский) (1922–1957), насыщенный активной преподавательской, научной и общественной деятельностью.

Среди его близких учителей и коллег в Казани и Санкт-Петербурге особо выделяются имена Н. Ф. Катанова (1862–1922), Н.И. Ашмарина (1870–1933), В.В. Бартольда (1869–1930), В.Д. Смирнова (1846–1922), П.М. Мелиоранского (1868–1906), А.Н. Саймоловича (1880–1938), Н.И. Веселовского (1848–1918), А.Э. Шмидта (1871–1939), К.Г. Залемана (1849–1916) и др. В дальнейшем учениками и соратниками С.Е. Малова стали известные отечественные тюркологи: К.К. Юдахин (1890–1975), Е.И. Убяровова (1907–1990), А.Н. Кононов (1906–1986), Г.Г. Мусабаев (1908–1989), А.И. Исаков (1910–1996), Э.Р. Тенишев (1921–2004) и др. Они сохранили огромную благодарность своему учителю и наставнику.

В данном случае обратимся только к следующим строкам из письма А.Н. Кононова С.Е. Малову из Ташкента от 1 января 1945 г.: «Я всегда с благодарностью вспоминаю Ваше дружеское ко мне расположение, Вашу обычную готовность помочь советом и книгой, с удовольствием восстанавливая в памяти наши беседы, которые формировали меня не только как ученого, так и человека»³. К сожалению, в отечественной и зарубежной историографии и науковедении отсутствуют полноценные монографические исследования, фундаментальные труды, связанные с изданием избранных сочинений С.Е. Малова.

Архивные фонды⁴ объективно освещают профессиональный востоковедческий путь С.Е. Малова, который включает следующие должности: помощник библиотекаря тюркского отдела Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук (1909–1915); приват-доцент Казанского университета (1916–1922); профессор Высшего института народного образования в Казани (1918–1922); профессор Северо-Восточного археологического и этнографического института (1917–1921) и Восточной академии в Казани (1921–1922); преподаватель (1922–1929), профессор ЛГУ им. А.А. Жданова (1934–1939; 1945–1948); профессор Центрального института живых восточных языков в Ленинграде (1923–1927); профессор Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе при ЦИК СССР (1927–1938); старший ученый специалист (1935–1937), руководитель Кабинета тюркских языков (1937–1951), заведующий сектором языков народов СССР Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР (1951–1957) и др.

С.Е. Малов стал «деятельным участником трех важных этапов в развитии российской тюркологии»: 1) эпохи В.В. Радлова, когда заметным явлением стало «собирание материалов по тюркским языкам, их публикация, изучение, опыты сравнительно-исторических и сравнительных исследований, классификаций, исследование древних тюркских памятников»; 2) послеоктябрьского периода активного социалистического языкового строительства (создание письменности и литературного языка, подготовка кадров тюркологов, «изучение малоизвестных или неизвестных... тюркских языков» и т.д.; 3) теоретического и прикладного изучения «отдельных тюркских языков, а также всей семьи» (Сергей Ефимович Малов 1957: 574–575). Традиционные и но-

³ СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 132. Л. 5.

⁴ См., например: СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Документы к биографии и по деятельности. 1883–1971 гг. 95 ед. хр.; Ф. 2. Оп. 11. Д. 252. Малов Сергей Ефимович, крупный советский ученый-лингвист, тюрколог, профессор, чл.-корр. АН СССР. Дело о выдвижении на звание академика АН СССР; Ф. 4. Оп. 4. Д. 1995. Малов Сергей Ефимович, сотрудник Музея антропологии и этнографии АН. Личное дело. 1903; Ф. 4. Оп. 4. Д. 363. Малов Сергей Ефимович, сотрудник МАЭ. Личное дело. 11 мая 1909 г.—11 августа 1909 г.; Ф. 77. Оп. 5. Д. 284. Малов Сергей Ефимович. Трудовой список. 1909–1930; Ф. 302. Оп. 1. Д. 2. Научно-исследовательский институт сравнительной истории, литературы и языков Запада и Востока. 1928–1929 гг. Административно-техническая часть. Личный состав. 1 октября 1928—30 сентября 1929; Ф. 77. Оп. 5. Д. 284. Малов Сергей Ефимович. Трудовой список. 1909–1930, и т.д.

вые тюркологические исследовательские и гуманитарные темы и направления проявились в деятельности С.Е. Малова на основных рубежах его казанского и петербургского периодов (1880–1922) и в дальнейшем в ленинградский период его деятельности (1922–1957). Также выделяются 1943–1945 годы, когда Малов во время войны находился в городе Алма-Ата и был заведующим сектором тюркских языков в Казахском государственном университете (совр. Казахский национальный университет им. аль-Фараби) и педагогическом институте (совр. Казахский национальный педагогический университет им. Абая).

Родился С.Е. Малов в январе 1880 г. в семье тюрколога-миссионера Е.А. Малова (1835–1918), заведующего кафедрой противомусульманской полемики Казанской духовной академии, члена–учредителя Братства святителя Гурия и действительного члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Профессиональная учеба: Казанское духовное училище (1890–1894), Казанская духовная семинария (1894–1900) и Казанская духовная академия (1900–1904). Эти годы учебы связаны у С. Малова с изучением татарского и арабского языков, этнографии тюркских и финно-угорских народов и ислама.

В год поступления на восточный факультет Санкт-Петербургского университета 24-летний студент С. Малов напечатал свою первую научную статью «Из поездки к мишарям (О наречии мишарей Чистопольского уезда)» в приложении «Ученых записок Казанского университета» (Казань, 1904 г.). Лингвистические и фольклорные материалы публикации стали итогом его командировок с 5 июня по 14 июля 1902 г. в пять селений уезда, а целью поездки было желание «познакомиться с особенностями мишарского наречия» (Малов 1904: 3). Завершая свою статью, С.Е. Малов писал: «...считаю своим долгом выразить свою глубокую благодарность проф. Н.Ф. Катанову, исправившему в некоторых местах транскрипцию и перевод образцов народной словесности мишарей...» (Там же: 5). Отметим, что прошедший 2024 год был ознаменован 120-летием первой научной публикации ученого.

Второй жизненный этап включил насыщенные события и становление ученого-востоковеда: профессиональный рост в период учебы на арабско-персидско-турецко-татарском разряде Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1904–1909), работа библиотекарем в Музее антропологии и этнографии Российской академии наук, уникальные научные путешествия в Китайский Туркестан и Северо-Западный Китай и формирование базы оригинальных источников (Воробьев-Десятовский 1953: 167–175; Vorobyova-Desyatovskaya 1995: 29–39). Именно в эти годы в деятельности С.Е. Малова сформировались основы изучения бесписьменных и письменных тюркских языков, исследования и издания древнетюркских памятников и в целом сравнительно-исторического изучения тюркоязычного духовного наследия. Интересен цикл печатных и неопубликованных исследовательских работ и эпистолярного наследия. Например, в перспективе будут изданы его сохранившиеся письма своему отцу Е.А. Малову из Восточного Туркестана, написанные в период с 5 октября 1914 г. по 28 мая 1915 г.⁵. Также интересны письма путешественника из Чарклыка (современный уездный город Жоцян (Чарклык) Байнъголэн-Монгольского округа Синьцзян-Уйгурского Автономного района КНР) (1914) академику С.Ф. Ольденбургу и более позднего периода из Казани, Алма-Аты и Ленинграда. Научный и просветительский интерес вызывает эпистолография С.Е. Малова, в основном сохранившаяся в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале архива РАН.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3 (переписка). Д. 7.

В архивном фонде С.Е. Малова хранятся авторские послания: девять писем С.Ф. Ольденбургу (Ф. 208. Оп. 3. Д. 369) (Восточный Туркестан 2018: 601–611)⁶, относящиеся к 1914–1929 гг.; восемь писем В.Л. Котвичу (Ф. 761. Оп. 1. Д. 35, 1924–1928 гг., 1930 г.); 13 писем основателю казанской лингвистической школы и члену-корреспонденту АН СССР В.А. Богородицкому (Ф. 898. Оп. 2. Д. 56), написанные в 1925–1940 гг. Среди корреспондентов С.Е. Малова следует выделить письма отечественных и зарубежных ученых: Н.В. Пигулевской, Л.Р. Кызласова, Али Рахима, С.М. Шапшала, Э.А. Шмидта, А.Э. Шмидта, А.З. Валиди, К. Менгеса и др. Совместно с коллегами будет реализовано историко-архивоведческое изучение этих материалов, учитывая научную и культурную ценность эпистолярных источников в исследовании академических биографий отечественных востоковедов и их наследия. Это исследовательское направление даст возможность продолжить историографическую и историко-науковедческую традиции отечественного востоковедения, в том числе тюркологии (Александр Николаевич Самойлович 2008).

Уникальный личный фонд С.Е. Малова в СПбФ АРАН, включающий: разнообразные документы, материалы о его жизни и творческой деятельности (биография, труды, материалы экспедиций, переписка, педагогическая и научная деятельность) и архивные документы других культурных центров, — остается ценным наследием ученика, а также современной российской тюркологии. Интересные авторские материалы и документы личного фонда, требующие комплексного изучения, являются важными источниками для подготовки академической биографии востоковеда, путешественника и личности. Поиск, систематизация и публикация архивных материалов отечественных востоковедов, в частности их эпистолярного наследия, — значимая и перспективная академическая и просветительская задача современного российского востоковедения, науковедения и культурологии.

После завершения китайских экспедиций С.Е. Малов в 1915–1917 гг. состоял при Петроградском университете в статусе профессорского стипендиата.

С 1908 г. полевые исследования открыли особую страницу в биографии 28-летнего тюрколога и истории отечественных и европейских тюркологических научных экспедиций в Сибирь. По инициативе академика В.В. Радлова С.Е. Малов был направлен в экспедицию в Томскую и Енисейскую губернии для изучения языка и сбора этнографических материалов татар и шорцев. Своебразным итогом экспедиции стала статья в журнале «Живая старина» (1909) «Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии» (Малов 1909: 38–41). Данная публикация сформировала одно из первых историко-этнографических направлений изучения феномена шаманства в наследии С.Е. Малова. Он обращал внимание на то, что «шаманы славятся своим искусством на целые округа»; «костюм шамана в Кузнецком уезде довольно прост и отличается от сложной одежды шamanов, напр., алтайских и абаканских»; «принадлежностью шамана является бубен... и колотушка... из лапы зайца»; «весной бывает у кузнецких инородцев почти в каждой деревне особое моление, называемое шашыл или шачыл, т.е. окропление» (Там же: 38–40). В 1909–1912 гг. путешественник опубликовал свои уникальные отчеты по итогам путешествия в Северо-Западный Китай и напечатал оригинальные лингвистические, этнографические и источниковедческие статьи, посвященные тюркским народам — желтым уйгурям, саларам и лобнорцам.

⁶ В 2018 г. коллеги опубликовали эти интересные письма (см.: Восточный Туркестан 2018: 601–611).

Москва

16. III. 1954.

АРХИВ
ДЛЯ СССРФ. —
Оп. —
№ —

Здравствуйте, глубокоуважаемый
Сергей Ефимович!

Должен извиняться перед Вами за то, что задержал отправку Вам именующихся у меня некоторых древнетюркских текстов, как это я обещал будучи в Ленинграде. Нахожу себе некоторое оправдание в том, что ожидал получения надписи из Монголии, которую я заредовал по Вашей просьбе (т.ч. о которой сообщал газета "Инэн" № 5 от 7.1.1952), во-первых, а также, после торжественных переговоров, С. В. Киселев заверил меня, что передаст Вам все заинтересовавшие надписи собранные в Туве в 1947 г. и их definitely, так мне известно, передала Вам Л. А. Евтихова - это, во-вторых.

Не знаю, если ли все те надписи, которые я Вам посыпало из числа тувинских, в переданных Вам Евтиховой, но если же есть, то тем лучше. Посыпало их на случай отсутствия.

Список и примечания:

I Надписи из Тувы, записанные мною в 1947 г. с оригиналов, во время участия моего в археологической экспедиции под руководством С. В. Киселева. Все эти тексты должны быть в эстампированных переданных Вам Л. А. Евтиховой.

N1 - надпись на трех узких каменных стелах с р. Зеленой.

N2 - надпись на "оленном камне", найденном позже нее.

N3 - 3 коротких текста со склонов холм-Батыя на р. Хемчик, которые были выделены отдельно от основного извеситового Васи текста баканку чигчи.

(Их можно не бояться за эстампированные Киселев)

-^ж №4 — надпись из Кезек-хуре, вондийской на "оленном" камне. Реставрирована с нее, как пишется, не снимаясь, т. к. буквы сладко скользят. Если послушаешь мой отрывок и навесь будет прослушать, то все же о ней говорить начально надо.

№5 — надпись на камне из с. Манжинова, которую публиковал Роггемон в "Этнографии Востока", IV. С Роггемоном я тоже запись расходился, поэтому посыпал Вами на пробу для перевода моей текста, который я давал еще раз.

№6 ч. 7 — опубликованное выше Вами два текста из Кхазын-Чирад. Поскольку свои рисунки с них посыпал, что они записаны именем, в ряде случаев, не те буквы, которыми даны Вами. Может быть по моим записям можно убедиться еще раз уточнить перевод текста?

II Надписи из М.Н.Р.

№8. — я ее получила на дни из Улан-Батора, благодаря моему знакомому монгольскому археологу Дорж Сурунчу Чогзанданову, которого я запросил по Вашей просьбе. Именно о ней сообщала "Нэн" №5(5915) от 7. I. 1955 г. Найдена по полученной мною такими (надпись на обороте фотографии) в урочище Бургасадан ама в сомоне Чинкир-Дандан, Кентейского аймака в Восточной Монголии. Нашел надпись Ринчиин, который дал фотографию и said нахертил текст, пересказавший вместе с фотографией Вам. Ринчиин дал согласие на перевод и опубликование надписи русским и тюркологам. Я считаю, что он может это сделать.

-3-

III Надписи из Хакасии

№ - списало мне их дал ~~по~~ своих
каск П.И. Чиромыкин, ныне сотрудник
Музея этнографии народов
СССР в Ленинграде, у которого
Вы можете спросить его книги.
Он напечатал их при поездке по
Хакасии в 1940 г., когда он был
сотрудником Абаканского музея.
Надписи, по его словам, хороший
сохранности. Мне неизвестно быв-
ли ли они известны В.В. Радиеву.

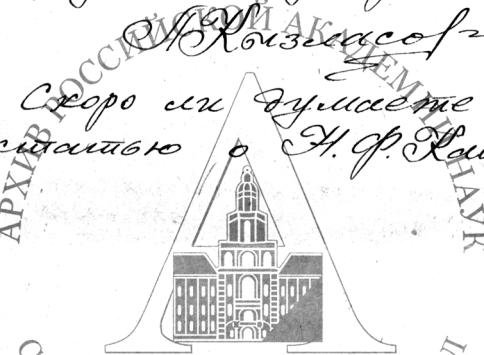
~~Государственный архив Российской Федерации~~
Дорогому хакасскому Сергею Ефимо-
вичу, я буду очень рад, если эти
материалы будут вам когда-нибудь помо-
гут Вам увеличить число пере-
веденных древнепокровских текстов
или, хотя бы, уточнить переводы
некоторых из них. Все мои рисунки
оставляю сего. Правшу лишь, после
использования или пересыпки, вер-
нуть мне рисунки № 6 и 7 надписей
из Козьмачириха, которые мне будут
нужны как археологу. В конце
июня я на лесту поеду в экспеди-
цию в Туву и смогу, если Вам
будет нужно, уточнить любой текст
еще раз на месте — плюсить об
этоте. Кроме того, я буду содеражать
в Туве новые надписи, о которых
у меня есть некоторые сведения,
и обезумлю их текстов достовернее
Вами зимой 1955-1956 гг.

Дорогой Сергей Ефимович,
я в Москве рассказал несколь-
ким ученым, интересующимся
присоединением тюркских
племен, по поводу Ваших выво-
дов о языке подноровцев и они
просили меня очень просить

Вас опубликовало под псевдонимом
предисловие к книге "Лоджийский
язык" студенческой статьей, т.к.
Ваше введение очень воспитало нас
историков Киргизии. Можно ли
это осуществить?

Желю Вами, Сергеи Ефимович,
доброго здоровья и всяческих успехов
в науке. Большой привет
Вашей уважаемой супруге.
Всегда готовый помочь
и будя Вашу просьбу

P.S. Скоро ли будет издано опубликовано
сочинение о Н. Ф. Каштанове?

Обращаясь к опубликованному наследию С.Е. Малова по итогам данного периода путешествий, лишь выделим его публикацию в журнале «Живая старина» (1912), посвященную феномену уйгурского шаманства «около городов Суджоу, Готей, Ганьджоу» провинции Ганьсу (Малов 1912а: 61–74). В статье представлена оригинальная этнографическая панорама — легенды о происхождении шаманства у желтых уйгуров, образ шамана, «божества и шаманско моление», «священные животные и очищение скота», «поминование предков» и др. По замечанию автора, «настоящая статья о шаманстве у уйгуров составлена частью по собственным наблюдениям, частью же путем расспросов» (Там же: 61). В публикации прослеживаются ключевые принципы этнографического изучения, лингвистические, этнографические и визуальные направления этнокультурного исследования тюркского сообщества Китайского Туркестана. Автор в тексте приводит широкий круг отечественных и европейских публикаций, описывает церемониал шаманского обряда, тексты песнопений шамана в русском переводе, исполняемых во время различных ритуальных обрядов. Особый интерес представляют напечатанные фотографии обыденной жизни желтых уйгуров и др. Тема шаманства среди тюркских народов была представлена и в последующие годы в его научной деятельности (Малов 1917: 1–16; 1924: I–VII; 1947: 151–160).

В статье «Шаманство у сартов Восточного Туркестана» (1917), напечатанной в казанский период жизни, С.Е. Малов писал: «Наблюдающийся за последнее время интерес к шаманству среди этнографов и появление в печати новых статей побудили меня представить здесь краткие сведения о шаманстве в Китайском, или Восточном, Туркестане на основании части материала, который я собрал во время второго путешествия по Китаю, совершенного по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в 1913–1915 гг.» (Малов 1917: 1). В его этнографических оценках: «Шаманство прочно держится в Восточном Туркестане вместе с господствующим там теперь мусульманством»; «связь шаманства с исламом — вот одна из причин жизненности туркестанского шаманства среди сартов-мусульман»; «в Туркестане везде обилие разного рода гадателей, оракулов и кудесников»; «шаманами в Туркестане могут быть и бывают как мужчины, так и женщины», при этом интересными являются описания шаманского моления (Там же: 1–7).

Самым бесценным научным открытием С.Е. Малова по итогам путешествий стало приобретение, а в дальнейшем и публикация совместно с академиком В.В. Радловым буддийского памятника в уйгурском переводе «Сутра золотого блеска» (буддийский священный текст махаяны) в восьми томах. Это исследовательское событие стало важным рубежом в истории отечественной и зарубежной уйгуристики и тюркологии. С X в. этот письменный памятник был известен в уйгурской версии как «Алтун ярык». Сегодня своеобразным рубежом в научной биографии С.Е. Малова и в истории российской и европейской тюркологии и уйгуристики остается открытие и приобретение различных частей списка данной рукописи в селении Вуншигу (провинция Ганьсу) в марте 1910 г. Эти списки рукописи «Алтун ярык» были особо важны как памятник домусульманской, буддийской культуры тюрков, написанный на уйгурском языке (Radloff, Malov 1913–1917; 1930; Малов 1951). В 1913–1917 гг. С.Е. Малов и академик В.В. Радлов напечатали тексты уйгурского памятника, став первооткрывателями в мировой тюркологии (Radloff, Malov 1913–1917).

Путешествия С.Е. Малова в Китайский Туркестан, организованные «Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» (1903–1923), совпали с известными туркестанскими экспедициями С.Ф. Ольденбурга (1909–1910, 1914–1915). Ориги-

нальный комплекс музейного наследия С.Е. Малова составляет разнообразный материал его предметной (вещевой), визуальной и письменной коллекции в Кунсткамере⁷ и других научных и культурных центрах России.

Рубежи первой экспедиции (28 августа 1909 г. Малов выехал из Казани) описаны в его отчете о путешествии. Обратный путь связан со следующими датами: 6 марта 1911 г. выехал из г. Суджоу (prov. Ганьсу); в апреле 1911 г. находился в Хами (4 апреля) и Урумчи (23 апреля); вернулся 1 июня в Казань и 7 июня 1911 г. в Санкт-Петербург. Он писал: «Мною вывезено и представляется Комитету 1) 100 фотографических негативов (типы, жилища и этнограф[ические] группы уйголов и саларов), 2) 59 №№ этнографической коллекции (уйгурская одежда, предметы по шаманству, одежда саларских женщин, музыкальные инструменты турков Китайского Туркестана, китайские вещи и проч., 3) археологическая коллекция: 25 глиняных пластинок Будд из кумирен Матисы близ Ганьдуо, 3 куска фресок с уйгурскими письменами из кумирни Вунфыгу или Вуншигу (на юг от Сучжоу в 30 ли), 4) 400 больших листов уйгурской письменности буддийского содержания (23×60 см); в том числе три датированные рукописи, а именно: 1) рукопись на пяти листах, 1688 г., 2) конец рукописи, только 54–58 стр.; писана в 41 году царствования Кян-си, т.е. в 1702 году и 3) большая рукопись, до 350 листов — „алтун ярук“ — „Золотое сияние“, писана в 1687–1688 г.» (Малов 1912б: 99; Абрамзон 1978: 12–25)⁸.

В 1920 г. первый наставник С.Е. Малова профессор Н.Ф. Катанов писал о его оригинальных коллекциях в Казани: «...во время двух путешествий в Центральную Азию он составил значительные по числу и качеству коллекции картин и статуэток буддийских святых, а также храмовых медалей и медных монет последних трех династий, царствовавших в Китае в XIII–XIX вв.» (Катанов 1920: 42).

С.Е. Малов, возвращаясь и описывая по пути из Суджоу в Хами (конец декабря 1913 г.) основные итоги второй научной экспедиции (1913–1914), писал: «...я обратил преимущественно свое внимание на фонетику уйгурского языка и на этнографию»; «мне удалось... записать большое сказание о Гессер-хане»; «...у омонголившихся желтых уйголов собрал небольшой материал по их монгольскому наречию» и другие уникальные лингвистические, фольклорные и историко-этнографические материалы (Малов 1914: 85–88). Его активная собирательская деятельность сформировала новый пласт шаманских предметов: «бубен», «колотушка», «пара» — кусок черной материи», «шаманская коса» и т.д. По известной программе К.З. Яцуты (1876–1953)⁹

⁷ В фондах Кунсткамеры онлайн представлены уникальные фотоколлекции (всего 111) периода экспедиций С.Е. Малова, посвященные следующим народам: уйгурам, саларам, доланам и лоптукам. См.: Малов Сергей Ефимович (04(16) января 1880 — 01 сентября 1957). Экспонаты. URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЈЕКТ?person=3504297> (дата обращения: 08.02.2025).

⁸ Оригинальный обзор и исследовательская оценка этнографического творчества и наследия С.Е. Малова представлены в статье С.М. Абрамзона «Этнографические исследования С.Е. Малова» (см.: Абрамзон 1978: 12–25). В завершение статьи С.М. Абрамзон писал: «...о чем мы говорили в этом обзоре, свидетельствует о большом вкладе в этнографическую науку, который сделан трудами С.Е. Малова». Также следует отметить статью А.Н. Юзевовича «Древние черепа из окрестностей озера Лоб-Нор». Он писал: «В коллекциях Института этнографии Академии наук СССР находятся четыре черепа, вывезенные С.Е. Маловым в 1915 г. из окрестностей озера Лоб-Нор в Восточном Туркестане». См.: Сборник музея антропологии и этнологии. 1949. Т. X. С. 303–311. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_x_17.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

⁹ Скорее всего, опираясь на работу К.З. Яцуты «Краткий учебник анатомии человека» (1913) и его анатомические и антропологические разработки периода работы в Кунсткамере.

«антропометрическими инструментами измерено 55 человек» (Там же: 86–87). Так же на завершающем этапе путешествия ученый писал: «Я много фотографировал, имею хорошие негативы 1) — уйгурских кумирен... 28 шт., 2) — уйгурск[их] типов, жилищ... 45 шт., 3) смесь (типы китайцев, дунган, пейзажи...) — 20 шт., а всего 93 негатива».

Одним из первых советских востоковедов-индологов, проявивших интерес к экспедиционному наследию С.Е. Малова, был В.С. Воробьев-Десятовский (1927–1956). Он писал в 1953 г.: «Среди рукописных сокровищ, привезенных русскими путешественниками и исследователями из Центральной Азии и хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР в Ленинграде, имеется коллекция тибетских документов на дереве. Она была куплена членом-корреспондентом Академии Наук СССР С.Е. Маловым 15 июня 1914 г. в селении Миран в районе озера Лоб-Нора и происходит из Миранского городища, находящегося недалеко от селения Миран» (Воробьев-Десятовский 1953: 167–185). Эти ценные коллекции С.Е. Малова, требующие в оценке В.С. Воробьева-Десятовского «ее изучения и публикации отдельных ее документов», сохранившиеся в Кунсткамере, были переданы 20 марта 1925 г. в Азиатский Музей Академии наук СССР (Там же: 170). Несомненный интерес для дальнейшего изучения представляют экспедиционные материалы, хранящиеся в личном фонде С.Е. Малова в СПбФ АРАН: это фольклорные, лингвистические и этнографические записи, сделанные во время экспедиций по Туркестану (1910–1914), отчеты об экспедициях в Кашгарию (1915) и т.д.

В 1970 г. известный тюрколог Д.М. Насилов, обращая внимание на фундаментальное издание «Сутра золотого блеска», писал: «К сожалению, свет увидели лишь три выпуска этого перевода (соответствуют 466 страницам уйгурского текста), которые вышли под наблюдением и с предисловием С.Е. Малова, остальная часть перевода осталась в рукописи» (Насилов 1970: 97–98). В своем прижизненном издании «Памятника древнетюркской письменности» (1951) С.Е. Малов писал: «Признавая со всеми тюркологами, что восточные тюркские языки, вообще говоря, представляют более древнюю картину, древнее западных тюркских языков, я могу только сказать, что те языки являются древними, в которых больше сохранилось предполагаемых древних языковых фактов, так что новые татарский язык или башкирский — это и древнейшие языки, эту их древность показывает и их новизна: видно, что они прожили уже большую и долгую жизнь, перетирались с другими соседившими языками (финскими, славянскими и другими, нам неизвестными), так что изначально, так сказать, они ничем не уступают в своей древности своим восточным собратьям-языкам, но в западных тюркских языках превалируют теперь уже многие новые элементы, заменившие собой древние» (Малов 1951: 5).

К рубежу дореволюционной и советской тюркологии С.Е. Малов сформировался как известный тюрколог-энциклопедист и исследователь древних и современных языков, фольклора, истории и этнографии тюркских народов Сибири и Поволжья, Центральной Азии, Западного и Восточного Китая и Монголии. После завершения учебы в санкт-петербургский период творчества в 1909–1916 гг. он напечатал более 15 лингвистических, фольклористических, этнографических работ и рецензий в ведущих журналах и востоковедных изданиях («Живая старина», «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» и т.д.).

Следующим своеобразным рубежом в жизни 36-летнего тюрколога С.Е. Малова стал 1916 год, когда он сдал экзамены на магистра турецкой словесности и уехал к семье¹⁰ и родственникам в родной город Казань.

В рамках наших перспективных архивоведческих поисков и исследованных материалов огромный интерес представляют жизненные и профессиональные переломные события в жизни С.Е. Малова, произошедшие в завершающем казанском этапе, в 1916–1922 гг.

После приезда из Санкт-Петербурга С.Е. Малов писал известному академику-востоковеду и учителю С.Ф. Ольденбургу 27 января 1917 г. из Казани: «Живу здесь с 30 декабря. Подал прошение в историко-филологический факультет Казанского университета о допущении меня к пробным лекциям на звание приват-доцента. С проф. Н.Ф. Катановым у меня наилучшие отношения» (Бухарин, Поникаровская 2017: 439). Также в своем письме из Казани от 28 января 1917 г. профессору Санкт-Петербургского университета, своему наставнику на восточном факультете В.Д. Смирнову С.Е. Малов написал следующие проникновенные строки: «Глубокоуважаемый Василий Дмитриевич! Извиняюсь, что на Рождество уехал сюда из Петрограда, не простившись с Вами...¹¹ Очень благодарен Вам за снисхождение к моим слабым ответам на экзамене в середине ноября прошлого года...¹² Живу здесь, в Казани, с 30 декабря. Подал уже прошение в историко-филологический факультет здешнего университета о допущении меня к пробным лекциям на звание приват-доцента по кафедре турецких наречий»¹³. В завершение письма писал: «Желаю Вам здоровья и всего наилучшего! Папа тоже шлет Вам привет и свои благожелания! Навсегда благодарный и искренне уважающий Вас»¹⁴.

В 1917–1922 гг. тюркология в Казанском университете и в целом в Казани была представлена выпускником арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1909) С.Е. Маловым. Этот период научно-педагогической и общественной деятельности С.Е. Малова также отразился в его опубликованных работах и в архивных документах личного фонда в Санкт-Петербургском филиале архива РАН и фондах Государственного архива Республики Татарстан.

Первая пробная лекция молодого ученого-türkologa на тему «Турецкие наречия Западного Китая» состоялась в библиотеке университета 10 марта 1917 г. в 14 часов. Следующая лекция по теме «Древние енисейско-орхонские письмена и их дешифрование» была выслушана преподавателями и студентами 17 марта 1917 г.¹⁵ Эти учебные лекции С.Е. Малова были оценены «весельма удовлетворительно», и ему было вы-

¹⁰ Летом 1909 г. состоялась помолвка Сергея Ефимовича Малова и Александры Михайловны Соловьевой. 24 августа 1912 г. он женился на Александре Михайловне Соловьевой (1886–1973). «Проходя обучения на старших курсах университета, Сергей Ефимович познакомился с девушкой из семьи дальних родственников: коллежского ассессора, позднее надворного советника Михаила Терентьевича Соловьева (ум. 1918) — Александрой Михайловной, статной, образованной...». Единственный их сын — Малов Игорь Сергеевич (14.08.1913–1942). Подробнее о личной жизни в интересном материале, основанном на архивных документах, см.: *Андрей Войчук*. Профессор Сергей Ефимович Малов. Штрихи биографии. URL: <https://proza.ru/2024/09/24/1530> (дата обращения: 16.01.2025).

¹¹ Авторские многоточия.

¹² Авторские многоточия.

¹³ АВ ИВР РАН. Ф. 50. Оп. 2. Д. 28. Л. 1–1об.

¹⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 50. Оп. 2. Д. 28. Л. 1об.

¹⁵ Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2487. Л. 7–10.

дано свидетельство от историко-филологического факультета на «право преподавания по кафедре турецко-татарских наречий в звании приват-доцента». В марте 1917 г. университет возбудил ходатайство перед попечителем учебного округа о зачислении С.Е. Малова приват-доцентом по кафедре турецко-татарских наречий. Его вступительная лекция «Уйгурская письменность», прочитанная 30 сентября 1917 г. на историко-филологическом факультете университета, положила начало учебной и научной тюркологической деятельности известного востоковеда и общественного деятеля.

В ноябре–декабре 1917 г. С.Е. Малов читал студентам университета лекции на темы: «Старо-турецкая письменность. Руническая письменность» (8 ноября 1917 г.), «Чтение большой надписи... на памятнике Кюль-тегина» (13 ноября 1917 г.), «Уйгурский алфавит», «Перевод уйгурских документов» (20 и 22 ноября 1917 г.) и пр.¹⁶. В январе–марте 1918 г. лекции приват-доцента кафедры турецко-татарских наречий С.Е. Малова были посвящены «турецкому манихейству», переводам «манихейских уйгурских текстов», «предисловия „Золотого блеска“» и т.д.¹⁷.

В 1919–1921 гг. С.Е. Малов совершил четыре научные экспедиции с целью сбора лингвистических и фольклорных материалов по Казанскому и Малмыжскому уездам ТАССР. Также архивные документы позволяют отметить, что в свой последний казанский период С.Е. Малов работал в новых реорганизованных учебных заведениях и институтах в должностях преподавателя мусульманских трехгодичных педагогических курсов (1918–1919), профессора Высшего института народного хозяйства (1918–1922), профессора словесного отделения Восточной академии (1921–1922), заведующего нумизматическим музеем при Казанском университете (1921–1922) и преподавателя Восточного педагогического института (1922).

К августу 1917 г. относится востоковедческий образовательный проект, составленный приват-доцентом Казанского университета Сергеем Маловым. Этот проект включал создание в университете турецкого и финно-угорского отделений. Турецкое отделение состояло из шести кафедр — арабской словесности, персидской словесности, турецкой словесности, монгольской словесности, истории Востока, археологии, искусства и этнографии Востока. В уgro-финском отделении были представлены три кафедры: уgro-финской словесности, истории и древностей уgro-финских племен, этнографии уgro-финских племен (Об учреждении 1917: 13–20). Этот университетский проект по развитию востоковедения в Казани был обсужден на заседании совета историко-филологического факультета 26 января 1918 г. и представлен в Совет Казанского университета с ходатайством «об учреждении на историко-филологическом факультете Казанского университета Восточного отделения с разрядами турецко-татарским и уgro-финским...». К сожалению, данный проект не был реализован в Казанском университете.

Всего в казанский период, в 1917–1922 гг., С.Е. Малов опубликовал 37 статей, обзоров и рецензий в ведущих изданиях: «Известиях общества археологии, истории и этнографии», «Известиях Северо-восточного археологического и этнографического института», «Казанском библиофоне», «Казанском музейном вестнике» и т.д. Среди наиболее интересных материалов и оценок творческого наследия С.Е. Малова выделяются: «Об учреждении восточных (турецкого и финского) отделений на историко-филологическом факультете Казанского университета» (1917), «Заметка о Кашане»

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 77. Л. 1–2.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 77. Л. 2.

(1919), «Болгарская золотая чаша с турецкой надписью» (1921) и оригинальные рецензии (Убрытова 1951: 23–24; Медведева 1978: 262–276)¹⁸.

Истоки тюркологической деятельности С.Е. Малова — преподавание тюркских языков, изучение древнетюркских памятников и исследование современных тюркских языков — тесно связаны с традициями и новациями казанского востоковедения и тюркологии. «Расцвет научно-исследовательской [sic] и педагогической деятельности Малова приходится на послеоктябрьский период. М[алов] вошел в историю тюркологии как выдающийся знаток древнетюрк.-рунических и уйгурских памятников и как выдающийся педагог-türkolog, из школы которого вышли почти все современные тюркологи старшего и среднего поколения» (Биобиблиографический словарь 1989: 155).

Тем не менее общая атмосфера неустроенности в профессиональной сфере прослеживается в строках С.Е. Малова С.Ф. Ольденбургу в письме от 4 ноября 1917 г. Данное письмо было написано по возвращении С.Е. Малова после его отъезда с отступающими белогвардейскими частями из Казани. Он писал: «Позвольте обратиться к Вам, глубокоуважаемый Сергей Федорович, с покорнейшей просьбой. При случае, не поимеете ли меня в виду на какое-либо подходящее для меня место — напр., в какую-либо библиотеку, Музей или что-либо другое? С Казанью я подумываю уже расстаться...» (Бухарин, Поникаровская 2017: 443).

Важный исследовательский порыв С.Е. Малова в казанский период особенно должен быть отмечен в его биографии и истории центральноазиатских исследований в ранний советский период тюркологии. В своем письме от 2 апреля 1921 г. он писал А.Н. Самойловичу: «Я тоже уже давно подумываю о поездке в третий раз в Центральный Китай и в феврале–марте о том подал прошение в этнографический отдел Наркомпроса и в Государственный ученый Совет»¹⁹ (Александр Николаевич Самойлович 2008: 220) — и просил оказать поддержку. В своем прошении в этот руководящий научно-методический орган Наркомпроса РСФСР С.Е. Малов (2 марта 1921 г.) сформулировал актуальную исследовательскую задачу и перспективу командировки в Центральный Китай на два года. «И вот я желал бы — для завершения, исправления и пополнения своих материалов и для их окончательного редактирования к печати — отправиться в третье путешествие в Китайский Туркестан и китайскую провинцию Гуань-су для изучения языка и быта уйголов, саларов, киргизов, сартов Китайского Туркестана (особенно Лобнора и Южной Кашгарии), частью для изучения быта монгольских и тунгутско-тибетских племен бассейна Кукунора...» (Там же: 222). Новой экспедиции не суждено было совершиться.

Завершающий казанский этап деятельности 42-летнего ученого-türkologа С.Е. Малова ярко отразился в последнем его послании. В письме от 27 декабря 1922 г. он снова писал С.Ф. Ольденбургу: «На днях я получил телеграмму от Александра Николаевича об избрании меня преподавателем Университета. Я очень и очень рад

¹⁸ В перспективе важно обратить внимание на неопубликованные материалы и статьи С.Е. Малова в СПБФ АРАН. Ф. 1079, относящиеся к казанскому периоду творчества и историко-культурному наследию поволжских татар, такие как «Казанско-татарская свадьба» (1921), «О татарской народной песне» (1921), «Крещеные татары» (1922), «Грамматика языка татар-кряшен» (1925), заметки «О казанских тамгах» (1921) и «Тамги крещеных татар. Деревня Шеморбат Мамадышского уезда Казанской губернии» (1921), лекция «Восточная палеография» (1921), различные экспедиционные авторские записи татарских фольклорных и лингвистических текстов на русском языке и т.д.

¹⁹ Государственный ученый Совет — научно-методический орган Наркомпроса РСФСР, осуществлявший политику в области науки, искусства, образования и воспитания (образован в 1919 г., упразднен в 1933 г.). В 1921–1925 гг. входил в состав Академического центра Наркомпроса РСФСР.

этому обстоятельству» (Бухарин, Поникаровская 2017: 443). Отъезд С.Е. Малова из Казани в Петроград открыл новый этап тюркологического творчества выдающегося ученого.

Завершая нашу статью, следует вспомнить оценку Э.Р. Тенишева творчества казанского и петербургского ученого-тюрколога и мыслителя: «С.Е. Малову как ученому были свойственны необычайная широта интересов, глубокое проникновение в суть явлений. Для стиля работы С.Е. Малова характерны строгость освещения факта и постоянный поиск новых путей исследования...» (Тенишев 1978: 33). Творчество и наследие С.Е. Малова следует оценить как эпоху в истории российской и мировой тюркологии. Его деятельность в дореволюционный и советский периоды олицетворяла феномен комплексной и междисциплинарной тюркологической науки, имеющей огромное научное, прикладное и духовное значение.

Литература

- Абрамзон 1978 — *Абрамзон С.М.* Этнографические исследования С.Е. Малова // Тюркологический сборник-1975 (Памяти С.Е. Малова посвящается). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 12–25.
- Александр Николаевич Самойлович 2008 — Александр Николаевич Самойлович: научная переписка, биография / Сост., автор ст. и биографии Г.Ф. Благова; отв. ред. Д.М. Насилов. М.: Вост. лит., 2008.
- Биобиблиографический словарь 1989 — Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период. 2-е изд. М.: Наука, ГРВЛ, 1989.
- Благова 2002 — *Благова Г.Ф.* История среднеазиатско-турецких литератур и история литературных языков в трудах А.Н. Самойловича послеоктябрьского периода // Вопросы языкоznания. 2002. № 5. С. 96–115.
- Бухарин, Поникаровская 2017 — *Бухарин М.Д., Поникаровская М.В.* Письма С.Е. Малова к С.Ф. Ольденбург // Вестник истории, литературы, искусства. 2017. Т. 12. С. 435–448.
- Воробьев-Десятовский 1953 — *Воробьев-Десятовский В.С.* Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С.Е. Маловым // Ученые записки Института востоковедения. 1953. Т. VI. С. 167–175.
- Восточный Туркестан 2018 — Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. I. Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / Под ред. чл.-корр. РАН М.Д. Бухарина. М.: Памятники исторической мысли, 2018. С. 601–611.
- Катанов 1920 — *Катанов Н.Ф.* Несколько слов о казанских коллекционерах // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 35–47.
- Малов 1904 — *Малов С.Е.* Из поездки к мишарям (О наречии мишарей Чистопольского уезда) // Приложение к «Ученым запискам Казанского императорского Университета» за 1904 г. Казань, 1904.
- Малов 1909 — *Малов С.Е.* Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии // Живая старина. 1909. Вып. 2–3. С. 38–41.
- Малов 1912а — *Малов С.Е.* Остатки шаманства у желтых уйгуров // Живая старина. 1912. Т. XXI. Вып. 1. С. 61–74.
- Малов 1912б — *Малов С.Е.* Отчет о путешествии к уйгурам и саларам // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия II. № 1. Апрель 1912 г. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. С. 94–99.
- Малов 1914 — *Малов С.Е.* Отчет о втором путешествии к уйгурам С.Е. Малова // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия II. № 3. 1914. С. 85–88.

- Малов 1917 — *Малов С.Е.* Шаманство у сартов Восточного Туркестана (к пояснению коллекции Музея антропологии и этнографии по восточно-туркестанскому шаманству) // Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837–1917). Сборник Музея антропологии и этнографии Российской АН. Петроград, 1917. Т. V. Вып. I. С. 1–16.
- Малов 1924 — *Малов С.Е.* Предисловие к статье: *Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии Российской АН. Петроград. 1924. Т. IV. Вып. 2. С. I–VII.
- Малов 1947 — *Малов С.Е.* Шаманский камень «яд» у тюрков Западного Китая // Советская этнография. 1947. № 1. С. 151–160.
- Малов 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Медведева 1978 — *Медведева Л.Я.* Хронологический перечень трудов С.Е. Малова и литература о нем // Тюркологический сборник-1975 (Памяти С.Е. Малова посвящается). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 262–276.
- Милицанд 1995 — *Милицанд С.Д.* Малов С.Е. // Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Книга II. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Наука, 1995. С. 16–18.
- Насилов 1970 — *Насилов Д.Н.* Изучение памятников древнеуйгурского письма в отечественном востоковедении // Тюркологический сборник-1970. М., 1970. С. 93–110.
- Об учреждении 1917 — Об учреждении Восточных (турецкого и финского) отделений на историко-филологическом факультете Казанского университета // Неотложные задачи земств Поволжья. Казань, 1917. С. 13–20.
- Савдакасов, Омарбеков 1973 — *Савдакасов Г., Омарбеков С.* Маловские чтения // Советская тюркология. 1973. № 6. С. 126–127.
- Сергей Ефимович Малов 1957 — Сергей Ефимович Малов. Некролог // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. XVI. Вып. VI. С. 574–576.
- Тенишев 1978 — *Тенишев Э.Р.* С.Е. Малов — исследователь современных тюркских языков // Тюркологический сборник-1975 (Памяти С.Е. Малова посвящается). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 26–33.
- Тюркологический сборник-1975 — Тюркологический сборник-1975 (Памяти С.Е. Малова посвящается). М.: Наука, ГРВЛ, 1978.
- Убрятова 1951 — *Убрятова Е.И.* О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова // Тюркологический сборник. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 5–30.
- Убрятова 1957 — *Убрятова Е.И.* Сергей Ефимович Малов (Некролог, библиография основных работ) // Известия АН. Отделение литературы и языка. Т. 16. Вып. 6. М., 1957.
- Radloff, Malov 1913–1917 — Suvarṇaprabhāsa (Сутра Золотого Блеска). Текст уйгурской редакции / Издали В.В. Радлов и С.Е. Малов. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1913 (I–II), 1914 (III–IV), 1915 (V–VI); Пг.: [Тип. Академии наук], 1917 (VII–VIII). XV (Bibliotheca Buddhica. XVII).
- Radloff, Malov 1930 — Suvarṇaprabhāsa (Das Goldglanz-Sūtra) / Aus dem Uigurischen ins Deutsche übersetzt von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Elnleitung von S. Malov Herausgegeben. I–III. Leningrad (Л.): Изд-во АН СССР, 1930. II (Bibliotheca Buddhica. XXVII).
- Vorobyova-Desyatovskaya 1995 — *Vorobyova-Desyatovskaya M.I.* The Malov Collection of Manuscripts in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. St. Petersburg; Helsinki, 1995. Vol. 1. No. 2. October. P. 29–39.

References

- Abramzon, Saul M. “Etnograficheskie issledovaniia S.E. Malova” [Ethnographic Research by S.E. Malov]. *Tjurkologicheskii sbornik-1975*. Moscow, 1978, pp. 12–25 (in Russian).
- Aleksandr Nikolaevich Samoilovich: nauchnaya perepiska, biografiia [Alexander Nikolaievich Samoilovich: Scholarly Correspondence, Biography]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008 (in Russian).

- Biobibliograficheskii slovar' otechestvennykh tiurkologov: dooktiabrskii period* [A Biobibliographical Dictionary of Russian Turkologists: Pre-October Period]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1989 (in Russian).
- Blagova, Galina F. "Istoriia sredneaziatsko-tiurkskikh literatur i istoriia literaturnykh iazykov v trudakh A.N. Samoilovicha posleoktiabrskogo perioda" [The History of Central Asian-Turk Literatures and the History of Literary Languages in the Works of A.N. Samoilovich in the Post-October Period]. *Voprosy iazykoznaniiia*, 2002, no. 5, pp. 96–115 (in Russian).
- Buharin, M.D. & Ponikarovskaia, M.V. "Pis'ma S.E. Malova k S.F. Ol'denburgu" [Letters from S.E. Malov to S.F. Oldenburg]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*, 2017, vol. 12, pp. 435–448 (in Russian).
- Katanov, Nikolai F. "Neskol'ko slov o kazanskikh kollektionserakh" [A Few Words about Kazan Collectors]. *Kazanskii muzeinyi vestnik*, 1920, no. 7–8, pp. 35–47 (in Russian).
- Malov, Sergei E. "Iz poezdki k mishariam (O narechii misharei Chistopol'skogo uezda)" [From a Trip to the Mishars (On the Dialect of the Mishars of Chistopolsky District)]. In: *Prilozhenie k "Uchenym zapiskam Kazanskogo imperatorskogo Universiteta" za 1904 g.* [Appendix to the "Scholarly Notes of the Kazan Imperial University" for 1904]. Kazan, 1904 (in Russian).
- Malov, Sergei E. "Neskol'ko slov o shamanstve u turetskogo naseleniya Kuznetskogo uezda Tomskoi gubernii" [A Few Words about Shamanism among the Turkish Population of Kuznetsk District, Tomsk Province]. *Zhivaia starina*, 1909, vol. 2–3, pp. 38–41 (in Russian).
- Malov, Sergei E. "Ostatki shamanstva u zheltykh uigurov" [Remnants of Shamanism among the Yellow Uyghurs]. *Zhivaia starina*, 1912, vol. XXI, no. 1, pp. 61–74 (in Russian).
- Malov, Sergei E. "Otchet o puteshestvii k uigiram salaram" [Report on the Journey to the Uyghurs and Salars]. *Izvestiia Russkogo komiteta dlia izucheniiia Srednei i Vostochnoi Asii v istoricheskem, archeologicheskem, lingvisticheskem i ethnograficheskem otnosheniiaakh* [News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological, Linguistic and Ethnographic Aspects]. Ser. II, no. 1, April 1912. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1912, pp. 94–99 (in Russian).
- Malov, Sergei E. "Otchet o vtorom puteshestvii k uigiram" [Report on the Second Journey to the Uyghurs by S.E. Malov]. *Izvestiia Russkogo komiteta dlia izucheniiia Srednei i Vostochnoi Asii v istoricheskem, arkheologicheskem, linguisticheskem i ethnograficheskem otnosheniiaakh* [News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological, Linguistic and Ethnographic Aspects]. Ser. II, no. 3, 1914, pp. 85–88 (in Russian).
- Malov, Sergei E. "Shamanstvo u sartov Vostochnogo Turkestana (k poiasneniiu kollektii Muzeia antropologii i etnografii po vostochno-turkestanskому shamanstvu)" [Shamanism among the Sarts of East Turkestan (to the Explanation of the Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography on East Turkestan Shamanism). In: *Ko dnyu 80-letiya akademika Vasilii Vasil'evicha Radlova (1837–1917). Sbornik Muzeya antropologii i etnografii Rossiiskoj AN* [On the 80th Anniversary of Academician Vasily Vasilievich Radlov (1837–1917). Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. Petrograd, 1917, vol. V (iss. I), pp. 1–16 (in Russian).
- Malov, Sergei E. "Predislovie k stat'e: Anokhin A.V. Materialy po shamanstvu u altaitev" [Preface to the Article: *Anokhin A.V. Materials on Shamanism among the Altai People*]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii Rossiiskoi AN* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. Petrograd, 1924, vol. IV (iss. 2), pp. I–VII (in Russian).
- Malov, Sergei E. "Shamanskii kamen 'yada' u tiurkov Zapadnogo Kitaia" [The Shamanic "Yada" Stone among the Turks of Western China]. *Sovetskaya etnografiya*, 1947, no. 1, pp. 151–160 (in Russian).
- Malov, Sergei. *E. Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia* [Monuments of Ancient Turkic Writing. Texts and Studies]. Moscow–Leningrad: 1951 (in Russian).
- Medvedeva, Liia Y. "Khronologicheskii perechen' trudov S.E. Malova i literatura o niom" [A Chronological List of Works by S.E. Malov and Literature about Him]. *Tiurkologicheskii sbornik-1975*, Moscow, 1978, pp. 262–276 (in Russian).

- Miliband, Sofia D. "Biobibliograficheskii slovar' otechestvennykh vostokovedov s 1917 g." [A Biobibliographic Dictionary of Russian Orientalists Since 1917]. Book II. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Nauka, 1995 (in Russian).
- Nasilov, Dmitrii N. "Izuchenie pamiatnikov drevneuigurskogo pis'ma v otechestvennom vostokovedenii" [The Study of Records in Ancient Uyghur Writing in Russian Oriental Studies]. *Tiirkologicheskii sbornik-1970*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1970, pp. 93–110 (in Russian).
- "Ob uchrezhdenii Vostochnykh (turetskogo i finskogo) otdelenii na istoriko-filologicheskom fakultete Kazanskogo universiteta" [On the Establishment of the Oriental (Turkish and Finnish) Departments at the Faculty of History and Philology of Kazan University]. In: *Neotlozhnye zadachi zemstv Povolzh'ia* [The Urgent Tasks of the Volga Region Zemstvos (= electable bodies of local government)]. Kazan, 1917, pp. 13–20 (in Russian).
- Savdakasov, Gozhaxmet S. & Omarbekov, Sapargali. "Malovskie chteniia" [Malov Readings]. *Sovetskaiia tiirkologija* [Soviet Turkology], 1973, no. 6, pp. 126–127 (in Russian).
- "Sergei Efimovich Malov. Nekrolog" [Sergei Efimovich Malov. Obituary]. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury iazyka*, 1957, vol. XVI (iss. VI), pp. 574–576 (in Russian).
- Suvarṇaprabhāsa* (Sutra Zolotogo Bleska) [The Sūtra of Golden Splendor]. Tekst uygurskoy redaktsii [The text of the Uyghur edition]. Published by V.V. Radlov and S.E. Malov. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1913 (I–II), 1914 (III–IV), 1915 (V–VI); Petrograd: [Tipografia Akademii Nauk], 1917 (VII–VIII). XV (Bibliotheca Buddhica. XVII).
- Suvarṇaprabhāsa* (Das Goldglanz-Sūtra). Aus dem uigurischen ins deutsche übersetzt von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit elnleitung von S. Malov herausgegeben. I–III. Leningrad (L.): Izdatel'stvo AN SSSR, 1930. II (Bibliotheca Buddhica. XXVII) (in German).
- Tenishev, Edxam R. "S.E. Malov — issledovatel' sovremennykh tiurkskikh iazykov" [S.E. Malov — A Researcher of Modern Turkic Languages]. *Tiirkologicheskii sbornik-1975*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1978, pp. 26–33 (in Russian).
- Tiirkologicheskii sbornik-1975 (Pamiati S.E. Malova posviashchaetsia) [(In memory of S.E. Malov)]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1978 (in Russian).
- Ubryatova, Elizaveta I. "O nauchnoi i obshhestvennoi deiatel'nosti Sergeia Efimovicha Malova" [On the Scholarly and Public Activity of Sergei Efimovich Malov]. *Tiirkologicheskii sbornik I*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951, pp. 5–30 (in Russian).
- Ubryatova, Elizaveta I. "Sergei Efimovich Malov (Nekrolog, bibliografia osnovnykh rabot)" [Sergey Efimovich Malov (Obituary, Bibliography of Major Works)]. *Izvestiia AN. Otdelenie literatury iazyka*, 1957, vol. 16 (iss. 6) (in Russian).
- Vorobyov-Desyatovskii, Vladimir S. "Kollektsiia tibetskikh dokumentov na dereve, sobrannaya S.E. Malovym" [A Collection of Tibetan Wooden Documents Assembled by S.E. Malov]. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniia* [Scholarly Notes of the Institute of Oriental Studies], 1953, vol. VI, pp. 167–175 (in Russian).
- Vorobyova-Desyatovskaya, Margarita I. "The Malov Collection of Manuscripts in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies". *Manuscripta Orientalia*, 1995, vol. 1, no. 2 (October), pp. 29–39. St. Petersburg–Helsinki (in English).
- Vostochnyi Turkestan i Mongolia. Istorija izucheniiia v kontse XIX — pervoi treti XX veka. T. I. Epistolyarnye dokumenty iz arkhivov Rossiiskoi akademii nauk i Turfanskogo sobraniiia* [East Turkestan and Mongolia. History of Research in the Late 19th — First Third of the 20th Century. Vol. I. Epistolary Documents from the Archives of the Russian Academy of Sciences and the Turfan Collection]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2018, pp. 601–611 (in Russian).

“I am Beginning to Think of Leaving My Native Kazan” (1922): S.E. Malov in Kazan, St. Petersburg and Expeditions to Chinese Turkestan (1880–1922) (on the 145th Anniversary of His Birth)

Liqiu LIU

Nanjing University of Science and Technology
Nanjing, China

R.M. VALEEV

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

R.Z. VALEEVA

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

A.N. SAMIGULLIN

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

G.R. SHARAFUTDINOV

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

Received 20.02.2025.

Abstract: In 2025, the attention of colleagues in Russia and modern Turkic states will be focused on the 145th anniversary of S.E. Malov, the distinguished scholar of the ancient Turkic runic and Uighur monuments, the history, language and culture of Turkic-speaking peoples, educator, and Turkologist, whose biography and legacy are associated with two famous research journeys to Western and Central China (1909–1911 and 1913–1915, respectively). The year 2025 marks another memorable date — the 110th anniversary of the completion of the expedition. The paper focuses on the coverage of events and the scholar's role during the Kazan, St. Petersburg, and expeditionary periods of his life and work (up to 1922). This article presents a brief overview of some archival documents from that period and the milestones of S.E. Malov's work that are preserved in his personal collection in the St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (F. 1079) and in other cultural centres. He is widely known and highly regarded today in Turkology in the Russian Federation and the CIS countries.

Key words: Russia, Orient, Oriental studies, Turkology, Kazan, S.E. Malov, legacy, archives.

For citation: Liqiu Liu, R.M. Valeev, R.Z. Valeeva, A.N. Samigullin, G.R. Sharafutdinov “‘I am Beginning to Think of Leaving My Native Kazan’ (1922): S.E. Malov in Kazan, St. Petersburg and Expeditions to Chinese Turkestan (1880–1922) (on the 145th Anniversary of His Birth)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 200–222 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692189.

Acknowledgement: The research was carried in accordance with the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University.

About the authors: Liqiu LIU, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Nanjing University of Science and Technology (Nanjing, China) (liqiu_2018@163.com). ORCID: 0009-0001-2154-1485.

Ramil M. VALEEV, Doctor of Sciences (History), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation) (Ramil.Valeev@kpfu.ru). ORCID: 0000-0003-3462-6469.

Roza Z. VALEEVA, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Linguistics and International Communication, Kazan Innovative University (Kazan, Russian Federation) (valroz@inbox.ru). ORCID: 0000-0001-6347-0710.

Airat N. SAMIGULLIN, graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation) (sam-air@mail.ru). ORCID: 0000-0002-8340-9420.

Gennady R. SHARAFUTDINOV, Senior Lecturer (PhD in History), Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation) (genesharafut@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1070-0591.

APPENDIX:

Scan of a Letter from L.R. Kyzlasov to S.E. Malov. Moscow. March 16, 1954

Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN (SPb FARAN). F. 1079 [The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPb FARAN)]. F. 1079. Op. 3. D. 148.

Arkhiv vostokovedov IVR RAN (AV IVR RAN). F. 50. Op. 2. D. 28 [Archive of Orientalists of the IVR RAS (AV IVR RAS)] F. 50. Op. 2. D. 28 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT). F. 977. Op. IFF. D. 2487 [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 977. Op. IFF. D. 2487 (in Russian).

Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN (SPb FARAN). F. 1079 [The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPb FARAN)]. F. 1079 (in Russian).

Новые сведения о портрете Эмина Ходжи из императорского Павильона Пурпурного Блеска (Цзыгуанэ)

ВАН Дин

Пекинский университет иностранных языков
Пекин, Китай

DOI: 10.55512/WMO696214

Статья поступила в редакцию 13.03.2025.

Аннотация: В 1900 г. объединенные силы Восьми держав вошли в Пекин и грабительским образом захватили предметы искусства из императорских дворцов и парков, включая портреты знаменитых сановников из Павильона Пурпурного Блеска (*Цзыгуанэ*), среди которых был и портрет Эмина Ходжи. Многие из них оказались в Германии. Благодаря изучению документов Федерального архива Германии и материалов из других центров удалось установить, что портрет Эмина Ходжи был доставлен в Берлин из Пекина Августом Гильдебрандтом (1868–1945), военным врачом армии генерал-фельдмаршала Альфреда фон Вальдерзее (1832–1904), и помещен в экспозицию Берлинского этнологического музея. Ранее предполагалось, что портрет был утрачен в 1945 г. во время бомбардировок Берлина, когда музей получил значительные разрушения. Однако недавними исследованиями российских ученых было установлено, что по меньшей мере семь портретов, хранившихся прежде в Павильоне Пурпурного Блеска, были доставлены в Советский Союз. Недавно было опубликовано пять аналогичных портретов, и поэтому остается надежда обнаружить портрет Эмина Ходжи. Кроме того, визуальное со-поставление пяти опубликованных портретов с фотографиями портрета Эмина Ходжи в экспозиции Берлинского этнологического музея позволяет сделать предположение о его возможном нынешнем месторасположении. В настоящей статье приводятся также новые биографические данные об Августе Гильдебрандте, который сыграл ключевую роль в перемещении портретов заслуженных цинских сановников в Германию.

Ключевые слова: династия Цин, Павильон Пурпурного Блеска (*Цзыгуанэ*), портреты заслуженных сановников, Эмин Ходжа, Берлинский этнологический музей, Август Гильдебрандт.

Для цитирования: Ван Дин. Новые сведения о портрете Эмина Ходжи из императорского Павильона Пурпурного Блеска (*Цзыгуанэ*) // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 223–233 (на кит. яз.). DOI: 10.55512/WMO696214.

Об авторе: ВАН Дин, Пекинский университет иностранных языков (Пекин, Китай) (e-mail): claviusrex@gmail.com.

© Ван Дин, 2025

紫光阁额敏和卓画像的新发现

王丁

北京外国语大学

有关清代紫光阁功臣画像系列中的额敏和卓一幅及其流转历程、于今下落等问题，笔者曾撰文加以讨论。¹ 此后稍有新见，因补写此篇以为补充、增订。为了叙述和读者的方便，有些不得不重复的部分，敬请理解。

乾隆二十五年(1760)，西域准部、回部叛乱最终得到平定，乾隆皇帝决定在西苑紫光阁“嘉在事诸臣之绩，因葺新斯阁，图功臣大学士忠勇公傅恒、定边将军一等武毅谋勇公户部尚书兆惠以下一百人于阁内。五十人亲为之赞，余皆命儒臣拟撰”。² 这就是紫光阁功臣画像制作的缘起。为征战中有功文臣武将“于紫光阁图画功臣像”的举动共有四次，累计受此褒奖的人数达到二百八十人，画像二百八十幅。西域地方回人首领额敏和卓(1694—1777)名列首批得到画像殊荣五十功臣中的第十二位，也是其中最为年长的一位。

乾隆御撰《紫光阁五十功臣像赞》额敏和卓一首，其文如下³：

参赞大臣多罗郡王额敏和卓

土鲁蕃族，早年归正。命赞军务，以识回性。

知无不言，言无不宜。其心匪石，弗可转移。

有关额敏和卓生平事功的撰述甚多，此处不赘。⁴

额敏和卓画像：柏林的著录情况

有一系列的证据表明，本文讨论的额敏和卓画像随着八国联军的撤离回国流往德国。⁵ 1903年德国柏林王家民族学博物馆助理馆长米维礼(F.W.K. Müller, 1863—1930)在德国《民族学杂志》上公布了如下的消息⁶：

一幅绘有出生于吐鲁番的畏吾尔王公的清代绘画，由高级军医希尔德布兰特博士(Dr. Hildebrandt)于二十世纪之初出借给柏林王立民族学博物馆(kgl. Museum f. Völkerkunde Berlin)，双方约定，该画至少将由本博物馆保存一段时间。

这是额敏和卓像到达德国后最早的一次公开报道。

原柏林王家民族学博物馆档案(现藏柏林民族博物馆)记载，住在柏林腓特烈大街(Friedrichstraße)140号的医学博士希尔德布兰特同时一共向该博物馆提供了五件中国

¹ Wang Ding 2020: 194—201.

² Yu Minzhong & Ying Lian & Dou Guangnai & Zhu Yun: 1a.

³ 多部清代文献著录了《紫光阁五十功臣像赞》，本文据《乾隆御制文初集》卷三十，嘉庆五年内府刊本，第四页b；《日下旧闻考》卷二四《国朝宫室·西苑》四，武英殿本，第五页b。

⁴ Onuma 2012.

⁵ Bügener 2015: 336; Wang Ding 2020.

⁶ Müller 1903: 483—484.

艺术品作为长期借展品 (Leihgaben), 馆方出具的接受清单转录如下⁷ (档案原文为汉字, 仅第四项“月光菩萨”后括号中的词语系德文说明, 本文考证为“出自中海畔的万善殿”):

1. 生擒撫首賴汶洸戰圖
2. 平定兩金川紫光閣次五十功臣像贊原副都統加贈都統博靈阿
3. 紹斯甲布土舍紹爾嘉木灿
4. 月光菩薩(右十)(出自中海畔的万善殿)
5. 贊大臣多羅郡王額敏和卓

万善殿是中海的一座寺院, 希尔德布兰特获取到月光菩萨, 不知是画像抑或铜像、石像。在档案原文中万善殿被用德文标注为“Jäger-Tempel”, 且加了引号, 似指示它并非正式名称。这个德文词的字面意思是“猎人寺”。根据《1900—1901年德国远征中国记》, 可知当时有一个猎兵中队 (Jäger-Comp.) 驻扎在中海的万善殿, 有德国派遣军当时绘制的属于德占区的中南海地图 (图 1) 为证。⁸ 万善殿因此被德国驻军称为 Jäger-Tempel。根据德国博物馆出版的《普鲁士王家艺术收藏年鉴》1902 年卷, 德国皇帝暨普鲁士国王威廉二世向博物馆民族部捐赠了一幅来自万善殿 (Jäger-Tempel in Peking) 的寺院绘画作品, 尺幅为 11 米长、5.5 米高。⁹ 从捐赠时间和来源地点综合推测, 这幅大画显然也是平定义和团时期德国远征军携回的“战利品”, 他们驻扎在万善殿, 对那里的艺术文物的劫掠规模相当可观, 其特别突出之品曾呈送给德皇。

代表博物馆签名接收者也是米维礼¹⁰ (F.W.K. Müller, 1863 年 1 月 21 日—1930 年 4 月 8 日)。米氏是一位渊博的东方学家, 掌握多种语言, 他当即对《额敏和卓像赞》的满文标题加以转写 (hebei amban doroi giyôn wang Ämin hodscho, 即“参赞大臣多罗郡王额敏和卓”)。

奥古斯特·希尔德布兰特 (August Hildebrandt, 1868 年 5 月 20 日—1945 年 8 月 15 日), 德国人, 1891 年起在基尔大学学习外科医学, 曾作为外科名家比尔 (August Bier) 教授的助手, 研究脊椎麻醉 (Lumbalanästhesie), 1897 年取得成功, 但因发明权两人产生争议, 这一事件对希尔德布兰特后半生的从医生涯和心理均产生很大的影响。¹¹ 希尔德布兰特旋即离开基尔, 服务于德国军队。目前所能查阅到有关他的职业情况的资料, 是一本提到其医务工作的德国官方报告, 由普鲁士军部医务署学术总办、时任柏林大学军事外科学讲席的柯勒 (Albert Köhler, 1850—1936) 教授编撰。书中提及希尔德布兰特博士在 1899 年前后曾作为红十字会医生随军开赴非洲, 投身第二次布尔战争, 在救治布尔方面的伤员之余, 还撰写了相当多有关野战医疗的医学论文, 如《小口径火器腹部贯穿伤的野战治疗》、《野战枪炮伤的预后诊断》、《开花弹是否人道》等, 发回德国在学术刊物以及红十字会出版物发表。¹² 1900—1901 年希尔德布兰特随军远征中国, 归来后, 他供职于柏林大学附属慈爱医院 (Berliner Charité), 1904 年通过教授论文。1913 年起至 1933 年供职于勃兰登堡的埃伯斯瓦尔德市的奥古斯特·维多利亚之家医院

⁷ 7. Okt. 1902, *Museum für Völkerkunde, Acta betreffend die Beschreibung ethnologischer Gegenstände aus Asien*. Vol. 37, Vom 16. Juni 1902 bis 31. Dezember 1902. Pars I. B., E. No. 1353/1902 (柏林民族学博物馆东亚藏品档卷 37, 1902 年 10 月 7 日登录).

⁸ Deutschland in China 1900—1901: 152.

⁹ Jahrbuch 1902: Amtliche Berichte aus den Königlichen Kunstsammlungen. 1. Oktober 1902. Nr. 4, LXXXIII.

¹⁰ “米维礼”是 Friedrich Wilhelm Karl Müller 的自用汉名, 见于清末驻德中国学者与他 (“米老爷”) 的汉文通信 (私人收藏)。学术界通常译为米勒、缪勒、缪莱等。

¹¹ Oehme & Goerig 1998: A-2556.

¹² Köhler 1904: 33, 38, 350ff.

(Auguste-Viktoria-Heim, 现名 Werner-Forßman-Krankenhaus), 专长为疑难外科、腹腔及野战外科、麻醉术。¹³

义和团运动兴起、围攻使馆区和克林德事件的爆发，导致包括德国在内的八国列强派兵中国。希尔德布兰特从南非回德国不久，即报名参加，在八国联军总司令部任高级军医。¹⁴ 因为他的这个任职单位属于联军中枢机构，联军总司令、德国陆军元帅瓦德西 (Alfred Graf von Waldersee, 1832–1904) 正驻扎于中南海，希尔德布兰特以近乎“御医”的特殊地位¹⁵，理论上说有条件进入在正常情况下最难进入的皇宫区域的几乎任何地方，所以他获得紫光阁画像和上面引用的档案中提到的其他清宫艺术珍品，便不是什么出人意表的事了。

Kaiserl. Winterpalast in Peking.

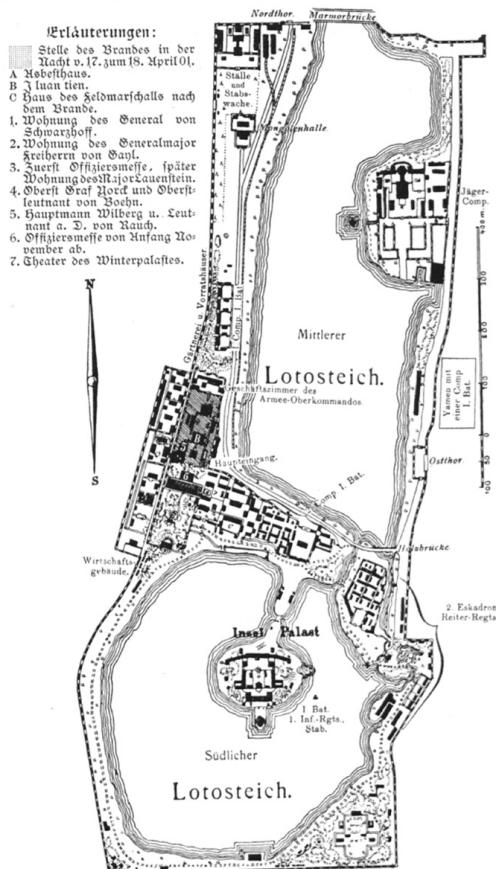

图1 德国派遣军绘制的北京“冬宫”(中南海)示意图(1900年)

¹³ Weißer 2019 : 136.

¹⁴ Köhler 1904: 38.

¹⁵ 瓦德西的扈从副官封劳赫在1900年11月25日的日记里，记录了他一大早在与长官们共进早餐前与希尔德布兰特博士及封葛明根上尉一起骑马到克林德大街（今东单北大街近西总布胡同一带）游观的见闻，见 Rauch 1907: 172.

额敏和卓像的确定

紫光阁额敏和卓画像既然经联军的德国军医之手流往德国，一度进入柏林民族学博物馆的租借展品之列。而近年有学者在研究紫光阁画像系列的存佚情况时，不仅发现原画已不在原馆，不可踪迹，而且画像“无照片存在”(kein Foto vorhanden)¹⁶，可以说是毫无形象信息留存了。那么，从1903年至近年国际学者追踪盘点之间的一个世纪之间，画像安在，情形究竟如何呢？

大约在二十年前，新疆的朋友曾向我提及这幅额敏和卓像的下落问题，希望我能利用在海外研究的机会，寻访追踪。东亚艺术博物馆布茨博士为我提供了基础信息咨询。¹⁷ 得到柏林民族博物馆 (Ethnologisches Museum zu Berlin) 时任馆长那泽博士 (Dr. Siegmar Nahser) 的热情支持，我在2007年6月在该馆档案室开始了查档工作，不久就幸运地找到了上述联军军医希尔德布兰特出借清宫文物给柏林王家民族学博物馆的原始记录。也是在同一时期，承馆长雅尔迪斯 (Marianne Yaldiz) 教授慨允，我曾用一段时间在柏林印度艺术博物馆 (Museum für Indische Kunst) 档案室查阅“格伦威德尔教授领导下的德国吐鲁番探险档案”(Acta betreffend die Expedition des Prof. Grünwedel nach Turfan)，在大量的照片中意外遇到本不真正属于德国吐鲁番探险队收获品的一幅照片：1926年柏林民族学博物馆展厅全景的大幅照片（图2）。

图2 柏林民族学博物馆展厅（1926年摄）

¹⁶ Walravens 2014: 138.

¹⁷ Butz 2003.

展厅中景部位的立幅全身人物画像引人注意。按形制、风格推测，这幅画有可能属于紫光阁功臣画像系列。查阅《柏林民族学博物馆参观指南》，可以了解到博物馆的展品内容说明。在目前看到的这个小册子的两个版本中，1926年版是试行本(*vorläufig*)，在“吐鲁番—犍陀罗”部分，有这样一段描述¹⁸：

10号展厅，右侧第4隔断……展柜：公元469年汉文碑碣，高昌故城出土。墙柱朝向展厅一侧：吐鲁番郡王画像，约1760年。

三年后，该博物馆又出版了展览指南的第19版，书名删去了“试行本”一词，内容略有增补：¹⁹

10号展厅，右侧第4隔断……展柜：公元449年汉文碑碣，高昌故城出土。墙柱朝向展厅一侧：吐鲁番（蓝眼睛的）郡王画像，约1760年。

“吐鲁番（蓝眼睛的）郡王画像，约1760年”就是额敏和卓画像的另一种表述方式。所以，关于额敏和卓画像作为展品公开展出，至此可以确定。

图3 左图展厅局部放大图：紫光阁额敏和卓画像

在2020年发表的拙文《紫光阁功臣额敏和卓画像：流往德国的原委及目前下落》中，我通过对展厅照片中景中的画幅（图3）有关的绘画特征、诗堂题字满汉文字双语对列、汉文题字字数等线索，特别是这幅画像题词汉文部分的首二行12个字，各6字，字数正合民族博物馆档案保存下来的米维礼转录的汉字题题：“参赞大臣多罗郡王额

¹⁸ Staatliche Museen zu Berlin 18: 16.

¹⁹ Staatliche Museen zu Berlin 19: 17.

敏和卓”。通过细审照片,可以基本辨认画像题词当中笔画较少、结构比较明确的字,如“参”、“大臣”、“王”、“额”、“卓”等字。照片中的题词共32字,可以识读的“土鲁”、“正命赞军务”、“回性知无不言”、“言无不宜”、“其心”、“石”、“弗可”、“乾隆庚辰春御题”等字,都见于乾隆御撰的额敏和卓像赞。综合以上多重线索,最后可以推定该画就是额敏和卓画像。

现在有一件新见的材料可资进一步的佐证:近期在柏林亚洲艺术博物馆、民族博物馆与德国国家图书馆东亚部三家机构合作推出的“1902至1914年德国吐鲁番探险档案、照片与绘图资料库(The German Turfan Expeditions 1902–1914 in their files, photos and drawings. A cooperation project between the ‘Museum für Asiatische Kunst’ the ‘Ethnologisches Museum’ and the ‘Staatsbibliothek zu Berlin’ | East Asia Department)”中检得一幅黑白照片B 556(图4),资料库给出的标题为:“一幅表现汉人肖像的画轴,佚失下落不明,曾藏柏林民族学博物馆,可能属于一表现中国功臣的系列”(B 556: Darstellung eines Chinesen auf einer Bildrolle, verschollen, ehemals Museum für Völkerkunde, Berlin; gehört vielleicht zu einer Serie von chinesischen Würdenträgern)。²⁰

图4 1902至1914年德国吐鲁番探险档案、
照片与绘图资料库藏额敏和卓画像照片B 556

²⁰ <https://iiif.crossasia.org/s/turfan/collections/1/manifests/1034/c/5376>.

这张照片为展厅中的一绘画作品的工作照，照片本身的质量堪称完美，从照片中有反光这一迹象推测，这幅画是装嵌在柏林镜框中。画幅中的信息明确：这就是额敏和卓画像的核心部分，人物的大半身可见，足部没有拍入画面，人物头部以上是该画的题字部分，可见可识的有“以识”“言言”“匪石”“春”，都与乾隆题词中“以识回性”“知无不言，言无不宜”“其心匪石”和“乾隆庚辰春御题”这些字眼相合。

因此可以完全确信，这张 B 556 照片拍摄的就是紫光阁“参赞大臣多罗郡王额敏和卓”画像，1926 年柏林民族学博物馆展厅照片中的人物画像也是这幅画（原馆藏号 ID 23932）。

馀论

二战之后，跟博物馆的其他许多展品一样，额敏和卓画像不知所踪。现在陆续发现了它的两幅旧照片，稍稍填补了影像记录上的缺憾。犹可念者，俄罗斯方面已有报道，一部分原德藏艺术品今在圣彼得堡收存，2007 年起圣彼得堡冬宫艾米塔什国立博物馆（State Hermitage Museum）文物修复部对 5 幅绘画进行了文物修复工作。2011 年庞晓梅与尼古拉·蒲切林就这项收藏合作撰文²¹，公布了如下 4 幅：定边右副将军亲王品级超勇郡王策卜登扎卜、领队大臣内大臣博尔奔察、副都统克特尔克巴图鲁由屯、原二等侍卫哈布台巴图鲁福锡尔，均属平定西域前五十功臣系列。2017 年，这两位作者再次发表论文，用英文详细介绍了以上 4 幅已经得到修复的紫光阁画像²²，并对另一幅尚在修复中的画像做了简要的介绍。文章附有修复前后状态的照片。这样，旧藏德国柏林、今藏圣彼得堡的五幅紫光阁功臣画像有 5 幅得到明确的确认：

1. 副都统克特尔客巴图鲁由屯（Pang & Pchelin 2017, p. 95, Figs. 6–7）
2. 原二等侍卫哈布泰巴图鲁福锡尔（同上, pp. 96–97, Figs. 8–9）
3. 定边右副将军亲王品级超勇郡王策卜登扎卜（同上, pp. 99–100, Figs. 10–13）
4. 领队大臣内大臣博尔奔察（同上, pp. 102–105, Figs. 14–19）
5. 领队大臣山西大同镇总兵把尔丹巴图鲁官达色（同上, pp. 105–108, Figs. 20–21）

据云艾米塔什国立博物馆另外还有两幅画像，尚待公布，具体名目两位作者上文未透露。额敏和卓画像是否存在于其间，有待进一步的信息公布。

为查询清宫流失文物的关键人物希尔德布兰特医生，笔者花费了一些时间精力，这个人物的生平脉络现在已然清晰。他的肖像现知有两幅，一为色粉笔速写“野战高级医务官希尔德布兰特博士”（图 5）²³，由德国派遣军随军画家罗浩尔（Theodor Rocholl）在旅程中绘于萨克森巡洋舰上，一为他中年以后行医时代的照片“医学博士希尔德布兰特教授”（图 6）²⁴，拍摄者不详。兹均付印，立此存照。

²¹ Pang & Pchelin 2011: 262–278.

²² Pang & Pchelin 2017: 88–110.

²³ “Stabsarzt Dr. Hildebrandt”. *Deutschland in China 1900–1901*: 23.

²⁴ Arendt 2002: 103–118；希尔德布兰特肖像照片见 S. 112. Abb. 7. 2003

图 5 希尔德布兰特博士在赴华旅途中肖像速写

图 6 希尔德布兰特博士在奥古斯特·维多利亚之家医院担任主治医生时期肖像

References

- Arendt, Ludwig. "Prof. Dr. med. August Hildebrands: eine späte Rehabilitation". In: *Eberswalder Jahrbuch für Heimat-, Kultur- und Naturgeschichte*, 2002/2003. Eberswalde: Verein für Heimatkunde zu Eberswalde e. V., 2002, pp. 103–118 (in German).
- Butz, Hans (Hrsg.). *Bilder für die "Halle des Purpurglanzes": Chinesische Offiziersporträts und Schlachtenkupfer der Ära Qianlong (1736–1795)*. Berlin: Museum für Ostasiatische Kunst, 2003 (in German).
- Bügener, Annette. *Die Heldengalerie des Qianlong-Kaisers. Ein Beitrag zur chinesischen Porträtmalerei im 18. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: PL Academic Research, 2015 (Europäische Hochschulschriften. Reihe XXVIII: Kunstgeschichte = European University Studies. Series XXVIII: History of Art = Publications Universitaires Européennes. Série XXVIII: Histoire de l'art; Band 441) (in German).
- Deutschland in China 1900–1901*. Bearbeitet von Teilnehmern der Expedition. Illustriert von Schlachtenmaler Rocholl. Mit Beiträgen von Adolph Obst und Anderen. Düsseldorf: Druck von August Bagel, 1902 (in German).
- Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen*. Bd. 23. Berlin: O. Grote'sche Verlagsbuchhandlung, 1902 (in German).
- Köhler, Albert (Hrsg.). *Die Kriegschirurgen und Feldärzte Preußens und anderer deutscher Staaten in Zeit- und Lebensbildern. IV. Teil: Kriegschirurgen und Feldärzte der Neuzeit*. Berlin: Verlag von August Hirschwald, 1904 (Veröffentlichungen aus dem Gebiete des Militär-Sanitätswesens; Heft 27) (in German).
- Müller, Friedrich Wilhelm Karl. "Einige neue Erwerbungen der Indischen und Chinesischen Abteilungen des Königl. Museums für Völkerkunde". In: *Zeitschrift für Ethnologie: Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. Fünfunddreißigster Jahrgang. 1903. Berlin: Verlag von A. Asher & Co., 1903, S. 483–484 (in German).
- Oehme, Peter & Goerig, Michael. "Rückenmarksanästhesie mit Kokain: Die Prioritätskontroverse zur Lumbalanästhesie". In: *Deutsches Ärzteblatt. Ärztliche Mitteilungen: Das Organ der Ärzteschaft* Gegründet 1872. Ausgabe A. 95. Jahrgang. Heft 41. 9. Oktober 1998, S. A-2556(64)–A-2558(66) (in German).

- Onuma Takahiro. "Promoting Power: The Rise of Emin Khwaja on the Eve of the Qing Conquest of Kashgaria". In: *Yūboku sekai to nōkō sekai no setten: Ajia shi kenkyū no aratana shiryō to shiten 遊牧世界と農耕世界の接点—アジア史研究の新たな史料と視点 [Contact Zone between Nomadic and Sedentary Worlds: New Sources and Viewpoints for Asian Studies]*. Tokyo 東京: 學習院大学東洋文化研究所 = Research Institute for Oriental Cultures Gakushuin University, 2012, pp. 31–60 (調査研究報告 = Occasional Papers; No. 57) (in English).
- Pang, Tatiana & Pchelin, Nikolai. "Portrety vydaiuschikhsia voenachal'nikov perioda pravleniya imperatora Qian-luna iz kollektssi Gosudarstvennogo Ermitazha" [Portraits of Qing Meritorious Generals in the Collection of the State Hermitage: Scroll Restoration and Revised Reading of the Texts]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2011, no. 2 (iss. 15), pp. 262–278 (in Russian).
- Pang, Tatiana & Pchelin, Nicholay. "Portraits of Qing Meritorious Officers in the Collection of the State Hermitage: Scroll Restoration and Revised Reading of the Texts". *Written Monuments of the Orient*, 2017, no. 2 (iss. 6), pp. 88–110 (in English).
- Rauch, Fedor von. *Mit Graf Waldersee in China: Tagebuchaufzeichnungen*. Berlin: F. Fontane & Co., 1907 (in German).
- Staatliche Museen zu Berlin. Vorläufiger Führer durch das Museum für Völkerkunde. Schausammlung.* 18. Auflage. Berlin; Leipzig: Verlag Walter de Gruyter & Co., 1926 (in German).
- Staatliche Museen zu Berlin. Führer durch das Museum für Völkerkunde I. Schausammlung.* 19. Auflage. Berlin; Leipzig: Verlag Walter de Gruyter & Co., 1929 (in German).
- Walravens, Hartmut. "Die ehemalige Sammlung von Porträts verdienter Offiziere der Feldzüge des Qianlong-Kaisers (China, 18. Jahrhundert)". In: *Baessler-Archiv: Beiträge zur Völkerkunde*. Band 61, 2013/14. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2014, pp. 125–166 (in German).
- Wang Ding 王丁. "Ziguangge gongchen Emin Hezhuo huaxiang: liuwang Deguo de yuanwei ji muqian xialuo" 紫光阁功臣额敏和卓画像: 流往德国的原委及目前下落 [The Portrait of the Eminent Chancellor Emin Khōja from the Chinese Imperial Ziguangge: the Way to Germany and Current Location]. *Qinghua daxue xuebao* 清华大学学报 [Journal of Tsinghua University], 2020, no. 5(35), pp. 194–201 (in Chinese).
- Weißen, Christoph. *Chirurgenlexikon: 2000 Persönlichkeiten aus der Geschichte der Chirurgie*. Berlin: Springer, 2019 (in German).
- Yu Minzhong 于敏中 & Ying Lian 英廉 & Dou Guangnai 窦光鼐 & Zhu Yun 朱筠等编纂 (eds). *Ri xia jiu wenkao* 日下旧闻考. Juan 24.4, Qianlong 50–52 nian 乾隆五十至五十二年 (1785–1787) 武英殿本 (in Chinese).

Further Discoveries Concerning the Chinese Imperial Ziguangge Portrait of Emin Khōja

WANG Ding

Beijing Foreign Studies University
Beijing, China

Received 13.03.2025.

Abstract: In 1900, the Eight-Nation Alliance entered Beijing and in a robbery way moved to Europe the art items from the Qing imperial palaces and parks including the portraits of eminent cancellers from the Hall of Purple Light (*Ziguangge*) with the portrait of Emin Khōja among them. The most of the portraits appeared in Germany. Due the study of the documents in the German Federal Archives

(Bundesarchiv) and in some other centers it was established that Emin Khōja's portrait was brought to Berlin by August Hildebrandt (1868–1945), a medical officer in the army under command of Field-Marshall-General Alfred von Waldersee (1832–1904), and later was held up at the exposition in the Ethnological Museum of Berlin (Ethnologisches Museum Berlin). It was considered earlier that the portrait was lost under 1945 year bombing in Berlin, when the Museum sustained substantial damage. However, the recent study of the Russian researchers proved that at least seven portraits from the Hall of Purple Light were translocated to the Soviet Union. Some time ago five of such portraits were published, therefore, the hope that Emin Khōja's portrait could be found anywhere still remains. Comparative visual study of the published portraits with the photographs of the Emin Khōja's portrait on the display at the Ethnological Museum of Berlin proves to make a supposition about its' possible present location. This paper gives also some new biography data on August Hildebrandt, who played a key role in the relocation of the Qing dynasty eminent cancellers' portraits to Germany.

Key words: Qing dynasty, Hall of Purple Light (*Ziguangge*), portraits of eminent cancellers, Emin Khōja, Ethnological Museum of Berlin, August Hildebrandt.

For citation: Wang Ding. "Further Discoveries Concerning the Chinese Imperial Ziguangge Portrait of Emin Khōja". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 223–233 (in Chinese). DOI: 10.55512/WMO696214

About the author: WANG Ding, Beijing Foreign Studies University (Beijing, China) (e-mail): claviusrex@gmail.com.

«Дестан» Хабибуллы Керема о бахчисарайской бане и медресе Зынджирлы (по рукописи «Гунча-и эфкар» ИВР РАН D 316)

И.В. ЗАЙЦЕВ

Институт востоковедения РАН
Москва, Россия

DOI: 10.55512/WMO692171

Статья поступила в редакцию 12.05.2025.

Аннотация: В статье публикуются крымскотатарский текст и перевод на русский язык стихотворения бахчисарайского поэта Хабибуллы Керема (ок. 1848 — 1913) по автографу, хранящемуся в ИВР РАН (D 316). Стихотворение посвящено широко обсуждавшемуся на рубеже XIX–XX вв. вопросу о доходах на содержание медресе Зынджирлы (основано в 1500 г. ханом Менгли-Гиреем в предместье Бахчисарайя).

Ключевые слова: Хабибулла Керем, медресе Зынджирлы, крымскотатарская поэзия, история крымских татар, А.Н. Самойлович.

Благодарность: Статья выполнена в рамках проекта РНФ № 25-18-00781 «Словарь исламской книжности и книжников России».

Для цитирования: Зайцев И.В. «Дестан» Хабибуллы Керема о бахчисарайской бане и медресе Зынджирлы (по рукописи «Гунча-и эфкар» ИВР РАН D 316) // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 234–242. DOI: 10.55512/WMO692171.

Об авторе: ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник, Центр исламских рукописей им. Шейха Зайеда, Институт востоковедения, Российская академия наук (Москва, Россия) (izaycev@orientmuseum.ru). ORCID: 0000-0002-9862-8511.

© Зайцев И.В., 2025

В 1913 г. выдающийся отечественный тюрколог А.Н. Самойлович встретился в Бахчисарае с самобытным крымскотатарским поэтом и певцом Хабибуллой Керемом (ок. 1848 — 1913). Последний познакомил ученого со сборником своих стихов под названием «Гунча-и эфкар» («Бутон мыслей»). А.Н. Самойлович намеревался издать достойные внимания стихотворения и вернуть сборник автору (Самойлович 1913). Однако в том же году 20 июля Керем скончался, и его рукопись (значительная часть которой — автограф самого поэта) осталась в Санкт-Петербурге. Несколько стихотворений (в переводах на русский язык целиком и в отрывках) были напечатаны А.Н. Самойловичем в статье о Кереме, вышедшей в том же, 1913 г.

После этого о Кереме надолго забыли. Только относительно недавно неутомимый Исмаил-оджа Керим посвятил ему большую статью, в которой, в частности, напечатал в кириллической графике текст авторского предисловия к «Бутону мыслей» по санкт-петербургской рукописи (которое когда-то перевел на русский А.Н. Самойлович) (Керим 2019: 96–101).

Насколько я знаю, творчество Керема в дальнейшем не привлекало отдельного внимания исследователей, а тексты стихотворений не публиковались.

Эта статья посвящена тексту одного из неизданных «дестанов» «Бутона мыслей» — стихотворению о знаменитом медресе Зынджирлы и бане в бахчисарайском предместье Салачик. Это стихотворение не только прекрасный образчик стиля Керема, но и своего рода незаурядный исторический источник о медресе и жизни Бахчисарайя начала XX в.

Для того чтобы лучше понять это произведение и установить время его создания, необходимо многое сказать о его авторе. Керем был не просто летописцем родного города — «бахчисарайским бытописателем», как называл его А.Н. Самойлович, но и, как мы хорошо знаем, весьма неравнодушно относился к состоянию его исторических памятников и в своих стихах обращал внимание современников на надписи-тарихи, необходимость ремонта зданий и пр. (Керим 2019: 103). В первой части «Бутона мыслей» автор сетует на упадок ханского медресе, запущенность кладбища, усыпальницы Гази-Мансур, неурядицы в преподавании в Зынджирлы, выражает благодарность тем, кто пожертвовал средства на обновление мечети, и пр. (Самойлович 1913: 207).

Но Керема не стоит считать исключительно местечковым, погруженным в солнную бахчисарайскую жизнь обывателем. Он не был чужд и политических пристрастий и предпочтений. Так, его имя, например, есть среди имен жителей Бахчисарайя, 22 февраля 1907 г. направивших в адрес Председателя II Государственной Думы приветственную телеграмму с напутствиями и пожеланиями. В ней, между прочим, были и такие строки: «Ныне, основываясь на Ваших словах, и в уверенности, что уравнение в правах и обязанностях всех народностей, населяющих Россию, ляжет краеугольным камнем в основание нового государственного строя России, мы, мусульмане города Бахчисарайя, составляющие часть многомиллионного татарского народа, живущего в России, приветствуя Государственную Думу, убежденно заявляем, что только общегражданское равенство всех, без различия вероисповедания, национальности и происхождения, будет служить действительным и гуманнейшим средством к духовному сближению татарского населения с русским народом и усвоению нами русской культуры» (Зайцев 2015: 124).

Итак, Керем — татарский патриот, но при этом, судя по его стихам, верноподданный гражданин, совершенно далекий от ксенофобии. Он близок по своим настроениям Исмаилу Гаспринскому, которого неоднократно превозносит в своих стихах. Это бахчисарайский летописец, болеющий душой за состояние памятников старины и живо откликающийся в своем творчестве на беды и радости родного города.

Теперь попробуем выяснить, когда Керем сочинил этот дестан. Для начала стоит сказать, что он не мог быть написан после 1908 г., когда к обеим частям «Бутона мыслей» было составлено предисловие (Самойлович 1913: 207), а скорее всего и после 1905 г., поскольку предыдущее стихотворение посвящено царскому указу «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Но можно предположить и более точную дату. Для этого нужно углубиться в историю медресе, в особенности в его

имущественные и денежные дела, поскольку о них, среди прочего, идет речь в стихотворении.

Зынджирлы (букв. «Цепное») — медресе, учебное заведение, учрежденное и построенное ханом Менгли-Гиреем I (1478–1515) около 1500 г. в предместье Бахчисарай — Салачике (ныне ул. Басенко, 57)¹. Оно получило свое современное название от слова «зынджир» («цепь»): подвешенная над входной, открывавшейся внутрь дверью железная цепь заставляла каждого, кто входил в храм мудрости, почтительно склонять голову. Название «Зынджирлы» является поздним и возникло, скорее всего, не ранее начала XIX в. (документы XVII–XVIII вв., в том числе реестр 1200 г.х./1785–86 гг., называют медресе по имени его основателя — «медресе Менгли-Гирея») (Зайцев 2016: 36–42).

Тарих над входом в здание, который упоминает Керем, гласит: «Приказал построить это медресе с помощью Бога, обладателя щедрости, Менгли-Гирей-хана, сын Хаджи-Гирей-хана, да сделает Бог его царствование вечным. Год 906».

В стихотворении говорится и о вакфах медресе. Действительно, медресе Зынджирлы обладало многочисленным вакуфным имуществом. В начале XVII в. Гази-Гирей передал в вакф лавку, дом и кофейню в Гёзлеве, доход от которых предназначался для мударриса «медресе Менгли-Герая». Вакуфным доходом в то время покрывались и нужды учеников.

Основой финансового благосостояния медресес были вакуфные земли (около 5 тыс. десятин) при деревне Улукул, в 25 верстах от Бахчисарай, на западном побережье. Данные о количестве земель медресес разнятся. В документах фигурирует цифра в 4500 десятин (4534 десятины 985 сажен). Абляким Ильми в 1909 г. писал, что медресе имеет 800 десятин вакуфной земли в д. Улукул. Причем по договору половина дохода идет на содержание учащихся, а половина — в пользу медресес. Годовой доход, по его сведениям, составлял 20 тыс. руб., причем, если улучшить земли и управление, доход мог возрасти в несколько раз. Часть денег с вакуфных земель шла на содержание мавзолея Хаджи-Гирея. В 1909 г. доход с вакуфов Зынджирлы составлял 12 тыс. руб., в то время как расходы превышали 14 тыс. руб.

По преданию, в *vakf-name* Зынджирлы было оговорено, чтобы муфтии Крыма одновременно являлись бы и мударрисами этого учебного заведения. В 30-х годах XIX в. это вызвало трения между тогдашним мударрисом Зынджирлы Муслимом-эфенди (отцом Аджи Абибуллы-эфенди) и муфтием Крыма Сеидом Абдуль-Джемилем. В результате подлинное *vakf-name*, по всей видимости, было утрачено. В российский период мударрис Зынджирлы избирался из числа достойных кандидатов на мирском сходе прихода (например, в 1888 г. это были представители 106 домохозяйств), а затем утверждался Таврическим магометанским духовным правлением (ТМДП). Об этом тоже говорится в стихотворении.

Вакуфными доходами распоряжался *мутавали* (смотритель), который назначался мударрисом из числа учеников (с 1883 г., например, это был Аджи Абдул-Азис-эфенди Афус Ариф-эфенди-оглу) и находился под наблюдением уездного кадия. Впоследствии мутавали начали утверждать высочайше учрежденной комиссией о вакуфах в Симферополе.

Вакуфный доход распределялся в 1880-х годах следующим образом: половину получал мударрис, из второй половины выдавалось ученикам от 5 до 15 руб. в год. Не-

¹ Об истории медресе см. подробнее (Зайцев 2024: 40–43).

большая часть выделялась мударрису на ремонт здания и стоящего рядом мавзолея Хаджи-Гирея, однако ремонт не производился. Когда в 1893 г. директор народных училищ спросил тогдашнего мударриса Зынджирлы Аджи Абибуллу-эфенди, не слишком ли много он получает в год (7000 руб.!) за 1–2 урока в день, то получил такой ответ: «Один мулла во всей России столько получает, и все об этом говорят, а сколько в России людей получает гораздо больше, и никто об этом ничего не говорит».

В 1868–1871 гг. в медресе преподавал Исмаил Гаспринский. После смерти в 1885 г. мударриса Муртазы-эфенди Абдулькерим-эфенди-оглу на эту должность в декабре 1888 г. был избран Джемалетдин-эфенди Исаметдин-эфенди-оглу из деревни Кырк Евпаторийского уезда, однако он не был утвержден в должности ТМДП. В 1889 г. мударрисом Зынджирлы (и одновременно муэдзином мечети прихода Баба-Курт) был избран Аджи Абибулла-эфенди Мюслюм-эфенди-оглу (?–20.03.1895), занимавший к этому времени более 20 лет должность хатыба в деревне Дерекой Ялтинского уезда. Этот выдающийся деятель национального образования крымских татар происходил из семьи потомственных мударрисов медресе Зынджирлы (этую должность занимал в 1830-х годах его отец, а затем и брат). По словам Исмаила Гаспринского, он являлся «лучшим муллой Крыма как по знаниям, так и по умственному развитию». Занимал должность хатыба мечети Хан-Джами в Бахчисарае и мударриса в медресе этой мечети. Аджи Абибулла-эфенди приступил к своим обязанностям в декабре 1890 г. Он провел в медресе комплексную реформу: привел в порядок вакуфные дела, унифицировал распорядок дня, питание и гигиену общего проживания учащихся, ввел униформу, ограничил число *сохт* (учащихся медресе), изменил методику обучения и дидактики, организовал при медресе библиотеку (пожертвовав в нее почти 800 собственных книг). В 1890 г. Аджи Абибулла-эфенди составил *селеф* (кодекс), который мог стать основой реформирования всех крымских медресе. Зынджирлы было отремонтировано. Деятельность Аджи Абибуллы-эфенди уже летом 1891 г. вызвала резкое неприятие у части бахчисарайских жителей (50 человек духовного звания и купцов), прежде всего нарушением формальных условий вакфа: новый мударрис, например, не брал более 60 сохт, когда как по *меишуруту* (условиям) их число не было ограничено. В прежние времена число сохт, обучавшихся на вакуфные деньги, доходило до 200. Недовольство вызвало также изменение учебного плана медресе: жалобщики считали, что учебный план низвел медресе до уровня мактаба. В Зынджирлы в 1891 г. обучался 71 человек в возрасте от 11 до 30 лет — это максимальное количество, которое могло вместить здание. В защиту Аджи Абибуллы-эфенди выступили авторитетные религиозные деятели Бахчисарайя, шейхи, мударрисы и имамы (например, имамы Ени-Джами, Хан-Джами и др.), всего 78 человек. В марте 1892 г. в представлении и.о. Таврического муфтия Хаджи Али-эфенди указывалось, что сохты были разделены в Зынджирлы на четыре отделения. Это противоречило правилам, согласно которым в медресе должно было быть пять классов и сохты в четвертом классе должны были изучать еще арабскую словесность, *тафсиры*, *фараиз* (наследственное право), *адаб* и правила стихосложения. В пятом классе должны были изучать *калам*, *акаид*, теорию шариата и космографию. «Всем этим наукам, — писал Али-эфенди, — должны учиться сохты в течение года, смотря по степени их образованности, а не ожидать, когда заблагорассудится мударрису назначить для этого время, так как сохты, окончившие образование в другом медресе, являются в медресе Зынджирлы не для повторения, а для продолжения образования». В результате разбирательства ТМДП с 21 но-

ября 1891 г. отстранило от преподавания помощника мударриса, подданного Османской империи Афуза Амета Аджи Ариф-оглу (который был племянником действующего и сыном бывшего мударриса Зынджирлы). Основываясь на донесениях уездных кадиев, ТМДП заявило, что введением новых порядков мударрис изменил волю основателя медресе Менгли-Гирея I, что преподавание там наук ограничено и что медресе и впредь должно существовать на старых основаниях и порядках.

10 марта 1892 г. за медресе вступил Исмаил Гаспринский, написавший в ТМДП письмо, в котором были такие строки: «Что же касается права мударрисов принимать те или др. меры в видах улучшения образа школьной жизни, чистоты и порядка преподавания, то в законе нет на это прямого указания, но право это вытекает из существа их обязанностей. Медресе и учащиеся предоставляются знанию, радению и совести мударриса, без каких-либо регламентаций. Раз это так, то он не только вправе, но он обязан улучшать, совершенствовать свое дело и свою школу с тем лишь, чтобы его руководительство не вело к плохой нравственности или прекращению учения и деятельности медресе. За сим наблюдает Духовное правление.

В данном случае, смею думать, все дело сводится не к праву Духовного правления или мударриса, а к оценке полезности мер, принятых мударрисом и не одобряемых Духовным правлением. Меры эти выработаны были мной при участии Абибуллы-Эфенди, а потому не мне входить в их оценку, но, прилагая печатный экземпляр этих правил, смею надеяться, что они не будут лишены сочувствия, как попытка необходимой реформы» (Зайцев 2024: 40–43).

В марте 1895 г. Аджи Абибулла, будучи в преклонном возрасте, после продолжительной тяжелой болезни скончался в Бахчисарае. Похоронен он был на кладбище возле медресе Зынджирлы. Вопрос о его преемнике и в целом о благоустройстве медресе вновь остро встал на повестке дня.

Так, 7 мая 1895 г. бахчисарайская газета «Терджиман/Переводчик» сообщала своим читателям: «На состоявшемся несколько дней тому назад собрании многих выдающихся улемов и других лиц г. Бахчисарай решено просить об установлении, согласно шериату, некоторых правил, касающихся к благоустройству Бахчисарайского Зинджели медресе. В одном из следующих номер[ов] будут напечатаны проектируемые правила, и мы надеемся, что они будут встречены всеми вполне сочувственно»².

18 февраля 1896 г. газета «Терджиман» сообщала: «В Бахчисарайском медресе Зинджели обучение идет под наблюдением временного мудериса Афуз Эфенди. Выборы указанного мудериса, вероятно, будут летом.

Помощник мудериса, он же библиотекарь Ахмед Гадий, и Мустафа Эфенди успешно ведут преподавание»³. Вели занятия в медресе и представители казанских татар: так, арабскую грамматику преподавал некоторое время Ахмет Гадий Максудов⁴.

Таким образом, как видим, споры вокруг должности преподавателя Зынджирлы, вакфа в Улукule и пр. велись более или менее постоянно. Однако было несколько случаев, когда эти споры стали особенно громкими и отразились даже на страницах периодической печати. Это конец 1880-х годов (перед приходом на должность Аджи Абибуллы) и время после его кончины в марте 1895 г.⁵.

² Терджиман/Переводчик. 1895. № 18. С. 43.

³ Терджиман. 1896. № 7 (18 февраля). С. 26.

⁴ Терджиман. 1896. № 33 (25 августа). С. 125.

⁵ «Несмотря на глухой ропот людей непонимающих, он положил начало учебной реформе и примером своим возбудил среди мусульман вопрос огромной важности» (некролог в газете «Терджиман»).

Дестан Керема о медресе, должности его руководителя и доходах, которые идут на его содержание с бани и земель при деревне Улукул, погружает нас в сложную обстановку вокруг бахчисарайской достопримечательности, которая в сознании крымских татар к тому времени уже превратилась в святыню и важнейший исламский символ полуострова. Текст дестана, я полагаю, мог быть написан как раз в один из дней, когда бахчисарайские жители жарко обсуждали судьбу медресе и его мудерриса: это мог быть самый конец 1880-х годов или же весна 1895 г.

Дестан о Зындирлы печатается по автографу Керема — рукописи ИВР РАН D 316⁶ (с. 29–30). Он переписан автором синими чернилами. На полях имеются редкие карандашные пометки А.Н. Самойловича, касающиеся чтения некоторых слов (преимущественно русских: «сажень», «десятина», «караимский раввин»). Видимо, именно Самойлович дал этому стихотворению порядковый номер 25 в общем счете стихов Дивана, а также приписал в начале текста: «Баня Менгли-Гирея теперь принадлежит караимам». Еще одно его пояснение касается названия уже известной нам деревни Улукул, где находились вакфные земли медресе.

Конечно, А.Н. Самойлович был прав, когда писал, что в произведениях Керема содержание господствует над формой: «Керем — больше мыслитель и проповедник, чем поэт и стихотворец. Метром и рифмой Керем владеет слабо, и со стороны формы его произведения заставляют желать очень многоного. Язык Керема — полулитературный крымско-татарский, весьма близкий к городскому разговорному наречию» (Самойлович 1913: 209). Всё это так — действительно, поэт использовал излюбленные народные жанры и размеры, но все же не был чужд и чисто книжных классических приемов, вроде обязательного помещения в последней строке (*мисра*) произведения своего поэтического псевдонима — Керем («добрый, любезный»). Это прозвище было дано ему горожанами за необыкновенную услужливость.

Текст

طقور يوز هجريه ده قورو لمشدري بناسي
قيوسينك اوستنده كسمه طاشده بازوسى
فرق سازين صره سنه واردر مدرسه سى
جنت مكان منکلى کرای خان بونك بانيسي
يامشدر مدرسه يى كله جك بونك مدرسي
بو مدرسه نك مدرسينك او لاجق كچمه سى
اکلاشيان حمامك کليرى مدرسنك كچمه سى
شيمدى دندى غربا يه يقىيلە جق مدرسه سى
ايچرو سنه نه سوخته وار نه ده مدرسى
كيم كلور كه حزمت ايده البت لازم كچمه سى
تعجب بوراسى شيمدى حمام ببوره در كارائيم اربه سى

ман»). Авторитет Аджи Абубуллы-эфенди был весьма высок и за пределами Крыма (после его кончины редакция «Переводчика» получала сочувственные отклики из Астрахани, Ростова-на-Дону и других городов империи). См.: Терджиман. 1894. 3 апреля; Терджиман. 1895. 26 марта (некролог); Государственный архив Республики Крым. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 8283; Там же. Ф. 27. Оп. 3. Ед. хр. 25.

⁶ Информацию о рукописи см. (Дмитриева 2002: 357–358). Частичный перевод текста см. (Самойлович 1913).

نصل او لمش نصل كچمش سوال ايدين يوق بريسي
 او ج بش سنه كيدر اسه ييقيلور كيدر مدرسه سى
 سنه بسنه آلتى يوز روبله كلور حمامك كيراسي
 بونك قدر كلور ايله كچينه بيلو رد مدرسى
 لازم در بوكا غيرت ايتمك بر قريماك اهالىسى
 نصل او لمش نره دن المتش بونى كارائىم ارىيە سى
 باشيمز او لورسە بوليله ايشه بولوردى چاره سى
 ايرتە ايشدر او لىسە بىلە واردە كنيكتە يازوسى
 همده بونك اولوغ قول سوختە يرنە واردە حصە سى
 اكلاملى بوندن بوليله بش يوز دن فضلە دە ساتناسى
 آرانله اي دىند شلر بولوردى بونك چاره سى
 جنت مکان منگلى گراي امرا ياتش يالپلسون بناسى
 البت بوكا براقمىدر كچنمك ايجون مدرسى
 باللى ايشدر زنجىرلى مدرسه نك مدرستك كچنمە سى
 دكى نك بى مدرسى وهم ده يوز لرايله طلبە سى
 چاره بولور دعا كرم باش او لورسە دوخونى اوپر او له نياسى
 تمت تمام

Перевод

Здание его основано в девятысотом году хиджры.
 На резном камне над его воротами — надпись.
 Длина медресе — сорок саженей.
 Основатель его — обитатель Раи хан Менгли-Гирей.
 У этого медресе должен быть мюдеррис.
 Будет назначение мюдерриса этого медресе.
 А ведь средство существования мюдерриса — наверное, доход от бани!
 Сейчас он изменился, там смогут мыться чужаки⁷.
 А в медресе ведь и учащиеся [сохта], и мюдеррис!
 Конечно, им для исполнения обязанностей нужно содержание.
 Удивительно, но теперь в этом месте баня у караимского раввина!
 Были поколения, прошли поколения, нет никого, кто задал бы вопрос.
 Если пройдет так еще три-пять лет, то и медресе развалится.
 Год за годом по шестьсот рублей идет на эту банныую грязь.
 С таким доходом, как этот, мюдеррис бы жил [хорошо].
 Нужно стремиться к этому, народ Крыма!
 Были поколения, но откуда взял это караимский раввин?
 Если наши начальники допустят это, найдут средство избежать,
 Даже если это дело прежнее. Ведь и в книгах записано,
 Что это то, что выделено в Улу-Куле для сохта.
 Нужно понимать впредь, [что это] больше пятисот десятин!
 Для этого нужно бы найти средство, которое не противоречит религии.
 [Ведь] пребывающий в раю Менгли-Гирей приказал, чтобы здание было построено,
 Конечно, он оставил его для того, чтобы был [там] мюдеррис,

⁷ Gureba yükayabilecek(?). Это место мне осталось не совсем понятным.

Это известное дело. Должность мюдерриса медресе Зынджирлы,
А не один только мюдеррис вместе с сотнями учащихся...
Если возносить добрые молитвы, Духовное управление найдет способ.
Конец

Литература

- Дмитриева 2002 — Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Вост. лит., 2002.
- Зайцев 2015 — Зайцев И.В. Телеграмма жителей Бахчисарая в адрес Второй Государственной Думы (1907 г.) // Tatarica: History and Society. Вып. 5. Казань, 2015. С. 119–126.
- Зайцев 2016 — Зайцев И.В. Рукописи медресе Зынджирлы и его первоначальное название // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения», посвященной 515-летию Зынджирлы медресе и памяти его основателя Менгли Герай хана (Ялта, 10–12 октября 2015 г.). Симферополь: Терджиман, 2016. С. 36–42.
- Зайцев 2024 — Зайцев И.В. Зынджирлы // Ислам в Крыму. Энциклопедический словарь. М.: Medina, 2024 (Серия: Ислам в Российской Федерации. Вып. VIII). С. 40–43.
- Керим 2019 — Керим И.А. «Помощь твоя, еслитворишь ты добрые дела» (Посвящается творчеству Хабибуллы Керема (1848–1913) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 96–109 (на крымскотатарском языке).
- Самойлович 1913 — Самойлович А.Н. Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла-Керем // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 50. С. 205–221.

References

- Dmitrieva, Liudmila V. *Katalog tiurkskikh rukopisei Instituta vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk* [A Catalogue of Turkic Manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian).
- Kerim, Ismail A. “‘Pomoshch’ twoia, esli tvorish’ ty dobrye dela’ Posviashchaetsia tvorchestvu Khabibully Kerema” [‘Your Help if You Do Good Deeds’ (Dedicated to the Work of Habibulla Kerem (1848–1913)]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2019, no. 1, pp. 96–109 (in Crimean Tatar).
- Samoilovich, Alexander N. “Bakhchisaraiskii pevets, poet, letopisets i meteorolog Khabibulla-Kerem” [The Bakhchisarai Singer, Poet, Chronicler and Meteorologist Habibulla-Kerem]. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission], 1913, no. 50, pp. 205–221 (in Russian).
- Zaitsev, Ilya V. “Rukopisi medrese Zyndzhyrly i ego pervonachal’noe nazvanie” [The Manuscripts of Zincirli Madrasa and Its Original Name]. In: *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Islamskoe obrazovanie v Krymu: istoricheskie vekhi i puti vozrozhdeniya, posviashchennoi 515-letiiu Zyndzhyrly medrese i pamiatni ego osnovatelii Mengli Gerai Khana* [A Collection of Materials of the International Scholarly and Practical Conference “Islamic Education in Crimea: Historical Milestones and Ways of Revival”, Dedicated to the 515th Anniversary of the Zincirli Madrasa and the Memory of Its Founder Mengli Giray Khan (Yalta, October 10–12, 2015)]. Simferopol: Terdzhiman, 2016, pp. 36–42 (in Russian).
- Zaitsev, Ilya V. “The Telegram on Behalf of Bakhchisarai Residents, Addressed to the Second State Duma (1907)”. *Tatarica: History and Society*, 2015, vol. 5, pp. 119–126, Kazan (in Russian).
- Zaitsev, Ilya V. “Zincirli”. In: *Islam v Krymu. Entsiklopedicheskii slovar’* [Islam in Crimea. An Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Medina, 2024 (Seriia: Islam v Rossiyskoi Federatsii. Vyp. VIII) [Series: Islam in the Russian Federation. Issue VIII], pp. 40–43 (in Russian).

Habibulla Kerem's *Destan* on the Bakhchysarai Bathhouse and the Zincirli Madrasa (Based on the *Guncha-i Efkar* Manuscript IOM RAS D 316)

Ilya V. ZAYTSEV

Institute of Oriental Studies RAS
Moscow, Russian Federation

Received 12.05.2025.

Abstract: The article publishes the Crimean Tatar text and a Russian translation of the poem by the Bakhchysarai poet Habibulla Kerem (c. 1848–1913) based on an autograph kept at the Institute of Oriental Manuscripts RAS (shelf-mark D 316). The poem is dedicated to the widely discussed issue of income for the maintenance of the Zincirli (Zinjirli) madrasa (founded in 1500 by Mengli Giray Khan in the suburbs of Bakhchysarai) at the turn of the 19th–20th centuries.

Key words: Habibulla Kerem, Zincirli madrasa, Crimean Tatar poetry, history of the Crimean Tatars, Alexander N. Samoilovich.

Acknowledgements: The article is written within the framework of the Russian Science Foundation project No. 25-18-00781 “Dictionary of Islamic Book Culture and Book Connoisseurs of Russia”.

For citation: Zaytsev, Ilya V. “Habibulla Kerem's *Destan* on the Bakhchysarai Bathhouse and the Zincirli Madrasa (Based on the *Guncha-i Efkar* Manuscript IOM RAS D 316)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 234–242 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692171.

About the author: Ilya V. ZAYTSEV, Dr. Sci. (History), Professor of RAS, Leading Researcher, Center for Islamic Manuscripts named after Sheikh Zayed, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russian Federation) (izaycev@orientmuseum.ru). ORCID: 0000-0002-9862-8511.

Османская подорожная «наставнику в гимнастике»: к истории путешествия А.Л. Липовского по Ближнему Востоку в 1893 году

Т.С. МАТЕХИНА

Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов
Санкт-Петербург, Россия

М.А. КОЗИНЦЕВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO679014

Статья поступила в редакцию 28.04.2025.

Аннотация: В статье рассмотрен памятник османской дипломатии конца XIX в. — подорожная, выданная некоему «наставнику в гимнастике» из Санкт-Петербурга и двум сыновьям русского консула в Алеппо, которых указанный педагог сопровождал в Одессу. Документ ныне хранится в фонде Музея-института семьи Рерихов, куда он поступил в качестве дара в 2021 г. В ходе исследования удалось проследить историю владения данной подорожной и установить, что в ней упомянуты: преподаватель гимназии и реального училища Карла Мая А.Л. Липовский (1867–1942), русский консул в Алеппо М.И. Якиманский (ум. 1897) и его сыновья Иван и Василий, османский губернатор Алеппо Осман Нури-паша Топал (1840–1898). Данный источник вместе со вновь выявленными архивными материалами способствует пополнению сведений о практически не изученном путешествии А.Л. Липовского по регионам Османской империи (Сирии, Палестине) летом 1893 г.

Ключевые слова: подорожная на османском языке, гимназия Карла Мая, русские путешественники, консул Михаил Якиманский, русское консульство в Алеппо.

Для цитирования: Матехина Т.С., Козинцев М.А. Османская подорожная «наставнику в гимнастике»: к истории путешествия А.Л. Липовского по Ближнему Востоку в 1893 году // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 243–251. DOI: 10.55512/WMO679014.

Об авторах: МАТЕХИНА Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Служба главного хранителя, Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов (Санкт-Петербург, Россия) (matekhina@mail.ru). ORCID: 0009-0001-8225-579X.

КОЗИНЦЕВ Марк Альвиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (m.kozintcev@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8588-739X.

В 2021 г. в собрание Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов (ГМИСР) поступил небольшой арабографический рукописный документ, полученный в дар от Андрея Петровича Соболева¹. Благодаря предварительному исследованию, проведенному младшим научным сотрудником ИВР РАН Е.Ю. Янушкевич, выяснилось, что язык рукописи османский.

Документ выполнен на листе бумаги верже без филиграны. Текст написан черными чернилами, нестойкими к влажной обработке. На момент поступления в музей рукопись находилась в ветхом состоянии. Лист был сложен втрое, с угрожающими разрывами по линиям сгибов; бумага помята, загрязнена: в нескольких местах крупные жировые пятна, также затеки коричневого цвета, сильно разрушившие бумагу. В результате реставрации, проведенной художником-реставратором С.А. Севастьяновой, загрязнение ослаблено, бумага укреплена по разрывам и краям, утраты восполнены тонированной бумагой.

Документ относится к типу буюрлуд (*osm. buyurıldı* ‘приказ’), по содержанию он представляет собой подорожную, выданную «петербургскому наставнику в гимнастике» Львовскому(?), сопровождавшему двух сыновей русского консула в Алеппо в поездке из Алеппо в Одессу. Документ записан каллиграфическим почерком *дива-ни*, имеет печать губернатора Алеппо Османа Нури.

Подорожная четко датирована — выдана 20 мухаррама 1311 г.х. / 3 августа 1893 г., благодаря чему удалось установить личность как османского губернатора Османа Нури-паши (1840–1898)², так и упомянутого русского консула в Алеппо Михаила Ивановича Якиманского (ум. 1897)³.

По документам из архивов Санкт-Петербурга известно, что в 1892/93 и 1893/94 учебных годах два сына М.И. Якиманского — Иван (род. 24.08.1880) и Василий (род. 26.10.1883) — учились в Санкт-Петербурге в гимназии Карла Мая⁴. Летом 1893 г. им было, соответственно, 12 и 9 лет. Следовательно, в августе 1893 г. юноши с сопровождающим добирались через Одессу в Санкт-Петербург, чтобы продолжить курс обучения в упомянутой гимназии, которая в то время располагалась в доме 13 на 10-й линии Васильевского острова.

Неустановленной оставалась только личность учителя гимнастики Львовского. Попытки соотнести ее с кем-либо из Львовских, проживавших в то время Санкт-Петербурге, не дали определенности⁵. Зато принесло свои плоды более подробное изучение проведенанса документа. Известно, что подорожная ранее находилась у М.И. Полевой⁶, которая работала с семейными архивами. От М.И. Полевой некото-

¹ Соболев Андрей Петрович (род. 1962) — художник, поэт, периховед, президент «Исследовательского Фонда Рерихов» (2005–2022), член Ассоциации искусствоведов, почетный член-корр. Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, лауреат Международной премии им. Николая Рериха (2021).

² Осман Нури-паша (1840–1898) — османский военный и государственный деятель, маршал, дважды занимал пост губернатора Алеппо. Упоминается под прозвищами «Хаджи» или «Топал» (последнее буквально означает ‘хромой’) (*Hülagü* 1994).

³ Якиманский Михаил Иванович (ум. 1897) — дипломат, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. Служил в Русской духовной миссии в Иерусалиме, позднее был переведен из духовной службы в светскую. Российский консул в Алеппо в 1883–1897 гг. (Смилянская, Горбунова, Якушев 2015: 38, 53, 328).

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 144. Оп. 1. Д. 13–14.

⁵ См. Алфавитный указатель (Адресная книга 1893: 169).

⁶ Полевая Марина (Мира) Ивановна (1937–2023) — писатель, журналист. Была старшим научным сотрудником Музейного агентства Ленинградской области, участвовала в организации и затем состояла членом Ленинградского Рериховского общества, в котором осуществляла работу пресс-бюро.

Ил. 1. Александр Лаврентьевич Липовский с женой Юлией Александровной (ур. Игнатович). Санкт-Петербург, Фотография G. Burger. Кон. XIX — нач. XX в. ГМИСР КП-12204 МФ-133 ГК-44715020

рые материалы из этих архивов поступили в Музей истории школы К. Мая — того самого учебного заведения, в котором обучались братья Иван и Василий Якиманские. Дальнейший поиск в этом направлении дал удивительно богатые результаты.

Среди многочисленных персоналий, связанных с этой известной петербургской гимназией, наше внимание привлекла фамилия ее третьего директора — Александра Лаврентьевича Липовского (1867–1942) (Ил. 1), созвучная с фамилией «Львовский».

А.Л. Липовский родился в Ташкенте, окончил Ташкентскую гимназию (1886), историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1890). С 1 сентября 1891 г. работал в гимназии и реальном училище К. Мая сверхштатным, а с 1 ноября 1891 г. — штатным преподавателем истории и географии, затем истории и русского языка; также преподавал литературу, с осени 1894 г. проводил цикл занятий по истории искусств, всеобщей литературе для старшеклассников. 22 сентября 1906 г. занял пост директора. В феврале 1893 г. он успешно сдал экзамены на степень магистра⁷ славянской филологии и в дальнейшем сочетал преподавательскую деятельность с занятиями наукой, а именно исследованиями в области славяноведения, истории России и русской литературы. Автор нескольких монографий и более 200 статей (Лихачев, Благово, Белодубровский 1990: 52–55).

С потомками А.Л. Липовского был лично знаком директор Музея истории школы К. Мая Н.В. Благово⁸. Со слов Никиты Владимировича, архив и другие личные вещи А.Л. Липовского были разделены между его детьми. Часть хранила его дочь, Татьяна Александровна Липовская, в замужестве Щукарёва (1901–1993). Некоторые предметы

исследовала жизнь и творчество Н.К. Периха, Н.А. Римского-Корсакова, семьи Голубевых, историю школы (гимназии и реального училища) Карла Мая, автор публикаций по этим темам. Работала с семейными архивами. Часть предметов из них передала в Музей истории школы К. Мая.

⁷ Соответствует современной ученой степени кандидата наук.

⁸ Благово Никита Владимирович (род. 1932) — основатель и директор Музея истории школы К. Мая (с 2018 г. отдел Музея-института семьи Перихов); окончил мужскую среднюю школу № 5 (бывшую школу К. Мая, 1949), автор публикаций об истории школы, лауреат Международной премии им. Н.К. Периха (2009), лауреат премии им. академика Д.С. Лихачева (2010), награжден знаком отличия «За заслуги перед Санкт-Петербургом».

ты из семейного собрания Т.А. Щукарёва отдавала обращавшимся к ней исследователям, музеинным сотрудникам, М.И. Полевой и позднее, в 1987–1993 гг. Н.В. Благово. После кончины Т.А. Щукарёвой вещи А.Л. Липовского передала в Музей истории школы К. Мая ее дочь, внучка А.Л. Липовского, Татьяна Александровна Лазарева (1930–2007). Среди них архивные материалы 1893 г.: письмо М.И. Якиманского к В.А. Кракау⁹, в то время исполнявшему обязанности директора гимназии и реального училища К. Мая (9 апреля 1893 г.), с записями А.Л. Липовского¹⁰; записная книжка А.Л. Липовского — дневник с заметками о его летнем путешествии по Ближнему Востоку 1893 г., его записи на отдельных листах, шесть писем невесте Юлии Александровне Игнатович (1868–1948) по пути следования. Примечательно, что у большинства этих рукописей те же характерные загрязнения, что и у подорожной: крупные жировые пятна и разрушающие бумагу затеки коричневого цвета. Все эти документы не опубликованы и недостаточно исследованы. Вместе с тем именно они смогли пролить свет на историю появления подорожной.

В письме к В.А. Кракау М.И. Якиманский «очертил» «главными и общими штрихами» предстоящее путешествие А.Л. Липовского и дал соответствующие наставления.

В записной книжке 1893 г. А.Л. Липовский описал свою поездку из Петербурга до Одессы и затем по Османской империи с 20 мая по 2 июля, упомянув своих спутников — Ваню и Васю, — которые готовились к встрече с братьями и родителями. Через полмесяца, 4 июня, все трое прибыли в Алеппо, «Якиманские выехали встретить своих детей»¹¹. После недельной остановки в этом городе Александр Лаврентьевич с 11 июня по 2 июля путешествовал до Иерихона и Мертвого моря. В письме М.И. Якиманского и записях А.Л. Липовского как возможные пункты путешествия упоминаются также Александрия, Каир, Суэцкий канал, Порт-Саид. Завершая путешествие, А.Л. Липовский вернулся в Алеппо и оттуда в августе отправился с Иваном и Василием Якиманскими домой в Петербург.

В подорожной предписано оказывать названным в ней лицам все необходимое содействие, в частности назначить для их сопровождения жандармов. Это согласуется с примечанием в дневнике А.Л. Липовского о пути по Северной Сирии из порта Александретты до Алеппо: «Нас уже ждала карета, запряженная 4^{ои} неважных лошадей. Рядом гарцевали жандармы в различных костюмах, потому что без них еще опасно ездить»¹².

В связи с тем, что турецкий чиновник, выдававший подорожную, неверно истолковал слово «гимназия», А.Л. Липовский превратился в «наставника в гимнастике». Этот курьез, в сочетании с тем, что фамилия педагога по-османски записана не вполне ясно и может быть прочитана, скорее, как «Ливовский»/«Лъвовский», нежели как Липовский, понапацу затруднил определение его личности.

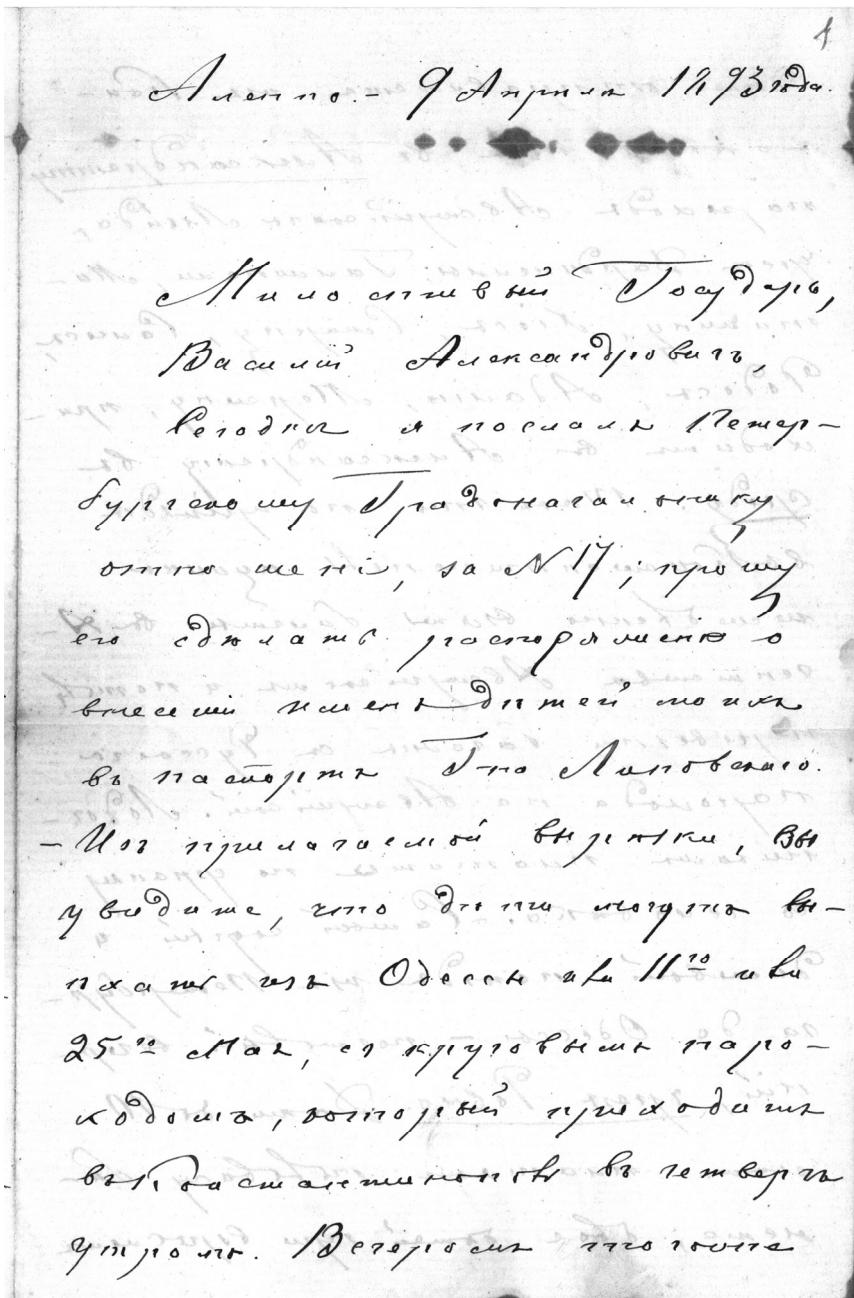
⁹ Кракау Василий Александрович (1857–1935) — педагог; родился в семье крупного петербургского архитектора, художника и педагога Александра Ивановича Кракау. Окончил частную школу К. Мая (1876), историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1881, магистр). С 1886 г. работал в гимназии К. Мая: преподавал историю, с 8 сентября 1890 г. исполнял обязанности директора, с 8 сентября 1895 г. по 1 июля 1906 г. — директор гимназии и реального училища К. Мая. Его преемником на этом посту стал А.Л. Липовский (Лихачев, Благово, Белодубровский 1990: 43–44, 51).

¹⁰ Запись в книге поступлений Музея истории школы К. Мая от 25.11.1997 (ГиРУМ КМ-38/1).

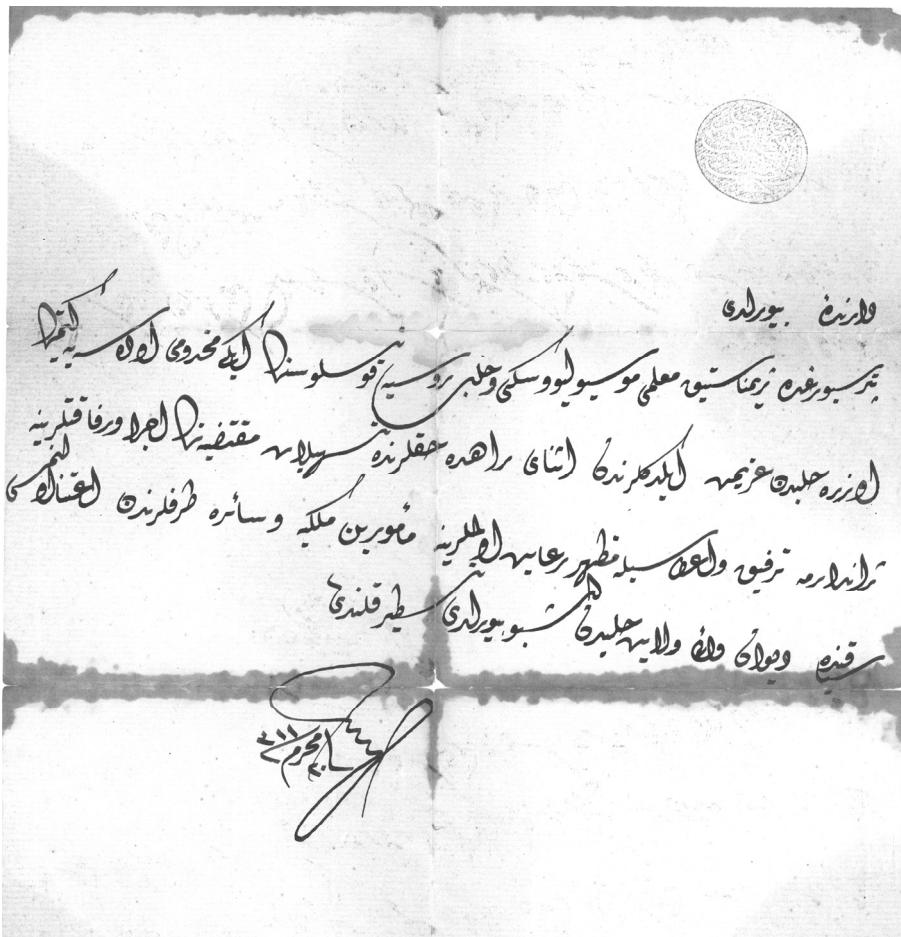
¹¹ Записная книжка А.Л. Липовского (дорожный дневник). Из комплекта «Записные книжки А.Л. Липовского с вложениями». Россия, Османская империя. 20 мая — лето 1893 г. ГМИСР КП-13732 МРД-209, ГК-59875502. По авторской нумерации, разворот 21 (левая страница).

¹² Там же. По авторской нумерации, разворот 17 (правая страница).

Ниже приводим текст письма М.И. Якиманского (Ил. 2) и османский текст подорожной (Ил. 3) с транскрипцией и переводом на русский язык.

Ил. 2. М.И. Якиманский. Письмо к В.А. Кракау. Алеппо. 9 апреля 1893 г.
А.Л. Липовский. Записи. ГМИСР КП-13919 МРД-221 ГК-61334680

Ил. 3. Подорожная «Львовскому» и двум сыновьям М.И. Якиманского с оттиском печати губернатора Халеба (Алеппо) Османа Нури-паши Топала.

ГМИСР КП-12648 РД-2525 ГК-51343792

* * *

[с. 1] Алеппо. 9 апреля 1893 года.

Милостивый государь,
Василий Александрович,

Сегодня я послал петербургскому градоначальнику отношение за № 17; прошу его сделать распоряжение о внесении имен детей моих в паспорт г[осподи]на Липовского. Из прилагаемой вырезки Вы увидите, что дети могут выехать из Одессы или 11го, или 25го мая, с круговым пароходом, который приходит в Константинополь в четверг утром. Вечером того же [с. 2] дня отправляется из Константинополя в Александретту пароход Австрийского Ллойда, через Дарданеллы, Галлиполи, Митилину, Хиос, Смирну, Самос, Родос, Адалию, Мерсину, приходит в Александретту (*tak!*) в среду. Так что по приезде в Константинополь нужно немедленно взять билеты в агентстве

австрийском и потом перевезти багаж с русского парохода на австрийский. Лодочникам платится по франку с человека. Самый скорый и дешевый поезд из Петербурга до Одессы — почтовый вечерний, чрез Ровно. Дети до 10 лет платят половину билета; двое детей при взрослом [с. 3] платят два полные билеты. Нужно комбинировать так, чтобы быть утром в среду¹³ в Одессе, чтобы иметь возможность в тот же день вечером выехать из Одессы. В Одессе находится мой приятель Александр Николаевич Юренев, агент Министерства иностранных дел; его квартира против соборной церкви. В Смирне живет дядя моих детей, г[осподин] Коидан¹⁴; его квартира над кофейной «Альгамбра», на набережной. Из Константинополя или из другого пункта с дороги нужно [с. 4] телеграфировать мне в Алеппо заблаговременно, чтобы я мог выслать в Александретту экипаж и драгомана; так, например: *Alep, Yakimansky, arriverons Mercredi¹⁵*. Прошу Вас снабдить детей моих летними костюмами на дорогу и всем вообще, что скажете, необходимым; нужно купить или один чемоданчик для двоих или по одному *chemin de fer*¹⁶ на каждого. Ноты пьес, которые умеют играть дети, нужно взять с собою; книг никаких. Оставшиеся у Вас за расходами деньги прошу передать г[осподи]ну Липовскому. Прилагаемый вексель прошу раз[с. 5]менять на французское золото, что составит более 660 франков, и передать также г[осподи]ну Липовскому на расходы от Константинополя до Александретты. Жена моя просит Вас выдать детям по 20 франков каждому, кланяется Вам и благодарит за Ваш поклон.

Что касается до обратного пути, то маршрут мы будем комбинировать здесь на свободе. Вероятно, придется оставаться по два или три дня в Смирне и Константинополе, быть может, в Бейруте и даже в Александрии. Нужно, чтобы г[осподин] Липовский заранее похлопо[с. 6]тал о шестимесячном паспорте; есть(?), разумеется(?), формальности при этом, как, например, публикация в газетах... Паспорт нужно визировать в турецком консульстве или в Петербурге, или в Одессе, где, впрочем, не будет много свободного времени.

Итак, я мог очертить предстоящее путешествие только главными и общими штрихами. Все подробности дороги трудно предвидеть здесь, в Алеппо.

Прошу принять, Милостивый Государь, уверение в моем уважении и преданности.

Якиманский.

[с. 8 (*Записи А.Л. Липовского*)] Из Алеппо в Иерусалим, (есть почтовая дорога?) в Газу.

Вести дневник и напечатать „от Алепа до Газы“.

Контора Бахраха, в д. Беллино. № 13. Ланжеронов[ская] улица¹⁷. Пароходы Австрийского Ллойда.

Яффа. — Александр[ия] — Каир — по Суэтскому в Порт Саид = зд[есь] пароход Р.О.П. и Т.¹⁸.

¹³ Наверху приписано карандашом: «вторник».

¹⁴ Коидан Этьен Ж. (Etienne J. Coïdan, 1849–1909) — агент российской судоходной и торговой компании.

¹⁵ Алеппо, Якиманский, прибудем в среду (*фр.*).

¹⁶ Железная дорога (*фр.*). М.И. Якиманский, по-видимому, подразумевает какой-то вид багажа.

¹⁷ Улица в Одессе.

¹⁸ Русское общество пароходства и торговли (1856–1918) — крупнейшая в дореволюционной России пароходная компания; осуществляла регулярное грузовое и почтово-пассажирское сообщение по внутрироссийским и заграничным линиям.

* * *

Печать: عثمان نوری والئ ولايت حلب (Osmân Nûrî vâlî-i vilâyet-i Haleb) ‘Осман Нури, губернатор вилайета Халеб’.

Текст

(1) دارنده بیورلدى (2) پترسبورغده ژیناستيق معلمى موسیو لیوووسکى و حلب روسيه قونسلوسنک ايکى مخدومى اوده سىيە يە كتمك (3) اوزره حلبدن عزيمة ايلدكىرندن اثنائى راهىدە حلقلندە تسھىلاة مقتضىه نك اجرا ورفاقتلىرىنه (4) ڇاندارمە ترفق واعضايسىله مظھر رعاية اولملرىنە مأمورىن ملکىيە وساۋاھ طرفلىزىن اعنتا اولنىمى (5) سياقىنده ديوان والئ ولاية حلبدن اشبو بیورلدى تسطير قىلنى (6) [امضاء]. في ٢٠ محرم سنه ٣١١

Транскрипция

(1) Dârende-i buyurıldı (2) Petersbûrg'da jîmnâstîk muallimi Môsyo Lîvovski ve Haleb Rusya kônsolosunu iki mahdûmi Odesya'ya gitmek (3) üzere Haleb'den azîmet eylediklerinden esnâ-yi râhda haklarında teshîlât-ı mukteziyyenî icrâ ve refâkatlarına (4) jándârma terfik ve a'zâsiyla mazhar-ı riâyet olmalarına me'mûrîn-i melekiyye ve sa'ire taraflarından i'tinâ olinması (5) siyâkında Dîvân-ı vâlî-i vilâyet-i Haleb'den işbu buyurıldı tastîr kilindi (6) [İmza.] fi 20 Muharrem sene [1]311

Перевод

Данный приказ выписан Советом при Губернаторе вилайета Халеб с тем, чтобы получившему его петербургскому наставнику в гимнастике господину Львовскому и двум сыновьям русского консула в Халебе, направляющимся в Одессу, по отъезде их из Халеба в пути было оказано все необходимое содействие, и для их сопровождения были назначены жандармы, и [им] с их спутниками были оказаны почести, и со стороны государственных служащих и прочих [лиц] было проявлено внимание.

[Подпись.] 20 мухаррама 1311 года

Литература

- Адресная книга 1893 — Адресная книга города С.-Петербурга на 1893 г. / Под ред. П.О. Яблонского. СПб., 1893.
 Лихачев, Благово, Белодубровский 1990 — *Лихачев Д.С., Благово Н.В., Белодубровский Е.Б.*
 Школа на Васильевском: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990.
 Смилянская, Горбунова, Якушев 2015 — *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений / Отв. ред. М.С. Мейер. М.: Индрик, 2015.

Hülagü 1994 — *Hülagü M.M. Topal Osman Nuri Paşa Hayatı ve Faaliyetleri (1840–1898)* [Жизнь и деятельность Топал Осман Нури-паши (1840–1898)] // *Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi* [Журнал Центра османских исследований]. 1994. Sayı 5. S. 145–153.

References

- Adresnaia kniga goroda S.-Peterburga na 1893 g.* [St. Petersburg Address Book for 1893]. Ed. by P.O. Iablonskiy. St. Petersburg, 1893 (in Russian).

- Hülagü, M. Metin. “Topal Osman Nuri Paşa Hayatı ve Faaliyetleri (1840–1898)” [The Life and Activities of Topal Osman Nuri Paşa (1840–1898)]. *Ottoman Tarihi Araşturma ve Uygulama Merkezi Dergisi* [Journal of the Center for Ottoman Studies], 1994, iss. 5, pp. 145–153 (in Turkish).
- Likhachev, Dmitrii S. & Blagovo, Nikita V. & Belodubrovskii, Evgenii B. *Shkola na Vasil'evskom: Kniga dlia uchitelia* [A School on Vasilyevsky Island: A Book for a Teacher]. Moscow: Prosveshchenie, 1990 (in Russian).
- Smilianskaia, Irina M. & Gorbunova, Natal'ia M. & Yakushev, Mikhail M. *Siriia nakanune i v period Mladoturetskoi revoliutsii. Po materialam konsul'skikh donezenii* [Syria on the Eve and during the Period of the Young Turk Revolution. Based on the Consular Reports]. Ed. by Mikhail S. Meier. Moscow: Indrik, 2015 (in Russian).

An Ottoman Travel Permit to a “Gymnastics Instructor”: On the History of Alexander L. Lipovsky’s Journey through the Middle East in 1893

Tatiana S. MATEHINA

St. Petersburg State Roerich Family Museum and Institute
St. Petersburg, Russian Federation

Mark A. KOZINTCEV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 28.04.2025.

Abstract: The article investigates a travel permit given to a “gymnastics instructor” from St. Petersburg, Russia, and two sons of the Russian consul in Aleppo, whom the teacher accompanied to Odessa. The document is now kept at the Roerich Family Museum and Institute, where it was received as a gift in 2021. During the research, the authors have been able to trace the provenance of the travel permit and identify the persons mentioned in it. They are: Alexander L. Lipovsky (1867–1942), a teacher at Karl May’s Gymnasium and Real School; Ivan and Vasily, the sons of the Russian consul in Aleppo Mikhail I. Yakimansky (d. 1897); the Ottoman governor of Aleppo Topal Osman Nuri Paşa (1840–1898). The source, together with some newly revealed archival materials, adds new data to the history of Lipovsky’s journey through the regions of the Ottoman Empire (Syria, Palestine) in the summer of 1893, which is—until recently—virtually unknown in historiography.

Key words: Ottoman travel permit, Karl May Gymnasium, Russian travelers, Consul Mikhail Yakimansky, Russian Consulate in Aleppo.

For citation: Matehina, Tatiana S. & Kozintcev, Mark A. “An Ottoman Travel Permit to a ‘Gymnastics Instructor’: On the History of Alexander L. Lipovsky’s Journey through the Middle East in 1893”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 243–251 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO679014.

About the authors: Tatiana S. MATEHINA, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Service of the Chief Curator, St. Petersburg State Roerich Family Museum and Institute (St. Petersburg, Russian Federation) (matekhina@mail.ru). ORCID: 0009-0001-8225-579X.

Mark A. KOZINTCEV, Cand. Sci. (History), Researcher, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (m.kozintcev@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8588-739X.

Египетский публицист Мухаммад Хусайн Хайкал о светском празднике в Хартуме (январь 1926 г.) (перевод и комментарий фрагмента из книги Мухаммада Хусайна Хайкала «Десять дней в Судане»)

И.В. ГЕРАСИМОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO692170

Статья поступила в редакцию 01.06.2025.

Аннотация: Светские праздники, как и другие заимствования из культуры европейцев начали активно распространяться в колониях Англии со второй половины XIX в. После установления в Судане власти кондоминиума в 1899 г. многие достижения западной цивилизации появились и в этой арабо-африканской стране. Была сформирована новая структура власти и управления государством, в стране были построены железные дороги, облегчавшие доставку сырья и других продуктов из глубинных районов до портов, на относительно регулярной основе стали курсировать корабли по Нилу, началось строительство обновленной столицы Хартум. В социальной области стали вводиться новые государственные должности для вождей местных племенных групп, находившихся под английским контролем. В этой же категории «одаренных благами» оказались и лидеры суфийских братств. Одновременно стала внедряться поощрительная система, включавшая вручение наград отличившимся суданским чиновникам-вождям. Награждение осуществлялось в особой, торжественной обстановке и представляло собой копию английской модели. Подобная праздничная церемония получила описание в путевых зарисовках, вошедших в книгу «Десять дней в Судане» египетского публициста Мухаммада Хусайна Хайкала в главе, названной «День рождения английского короля Георга V». Этот крупный египетский писатель и публицист в своей политической ориентации был близок к египетской элите, мечтавшей о сближении, а впоследствии и слиянии Египта и Судана в единое государство. Из-под его пера выходили весьма критические, хотя и выраженные с осторожностью замечания в адрес британцев и их политического курса.

Ключевые слова: Судан, египетская публицистика, Хартум, колониальные власти Судана, суфийские ордены.

Для цитирования: Герасимов И.В. Египетский публицист Мухаммад Хусайн Хайкал о светском празднике в Хартуме (январь 1926 г.) (перевод и комментарий фрагмента из книги Мухаммада Хусайна Хайкала «Десять дней в Судане») // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 252–262. DOI: 10.55512/WMO692170.

Об авторе: ГЕРАСИМОВ Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия) (igorfarouh@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5592-3505.

Праздники и праздничные церемонии являются важными составными частями культурной жизни стран Востока в целом. Традиционно наибольшее внимание в мусульманском мире уделяется религиозным праздникам, из которых два отмечают все мусульмане, это: Ид ал-Фитр, или Праздник разговения в честь завершения поста в месяц Рамадан, и Ид ал-Адха — Праздник жертвоприношения, знаменующий также окончание хаджжа. Есть и еще один очень популярный в народной среде праздник — День рождения пророка Мухаммада — Маулид ан-Набий. Его особенно почитают в суфийской среде. На протяжении многих столетий эти праздничные дни никогда не отменялись, не переносились и не прерывались, несмотря на природные и социальные коллизии.

На рубеже XIX–XX вв., в период колониального правления ближневосточными странами, по указанию иностранных властей начали отмечаться светские праздники и вводиться сопутствующие им новые формы торжественных мероприятий. Они, конечно, ограничивались столичными или региональными городскими центрами, а для участия в них приглашались и привлекались люди со всей страны. Следует признать, что, несмотря на совершенно западную модель проведения праздников и стандартный закрепившийся в западной традиции сценарий, торжества получались с элементами восточного колорита. Иначе говоря, если подобные праздники и не соответствовали полностью восточным вкусам и представлениям, то, во всяком случае, не противоречили им и не вызывали неприятия или протеста. При несоблюдении каких-либо основных норм общественного уклада местные суданские нотабли на них просто бы не явились.

Далеко не все из подобных праздников, отмечавшихся в странах-колониях, получили освещение в местных или западных литературных и публицистических произведениях. Тем не менее некоторые литераторы-очевидцы оставили их яркие описания. Одним из авторов подобных текстов, запечатлевших в своих наблюдениях празднование дня рождения английского короля Георга V в суданской столице Хартуме в 1926 г., был египтянин Мухаммад Хусайн Хайкал. Этот египетский журналист и издатель находился в Судане неслучайно. Он прибыл по приглашению английских властей для освещения в прессе открытия плотины в Сеннаре. Помимо участия в этом масштабном событии для него и его коллег-журналистов были организованы и многие другие мероприятия, включая посещение гидрокомплекса в Джибала Аулия, некоторых объектов в Хартуме и Омдурмане, сельскохозяйственного перерабатывающего предприятия, основанного в одном из районов страны. Празднование дня рождения британского монарха также оказалось в программе пребывания в Судане.

Личность самого автора этих описаний заслуживает особого внимания. Мухаммад Хусайн Хайкал родился в Египте в 1888 г. в провинциальной семье, имевшей достаток. Молодой человек посвятил себя изучению права и после окончания школы поступил в университет в Каире, где учился на юриста с 1905 по 1909 г. Затем обучение продолжилось в Сорbonne, где в 1912 г. после защиты диссертации молодой юрист получил докторскую степень. Однако его интересовала не только научная и практическая деятельность, Мухаммада Хусайна Хайкала увлекали литература и публицистика. В 1913 г. из-под его пера вышел роман «Зайнаб» — «лирическое, местами сентиментальное произведение, в котором нет необычайных событий, построенное по европейской схеме и с европейскими же, но переосмысленными заимствованиями» (Коцарев 1975: 239). Набиравший опыт и профессионализм автор активно писал материалы для прессы Египта, а в 1922 г. сам основал очень популярную в Египте газету

ту «ас-Сийаса ал-хаумийа», у которой с 1926 г. появилось литературное приложение «ас-Сийаса ал-усбуиа». В том же, 1926 г. роман «Зайнаб» был экранизирован, и появившийся фильм считался первой арабской художественной кинокартиной. В последующие десятилетия М.Х. Хайкал отошел от активной политической деятельности, отдав предпочтение занятиям литературным трудом. Серьезным образом были пересмотрены его взгляды на политические приоритеты, на вопросы власти и развития страны. Со временем они стали менее светскими. Объединение с Суданом и создание унитарного государства перестали быть актуальными. Египетский публицист переориентировался на углубленное изучение религии, и из-под его пера вышли книги, посвященные истории ислама, они вполне заслуженно получили известность в арабском мире.

Как видно из биографии, к моменту поездки в Судан в 1926 г. Мухаммад Хусайн Хайкал уже мог считаться опытным политиком, публицистом и литератором. Где бы ни находился этот египетский публицист, он старался фиксировать различные необычные для него как египтянина стороны жизни. Это относилось и к его родному Египту, и к европейским странам, где прошли годы учебы и где он совершал ознакомительные и деловые поездки.

Судан — южный сосед Египта, с которым его связывали общие границы и, конечно, Нил, — был в высшей степени интересен набиравшей силу египетской буржуазии. Она связывала с ним свои экономические и политические проекты, нацеленные на будущее. Мухаммад Хусайн Хайкал в те годы был близок к той категории египетской политической элиты, которая считала Судан частью Египта и рассматривала свое будущее развитие в едином с ним государстве. Автор, делая свои путевые зарисовки, крайне ревниво относится ко всему, что связано с ролью и местом египтян в жизни Судана. Явно понимая всю зависимость от британских властей египетских чиновников, которые служили простыми исполнителями воли своих «партнеров» по кондоминиуму, а фактически полных хозяев ситуации, часто делал свои критические пометки относительно неравного партнерства, пренебрежения местными традициями, государственными символами. Он испытывал горечь и внутренний протест, когда видел неравные возможности для англичан, с одной стороны, и для египтян и суданцев — с другой. Такое положение дел отдаляло мечту многих египтян о «единстве долины Нила» и реализацию идеи объединения двух народов в едином государстве под египетской короной. Подчинение европейцам в длительной перспективе исключалось. Ростки подобной идеологии формировались довольно давно. Еще после оккупации страны войсками Мухаммада Али в 1821 г. правящие круги Египта начали смотреть на Судан как на сырьевую пришаток, дополнительный источник водных ресурсов, базу для пополнения казны золотом, огромный рынок невольников. Его обширные территории могли по мере необходимости принять египетских переселенцев и способствовать тем самым решению зарождавшихся демографических проблем. Более того, уже в первом десятилетии кондоминиума египтяне доминировали в образовательной сфере, о чем писал главный британский чиновник, контролировавший образовательную сферу, Джеймс Карри (Mills 2014: 18).

Идеологи более позднего периода продолжили и развили эту стратегическую линию, хотя и были вынуждены считаться с растущим иностранным присутствием в самом Египте.

Надо признать, что на ранних этапах кондоминиума, утвержденного в 1899 г., интересы британской колониальной политики и египетской в Судане в значительной

мере совпадали. Им доставалась огромная территория, которая фактически теряла свою формальную принадлежность к Османской империи. Для Египта того времени это было важно и по политическим, и по экономическим мотивам. К моменту, о котором пойдет речь в представленном фрагменте, в Судане уже сложилась местная элита, нуждавшаяся в поддержке и поощрении.

Одним из главных лидеров местных религиозно-политических сил выступил Али ал-Миргани, возглавлявший суфийское братство хатмийа. Важным обстоятельством, способствовавшим его возвышению, было то, что хатмийа не подчинилась власти лидера восстания Махди в период подъема восстания в 1880-х годах¹. Али ал-Миргани, спасаясь от преследований махдистов, находился довольно длительное время в Египте. Там он приобрел вес и поддержку со стороны египетских властей, британских политиков и военных. Англичане активно использовали его потенциал для дипломатической переписки с арабскими союзниками в борьбе с Портой в Аравии. Это был проверенный и лояльный Египту и Англии человек. Его возвышение на политической карте Судана пришлось на период 1920-х годов.

Англичане активно применяли в Судане режим косвенного правления, предполагавший использование в управлении страной местной элиты из представителей племенных вождей и религиозно-суфийских деятелей. Вождей стали рассматривать как государственных служащих и выплачивали им небольшое по сравнению с британцами и даже с египтянами жалованье. С самого начала власти кондоминиума отбирали проявлявших способности в учебе детей местной суданской племенной знати и направляли их на учебу в контролируемые колонизаторами учебные заведения за границу. Наиболее известным из них был Протестантский колледж в Бейруте, созданный американскими миссионерами. Фактически в течение первого десятилетия XX в. первые представители суданской молодежи были отправлены туда для прохождения полного образовательного курса. Выпускники этого учебного заведения вернулись с учебы в Судан в 1910–1920-е годы и приступили к выполнению новых обязанностей в качестве служащих различных государственных заведений. В самом Судане также были открыты такие учебные заведения, как Колледж имени Гордона, Научный институт в Омдурмане и некоторые другие, однако уровень образования в целом оставался невысоким.

Тем не менее система государственного управления функционировала довольно успешно, и госаппарат проявлял определенную гибкость и эффективность, не только применив «давление», но и поощряя. Стимулирование лояльных британской власти суданских нотаблей велось не столько увеличением материального довольствия, сколько посредством наград и грамот. Естественно, что для проведения торжественного мероприятия государственного масштаба, на котором можно было отметить наиболее достойных, был найден день. Этим днем стал день рождения британского монарха.

Это событие позволяло не только поощрять за верность британской короне, но и напоминало о роли Англии в управлении Суданом; с учетом того, что юбилляр —

¹ Восстание под руководством Мухаммада Ахмада (Мухаммада б. Абдаллаха), объявившего себя Махди, началось в 1881 г. на о-ве Аба на Голубом Ниле, а завершилось в 1899 г. разгромом армии последователей Махди. Почти два десятилетия на территории Судана располагалось теократическое государство, управлявшееся на основе идеализированных представлений о раннеисламской власти и государственности.

кузен российского императора Николая II², британский король Георг V, имел возможность лично посетить Судан ранее в 1911 г. и лично познакомиться со страной.

Неоднократно автор зарисовок отмечает растерянность египетских гостей, приглашенных на это мероприятие. Их роль сводилась к простому наблюдению за ходом церемонии. В лучшем случае они могли находиться рядом с чиновниками из правительства Судана и среди представителей влиятельных суданских кланов. Все, что было описано в тексте, посвященном празднованию, свидетельствовало о второстепенной роли египетской стороны в управлении Суданом. Ощущение неравноправия угнетало М.Х. Хайкала и заставляло его переосмысливать возможность создания суданско-египетского единства в ближайшей перспективе.

Фрагмент перевода текста из книги Мухаммада Хусайна Хайкала «Ашрат айам фи-с-Судан» («Десять дней в Судане») (Хайкал 2013: 39–47).

Праздник короля, или День короля

После коронации Его Величества Георга (Джорджа) Пятого в качестве короля Англии в конце 1911 г.³ он, в соответствии с традицией предшественников, направился короноваться в Индию. Возвращаясь на родину, он прибыл в Судан и посетил Хартум 17 января 1912 г. Правительство⁴ рассматривало этот визит в качестве провозглашения Его Величества императором Судана и воспринимало день 17 января так, словно он был официальным праздником, организованным в честь восшествия Георга Пятого на суданский престол. Каждый год в этот день генерал-губернатор Судана направлял Его Величеству телеграмму от имени граждан Судана, в которой выражалась любовь суданцев к британской короне и их преданность королю. Его Величество отвечал благосклонностью по отношению к жителям Судана, заявляя о своем желании и желании Ее Величества королевы видеть Судан благополучным идвигающимся по пути прогресса.

Каждый год в этот день правительственные здания закрывались, Хартум, как это и подобает в праздники, украшали, а генерал-губернатор устраивал в своем дворце великолепный прием, на котором раздавались награды. Правительство короля Англии одаривало ими своих подданных из числа граждан Судана, признавая заслуги и поощряя их верность, преданность и беззаветное служение Судану и империи.

Совпало так, что день 17 января 1926 г. пришелся на воскресенье, и празднование Дня рождения короля было отложено до понедельника. Когда верховный комиссар Египта и Судана прибыл на открытие Сеннарского водохранилища, то прием по случаю этого события во дворце генерал-губернатора стал проводиться под его патронатом и опекой. Во время мероприятия он раздавал награды, которые были присланы британским правительством, и исполнял надлежащие церемонии.

Дворец генерал-губернатора соответствовал тому уровню, которого требовали подобные приемы. И не было зданий великолепнее его! Он был построен после завоевания Судана в конце 1898 г. на том же месте, где находился прежний дворец, в ко-

² Матери императора Николая II и Георга V были родными сестрами. Оба брата имели возможность личного общения на семейных мероприятиях и относились друг к другу с определенной симпатией.

³ Дата коронации короля Георга V — 22 июня 1911 г.

⁴ Имеется в виду колониальное правительство Судана, в котором все высшие посты занимали англичане. Египтянам в лучшем случае доставались должности средних чиновников.

тором дервиши под началом Махди убили Гордона-пашу⁵. В прежние времена утраченный дворец являлся резиденцией правителя Судана, назначаемого из Египта. При возведении нового здания удалось создать ощущение великолепия и роскоши, которые бы соответствовали его предназначению. Фасад дворца выходит на Голубой Нил, туда же развернуты ворота.

С южной стороны к нему примыкает большой и превосходно организованный парк, в конце которого находятся южные ворота, ведущие на улицу королевы Виктории и к железнодорожному вокзалу Хартума.

Если бы вам удалось попасть во дворец со стороны Голубого Нила, то, после того как вы миновали двери, перед вами открылся коридор, который с одной стороны связан с аванзалом, а с другой — с рядом расположенных в глубине здания комнат. Они предназначены для работающих в нем чиновников правительства. Все стены этого коридора украшены оружием и военной амуницией. Здесь представлены различного цвета и формы шлемы и копья, которые были на вооружении английских дивизий. На стенах также развешаны знамена британской кавалерии. Если бы вы проследовали по этому коридору дальше, то оказались бы перед другой длинной галереей. Она ведет в двух направлениях — к восточной и западной частям дворца. Эта галерея выходит на площадь, по обеим сторонам которой расположены два флигеля, один из них предназначен для генерал-губернатора и его семьи, а второй используется для приема гостей. Коридоры, комнаты и флигели величественны и прекрасны. Над дворцом развеваются два флага — египетский и британский. Что касается дворцового сада или, правильнее сказать, парка, то земля на его территории покрыта травяным газоном и невысокими кустами. По границе парка и в центре растут высокие деревья. В зимний сезон листва в Египте увядает. Европа в это время года и вовсе лишается листвы. Здесь же, в Судане листва зеленеет, сохраняя свежесть и великолепие.

Самые красивые дни в течение года в Хартуме те, что приходятся на зиму. Что вы можете подумать о погоде в дневное время, если она такая же, как в весенний день, а в ночное время напоминает ночи последних дней лета. Все наполнено жизнью, и на лицах людей сияют радостные и теплые улыбки.

Хартум в понедельник оделся в праздничные наряды. Флаги и вымпелы развевались на улице Виктории перед некоторыми лавками и торговыми рядами. Генерал-губернатор пригласил на послеполуденный прием с чаепитием в свой дворец более чем восемьсот человек. Среди них сто десять были выходцами из благородных суданских семей, главами племен и кланов. Причем это относится только к тем, кто не проживал в Хартуме. Высшие чиновники, иностранцы и местные вельможи из Хартума, занимавшие высокое положение в обществе, также получили приглашения. Благодаря этим людям и праздничному убранству город словно бы вышел из состояния мрачного молчания. Суданские нотабли щеголяли в красных и черных вышивках золотом джуббах, с мечами в позолоченных ножнах. Своими нарядами и роскошью они оказали самое сильное воздействие на праздничное настроение, царившее в городе.

⁵ Гордон-паша — Чарльз Джордж Гордон (1833–1885), британский генерал, участник осады Севастополя и англо-французской войны против Китая. В 1877 г. некоторое время занимал пост губернатора Судана, но затем оставил пост и отправился в Китай. В 1884 г. направлен в Судан для спасения осажденных в Хартуме египтян. В 1885 г. погиб от рук махдистов.

В десять часов утра того же дня генерал-губернатор в сопровождении своего немногочисленного окружения принял лорда Ллойда⁶, британского Верховного комиссара, который из Египта прибыл на вокзал Хартума. После встречи они направились во дворец. Там их ожидало лишь несколько высокопоставленных суданских нотаблей. Верховный комиссар и его супруга пожали им руки, а затем удалились в отведенные для них апартаменты.

Когда наступило четыре часа, а это время было определено как начало приема с чаепитием, на котором Верховный комиссар должен был вручать почетные награды для будущих кавалеров, приглашенные поспешили во дворец генерал-губернатора. Среди них была группа «официальных» лиц, одетых в форму со знаками отличия и орденами. Были также представители суданской элиты, которые надели награды поверх своих красных или черных абай⁷, расшитых позолоченной нитью. При них были мечи в украшенных золотыми и серебряными нитями ножнах. Лица, не относившиеся к благородным семьям, тоже оказались во дворце. Их отличало отсутствие нарядных одежд.

Дворцовый парк превратился в место такого масштабного представления, какое сложно себе вообразить даже в мечтаниях из-за множества различных и пестрых одеяний. Среди толпы виднелись редингот и феска, которые носили чиновники египетского правительства из числа египтян и британцев. Грудь многих из них украшали египетские награды. В массе людей выделялась одежда гражданских чиновников правительства Судана. Она была спита из белой материи и скроена по типу «жакет». Чалму и джуббу носили чиновники, следившие за соблюдением исламского законодательства: судьи, муфтий и один или двое человек помимо них. Фрак или «бонжур» и высокая шляпа были надеты на некоторых сирийских служащих, а также на греках, проживавших в Судане и занимавшихся торговлей. Официальные правительственные джуббы носили представители суданских благородных семей. И среди этого чинно одетого по случаю приема общества было большое число людей в обычных одеждах, имевших разнообразные формы и цвет.

Эти разные, не всегда сочетавшиеся друг с другом одежды, как и их обладатели теснились в едином пространстве. Через какое-то время они пришли в движение и стали, постепенно, толкаясь, продвигаться в направлении дворца. В это же время генерал-губернатор и Верховный комиссар находились на трибуне, возвышавшейся над площадью, а вокруг были рассажены гости. Чуть дальше от них также сидели многочисленные служащие и выходцы из благородных семей, которых было решено наградить орденами. Они находились на той стороне площади, которая была окружена балюстрадой и оказалась приподнятой над садом на несколько ступеней.

Генерал-губернатор встал, чтобы зачитать телеграмму, направленную от имени суданского народа Его Величеству королю Англии, и ответ на нее короля Георга. Когда он завершил чтение, а достойный высшей степени уважения шейх, он же и муфтий Судана, сделал перевод текста, Верховный комиссар занялся вручением наград. Стремление лучше разглядеть эту церемонию стало главным мотивом к тому, чтобы одетые в разнообразные одежды люди стали толкаться, прижимаясь друг к другу плечами.

⁶ Джордж Ллойд (1879–1941) — британский колониальный чиновник высокого ранга, получивший титул барона. В 1925 г. был назначен Верховным комиссаром в Египте. Находился на этом посту до 1929 г. Автор посвященного Египту двухтомного сочинения, которое вышло из печати в 1933–1934 гг.

⁷ Абайя — мужской плащ.

Еще не все ордена были вручены, как вдруг толчяя прекратилась. Людской поток развернулся в направлении, противоположном площади перед дворцом, и направился в разные стороны обширного сада. Награжденные спустились с возвышения и влились в ряды приглашенных на празднование, среди которых их можно было отличить по орденам. Приход в толпу вызывал оживление, и люди поспешили к ним, поздравляя с наградами и оказанным высоким доверием. Им пожимали руки, на губах сияли улыбки. Зрачки глаз награжденных кавалеров блестели оттенками радости и благосклонности. Веки иногда опускались, выражая одновременно и смиренение, и застенчивость. Их ушам пришлось выслушивать поздравления с признанием заслуг, поступавшие от доброжелателей. Это наполняло их чувствами ликования. Люди, выступавшие с поздравлениями, стремились высказываться искренно, выражая пожелания отличившимся перед властями сохранить приобретенный статус и иметь благорасположение губернатора. Однако взгляд иностранца привлекло то, что на груди истинных суданских благородных людей были ордена, имевшие в большинстве своем форму крестов. Их обладатели вряд ли бы захотели, чтобы их руки касались этих наград, если бы в них не содержались элементы признания и почета.

Через какое-то время церемония награждения и поздравления закончилась, и каждый поспешил к одному из множества столов, элегантно расставленных во всех частях чудесного парка. На столы поставили чай. Суданцы в своих расшитых одеждах больше привлекали к себе взгляды, чем кто-либо. Именно они — подлинные граждане этой страны, и именно они составляли душу этой атмосферы безоблачности, в которой мы оказались! И все же то, что привлекало взгляды европейцев, было не столько необычность одежд суданцев, сколько их особое душевное состояние. Такое состояние многое определяет в поведении людей Востока в общем и жителей долины Нила в частности. И это неудивительно. Между западным человеком и суданским есть различия в цвете кожи, одежде, языке, религии, обычаях, привычках, убеждениях. Эти различия делают суданца загадкой для европейцев. Внешняя сторона природы суданца услаждает европейский взор, но он не способен постигнуть глубину этой природы, в которой скрыты тайны суданской души. Взгляд европейца не способен видеть те потрясения, которые формируют оценку жизни суданцем, ее цели и смысла. Что касается человека Востока, то он глубоко постиг внутренние коллизии. Он имеет общие с суданцем происхождение, язык, обычаи. Выходца из долины Нила привлекает в суданце то же, что может привлекать в близком родственнике или в брате, который пропал на долгие годы. Когда вновь встретишься с ним, его детьми, близкими, то своей кожей почувствуешь тоску и сожаление. Глаза будут упорно всматриваться в этих детей и родственников, в венах которых течет такая же кровь, как в твоих. Этих людей поражает такая же боль, как и твоя. Их сердца бьются с теми же надеждами, с какими бьется твое сердце.

Группа суданских нотаблей окружила несколько столов, на которых был накрыт чай. Со мной был мой суданский приятель. С ним меня свела судьба в день, когда я прибыл в Хартум.

Он знал всех этих благородных людей и стал знакомить меня с ними. Его положение позволяло сделать это. Я ощущал, и думаю, что они тожечувствовали настороженность во время этих кратких знакомств, которую я отмечал и у наших братьев-египтян, встречавших нас в Вади Хальфе, Атбаре, Хартуме. Наше знакомство с группой

пой суданских вельмож, находившихся в парке дворца сэра Джейфри Арчера⁸ — генерал-губернатора Судана, не переходило грань выражения всего лишь обычных приветствий. Сама ситуация и место, где проходила встреча, вероятно, не требовали никакой излишней настороженности, но стоило учесть, что я был в числе гостей генерал-губернатора Судана и мне надлежало соблюдать все условности такого приема.

Я оказался за столом, за которым сидели сейид Ахмад ал-Миргани, Его честь, муфтий Судана и группа других знатных лиц, которые были образцом деликатности и гостеприимства. Пока мы сидели, к нам приблизился сэр сейид Али ал-Миргани-паша. Все встали, приветствуя его и оказывая ему уважение. Каждый из присутствовавших подходил к нему и целовал руку. Он сел рядом со мной с достоинством и величием, и пока он сидел, знатные люди Судана подходили к нему и, склоняясь к его руке, целовали внешнюю и внутреннюю часть ладони. Они просили у него защиты перед Всевышним и доброй молитвы за них. Они также целовали руку его брата сейида Ахмада ал-Миргани. Я могу поручиться, что не видел такого проявления преданности, как эта. Она находила выражение в лицах этих людей, во взглядах, во всех их движениях во время приближения к сейиду. Преданность чувствовалась в их почтении и в том благоговении, с каким они прикасались губами к руке сейида Али ал-Миргани. Они смотрели так, что в их взглядах читались клятва, вера, просьбы о милости и доброй молитве за них.

Среди суданских вельмож находились молодые люди, у которых были заметны проявления силы и самонадеянности. Там также были люди средних лет и старцы, на темных висках которых виднелась седина. У каждого из этих юношей и старцев есть власть над теми, кто подчиняется им из племен и кланов. Однако над этой властью стоит еще одна — власть сейида Али, а он верит, что исходящее от него слово сильнее, чем любая власть.

Люди разных народностей и племен, живущие в Судане, испытывают к сейиду ал-Миргани особое уважение из-за его высокого положения в обществе. Это уважение усиливается качествами, которые заставляют восхвалять его и высоко оценивать теми, кто с ним взаимодействует. Он худощавый, невысокого роста, с тонкими чертами лица. Глаза сейида Али благодаря сильному блеску свидетельствуют о большом уме и проницательности. С его арабского рта с тонкими губами не сходит улыбка, которая делает его привлекательное лицо постоянно сияющим. На голове возвышается калансува⁹, которая по своему виду ближе всего к старинному турецкому колпаку. Такую носил Энвер-паша¹⁰. По цвету она не была такой черной, как у него, но в ней соединялось несколько темных параллельных и поперечных полос, а также золота. Вокруг калансувы обернута чалма, цвет которой трудно определить, однако он полностью гармонировал с ней. Что касается его кафана и джуббы, то по виду они были такими же, какие носят наши пожилые люди, но с большей умеренностью в цветах.

⁸ Джейфри Фрэнсис Арчер (1882–1964) — британский колониальный чиновник. Занимал должности губернатора Британского Сомалиленда (1919–1922), губернатора Уганды (1922–1925), с 5 января 1925 г. по 6 июля 1926 г. был генерал-губернатором Судана. Находясь на этом важном посту, поддерживал идею реализации проекта строительства гидроузла в Сеннаре.

⁹ Калансува — элемент мужского костюма, представляющий собой головной убор — коническую шапку, вокруг которой надевалась чалма.

¹⁰ Возможно, что имеется в виду Исмаил Энвер-паша (1881–1921) — активный участник Младотурецкой революции, один из лидеров партии «Единение и прогресс».

Несмотря на обилие красок и великолепие, ордена и жалованья, врученные суданским нотаблям и служащим правительства Судана их благодетелем, тем не менее именно англичане наиболее эмоционально выражали свое удовольствие от этого торжества. Радость овладела и чиновниками из правительственные органов, и гостями, и туристами.

Что касается египтян, то их души охватывали смутные чувства, в которых слились сожаление и боль от угрызений совести. Надо было видеть, как они двигались!

Каждый из них проводил в одиночестве большую часть времени и смотрел на окружавший его мир со странным недоумением. Даже те двое высокопоставленных египтян, которые оказались гостями во дворце генерал-губернатора, не были исключением из этого.

Примерно в половине шестого лорд Ллойд с супругой перешли с площади, расположенной перед дворцом, в парк. Их сопровождал генерал-губернатор Судана и несколько чиновников. Они стали обходить всех присутствовавших суданцев и несущих чиновников, знакомясь с каждым и пожимая им руки. Мой приятель сказал: «Все, что приносит удовольствие, мой дорогой друг, направлено на службу империи. Госпожа Ллойд с ее деликатностью и связями в правящей в Англии семье сейчас дарит счастье, пожимая руки восьмистам человек. В этом заключаются и успех, и величие империи».

Солнце приближалось к закату, и люди группами, одна за другой, стали расходиться. Я, как и мои спутники, покинул место торжества. Мы направились в один из клубов, где вспомнили о Дне рождения короля, прошедшем в Хартуме в память о посещении суданской столицы Его Величеством королем Англии. Пока мы общались, один из наших спутников взглянул на самую высокую точку дворца и, повернувшись к нам, сказал: «Как бы там ни было, египетский флаг над дворцом развевается рядом с британским. В этом есть некоторое утешение для нас. Если бы у короля Египта празднование дня рождения проходило в Хартуме, это тоже был бы праздник!.. Такой же, как праздник по случаю дня рождения британской королевской особы».

Литература

- Коцарев 1975 — Коцарев Н.К. Писатели Египта. XX век. Материалы к библиографии. М.: Наука, ГРВЛ, 1975.
- Хайкал 2013 — Хайкал М.Х. Ашарат айям фи-с-Судан («Десять дней в Судане»). Хартум: ад-Дар ас-суданийа ли-л-кутуб, 2013.
- Mills 2014 — Mills D.E. *Dividing the Nile. Egypt's Economic Nationalists in the Sudan 1918–56*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2014.

References

- Kotsarev, Nikolai K. *Pisateli Egipta. XX vek. Materialy k bibliografiï* [Egyptian Writers of the 20th Century. Materials for Bibliography]. Moscow: Nauka, GRVL, 1975 (in Russian).
- Mills, David E. *Dividing the Nile. Egypt's Economic Nationalists in the Sudan 1918–56*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2014 (in English).
- Muhammad Husain Haykal. 'Asharat ayyām fi al-Sūdān [Ten Days in the Sudan]. Khartoum: Al-Dar al-sudaniyya li-l-kutub, 2013 (in Arabic).

The Egyptian Social Writer Muhammad Husain Haykal about a Secular Holiday in Khartoum (January 1926) (Translation and Commentary of a Fragment from the Book by Muhammad Husain Haikal, *Ten Days in the Sudan*)

Igor V. GERASIMOV

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

Received 01.06.2025.

Abstract: Secular holidays, as well as other borrowings from the culture of Europeans, began to spread actively in the colonial countries of England from the second half of the nineteenth century. After the establishment of the condominium rule in the Sudan, many achievements of Western civilization appeared in this Arab-African country. A new government and governance structure was formed, railways were built in the country to facilitate the delivery of raw materials and other products from the hinterlands to ports, ships began to sail along the Nile on a relatively regular basis, and construction of the renovated capital of Khartoum began. In the social sphere, new governmental positions began to be introduced for the leaders of local tribal groups, which covered almost the entire territory and included them in the orbit of British control. The leaders of the Sufi fraternities were in the same category. At the same time, an incentive system began to be introduced, which included giving awards to distinguished leadership officials on behalf of the British authorities. The most striking example of such festive ceremonies was the Birthday of King George V of England, described in the travel sketches included in the book *Ten Days in the Sudan* by the Egyptian Muhammad Husain Haikal. This major Egyptian writer and publicist was close in his political orientation to the Egyptian elite, who dreamed of a rapprochement and, subsequently, a merger of Egypt and Sudan into a single state. There was no intention of any form of English presence in either country. His remarks about the British and their political course were very critical, although he expressed them with caution.

Key words: Sudan, Egyptian journalism, Khartoum, colonial authorities of Sudan, Sufi orders.

For citation: Gerasimov, Igor V. "The Egyptian Social Writer Muhammad Husain Haikal about a Secular Holiday in Khartoum (January 1926) (Translation and Commentary of a Fragment from the Book by Muhammad Husain Haikal, *Ten Days in the Sudan*)". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 252–262 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692170.

About the author: Igor V. GERASIMOV, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (igorfarouh@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5592-3505.

Предпосылки сотрудничества британского востоковеда Сесила Бендалла с российской научно-издательской серией “Bibliotheca Buddhica”

Т.В. ЕРМАКОВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO692167

Статья поступила в редакцию 13.05.2025.

Аннотация: Статья посвящена анализу предпосылок сотрудничества британского востоковеда Сесила Бендалла (1856–1906) с российской академической серией “Bibliotheca Buddhica” (BB). Цель статьи — установить, по каким критериям Бендалл был выбран для публикации первого выпуска BB. Проанализирована научная биография ученого. Совмещая преподавание санскрита и хранительскую работу в крупнейших рукописных собраниях Британии, Бендалл стал опытным палеографом и публикатором рукописей на языке оригинала. Рассмотрены научные связи Бендалла с И.П. Минаевым и его учеником С.Ф. Ольденбургом. В результате установлено, что Бендалл был хорошо известен российским востоковедам как знаток рукописей на санскрите, их публикатор и переводчик. В статье использованы документы из Архива востоковедов ИВР РАН, не публиковавшиеся ранее.

Ключевые слова: «Библиотека Буддика», Сесил Бендалл, Азиатский Музей, С.Ф. Ольденбург, И.П. Минаев.

Для цитирования: Ермакова Т.В. Предпосылки сотрудничества британского востоковеда Сесила Бендалла с российской научно-издательской серией “Bibliotheca Buddhica” // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 263–271. DOI: 10.55512/WMO692167.

Об авторе: ЕРМАКОВА Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Отдел Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей, Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия) (taersu@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5273-7870.

© Ермакова Т.В., 2025

К концу XIX в. мировая индология располагала существенным объемом рукописных коллекций, в том числе буддийских. Рукописи либо частично сохранившиеся фрагменты поступали в древлехранилища разных стран. Однако использовать их в качестве источниковой базы научного исследования было невозможно без комментированного опубликования. Осознавание этой проблемы, полагаем, стало фактором организационных инициатив по учреждению научно-издательских серий.

Цель данной публикации — показать, каким образом складывались научные связи российских буддологов, результатом которых стало приглашение британского востоковеда Сесила Бендалла (1856–1906) к участию в научно-издательской серии “Bibliotheca Buddhica”.

Исторически организационные рамки этих научных контактов были заданы системой российского востоковедного образования, созданной в значительной степени усилиями графа Сергея Семёновича Уварова (1786–1855). Есть основания полагать, что Уваров именно за время службы в Европе не только пришел к осмыслианию важности востоковедения для России, но и приступил к концептуализации своих взглядов по этому вопросу, обобщенных в «Проекте Азиатской Академии» (1810) (Уваров 2010: 65–95).

Написанное по-французски, а потом переведенное на немецкий и русский языки, это сочинение Уварова принципиально важно для прояснения его позиции. Хотя проект не был реализован, но его концепция и содержательное наполнение в дальнейшем последовательно реализовывались Уваровым на его постах в министерстве Народного просвещения (с 1811 г. — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, с 1832 — помощник министра, в 1833–1849 гг. — министр Народного просвещения) и в должности Президента Академии наук (с 1818 г. до кончины в 1855 г.).

Идеи, сформулированные в «Проекте», реализовались Уваровым на практике. Так, уже занимая должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, он способствовал открытию кафедр восточных языков (1818) в высших учебных заведениях. Именно при Уварове министерство просвещения ввело практику командирования выпускников университетов по востоковедным специальностям в Европу и приглашения востоковедов в Россию. Можно сказать, что в тот период закладывались основы и формы международного сотрудничества российских исследователей Востока.

На посту Президента Академии наук он инициировал учреждение Азиатского Музея (ныне — Институт восточных рукописей РАН), к настоящему времени ставшего всемирно известным центром хранения восточных рукописей и научно-исследовательской работы по широкому кругу востоковедных дисциплин и направлений.

Таким образом, Уваров заложил принципы организации классического отечественного востоковедения, базирующегося на изучении языков и письменных памятников, коллекционировании и хранении восточных рукописей и старопечатных книг.

Именно в рамках этой концепции классического востоковедного образования Иван Павлович Минаев (1840–1890), выпускник 1862 г., был направлен в Европу.

Во второй половине XIX в. контакты британских и российских востоковедов носили весьма активный характер. И.П. Минаев 1863–1868 гг. провел в научной командировке в Европе — Германии, Франции, Англии. В Лондоне он работал в рукописном собрании Британского музея (Баранников 1955: 18).

Именно И.П. Минаев заложил основы устойчивых научных связей с британскими востоковедами. В личном фонде ученого в Архиве востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН) сохранилось два письма от Э. Коуэлла, учителя Бендалла и предшественника на посту заведующего кафедрой санскрита в Кембриджском университете. Это расписка Коуэлла от 29 октября 1866 г. о получении оплаты копирования рукописи от И.П. Минаева¹ и письмо из Кембриджа от 16 июня 1874 г., в котором Коуэлл информирует Минаева о подготовленных для него рекомендательных письмах и в самых

теплых выражениях желает ему удачного посещения Цейлона, Индии и Бирмы². Приписка к этому письму существенно важна: Коуэлл называет имена индийских знатоков санскрита, которым направлены письма. Это Махеш Чандря Ньяратна (Mahesh Chandra Nyayaratna, 1836–1906) — санскритолог, директор санскритского колледжа в Калькутте с 1876 по 1895 г., и Раджендралал Митра (Rajendra Lal Mitra, 1822–1891) — знаток санскрита, автор трудов о санскритских рукописях в Непале. Из текста письма очевидно, что Коуэлл был сочувственно настроен к путешествию Минаева и стоящим перед российским ученым научным задачам. В дальнейшем Минаев поддерживал дружеские контакты с учеником Коуэлла — Сесилом Бендаллом.

С. Бендалл представлял собой характерный для последней четверти XIX в. тип европейского востоковеда-путешественника, который мог лично прибыть в регион исследуемой рукописной культуры, осуществить разыскание и приобретение рукописей и в дальнейшем обследовать и каталогизировать их.

Ценные сведения о первой поездке С. Бендалла в Индию и Непал (1884–1885) содержит его отчет (Bendall 1886). Подробное описание Бендаллом маршрута путешествия и процесса полевого исследования сделало его книгу ценным источником для изучения локализации и состава рукописных артефактов в Северной Индии и Непале. В ходе этого путешествия он собрал около 200 рукописей, перечень которых опубликовал в отчете (*Ibid.*).

И.П. Минаев высоко оценил результаты работы Бендалла в краткой рецензии (И.М.³ 1887: 152), отметив, что Бендалл известен уже как автор превосходного описания буддийских рукописей, хранящихся в библиотеке Кембриджского университета⁴, и ныне изданное описание его путешествий и разысканий, несомненно, будет прочитано «всеми специалистами с большим удовольствием» (Там же). И.П. Минаев был хорошо знаком с непальской рукописной культурой и составом санскритских рукописей из Непала в европейских древлехранилищах. Это объясняет его сожаление о том, что после поисков Д. Райта Бендаллу не удалось обнаружить в своем путешествии ни одной буддийской рукописи, неизвестной или не находящейся в каком-либо из хранилищ. Однако рецензент высоко оценил научное значение рукописей, собранных Бендаллом в поездке, и достоинства его как палеографа, уже отмеченные ранее. И.П. Минаев похвалил художественный уровень издания, а фотографии надписей, обнаруженных Бендаллом, признал имеющими «немаловажное научное значение» (Там же).

В дальнейшем И.П. Минаев оказал Бендаллу большую услугу по получению им во временное пользование рукописи из собрания Азиатского Музея. И.П. Минаев организовал получение и доставку рукописи *The Tantrākhyāna*⁵ из индийского фонда Азиатского Музея. Бендалл в предисловии к публикации выразил благодарность за добroе посредничество «моему другу профессору Минаеву» и Российской Академии наук за возможность получения рукописи (Bendall 1888: 466).

Показательна для характеристики таланта Бендалла как палеографа публикация фрагментов «Мегха-сутры» с комментарием и переводом в авторитетном журнале

² АВ ИВР РАН. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 2.

³ Краткая рецензия подписана инициалами «И.М.». Однозначно по тематике и стилю это И.П. Минаев.

⁴ И.П. Минаев имел в виду каталог, подготовленный С. Бендаллом (Bendall 1883).

⁵ *Tantrākhyāna* — рукопись была отождествлена В.С. Воробьевым-Десятовским как выполненная на языке *nevavi* в XIV в. непальская обработка «Панчантанtry» (Воробьев-Десятовский 1999: 16). В каталоге № 219 (Посова, Чижикова 1999: 69).

Королевского Азиатского общества в 1880 г. (Bendall 1880). Бендалл в тот период — стажер Gonville and Caius College, старейшего подразделения Кембриджского университета, т.е. еще начинающий исследователь. Текст был выявлен им среди непальских санскритских рукописей в коллекции Д. Райта в библиотеке Кембриджского университета («А»). Для сопоставления публикатор привлек вариант текста из коллекции Б. Ходжсона в библиотеке Королевского Азиатского общества («В») (Ibid.: 286–287). В палеографическом описании рукописи «А» Бендалл отметил ошибки переписчика, свидетельствующие об искажении санскритской письменности в Непале (рукопись датирована 1374 г.), на пальмовых листьях. Рукопись «В» на бумаге, 1786 г., — тщательно выполненная копия с корректного оригинала. Также Бендалл отметил популярность памятника, получившего широкое распространение в китайском переводе (Ibid.: 286). Подход к комплексному обследованию письменного памятника, в полной мере реализованный в позднейших работах ученого, сформировался уже на период первых публикаций.

С. Бендалл стал первым каталогизатором коллекции Д. Райта в Кембриджском университете (Bendall 1883). С.Ф. Ольденбурга связывала с ним теплая профессиональная дружба (Щербатской 1934: 17) и многолетнее сотрудничество. Именно С. Бендалл познакомил С.Ф. Ольденбурга с британскими рукописными собраниями и коллекциями санскритских рукописей, привезенных из Непала.

Ольденбург во время стажировки в Европе в 1887–1889 гг. работал в тех же древлехранилищах, что и его учитель И.П. Минаев.

Бендалл упоминается Ольденбургом в краткой заметке «Непальские рукописи в Петербургских библиотеках» (Ольденбург 1890: 383–386). В ней сообщены справочные сведения о десяти непальских рукописях, поступивших в библиотеку Санкт-Петербургского университета и в Азиатский Музей «через посредство д-ра Д. Райта» (Там же: 383). Обращение Ольденбурга к непальским рукописям на санскрите и *невари* объясняется устойчивым интересом санкт-петербургской буддологической школы к сохранившимся за пределами Индии памятникам махаянского буддизма.

В приведенной Ольденбургом библиографии опубликованных каталогов и справочной литературы о «до сих пор известных непальских и вообще о буддийских санскритских рукописях» указан и каталог, подготовленный С. Бендаллом (Там же: 385).

Бендалл как знаток буддийских рукописных собраний на санскрите оказывал содействие ученику И.П. Минаеву С.Ф. Ольденбургу, когда тот собирал материалы для диссертации, активно знакомясь с европейскими библиотеками. Как известует из опубликованной А.А. Вигасиным переписки Минаева и Ольденбурга, Бендалл опекал Ольденбурга и ориентировал его в британских древлехранилищах (Переписка 2012). Так, в письме Минаеву из Лондона от 9 января 1888 г. Ольденбург упоминает о встрече и беседе с Бендаллом (Там же: 93). Минаев в ответном письме выражал радость по поводу их знакомства и просил узнать у Бендалла, получил ли он письмо от него (Там же). Ольденбург в письме от 26 сентября 1888 г. сообщил Минаеву, что с Бендаллом видится часто, что «он был так добр, что выписал мне сюда (в Лондон. — T.E.) из Кембриджа две рукописи» (Там же: 104). Бендалл информировал Ольденбурга и о ходе своей работы. В письме к Минаеву от 21 мая 1888 г. Ольденбург писал, что Бендалл намеревается опубликовать статью о *Tantrākhyāna*, но доступные ему рукописи «недостаточны для полного издания текста» (Там же: 101). Полагаем, эта беседа предварила просьбу Бендалла к Минаеву о содействии в предоставлении рукописи из собрания Азиатского Музея.

Обращение Бендалла к рукописям Азиатского Музея было неоднократным. Так, в делопроизводственном архиве АМ — ИВР РАН отложился документ от января 1888 г. Приведем его полностью.

Ф. 152

Оп. 1

Ед. хр. 19

Л. 5

Отношение

Министерство народного
Просвещения
Императорская Академия
Наук в Санкт-Петербурге
От Непременного секретаря⁶
№ 66

20 января 1888 года

На основании определения Историко-филологического отделения от 12 сего января § 6 имею честь препроводить при сем к Вам, милостивый государь, для помещения обратно в Азиатский музей Академии принадлежащую ему санскритскую рукопись “Aptavajrasucy upanisad”⁸ (Mscr. Ind. № 4), находившуюся во временном пользовании члена Gonville and Caius College Сесила Бендалла, и пометить ее как возвращенную.

Непременный секретарь <подпись>

Позиция Бендалла как исследователя в оценке вклада буддизма в мировую культуру, востребованности духовного наследия в Индии XIX в. была сходной с отношением российских индологов к предмету изучения. Ценным источником в данном случае является инаугурационная речь при занятии им кафедры санскритологии в Кембриджском университете по смерти Коулла (Bendall 1903). Бендалл поставил своей задачей наметить пути будущих исследований и сформулировать позицию ученых, соответствующую результативной работе. Особенностью британской санскритологии была необходимость, как полагал Бендалл, формирования уважительного отношения к Индии и признание ее культурной самобытности. Буддизм Бендалл назвал наиболее ценным даром, преподнесенным Индией миру (*Ibid.*: 12). Изучение санскрита и сохранившихся письменных памятников — первоочередная задача, которую предстоит решать и следующим поколениям востоковедов. Позиция Бендалла в оценке источниковой базы изучения буддизма махаяны учитывала его распространение за пределы Индии. По сравнению с палийскими памятниками буддизма источники на санскрите исследованы, по мнению Бендалла, недостаточно для понимания

⁶ От непременного секретаря — непременным секретарем Академии наук с 1 ноября 1857 г. по 13 марта 1890 г. был академик Константин Степанович Веселовский (1819–1901), экономист, географ, климатолог.

⁷ Заведующему Азиатским музеем Академии — Директором Азиатского Музея в период 1882–1885 гг. был Фердинанд Иванович Видемане (1805–1887), лингвист.

⁸ *Aptavajrasucy upanisad* (vajrasucy — санскр., букв. «алмазная игла») — произведение авторства Шанкары (VII в.), отождествленное В.С. Воробьевым-Десятовским как принадлежащее к классу называющихся упанишадами неведических текстов философского содержания (Воробьев-Десятовский 1999: 11). Рукопись на четырех листах, 25×12,5 см, на *nevari* (Посова, Чижикова 1999: 30, № 61).

суги этого направления (*Ibid.*: 13). В связи с этим Бендалл упомянул об опыте организации международной научно-издательской серии для публикации санскритских и тибетских памятников на базе Императорской Академии наук в Петербурге и об участии в ней кембриджских востоковедов, не называя себя лично (*Ibid.*). Разграничение Бендаллом источников исследования махаяны и хинаяны (пали) способствовало пониманию европейскими востоковедами концептуальных принципов публикации буддийских памятников в России. Вслед за Коуэллом Бендалл подчеркивал, что санскрит — ключ к познанию Индии.

Особенности британского востоковедения как исследования колонии, которые вели в том числе колониальные служащие, не прошли мимо внимания Бендалла. Его позиция была гуманистической, но pragматичной: управлять миллионами людей на службе в Индии не могут люди, не симпатизирующие им, это содержит скрытую опасность для империи (Bendall 1903: 14).

В ретроспективной речи о научных заслугах С.Ф. Ольденбурга Ф.И. Щербатской высоко оценил главное его детище — научно-издательскую серию “*Bibliotheca Buddhica*”. Наряду с реализацией своих научных интересов ученый был организатором коллективной работы, результаты которой составили эпоху в исследовании буддизма (Щербатской 1934: 20). Ольденбург популяризовал именно формирование научных коллективов либо совместную работу исследователей (Ольденбург 1900). Исключительную историко-научную ценность представляет свидетельство Ф.И. Щербатского о предыстории проекта. С.Ф. Ольденбург за время своей стажировки в Европе установил научные контакты с Т. Рис-Дэвидсом (1843–1922), который учредил издательскую серию с целью публикации памятников буддизма *тихеравады* на пали. В научном общении с Рис-Дэвидсом у молодого ученого сформировался замысел систематического издания памятников буддизма махаяны в России. Ф.И. Щербатской указал, что аналогичный проект для памятников буддизма махаяны объективно более масштабный и сложный ввиду объемности наследия северного буддизма, накопившегося за тысячелетний период и отразившего достижения индийской мысли. При обсуждении этого замысла в Академии возникло некоторое сопротивление, вызванное опасением недостаточности финансирования. Однако Ольденбургу удалось заинтересовать отечественных и зарубежных востоковедов, и в результате предложение было внесено и одобрено Академией. В дальнейшем Рис-Дэвидс высоко оценил российскую инициативу (Там же: 203–204).

Анализ научной биографии и публикаций Сесила Бендалла показал, что он был знатоком рукописного наследия буддизма, палеографом, имел опыт публикации и перевода письменных памятников. Его оценка буддизма махаяны как мощной культурной силы, повлиявшей на обширный ареал за пределами Индии, была сопоставима с позицией российской классической индолологии. Научные связи И.П. Минаева с Бендаллом унаследовал и в дальнейшем поддерживал самостоятельно его ученик С.Ф. Ольденбург. Полагаем, что именно многолетняя научная дружба и признание Бендалла как высококвалифицированного знатока санскритских рукописей обусловили приглашение его к сотрудничеству с “*Bibliotheca Buddhica*”.

Публикация текста «Шикшасамуччай» Шантидевы по рукописи из коллекции Д. Райта, подготовленная Бендаллом, открывала инициированную С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским международную научно-издательскую серию “*Bibliotheca Buddhica*”, см. (*Bendall 1897–1902*).

Литература

- Баранников 1955 — *Баранников А.П.* Биография И.П. Минаева (1840–1890) / *Минаев И.П.* Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885–1886 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 17–32.
- Воробьев-Десятовский 1999 — *Воробьев-Десятовский В.С.* Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР // *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей ИВ РАН. М.: Вост. лит., 1999. С. 7–20.
- И.М. 1887 — [Рец. на:] *Bendall C.* A Journey of Literary and Archeological Research in Nepal and Northern India during the Winter of 1884–85. Cambridge, 1996 // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества (ЗВОРАО). (1886.) 1887. Т. 1. С. 152.
- Ольденбург 1890 — *Ольденбург С.Ф.* Непальские рукописи в Петербургских библиотеках // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества (ЗВОРАО). (1889.) 1890. Т. IV. С. 383–386.
- Ольденбург 1900 — *Ольденбург С.Ф.* Индийская и Иранская секции на XII съезде ориенталистов в Риме // Записки Восточного отделения Русского археологического общества (ЗВОРАО). (1899.) 1900. Т. XII. С. 068–075.
- Переписка 2012 — Переписка И.П. Минаева и С.Ф. Ольденбурга // С.Ф. Ольденбург. Этюды о людях науки / Сост. А.А. Вигасин. М.: РГГУ, 2012. С. 48–148.
- Посова, Чижикова 1999 — *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей ИВ РАН. М.: Вост. лит., 1999.
- Уваров 2010 — *Уваров С.С.* Проект Азиатской академии // *Уваров С.С.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 65–95.
- Щербатской 1934 — *Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист* // Академик С.Ф. Ольденбург. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934. С. 15–23.
- Bendall 1880 — *Bendall C.* The Megha-Sutra // Journal of the Royal Asiatic Society. New Series. (Apr. 1880.) Vol. XII. No. 2 P. 286–311.
- Bendall 1883 — *Bendall C.* Catalogue of the Buddhist Sanskrit Manuscripts in the University Library Cambridge. Cambridge: Cambridge University Press, 1883.
- Bendall 1886 — *Bendall C.* A Journey of Literary and Archaeological Research in Nepal and Northern India during the Winter of 1884–1885. Cambridge: Cambridge University Press, 1886.
- Bendall 1888 — *Bendall C.* The *Tantrākhyāna*, a Collection of Indian Folklore, from the Unique Sanskrit MS Discovered in Nepal // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland, 1888. Vol. 20. P. 465–501.
- Bendall 1897–1902 — *Bendall C.* Çikçasamuccaya. A Compendium of Buddhistic Teaching Compiled by Çantideva / Ed. by C. Bendall. St. Petersburg, 1897–1902 (Bibliotheca Buddhica. I).
- Bendall 1903 — *Bendall C.* Aims and Methods of Recent Indian Research. Professor of Sanskrit's Inaugural Lecture // Cambridge Chonicle. 1903. Oct. 30th, (reprint). P. 1–14.

References

- Barannikov, Aleksei P. “Biografiia I.P. Minaeva (1840–1890)” [I.P. Minayev’s Biography (1840–1890)]. In: Minaev I.P. *Dnevnniki puteshestvii v Indiu i Birmu 1880 i 1885–1886 godov* [Minaev I.P. The Diaries of Travels to India and Burma in the Years 1880 and 1886]. Moscow: Izdatel’stvo AS USSR, 1955, pp. 17–32 (in Russian).
- Bendall, Cecil. “The Megha-Sutra”. *Journal of the Royal Asiatic Society*. New Series, (Apr. 1880), vol. XII, no. 2, pp. 286–311 (in English).
- Bendall, Cecil. *Catalogue of the Buddhist Sanskrit Manuscripts in the University Library*. Cambridge: Cambridge University Press, 1883 (in English).

- Bendall, Cecil. *A Journey of Literary and Archeological Research in Nepal and Northern India during the Winter of 1884–1885*. Cambridge: Cambridge University Press, 1886 (in English).
- Bendall, Cecil. “The *Tantrākhyāna*, a Collection of Indian Folklore, from the Unique Sanskrit MS. Discovered in Nepal”. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland*, 1888, vol. 20, pp. 465–501 (in English).
- Bendall, Cecil. *Çikçasamuccaya. A Compendium of Buddhistic Teaching Compiled by Çantideva*. Ed. by C. Bendall. St. Petersburg, 1897–1902 (*Bibliotheca Buddhica*. I) (in English).
- Bendall, Cecil. “Aims and Methods of Recent Indian Research. Professor of Sanskrit’s Inaugural Lecture”. *Cambridge Chronicle*, 1903, Oct. 30th, (reprint), pp. 1–14 (in English).
- [Minaev, Ivan P.] [Rev. of the book:] “Bendall C. A Journey of Literary and Archeological Research in Nepal and Northern India during the Winter of 1884–85. Cambridge, 1886”. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva (ZVORAO)* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society], (1886), 1887, vol. I, pp. 152 (in Russian).
- Oldenburg, Sergei F. “Nepal’skiye rukopisi v Peterburgskikh bibliotekakh” [Nepalese Manuscripts in St. Petersburg Libraries] *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva (ZVORAO)* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society], (1889), 1890, vol. IV, pp. 383–386 (in Russian).
- Oldenburg, Sergei F. “Indiiskaia i Iranskaia sektsii na 12 s’ezde orientalistov v Rime” [Indian and Iranian Workshops of the XII Oriental Congress at Rome]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva (ZVORAO)* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society], (1899), 1900, vol. XII, pp. 068–075 (in Russian).
- “Perepiska I.P. Minaeva i S.F. Oldenbunga”. In: S.F. Oldenburg. *Etiudy o liudiakh nauki. Sost. A.A. Vigasin* [Correspondence of I.P. Minayev and S.F. Oldenburg. S.F. Oldenburg. Sketches about Men of Science]. Comp. by A.A. Vigasin. Moscow: RGGU, 2012, pp. 48–148 (in Russian).
- Posova, Tatiana K. & Chizhikova, Ksenia L. *Kratkii katalog indiiskikh rukopisei Instituta vostokovedeniya RAN* [A Short Catalogue of Indian Manuscripts at the Institute of Oriental Studies RAS]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian).
- Stcherbatskoi, Theodor I. “S.F. Oldenburg kak indianist” [S.F. Oldenburg as an Indologist]. In: *Akademik Oldenburg. K 50-letiiu nauchno-obshchestvennoi deiatel’nosti. 1882–1932* [Academician Oldenburg. To the 50th Anniversary of His Scientific and Civil Activities]. Leningrad, 1934, pp. 15–23 (in Russian).
- Uvarov, Sergei S. “Proekt Aziatskoi akademii” [The Project of Asiatic Academy]. In: Uvarov, Sergei S. *Izbrannye trudy*. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 65–95 (in Russian).
- Vorobyov-Desiatovskii, Vladimir S. “Sobranie indiiskikh rukopisei Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR” [A Collection of Indian Manuscripts at the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences]. In: *Posova T.K. & Chizikova K.L. Kratkii katalog indiiskikh rukopisei IV RAN* [Posova, Tatiana K. & Chizhikova, Ksenia L. A Short Catalogue of Indian Manuscripts at the Institute of Oriental Studies RAS]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999, pp. 7–20 (in Russian).

Reasons behind the British Orientalist Cecil Bendall's Collaboration with the Russian Academic Publishing Series “Bibliotheca Buddhica”

Tatiana V. ERMAKOVA

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 13.05.2025.

Abstract: The paper discusses the reasons behind the British Orientalist Cecil Bendall's (1856–1906) collaboration with the Russian academic series “Bibliotheca Buddhica” (BB). The aim of the article is to define the criteria by which Bendall was chosen to publish the first issue of BB. His scholarly biography is analyzed. Teaching Sanskrit and compiling catalogues of the largest manuscript collections in Britain, Bendall became an experienced paleographer and publisher of original manuscripts. Bendall's scholarly connections with I.P. Minaev and his student S.F. Oldenburg are considered. As a result, it was established that Bendall was well known to Russian Orientalists as an expert in Sanskrit manuscripts, publisher and translator of written records. The author of the article uses documents from the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences that have not been published previously.

Key words: “Bibliotheca Buddhica”, Cecil Bendall, Asiatic Museum, S.F. Oldenburg, I.P. Minaev.

For citation: Ermakova, Tatiana V. “Reasons behind the British Orientalist Cecil Bendall's Collaboration with the Russian Academic Publishing Series ‘Bibliotheca Buddhica’ ”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 263–271 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692167.

About the author: Tatiana V. ERMAKOVA, Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (taersu@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5273-7870.

Письменные памятники Востока

Научный журнал

У ч р е д и т е л ь

Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей)

А д р е с у ч р е д и т е л я : Дворцовая наб., 18, Лит. А, Санкт-Петербург, 191181, Россия

Г л а в н ы й р е д а к т о р : член-корр. РАН Ирина Федоровна Попова

**К сведению читателей журнала
«Письменные памятники Востока»**

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу
«Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН
по адресу: 191181, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Лит. А — www.orientalstudies.ru

Над номером работали:

А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова,
А.Е. Танчарова, И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева

Сдано в набор 26.11.2025. Подписано к печати 08.12.2025. Дата выхода 24.12.2025. Формат 70×100¹/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 21,9. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 500 экз. Зак. № 139. Цена свободная.

А д р е с р е д а к ц и и и з д а т е л ь с т� а : 191181 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18,
Лит. А — www.orientalstudies.ru

А д р е с т и п о г р а ф и и : ООО «Литография». 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8,
офис. 14, Лит. А. www.litobook.ru, e-mail: info@litobook.ru. Тел. +7 (812) 712-02-08

«Письменные памятники Востока» – международное научное рецензируемое издание, специализирующееся на изучении письменного наследия Востока. С 1970 по 1987 г. оно выходило в формате ежегодника и издавалось Институтом восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН). В 2004 г. ИВР РАН возобновил «Письменные памятники Востока» как научный журнал; с 2015 г. выходит английская версия журнала; с 2016 г. он публикуется с периодичностью 4 раза в год. Издание сохраняет своим главным направлением изучение рукописного, старопечатного и архивного наследия народов Востока, а также широкого круга связанных с ним проблем истории, филологии, философии, источниковедения, историографии, кодикологии, палеографии, эпиграфики, текстологии.

The periodical “Pis’mennye pamiatniki Vostoka” is an international peer-reviewed journal, which is focused on the study of written legacy of Asia. From 1970 till 1987, it was published annually by the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. In 2004 the IOM, RAS resumed “Pis’mennye pamiatniki Vostoka” as an academic journal; in 2015 the English version of the journal appeared; since 2016 it has been published quarterly.

The main direction of the journal is the study of the manuscripts, early printed editions and archival heritage of the peoples of the Orient, as well as of a wide range of problems in history, philology, source study, historiography, codicology, palaeography, epigraphy, textology.

Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

09.00.00 Философские науки

09.00.03 История философии

09.00.14 Философия религии и религиоведение

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья

10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,aborigenov Америки и Австралии

Правила оформления рукописей представлены на сайте Института восточных рукописей РАН
www.orientalstudies.ru.

По вопросам публикации просим обращаться в редакцию журнала.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес: 181191, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Лит. А.

Тел.: (812) 315-87-28. Факс: (812) 312-14-65. E-mail: ppv@orientalstudies.ru

